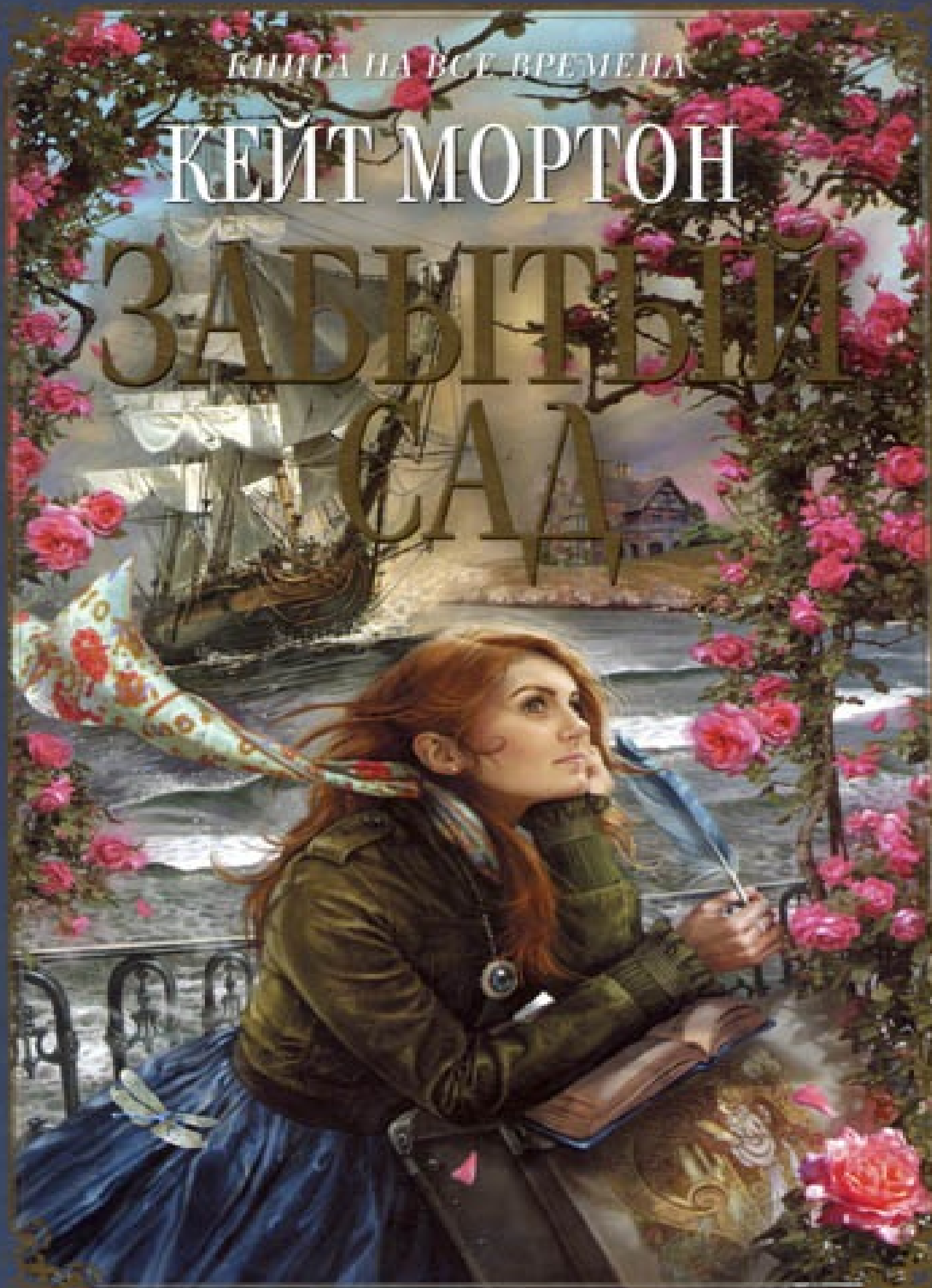

КНИГА НА ВСЕ ВРЕМЕНА

КЕЙТ МОРТОН

ЗАБЫТЫЙ САД

Annotation

Накануне Первой мировой войны на причале австралийского порта найдена маленькая девочка с детским чемоданчиком в руках. На корабль, пришедший из Англии, ее посадила загадочная дама, которую девочка знала под именем Сочинительница. Дама обещала заботиться о девочке, но исчезла без следа, и корабль отправился в плавание без нее. Девочка, забывшая свое настоящее имя, нашла приют в доброй семье, где ее стали называть Нелл.

В день совершеннолетия Нелл отец открывает тайну, связанную с ее появлением в семье. И это в корне меняет всю жизнь Нелл. Через много лет она принимает решение во что бы то ни стало раскрыть тайну своего происхождения. Но самого главного ей так и не удастся узнать...

После смерти Нелл ее внучка Кассандра получает неожиданное наследство — дом в Англии. Клифф-коттедж и его заброшенный сад хранят в себе немало тайн, разгадать которые и предстоит Кассандре, чтобы узнать истину.

-
- [Кейт МОРТОН](#)
 - [* * *](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Элиза Мейкпис](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)

- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Часть вторая](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Элиза Мейкпис](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
- [Часть третья](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Элиза Мейкпис](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Глава 48](#)
 - [Глава 49](#)
 - [Глава 50](#)

- [Глава 51](#)

- [Эпилог](#)

- [* * *](#)

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)

- [19](#)

- [20](#)

- [21](#)

- [22](#)

- [23](#)

- [24](#)

- [25](#)

- [26](#)

- [27](#)

- [28](#)

- [29](#)

- [30](#)

- [31](#)

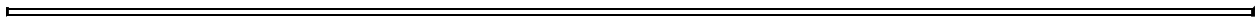
- [32](#)

- [33](#)

- [34](#)

- [35](#)

- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)

Кейт МОРТОН ЗАБЫТЫЙ САД

*Оливеру и Луи,
которые мне дороже всей золотой пряжи
Волшебной страны*

* * *

— Почему я должен принести именно три пряди королевы фей? — спросил юный принц старуху. — Почему не две или четыре?

Старуха наклонилась к нему, но прясть не перестала.

— Другого числа нет, дитя мое. Три — число времени. Разве не думаем мы о прошлом, настоящем и будущем? Три — число семьи. Разве не говорим мы о матери, отце и ребенке? Три — число фей. Разве не ищем мы их между дубом, ясенем и боярышником?

Юный принц кивнул, ибо слова мудрой старухи были истинны.

— Вот почему мне нужны три пряди, чтобы сплести волшебную косу.

Из «Волшебной косы» Элизы Мейкпис

Часть первая

Глава 1

Лондон, Англия, 1913 год

Там, где она пряталась, было темно и немного страшно, но маленькая девочка старалась слушаться госпожу, которая строго-настрого запретила ей выходить из укрытия. Пока небезопасно, она должна сидеть тихо, как мышь в кладовке. Девочка думала, что это игра вроде прятков, лапты или «картошки».

Она сидела за деревянными бочками, прислушивалась к доносившимся звукам и мысленно рисовала картинку происходящего. Когда-то этому научил ее отец. Мужчины вокруг громко перекрикивались. Девочка подумала, что эти грубые голоса, наполненные морем и солью, принадлежат морякам. Вдалеке слышались гулкие корабельные гудки, пронзительные судовые свистки и плеск весел, а в вышине, распластав крылья и впитывая разливающийся солнечный свет, галдели серые чайки.

Госпожа обещала скоро вернуться, и девочка очень ждала этого. Она пряталась так долго, что солнце переместилось по небу и согревало ее колени, проникая сквозь новое платьице. Девочка слушала: не шуршат ли юбки госпожи по деревянной палубе. Обычно ее каблуки дробно стучали и вечно спешили куда-то, совсем не так, как мамины. Девочка вспомнила о маме, рассеянно, мельком, как и положено ребенку, которого горячо любят. Когда же она придет? Затем мысли снова вернулись к госпоже. Она и раньше была с ней знакома, да и бабушка говорила о ней, называя Сочинительницей. Сочинительница жила в маленьком домике на окраине поместья, за колючим лабиринтом. Но об этом девочке знать не полагалось. Мама и бабушка запрещали ей играть в лабиринте и приближаться к утесу. Это было опасно. Все же иногда, когда за ней никто не присматривал, девочке нравилось нарушать запреты.

Солнечный луч забрезжил между двумя бочками, и сотни пылинок затанцевали в нем. Девочка вытянула палец, пытаясь поймать хоть одну.

Сочинительница, утес, лабиринт и мама мгновенно покинули ее мысли. Она смеялась, наблюдая за тем, как близко подлетают пылинки, прежде чем унести прочь.

Внезапно звуки вокруг изменились, шаги ускорились, голоса зазвенели от возбуждения. Девочка наклонилась, попав в завесу света, прижалась щекой к прохладной древесине бочек и одним глазком посмотрела сквозь доски.

Ей открылись чьи-то ноги, туфли, подола нижних юбок, хвосты разноцветных бумажных лент, развевающихся на ветру. Хитрые чайки рыскали по палубе в поисках крошек.

Огромный корабль накренился и низко заревел, словно из глубины своего чрева. Девочка затаила дыхание и прижала ладошки к полу. Волна колебаний прокатилась по доскам палубы, достигая кончиков ее пальцев. Мгновение неизвестности — и корабль натужно пошел прочь от пристани. Раздался прощальный гудок, пронеслась волна радостных криков и пожеланий «Bon voyage». ^[1] Они отправились в Америку, в Нью-Йорк, где родился ее папа. Девочка часто слышала, как взрослые шептались об отъезде. Мама убеждала папу, что ждать больше нечего и нужно уезжать как можно скорее.

Девочка снова засмеялась: корабль рассекал воду, точно гигантский кит Моби Дик из истории, которую часто читал отец. Мама не любила такие сказки. Она считала их слишком страшными и говорила, что в головке дочери не должно быть места подобным мыслям. Папа неизменно целовал маму в лоб, соглашался с ней и обещал в будущем быть осторожнее, но продолжал читать девочке об огромном ките. Были и другие любимые истории из книги волшебных сказок. Они рассказывали о сиротках и слепых старухах, о долгих путешествиях через море. Папа просил только не говорить маме. Девочка и сама понимала, что эти чтения нужно держать в секрете. Мама и так чувствовала себя неважно, она заболела еще до рождения дочери. Бабушка частенько напоминала девочке о том, что нужно хорошо себя вести, так как маме нельзя расстраиваться. С мамой может случиться нечто ужасное, и только девочка будет во всем виновата. Девочка твердо хранила в секрете волшебные сказки, игры у лабиринта и то, что папа водил ее в гости к Сочинительнице. Она любила маму и не хотела ее огорчать.

— Ага! — раздался голос над ухом. — Попалась!

Кто-то отодвинул бочку в сторону, и девочка зажмурилась от солнечных лучей. Она моргала, пока обладатель голоса не заслонил свет. Это был большой мальчик, восьми или девяти лет.

— Ты не Салли, — заключил он, разглядывая ее.

Девочка отрицательно покачала головой.

— Кто ты?

По правилам игры она не должна открывать свое имя незнакомцам.

— Ну?

— Секрет.

Он сморщил нос, и веснушки на его лице собрались вместе.

— Это еще почему?

Девочка пожала плечами. О Сочинительнице тоже нельзя было говорить.

— А где тогда Салли? — Мальчик начал терять терпение. Он огляделся по сторонам. — Она побежала сюда, я уверен.

Вдруг по палубе прокатился смех, раздался шорох и быстрые шаги. Лицо мальчика просветлело.

— Скорее! Не то удерет!

Девочка высунула голову из-за бочки. Она смотрела, как мальчик ныряет сквозь толпу, увлеченный погоней за вихрем белых нижних юбок.

У нее даже пальчики ног зачесались, так хотелось поиграть вместе с ними.

Но Сочинительница велела ждать.

Мальчик убежал все дальше. Он обогнул тучного мужчину с навощенными усами, отчего тот нахмурился и черты лица его сбежались к переносице, точно семейка перепуганных крабов.

Девочка засмеялась.

Может, все это часть той же игры? Сочинительница похожа на ребенка больше, чем другие взрослые. Вполне возможно, что она просто играет с ней.

Девочка выскользнула из-за бочек и попыталась выпрямиться. Левая нога так затекла, что ее пощипывало и покалывало. Пришлось подождать, пока пройдет онемение. В это время мальчик повернул за угол и исчез.

Более не рассуждая, девочка рванула за ним. Стучали пятки, сердце пело в груди.

Глава 2

Брисбен, Австралия, 1930 год

День рождения Нелл решили отпраздновать в здании сельского клуба. Сначала Хеймиш предложил новый танцзал на Гивен-террас, но Нелл, повторяя слова матери, заявила, что глупо идти на лишние расходы, особенно в такое трудное время. Хеймиш уступил, он настоял лишь на заказе особого кружева из Сиднея, которым дочь мечтала украсить платье. Жена поведала об этом перед своей смертью. В тот вечер Лил взяла мужа за руку и показала газетное объявление с адресом на Питт-стрит. Она пояснила, что это тончайшее кружево будет много значить для старшей дочери, каким бы экстравагантным оно ни казалось. Затем, когда придет время, его можно будет переставить на подвенечное платье. Жена улыбнулась, и ей снова стало шестнадцать. Он был покорен.

К тому времени мать и дочь шили праздничное платье. Уже пару недель. По вечерам Нелл возвращалась с работы из газетного киоска. После чая она доставала корзинку с шитьем и садилась у постели больной матери. Младшие девочки вяло пререкались на веранде, а москиты так густо висели в сыром и теплом воздухе, что казалось, от их гудения можно сойти с ума. Иногда мать с дочерью смеялись над чем-то произошедшим в газетном киоске, например над разговором Макса Фицсиммонса с покупателем или очередной жалобой миссис Блэкуэлл на здоровье. Отец слонялся у двери, набивал трубку табаком и слушал, как Нелл, понизив голос и раздумываясь от удовольствия, повторяла какие-нибудь слова Денни, его обещания о доме сразу после свадьбы, о машине, которую, по мнению его отца, удастся купить за гроши. Денни обещал и новейший миксер из универсального магазина Мак-Уиртерса.

Хеймиш любил Денни. Лучшего жениха для Нелл он и пожелать не мог. Пара была неразлучна с момента знакомства. Глядя на них, Хеймиш вспоминал свои первые годы с Лил. Они были молоды и счастливы, как

жаворонки. Будущее расстилалось перед ними чистым листом. И действительно, их брак оказался удачным. Бывали сложные времена, давно, еще до рождения девочек, но в итоге все складывалось хорошо...

Трубка набита, повода медлить больше нет, Хеймишу пора идти. Он нашел себе тихое местечко в конце веранды, темный уголок, где можно спокойно посидеть, насколько это вообще возможно в доме, полном шумных дочерей. А здесь лишь он да мухобойка на подоконнике, на случай, если комары подберутся слишком близко. Хеймиш погрузился в размышления о тайне, которую хранил долгие годы.

Он чувствовал, что время близится, и его напряжение нарастало. Дочери почти двадцать один, она взрослая женщина, вступающая в собственную жизнь. К тому же Нелл помолвлена, ни больше ни меньше. Она вправе знать правду.

Хеймиш никогда не говорил об этом с женой, заранее зная ее мнение. Меньше всего на свете он хотел, чтобы Лил волновалась, тратила последние дни на попытки отговорить его, как не раз случалось в прошлом.

Иногда, подбирая слова для признания, Хеймиш ловил себя на мысли, что лучше бы на месте Нелл была другая дочь. Он ругал себя за то, что завел любимицу, пусть и втайне от всех. Просто Нелл всегда была особенной, пылкой, с живым воображением, совсем не такой, как другие. Он часто думал, что и на Лил она похожа больше сестер, хотя, конечно, это невозможно.

Готовясь к празднику, на стропила повязали ленточки — белые, в цвет платья Нелл, и рыжие, в цвет ее волос. Старый деревянный зал, быть может, не обладал лоском и гляncем новых кирпичных городских зданий, но отдраен был что надо. Рядом со сценой четыре младшие сестры Нелл поставили стол для подарков, и на нем уже образовалась целая горка. Дамы из церкви приготовили ужин, а Этель Мортимер села за пианино и заиграла романтические мелодии военной поры.

Сначала гости смущенно стояли у стен, сбиваясь в стайки. Постепенно музыка нарастала и самые бойкие парни набирались храбрости. Молодежь разбивалась на пары и выходила в зал. Младшие сестры увлеченно наблюдали за этим, пока их не отправили на кухню носить подносы с едой.

Когда пришло время речей, щеки присутствующих горели, а каблуки сбились от танцев. Морси Макдоналд, жена священника, постучала по бокалу, добиваясь тишины. Все повернулись к Хеймишу, который стоял у стола с подарками и разворачивал маленький листок, лежавший до этого в нагрудном кармане. Он прокашлялся и провел рукой по волосам,

хранившим следы расчески. Ораторское искусство никогда не было его коньком. Он предпочитал не лезть в чужие дела и держать при себе свое мнение, позволяя болтать более крикливым приятелям. Но все же совершеннолетие дочери бывает раз в жизни. Долг отца поздравить ее. Хеймиш всегда выполнял свой долг и следовал правилам. Или почти всегда.

Он улыбнулся на замечание одного из своих портовых приятелей, сжал в ладонях листок и глубоко вдохнул. Один за другим он зачитывал пункты своего списка, написанные им черными буквами: как они с матерью всегда гордились Нелл; как радовались ее появлению; как он любит Денни. В довершение он добавил, что Лил, узнав перед кончиной о помолвке дочери, была особенно счастлива.

При упоминании о недавней смерти жены у Хеймиша защипало глаза, и он умолк. Мгновение он стоял, блуждая взглядом по лицам друзей и дочерей, и задержался на Нелл. Девушка улыбалась словам жениха, которые тот шептал ей на ушко. словно туча набежала на чело хозяина дома, и гостям показалось, что грядет какое-то важное объявление, но миг прошел. Лицо Хеймиша прояснилось, он вернул листок бумаги в карман. «Пора новому мужчине войти в семью, — подумал он, улыбаясь. — Глядишь, все и наладится».

Женщины хлопотали на кухне, предлагая гостям сэндвичи и чай, но Хеймиш лишь ненадолго задержался там. Кто-то проносился мимо, хлопал его по плечу, кричал: «Отлично сказано, приятель». Одна из дам сунула ему в руку чашку. Речь удалась, и все же Хеймиш не мог расслабиться. Его сердце отчаянно билось, он потел, хотя в комнате вовсе не было жарко.

Конечно, он знал причину: еще не все задуманное на этот день было выполнено. Когда он увидел, как Нелл одна выскользнула через боковую дверь на площадку, то ухватился за этот шанс. Хеймиш прочистил горло, нашел свободное место на столе с подарками, поставил чашку и вышел из теплой комнаты в прохладную ночь.

Девушка стояла у серебристо-зеленого ствола одинокого эвкалипта. Хеймиш подумал, что когда-нибудь горные склоны и овраги по обе стороны порастут этими чудесными деревьями. Верно, дивное зрелище будет: строй призрачных стволов в лунном свете.

Пора. Из-за своей слабости он тянет время, пытаясь уклониться от важного шага.

Пара черных летучих мышей бесшумно спикировала сквозь ночное небо. Хеймиш спустился по шатким деревянным ступенькам на мокрую от росы траву.

Дочь, видимо, услышала или почувствовала его шаги, так как обернулась с радостной улыбкой.

Он встал рядом, и девушка поведала, что думала о маме, гадала, с какой из звезд та наблюдает за ними.

Хеймиш чуть не расплакался. Черт побери, она только что впутала в это Лил! Предупредила, что жена все видит и не одобряет его намерения. Он почти слышал голос Лил и все ее прежние доводы...

Но он решился и не собирался отступать. В конце концов, сам когда-то заварил эту кашу, пусть и невольно. И теперь сам должен все объяснить. Все тайное становится явным, и будет лучше, если правду дочь узнает от него.

Он взял ладони Нелл и по очереди поцеловал их, крепко сжимая мягкие гладкие пальцы в своих загрубелых от работы руках.

Его дочь. Его первая дочь.

Она улыбнулась ему, сияющая в изысканном, отделанном кружевом платье.

Хеймиш улыбнулся в ответ.

Затем усадил ее рядом с собой на поваленный ствол эвкалипта, гладкий и белый. Он наклонился к уху дочери и прошептал секрет, который хранил вместе с женой семнадцать лет. Вспышка искажила лицо Нелл, когда она осознала смысл сказанного. Привычный для нее мир перевернулся, и та, кем она была раньше, исчезла в мгновение ока.

Глава 3

Брисбен, Австралия, 2005 год

Кассандра дневала и ночевала в больнице, хотя врач сказал, что бабушка вряд ли придет в себя. Слишком много ей было лет, и слишком велико было количество морфия в организме.

Пришла ночная медсестра, и Кассандра поняла, что день кончился. В больнице сложно угадать точное время: свет в вестибюле горит, телевизор включен, хоть экрана и не видно из палаты, тележки катаются туда-сюда вне зависимости от времени суток. Забавно, что заведение, где так важен распорядок, должно работать, напрочь выбиваясь из привычных временных ритмов.

И все же девушка надеялась. Смотрела на Нелл, утешала ее, пока та тонула в море воспоминаний, изредка всплывая, чтобы вновь глотнуть воздуха прошлого. Кассандре была невыносима мысль о том, что бабушка, одолев препятствия по дороге в настоящее, обнаружит, что балансирует на краю жизни одна.

Медсестра заменила пустой пакет из-под капельницы на полный, повернула диск на устройстве за кроватью и стала поправлять белье.

— Она ничего не пила. — Собственный голос показался Кассандре чужим. — Весь день.

Медсестра подняла взгляд, удивившись, что с ней заговорили. Она посмотрела поверх очков на кресло, в котором сидела Кассандра, укутав колени мягким сине-зеленым больничным одеялом.

— Вы меня напугали, — сказала она. — Вы здесь весь день провели, верно? Оно и лучше: уже недолго осталось.

Кассандра пропустила намек мимо ушей.

— Может, дать ей попить? Она, наверное, хочет пить.

Медсестра разгладила простыни и деловито подоткнула их под тонкие руки Нелл.

— Не хочет. На то ей и капельница поставлена, — ответила она, проверяя записи в карточке Нелл. — Дальше по коридору можно сделать чай, если хотите.

Медсестра ушла. Кассандра увидела, что глаза Нелл открыты и смотрят на нее.

— Кто ты?

— Это я, Кассандра.

После недолгого замешательства Нелл спросила:

— Я тебя знаю?

Врач предупреждал, но до чего больно было видеть это!

— Да, Нелл.

Бабушка смотрела на нее водянисто-серыми глазами. Она неуверенно моргнула.

— Я не могу вспомнить...

— Шшш... Все хорошо.

— Кто я?

— Тебя зовут Нелл Эндрюс, — сказала Кассандра, беря старушку за руку. — Тебе девяносто пять лет. Ты живешь в старом доме в Паддингтоне.

Губы Нелл дрожали — она пыталась сосредоточиться и понять смысл сказанного.

Кассандра взяла салфетку с прикроватного столика и осторожно вытерла нитку слюны с подбородка своей бабушки.

— У тебя есть лавка в антикварном центре на Латроубтеррас. Она принадлежит нам обеим. Там продаются старые вещи.

— Я тебя знаю, — тихо сказала Нелл. — Ты дочка Лесли.

Девушка удивленно моргнула. Они редко говорили о ее матери, едва ли хоть раз за все время, что Кассандра росла. И за последние десять лет, которые она прожила в квартире на нижнем этаже дома Нелл после возвращения, ни разу не поднимали эту тему. Они, не сговариваясь, решили не ворошить прошлое, которое по разным причинам предпочитали забыть.

Нелл заговорила. Ее встревоженные глаза изучали лицо Кассандры.

— Где мальчик? Надеюсь, не здесь. Он здесь? Я не хочу, чтобы он трогал мои вещи. Ломал их.

У Кассандры закружилась голова.

— Это дорогие вещи. Не подпускай его к ним.

Запинаясь, девушка подыскивала ответные слова.

— Нет... Нет, не подпущу. Не волнуйся, Нелл. Его здесь нет.

Позже, когда бабушка снова впала в беспамятство, Кассандра

задумалась над жестокой способностью рассудка ворошить прошлое. Почему в конце жизни голова Нелл должна звенеть от голосов давно умерших людей? Всегда ли так происходит? Неужели каждый, кто взял билет на безмолвный корабль смерти, неизменно ищет на палубе лица тех, кто отчалил раньше?

Кассандра, должно быть, уснула, потому что в следующее мгновение больница оказалась во власти ночи. Свет в вестибюле погас, повсюду слышались отзвуки сна. Девушка осела в кресле, шея ее затекла, а лодыжка, высунувшаяся из-под тонкого одеяла, замерзла. Было поздно, и Кассандра устала. Что разбудило ее?

Нелл, ее дыхание, ставшее громким. Она не спала. Кассандра метнулась к кровати и присела на краешек. В полумраке глаза Нелл казались стеклянными, выцветшими и мутными, как вода с пятнами краски. Тонкая нить ее голоса почти перетерлась. Сначала Кассандра не расслышала слов и подумала, что губы бабушки беззвучно шевелятся, повторяя давно забытые слова. Потом она осознала, что Нелл говорит вслух.

— Госпожа, — произнесла она, — госпожа велела ждать...

Кассандра погладила Нелл по теплomu лбу, откинула мягкие пряди волос, которые когда-то блестели, точно серебряная пряжа. Опять эта госпожа!

— Она не будет против, — сказала Кассандра. — Госпожа не будет возражать, если ты уйдешь.

Губы Нелл сжались, потом задрожали.

— Мне нельзя шевелиться. Она велела ждать здесь, на корабле. — Старушка еле шептала. — Госпожа... Сочинительница... Не говори никому.

— Шшш, — успокоила ее Кассандра. — Я никому не скажу, Нелл, я не скажу госпоже. Можешь идти.

— Она обещала вернуться за мной, но я не послушалась. Я не сидела там, где мне сказали.

Бабушка вдруг начала задыхаться. Кассандра запаниковала.

— Прошу тебя, не волнуйся, Нелл, пожалуйста. Все хорошо. Обещаю. Голова старушки упала набок.

— Я не могу идти... Я не должна была... Сочинительница...

Кассандра нажала на кнопку вызова помощи, но над кроватью не загорелся ни один огонек. Девушка помедлила, прислушиваясь к шагам в коридоре. Веки Нелл трепетали, она ускользала прочь.

— Я позову медсестру...

— Нет! — Нелл слепо потянулась, стараясь схватить Кассандру. — Не

бросай меня!

Старушка безмолвно заплакала. Слезы влажно блестели на ее сереющей коже.

Кассандра прикусила губу.

— Все хорошо, бабушка. Я схожу за помощью. Я скоро вернусь, обещаю.

Глава 4

Брисбен, Австралия, 2005 год

Дом, казалось, знал о смерти хозяйки и если не горевал по ней, то, по крайней мере, погрузился в угрюмую тишину. Нелл никогда особо не любила ни гостей, ни вечеринки (мыши на кухне шумели больше, чем внука), так что дом понемногу привык жить без суматохи. И для него стало настоящим ударом, когда вскоре после смерти Нелл неожиданно, без всяких предупреждений, появились ее родственники. Они начали бродить по комнатам и саду, потягивая чай и роняя крошки. Ссутулившись на склоне холма, совсем спрятавшись за большим антикварным центром, дом стоически переносил это последнее оскорбление.

Разумеется, все устроили тетки. Кассандра прекрасно обошлась бы без суеты, почтив память бабушки в одиночестве, но тетки и слышать об этом не хотели. Они решили, что по Нелл непременно нужно справить поминки. Семья захочет выразить соболезнования, как и друзья Нелл. Кроме того, это просто принято.

Кассандра была не в силах противостоять столь бесхитростной убежденности. Раньше она вступила бы в спор, но не теперь. К тому же теток невозможно было остановить. Все они были куда более энергичны, чем позволяет предположить их немалый возраст (самой молодой, тете Хетти, не меньше семидесяти пяти). Так что Кассандра оставила дурные предчувствия, не стала говорить, что друзей у Нелл не было и занялась делом. Она разобрала чайные чашки и блюда нашла десертные вилки, убрала часть безделушек Нелл, чтобы теткам было где сесть. Девушка позволила им хлопотать со всеми положенными помпой и самодовольством.

На самом деле они не были тетками Кассандры. Они были тетками ее матери, младшими сестрами Нелл. Но Лесли это родство было ни к чему, и тетки быстро приняли Кассандру под крыло вместо нее.

Девушка ожидала, что, возможно, мать приедет в крематорий после начала церемонии. При этом, как всегда, будет выглядеть на тридцать лет моложе, чем на самом деле, притягивая восхищенные взоры. Прекрасная, молодая и невероятно беззаботная.

Но она не явилась. Тогда Кассандра предположила, что придет открытка с картинкой, не соответствующей поводу. Она представила крупный затейливый почерк матери, привлекающий внимание, с набегаящими друг на друга строчками, и внизу под текстом — множество поцелуев, из тех, что легко раздаются.

На кухне Кассандра набрала в раковину воду и окунула туда руки.

— Что ж, думаю, все прошло превосходно, — сказала Филлис, старшая после Нелл и куда более властная. — Нелл понравилось бы.

Кассандра отвела глаза.

— Ну, — продолжила тетка, на мгновение прервавшись, чтобы вытереть тарелку, — если бы до сестры все-таки дошло, что поминки — дело нужное. — Внезапно ею овладел материнский инстинкт. — А ты как поживаешь?

— Нормально.

— Ты исхудала. Не забываешь есть?

— Ем три раза в день, как положено.

— Тебе не мешает поправиться. Приходи на чай завтра вечером, я приглашу семью, приготовлю картофельную запеканку с мясом.

Кассандра не стала возражать.

Филлис подозрительно оглядела старую кухню, отметив взглядом провисшую вытяжку.

— Тебе не страшно здесь одной?

— Нет, не страшно...

— И все же одиноко. — Филлис сморщила нос в искреннем сочувствии. — Несомненно, одиноко. Понятное дело, ведь вы с Нелл были очень близки.

Подтверждения она ждать не стала, лишь положила веснушчатую руку на предплечье Кассандры и слегка надавила, продолжая ободрительно щебетать:

— У тебя все будет хорошо. Знаешь почему? Всегда больно терять близкого человека, но легче, если он стар. Так устроена жизнь. Куда хуже, если он молод...

Тетка умолкла, ее плечи напряглись, а щеки покраснели.

— Да, — быстро согласилась Кассандра, — конечно.

Девушка перестала мыть чашки и обернулась, чтобы посмотреть через

кухонное окно на задний двор. Мыльная пена стекала по ее пальцам, по золотому браслету, который она забыла снять.

— Надо бы заняться прополкой. Не то тропинка зарастет настурциями. Филлис охотно сменила тему разговора.

— Я пришлю Тревора помочь. — Ее узловатые пальцы сжали руку Кассандры еще крепче — Как насчет следующей субботы?

В этот миг, шаркая, вошла тетя Дот. Она принесла из гостиной очередной поднос грязных чашек. С дребезжанием плюхнув его на стойку, Дот прижала тыльную сторону пухлой ладошки ко лбу.

— Наконец-то, — сказала она, моргая на Кассандру и Филлис через невероятно толстые стекла очков. — Последний.

Она вразвалочку подошла к кухонной стойке и открыла круглую коробку из-под торта.

— Я даже проголодалась.

— Ах, Дот, — всплеснула руками Филлис, ухватившись за возможность сделать сестре внушение. — Ты только что поела!

— Час назад.

— А как же твой желчный пузырь? Я думала, ты следишь за весом.

— Слежу. Я сбросила семь фунтов с Рождества.

Она вернула пластиковую крышку на место, выпрямилась и обхватила немаленькую талию обеими руками. Встретив подозрительный взгляд сестры, Дот добавила:

— Правда-правда сбросила.

Кассандра скрыла улыбку и продолжила мыть чашки. Тетки были одна круглее другой. Они унаследовали склонность к полноте от мамы, а та — от своей матери. Нелл единственная избежала семейного проклятия и пошла в долговязого и тощего отца-ирландца. Они всегда забавно смотрелись вместе — высокая стройная Нелл и ее пухлые сестры-коротышки.

Филлис и Дот продолжали пререкаться. Кассандра по опыту знала, что, если не провести отвлекающий маневр, ссора будет разгораться, пока одна из них не бросит кухонное полотенце и не вылетит из дома в глубоком возмущении. Девушка уже видела это прежде и все же не могла привыкнуть к тому, что определенные фразы и слишком долгие взгляды мгновенно оживляют давний разлад. Будучи единственным ребенком, Кассандра считала проторенные тропки взаимодействия сестер равно пленительными и ужасными. К счастью, остальных теток уже разобрали по домам их домочадцы, так что некому было подбросить дровишек в огонь этого спора.

Кассандра деликатно покашляла.

— Знаете, я кое-что хотела спросить... — Девушка чуть повысила голос и почти завоевала внимание. — О Нелл. О том, что она сказала в больнице.

Филлис и Дот повернулись, обе с пылающими щеками. Упоминание о сестре, похоже, усмирило их, напомнило, почему они здесь собрались.

— Спросить о Нелл? — повторила Филлис.

Кассандра кивнула.

— В больнице, перед самым концом, бабушка говорила о женщине. Она называла ее госпожой, Сочинительницей. Похоже, Нелл казалось, что они на каком-то корабле.

Филлис поджала губы.

— Ее рассудок блуждал, она не знала, что говорит. Возможно, воображала себя героиней какого-то телешоу. Кажется, ее любимый сериал снимали на корабле.

— Ах, Филл... — покачала головой Дот.

— Уверена, что помню, как сестра говорила об этом!

— Да ладно, Филл, — оборвала ее Дот. — Нелли больше нет. Что уж теперь!

Филлис сложила руки на груди и с сомнением запыхтела.

— Надо ей рассказать, — мягко настаивала Дот. — Какой в этом вред? Теперь-то.

— Рассказать мне что?

Кассандра переводила взгляд с одной на другую. Она просто хотела предотвратить очередную семейную сцену и никак не ожидала обнаружить странный намек на тайну. Тетки так сосредоточились друг на друге, что, казалось, забыли о присутствии девушки.

— Рассказать мне что? — повторила она.

Дот подняла брови, глядя на Филлис.

— Лучше пусть узнает от нас, чем от кого-нибудь постороннего.

Филлис едва заметно кивнула, встретила взгляд сестры и мрачно улыбнулась. Общая тайна вновь сделала их союзницами.

— Хорошо, Касс. Ты лучше присядь, — наконец сказала она. — Дотти, милая, поставь чайник. Сделай нам по чашечке.

Кассандра прошла вслед за Филлис в гостиную и села на диван. Филлис разместила свой широкий зад на другом конце дивана и затеребила торчащую из обивки нитку.

— Даже не знаю, с чего начать. Я так давно об этом не вспоминала.

Кассандра пришла в замешательство.

— О чем — об этом?

— То, что я собираюсь тебе рассказать, — наша большая семейная тайна. У всех семей есть тайны, не сомневайся, просто у некоторых они больше. — Филлис нахмурилась, глядя в сторону кухни. — Почему Дот так долго? Медлительна, как черепаха.

— В чем дело, Филл?

Тетка вздохнула.

— Я обещала себе, что больше никому не расскажу. В семье и так все пошло наперекосяк. Лучше бы папа промолчал. Думал, что правильно поступает, бедняжка.

— Что же он сделал?

Если Филлис и слышала, то виду не подала. Это ее история, и она расскажет ее так, как считает нужным.

— Мы были счастливой семьей. Не слишком зажиточной, но вполне счастливой. Мама, папа и мы, девочки. Нелли была самой старшей, как ты знаешь. Затем, лет через десять после Первой мировой, начали появляться остальные.

Она улыбнулась.

— Ты не поверишь, но Нелли была жизнью и душой семьи. Мы все восхищались ею. Мы, младшие, полагали ее кем-то вроде матери, особенно когда мама заболела. Нелл так заботливо ухаживала за ней.

Кассандра вполне могла это представить, но вот насчет того, что ее бабушка со своим колючим характером была жизнью и душой семьи...

— Что же произошло?

— Долгое время мы сами не знали. Так решила Нелл. Все в нашей семье изменилось, а мы и не догадывались почему. Наша старшая сестра стала чужой и, казалось, разлюбила нас. Не в один миг, не так драматично. Она просто отстранилась, мало-помалу отделилась от нас. Это было так странно, так больно, но из отца нельзя было вытянуть ни слова, сколько мы ни приставали к нему. Мой муж, благослови его боже, наконец-то вывел нас к истине. Не нарочно, конечно. Он вовсе не собирался раскрывать секрет Нелл. Просто вообразил себя любителем истории, вот и все. Решил составить фамильное древо, когда родился наш Тревор, в том же году, что и твоя мама, — в тысяча девятьсот сорок седьмом.

Филлис умолкла и пронзила Кассандру взглядом, ожидая, что та интуитивно проникнет в суть тайны, которую ей предстоит услышать. Но Кассандра не проникла.

— Однажды он пришел ко мне на кухню, как сейчас помню, и поделился тем, что не может найти упоминание о рождении Нелл в

регистрационной книге. «Ну конечно не можешь, — сказала я. — Нелли родилась в Мэриборо до того, как семья собрала пожитки и переехала в Брисбен». Оказалось, что Дуг тоже так думал, но, когда запросил сведения из канцелярии Мэриборо, ему ответили, что данных нет.

Филлис многозначительно посмотрела на Кассандру.

— То есть Нелл не существовало. По крайней мере, официально.

Кассандра подняла глаза: Дот пришла из кухни и протянула ей чашку чая.

— Я не понимаю.

— Ну конечно не понимаешь, детка, — сказала Дот, усаживаясь рядом с Филлис. — Мы тоже очень долго не понимали. — Она покачала головой и вздохнула. — Пока не поговорили с Джун на свадьбе Тревора, правильно, Филли?

Та кивнула.

— В тысяча девятьсот семьдесят пятом. Я безумно злилась на Нелл. Мы совсем недавно потеряли отца, и вот мой старший сын, племянник Нелли, женится, а она даже не соизволила явиться. Вместо этого укатила отдыхать. Вот почему когда я говорила с Джун, я от души нажаловалась на Нелл.

Кассандра запуталась, она никогда особо не разбиралась в обширной паутине дружеских и родственных связей теток.

— Какая еще Джун?

— Одна из наших кузин, — пояснила Дот, — с маминой стороны. Ты наверняка с ней встречалась. Она примерно на год старше Нелл. В детстве они были не разлей вода.

— Уж это точно, — фыркнула Филлис, — ведь только с ней Нелл поделилась, когда все произошло.

— Что и когда произошло? — спросила Кассандра.

Дот наклонилась к ней.

— Папа рассказал Нелл...

— Папа рассказал Нелл то, чего не следовало, — быстро вставила Филлис. — Думал, что правильно поступает, бедолага. И сожалел об этом всю оставшуюся жизнь, ведь их отношения так и не стали прежними.

— Папа всегда обожал Нелл.

— Он всех нас любил! — рывкнула Филлис.

— Ах, Филл! — Дот закатила глаза. — Даже сейчас не можешь признать! Нелл была его любимицей, чего уж тут крутить. Ирония судьбы, что ни говори.

Филл не ответила, поэтому Дот, захватив нить разговора, радостно

продолжила:

— Это случилось в вечер ее двадцать первого дня рождения, — сказала она. — После праздника...

— И вовсе не после праздника, — возразила Филлис, — а во время его. — Тетка повернулась к Кассандре. — Полагаю, отец счел праздник подходящим случаем, чтобы рассказать все Нелл перед началом ее новой жизни. Она была обручена, собиралась выйти замуж. Не за твоего дедушку, за другого мужчину.

— Серьёзно? — удивилась Кассандра. — Она никогда мне не говорила.

— Он был ее настоящей любовью, как мне кажется. Местный парень, совсем не такой, как Эл.

Последнее имя Филлис произнесла с толикой неприязни. Все знали, что тетки недолго любили американского мужа Нелл. Ничего личного, скорее общее презрение горожан, которым было не по душе, что во время Второй мировой армейские заявили в Брисбен, пытаясь увлечь местных красоток полными карманами денег и щеголеватой формой.

— И что случилось? Почему она не вышла за него?

— Нелл разорвала помолвку через несколько недель после того дня рождения, — ответила Филлис. — Вот горе-то! Нам всем ужасно нравился Денни, а она разбила ему сердце, бедняжке. В конце концов он женился на другой, перед самой Второй мировой. Но счастья ему это не принесло. Парень так и не вернулся из схватки с японцами.

— Отец велел Нелл не выходить за него? — спросила Кассандра. — Тем вечером он запретил ей выходить за Денни?

— Вряд ли, — усмехнулась Дот. — Папа считал, что краше Денни во всем белом свете молодца нет, наши мужья и в подметки ему не годились.

— Тогда почему она порвала с ним?

— Она не назвала причину даже своему жениху. Мы чуть не рехнулись, пытаясь все выяснить, — ответила Филлис. — Мы знали только, что Нелл не говорила об этом с папой и с Денни она ничего не обсуждала.

— Мы долго не знали правды, пока Филли не поговорила с Джун, — добавила Дот.

— Почти через сорок пять лет.

— Что сказала Джун? — спросила Кассандра. — Что случилось на празднике?

Филлис отпила чаю и подняла брови, глядя на девушку.

— Папа сказал Нелл, что она им не родная дочь.

— Ее удочерили?

Тетки обменялись взглядами.

— Не совсем, — ответила Филлис.

— Скорее, ее нашли, — добавила Дот.

— Взяли.

— Забрали.

Кассандра нахмурилась.

— Где нашли?

— На пристани в Мэриборо, — ответила Дот. — Там, где причаливали большие корабли из Европы. Сейчас их там и в помине нет. Полно других портов намного крупнее, а большинство людей и вовсе предпочитают летать...

— Папа ее нашел, — перебила Филлис. — Когда она была совсем крошкой, перед самой Первой мировой. Люди толпами бежали из Европы, и мы с радостью принимали их здесь, в Австралии. Корабли приходили в порт через день. Папа был в то время начальником порта. Он следил, все ли путешественники являются теми, за кого себя выдают, и приехали именно туда, куда собирались. Некоторые из них не умели говорить по-английски. Насколько я поняла, однажды днем началась настоящая суматоха. Корабль пришел в порт из Англии после кошмарного путешествия: тиф, инфекции, солнечные удары, всего хватало. Когда судно причалило, на борту оказался лишний багаж и неучтенные пассажиры. Просто беда. Конечно, папа со всем разобрался, он всегда умел наводить порядок, но засиделся дольше обычного. Он еще раз все проверил, рассказал ночному сторожу, что случилось, и объяснил, откуда в конторе лишний багаж. Тогда папа и увидел чью-то фигурку на пристани. Маленькая девочка, не старше четырех лет, сидела на детском чемоданчике.

— И на мили вокруг — ни души. — Дот покачала головой. — Она была совсем одна!

Разумеется, он попробовал выяснить, кто она такая, но девочка не ответила. Заявила, что не знает, не может вспомнить. На чемодане не было бирки с именем, и содержимое его ни о чем не говорило, по крайней мере ему. Было уже поздно, темнело, погода начинала портиться. Понятно было, что девочка проголодалась. В конце концов папа решил забрать ее домой. А что еще ему оставалось? Он же не мог просто бросить ее на пристани в дождливую ночь.

Кассандра покачала головой, пытаясь соотнести усталую и одинокую девочку из рассказа с той Нелл, которую знала.

— По словам Джун, на следующий день отец вернулся на работу,

ожидая увидеть обезумевших родственников, полицию и следствие...

— Но никого не нашел, — закончила Дот. — День за днем ничего не происходило, никто не интересовался девочкой.

— Как будто она не оставила следа. Конечно, родители пытались выяснить, кто она такая, но в город приезжало столько людей... Горы бумаг. Так легко было что-то потерять.

— Или кого-то.

Филлис вздохнула.

— Поэтому они оставили девочку себе.

— А что еще они могли сделать?

— И позволили ей считать себя их ребенком.

— Одной из нас.

— Пока ей не исполнился двадцать один год, — сказала Филлис. — Тогда папа решил, что Нелл должна узнать правду: что она найденыш и все, что при ней было, — это детский чемоданчик.

Кассандра тихо сидела, пытаясь осознать услышанное. Она обхватила пальцами теплую чашку.

— Наверное, ей было ужасно одиноко.

— В точку, — сказала Дот. — Такой долгий путь — и совсем одна. Неделя за неделей на большом корабле, а потом на ветру на пустой пристани.

— И потом тоже.

— В каком смысле? — нахмурилась Дот.

Кассандра сжала губы. Действительно, в каком смысле? Ее точно волной окатила уверенность в одиночестве бабушки. Словно в тот миг перед ней мелькнула важная сторона Нелл, которой она прежде не знала. Точнее, она внезапно поняла ту сторону Нелл, которую знала очень хорошо: ее замкнутость, независимость, колючий нрав.

— Должно быть, ей стало очень одиноко, когда она поняла, что не та, кем считала себя прежде.

— Да, — удивленно согласилась Филлис. — Признаюсь, я сперва не поняла. Когда Джун все рассказала, я решила, что это ничего не меняет. Почему же Нелл позволила своей жизни так ужасно измениться? Мама и папа искренне любили ее, мы, младшие, обожали свою старшую сестру; она и мечтать не могла о лучшей семье.

Тетка облокотилась на ручку кресла, подперла голову рукой и устало потерла левый висок.

— Однако время шло, и я начала понимать... как обычно. Мы принимаем как должное то, что на самом деле очень важно: семью,

кровные узы, прошлое... Все это делает нас теми, кто мы есть. А папа отобрал это у Нелл. Не специально, но отобрал.

— И все же Нелл должно было стать легче оттого, что вы наконец узнали правду, — сказала Кассандра. — Все стало немного проще.

Филлис и Дот обменялись взглядами.

— Вы ведь сказали ей, что узнали?

Филлис нахмурилась.

— Я несколько раз чуть не сказала, но у меня просто не хватило слов, я не могла так поступить с Нелл. Она столько лет не говорила ни одной из нас. Заново построила свою жизнь вокруг тайны, так усердно хранила ее. Казалось... не знаю... почти жестоким обрушить эти стены. Все равно что второй раз выбить почву из-под ее ног.

Тетка покачала головой.

— Хотя я, наверное, преувеличиваю. Нелл была страшна в гневе, возможно, у меня просто не хватило смелости.

— Твоя смелость или ее отсутствие здесь ни при чем, — твердо сказала Дот. — Мы все согласились с тем, что так лучше, Филли. Сестра сама так хотела.

— Наверное, ты права, — признала Филлис. — Все равно логичный вопрос. А поводы были, конечно. Например, в тот день, когда Дуг вернул чемодан.

— Незадолго до своей смерти, — объяснила Кассандре Дот, — папа попросил мужа Филли забросить Нелл чемоданчик. Нам, конечно, ни гу-гу, что за чемоданчик такой. Отец не хуже Нелл умел хранить секреты. Представляешь, сколько лет он его прятал? Все содержимое на месте, совсем как в тот день, когда он ее нашел.

— Забавно, — сказала Филлис. — Едва я увидела чемодан, как вспомнила историю, рассказанную Джун. Я подумала, что это, наверное, тот самый чемоданчик, на котором папа впервые увидел Нелл бог знает сколько лет назад. Но все время, что он лежал в глубине папиной кладовки, мне было на него наплевать. Я не связывала его с Нелл и ее происхождением. Если бы я хоть разочек подумала, то удивилась бы, зачем вообще мама и папа купили такой смешной чемодан. Белая кожа с серебряными пряжками. Крошечный, детского размера...

И хотя Филли продолжила описывать чемоданчик, она могла бы не беспокоиться, потому что Кассандра прекрасно знала, как он выглядит.

Более того, она знала, что в нем лежит.

Глава 5

Брисбен, Австралия, 1976 год

Кассандра поняла, куда они едут, когда на заправке мать опустила окно автомобиля и велела служащему залить полный бак. Мужчина что-то сказал, и мать кокетливо захихикала. Он подмигнул Кассандре и скользнул взглядом по длинным коричневым ногам матери в обрезанных джинсовых шортах. Кассандра привыкла, что мужчины глазеют на мать, и ей уже было все равно. Она предпочла отвернуться и подумать о бабушке Нелл, к которой они ехали. Единственной причиной, по которой мать когда-либо заливала в машину бензина больше чем на пять долларов, была часовая поездка по Юго-Восточной автостраде в Брисбен.

Кассандра всегда благоговела перед Нелл. Она видела ее всего пять раз, но бабушка была не из тех, кого легко забыть. Во-первых, она была самой старой из всех, кого знала Кассандра. И не улыбалась, как другие люди, отчего казалась весьма величественной и грозной. Лесли особо не говорила о Нелл. Но как-то раз, когда Кассандра лежала в кровати, а мать ругалась с дружкой, который был еще перед Ленем, парень обозвал Нелл ведьмой, и, хотя Кассандра к тому времени уже перестала верить в волшебство, возникший образ остался с ней навсегда.

Нелл действительно была похожа на ведьму. У нее были длинные серебристые волосы, собранные в узел на затылке. Бабушка жила в Паддингтоне, в тесном деревянном доме на склоне холма. Лимонно-желтая краска облезла со стен, а сад разросся. В доме обитали кошки, которые всюду следовали за ней по пятам. Нелл немигающим взглядом смотрела прямо перед собой, словно готовилась наложить заклятие в любую минуту.

Их авто с опущенными окнами промчалось по Логан-роуд. Лесли подпевала радио — передавали новую песню «АББА», которую часто крутили в шоу «Каунтдаун».^[2] Переехав реку Брисбен, они обогнули центр города и закружили по Паддингтону с его грибами-поганками из рифленого

железа, врезанными в холмы. За Латроб-террас, после крутого спуска, стоял дом Нелл, где-то в середине улицы.

Лесли резко остановила машину и выключила зажигание. Кассандра медлила какое-то мгновение. Жаркое солнце светило сквозь ветровое стекло, обжигая ноги. Тыльная сторона коленок прилипла к виниловому сиденью. Девочка выпрыгнула из машины вслед за мамой и встала рядом с ней на мостовой, невольно разглядывая высокий, обшитый деревом дом, возвышающийся перед ними.

Сбоку бежала потрескавшаяся бетонная дорожка. Наверху была парадная дверь, но много лет назад кто-то огородил лестницу, закрыв вход, и Лесли сказала, что ни разу не видела, чтобы дверью кто-то пользовался. «Нелл это нравится, — добавила она. — Так никто не зайдет на огонек, думая, что его ждут». Ржавая водосточная труба была такой старой, что даже шаталась. В ее середине красовалась большая дыра, через которую в ливень, должно быть, вытекали целые ведра воды. Однако в тот день дождем и не пахло, теплый бриз создавал лишь легкую музыку ветра.

— Господи, какая вонючая дыра этот Брисбен! — сказала Лесли, качая головой и глядя поверх больших солнечных очков с бронзовым отливом. — Слава богу, я отсюда уехала.

Со стороны дорожки донесся шум. Гладкая светло-коричневая кошка окинула новоприбывших негостеприимным взглядом. Заскрипели петли ворот, послышались шаги. Подле кошки возникла высокая среброволосая фигура. Кассандра затаила дыхание: Нелл. Все равно что встретиться лицом к лицу с героиней собственных фантазий.

Они стояли и смотрели друг на друга. Никто ничего не говорил. Кассандру охватило странное чувство, будто она присутствует при загадочном ритуале взрослых, который не вполне понимает. Она удивилась, что все стоят и молчат и никто не делает следующий шаг. Нелл первая нарушила тишину.

— Мне казалось, ты обещала сначала позвонить.

— Я тоже рада тебя видеть, мама.

— Я как раз разбираю коробки для аукциона. Повсюду вещи, присесть негде.

— Ничего, справимся. — Лесли щелкнула пальцами в сторону Кассандры. — Твоя внучка умирает от жажды, на улице чертовски жарко.

Девочка неловко поежилась и уставилась в землю. Было что-то странное в поведении матери, какая-то нервозность, к которой она не привыкла и не могла объяснить. Кассандра услышала, как бабушка медленно выдохнула.

— Что ж, — сказала Нелл, — тогда вам лучше зайти.

Бабушка не преувеличила размер беспорядка. Пол был усеян скомканными газетами, целыми горами мятых газет. На столе, словно на островке посреди моря газетной бумаги, стояло множество безделушек из фарфора, стекла и хрусталя. «Брикабрак», — подумала Кассандра, с удовольствием припоминая звучное слово.

— Я поставлю чайник, — сказала Лесли, уплывая на кухню.

Нелл и Кассандра остались вдвоем, и пожилая женщина уставилась на девочку в своей обычной загадочной манере.

— Ты подросла, — наконец вымолвила она. — Но все еще слишком тощая.

Это правда, дети в школе часто говорили то же самое.

— Я была такой же тощей, как ты, — добавила Нелл. — Знаешь, как отец называл меня?

Кассандра пожала плечами.

— Везучие ножки. Везучие — потому что не переломились пополам.

Нелл принялась снимать чашки с крючков, прибитых к старомодному шкафчику.

— Чай или кофе?

Шокированная Кассандра покачала головой. Хотя в мае ей исполнилось десять, она все еще была маленькой девочкой и не привыкла, чтобы ей предлагали взрослые напитки.

— Фруктового сока или шипучки у меня нет, — предупредила Нелл, — и вообще ничего такого.

К девочке вернулся дар речи.

— Я люблю молоко.

Нелл моргнула.

— Молоко в холодильнике, я его покупаю для кошек. Бутылка скользкая, так что не урони на пол.

Когда разлили чай, мать велела Кассандре не путаться под ногами. Она сказала, что день слишком ясный и солнечный и нечего девочке сидеть взаперти. Бабушка добавила к этому, что можно поиграть в подвале, но только ничего не трогать. И уж конечно, не заходить в квартиру вниз.

Стояла несусветная австралийская жара, и дни, казалось, следовали друг за другом без промедления. Вентиляторы лишь гоняли туда-сюда горячий воздух, цикады оглушительно стрекотали. Даже дышать было тяжело, оставалось лишь лежать на спине и ждать, пока пройдут январь и

февраль, пронесутся мартовские грозы и наконец хлынут первые апрельские дожди.

Но Кассандра не задумывалась об этом. Она была ребенком и обладала детской стойкостью к причудам климата. Девочка закрыла за собой дверь-ширму и пошла по дорожке в задний сад. Цветы красного жасмина облетели и жарились на солнце, черные, высохшие и сморщенные. Она шла по ним туфлями. Ей даже нравилось видеть эти цветочные оспины пятен на светлом бетоне.

Девочка дошла до верхней лужайки, села на железную скамейку и взглянула вниз на сад и ветхий дом, принадлежащие ее необычной бабушке. Она гадала, о чем говорят мать и Нелл, почему они приехали сюда именно сегодня. Но сколько бы Кассандра ни прокручивала эти вопросы в голове, ответы не приходили.

Через какое-то время девочка отвлеклась на сад. Вопросы испарились, и она принялась собирать пузатые стручки недотроги. Черная кошка следила за ней издали, притворяясь равнодушной. Набрав неплохую коллекцию, Кассандра взобралась на нижний сук дерева манго в дальнем углу двора и, осторожно сжимая стручки в руке, начала вскрывать их один за другим. Ей нравилось, как прохладные липкие семена падают сквозь пальцы. Забавно было, когда пустой стручок шлепнулся между лапами кошки. Та встрепелась и энергично взялась за него, приняв за кузнечика.

Когда все стручки опустели, Кассандра вытерла руки о шорты и окинула взглядом окрестности. По ту сторону проволоочной изгороди стояло большое белое прямоугольное здание. Кассандра знала, что это паддингтонский театр, хотя в тот момент он был закрыт. Где-то поблизости ее бабушка держит антикварный магазин. Кассандра уже была в нем однажды в один из их неожиданных визитов в Брисбен. Ее оставили с Нелл, пока мать ходила на встречу с кем-то.

В своей лавке бабушка позволила внучке отполировать серебряный чайный сервиз. Кассандре нравился запах полировочной пасты, нравилось смотреть, как тряпочка становится черной, а чайник — блестящим. Нелл даже объяснила часть меток: лев означает серебро, голова леопарда — Лондон, письмо — год изготовления. Совсем как тайный код. На той же неделе, когда они вернулись, Кассандра обыскала свой дом в надежде найти серебро, отполировать и расшифровать его для Лесли. Но ничего не нашла. С тех пор она и не вспоминала, как ей понравилось это занятие.

День тянулся медленно, листья манго начали провисать от жары, а стрекот застревал у сорок в горле. Кассандра отправилась обратно по садовой дорожке. Девочка увидела силуэты мамы и Нелл на тонкой сетке

двери — они сидели все там же, — затем продолжила обходить дом. За углом была большая деревянная раздвижная дверь на полозьях, и, когда Кассандра потянула за ручку, дверь открылась, обнаружив прохладное сумрачное пространство под домом.

Темнота так контрастировала с яркой улицей, что казалось, за порогом лежит другой мир. Кассандра задрожала от волнения, когда вошла внутрь. Места было много, но Нелл постаралась заполнить его. Коробки самых разных размеров и форм были сложены от пола до потолка с трех сторон, а к четвертой прислонялись разнообразные окна и двери, некоторые — с разбитыми стеклянными вставками. Единственным свободным местом был дверной проем в середине дальней стены, ведущий в комнату, которую Нелл называла квартирой. Кассандра заглянула внутрь и увидела, что комната размером со спальню. Самодельные полки, тяжелые от старых книг, занимали две стены, в углу стояла раскладная кровать, на которую было накинуто покрывало из лоскутов красного, белого и голубого цветов. Маленькое окошко было единственно возможным источником света, но кто-то неаккуратно заколотил его досками. Кассандра предположила, что это меры, принятые для защиты от грабителей. Хотя она не представляла, на что здесь можно польститься.

Ей ужасно хотелось лечь на кровать, ощутить прохладу лоскутного покрывала разгоряченной кожей. Но Нелл сказала ясно: «Играть внизу можно, а в квартиру заходить нельзя». Кассандра привыкла слушаться. Вместо того чтобы войти внутрь и рухнуть на кровать, она повернула прочь и пошла туда, где какой-то ребенок давным-давно начертил на бетонном полу «классики». Кассандра огляделась в поисках камешка, парочку отвергла, прежде чем остановилась на подходящем, гладком, без зазубренных краев, которые могли бы препятствовать точности попадания.

Девочка кинула камешек — он идеально приземлился в середину первого квадрата — и начала прыгать. Она дошла до номера семь, когда голос бабушки, острый, как стекло, донесся с верхнего этажа.

— Что ты за мать?

— Не хуже, чем ты была!

Кассандра замерла, балансируя на одной ноге посреди квадрата, и прислушалась. Повисло молчание, по крайней мере, больше ничего не было слышно. Скорее всего, они снова приглушили голоса, вспомнив, что до соседей всего несколько метров. Лен все время напоминал, когда они с Лесли ссорились, что нечего выносить сор из избы. Похоже, им было все равно, что Кассандра слышит каждое слово.

Девочка зашаталась, потеряла равновесие и опустила вторую ногу,

всего на долю секунды, и тут же вновь подняла. Даже Трейси Уотерс, которая славилась среди пятиклассниц как самый строгий арбитр игры в «классики», не осудила бы ее и позволила бы продолжить, но Кассандре уже расхотелось играть. Ее смутил тон маминого голоса. К тому же у нее заболел живот.

Девочка отбросила камешек в сторону и вышла из квадратов.

Возвращаться на улицу не хотелось — там было слишком жарко. По большому счету, ей хотелось только читать. Забраться в Зачарованный лес по Тридевятому дереву или вместе с Великолепной пятеркой проникнуть в «Вершину контрабандиста».^[3] Она так и видела свою книгу рядом с подушкой, там, где оставила ее утром. «Вот дурочка, что не взяла с собой», — услышала она голос Лена, как бывало всегда, когда совершала глупость.

Тогда она вспомнила о полках Нелл, о рядах старых книг в квартире. Разве Нелл будет возражать, если она выберет одну и сядет почитать? Она будет осторожной, ничего не испортит и вернет все на свои места.

В квартире сильно пахло пылью и временем. Кассандра обвела взглядом ряды красных, зеленых, желтых книжных корешков, ожидая, что нужный заголовок бросится в глаза. На третьей полке перед книгами в луче солнечного света вытянулась полосатая кошка. Кассандра только сейчас заметила ее и задумалась, откуда та взялась, как сумела незаметно пробраться в квартиру. Кошка словно почуяла, что за ней наблюдают, привстала на передних лапах и окинула Кассандру величественным взглядом. Затем единым плавным движением соскочила на пол и исчезла под кроватью.

Кассандра проследила за ней. Интересно, каково двигаться столь легко и исчезать столь бесследно? Девочка моргнула. А может, и не бесследно. В том месте, где скрылась кошка, показался прямоугольный кусочек чего-то маленького и белого.

Кассандра опустилась на пол, приподняла край покрывала и заглянула под кровать. Там стоял крошечный старый чемоданчик. Крышка была закрыта неплотно, и Кассандра увидела часть того, что хранилось внутри: бумаги, белая ткань, голубая лента.

Решимость овладела ею, внезапно пришло ощущение, что она должна точно узнать содержимое, пусть даже еще больше нарушив запрет Нелл. Замирая от волнения, она выдвинула чемоданчик, откинула крышку на кровать и принялась разглядывать вещи.

Серебряная щетка для волос, старая и уж конечно драгоценная, с маленькой головой леопарда (Лондон!), выбитой рядом со щетиной.

Хорошенькое белое платьице, из тех старомодных одежек, которые Кассандра никогда не видела, совсем не похожее на те, что носила сама. Одноклассницы высмеяли бы ее, если бы она надела такое. Пачка бумаг, перевязанных выцветшей голубой лентой. Кассандра легким движением пальцев распустила бант и развела концы ленты, чтобы посмотреть, что внутри.

Рисунок, черно-белый эскиз. Женщина удивительной красоты стояла в садовой арке. Даже не в арке, а в увитом листьями проеме, входе в живой тоннель. «Лабиринт», — внезапно подумала девочка. Странное слово легко всплыло у нее в голове.

Множество маленьких черных штрихов, словно по волшебству, сливались в рисунок. Кассандре стало интересно, каково это: создать подобную вещь. Образ показался удивительно знакомым, и сначала она не поняла отчего. Но потом сообразила: женщина была похожа на героиню детской книжки, на иллюстрацию к старинной волшебной сказке, деву, которая превращается в принцессу, когда прекрасный принц узнает ее в потрепанных лохмотьях.

Кассандра положила эскиз рядом на пол и взялась за остальные бумаги. Там были конверты с письмами и тетрадь, полная линованных страниц, которые кто-то заполнил записями на знакомом языке таким размашистым и витиеватым почерком, что его сложно было прочесть. В конец тетради были вложены буклеты, выдранные журнальные страницы, а также фотография мужчины, женщины и маленькой девочки с длинными косами. Кассандра никого из них не узнала.

Под тетрадью она нашла книгу волшебных сказок. Обложка была из зеленого картона с золотыми буквами: «Волшебные сказки для девочек и мальчиков Элизы Мейкпис». Кассандра повторила имя автора, наслаждаясь его таинственным шелестом на губах. Она открыла книгу и внутри, на фронтисписе,^[4] увидела еще одно изображение той же женщины, хотя на нем она почему-то казалась другой, менее оживленной и более старомодной. Кассандра открыла первую сказку и перепугала чешуйниц,^[5] бросившихся врассыпную. Время выжелтило страницы и обтрепало их края. Бумага была ветхой на ощупь, а когда девочка коснулась загнутого уголка, он чуть осыпался и превратился в пыль.

Кассандра ничего не могла с собой поделать. Она свернулась калачиком на раскладной кровати. Отличное место для чтения, прохладное, тихое и укромное. Девочка всегда пряталась во время чтения, хотя понятия не имела почему. Словно боялась прослыть ленивой или узнать, что столь

приятное занятие является вредным.

И все же Кассандра не удержалась. Упала, как в кроличью норку, в полную магии и тайн сказку о принцессе, которая жила со слепой старухой в домике на краю темного леса. Принцесса была куда более храброй, чем она. Кассандра думала, что, даже когда вырастет, не сможет стать такой, как принцесса.

Ей оставалось дочитать всего две страницы, когда шаги наверху вновь привлекли внимание.

Идут.

Она быстро села и перекинула ноги через край кровати на пол. Ей отчаянно хотелось дочитать, узнать, что случилось с принцессой. Но ничего не поделаешь. Девочка разровняла бумаги, затолкала все обратно в чемодан и засунула его под кровать, уничтожив все следы своего непослушания.

Она выскользнула из квартиры, подняла камешек и снова направилась к квадратам «классиков».

Когда мама и Нелл появились в раздвижной двери, Кассандра весьма убедительно изобразила, будто весь день играла в классики. И даже не думала заходить в квартиру.

— Иди сюда, малышка, — сказала Лесли.

Кассандра смахнула пыль с шортов и недоверчиво подошла к матери, которая обняла ее за плечи.

— Повеселилась?

— Да, — осторожно ответила Кассандра.

Неужели она узнала?

Но мать не сердилась. Совсем наоборот, вид у нее был торжествующий. Лесли посмотрела на Нелл.

— Я же тебе говорила! Она может сама о себе позаботиться.

Та не ответила, и мама продолжила:

— Ты немного побудешь с бабушкой, Касси. Считаю это приключением.

Вот так сюрприз; наверное, у мамы есть еще дела в Брисбене.

— А обедом меня покормят?

— Будут кормить каждый день, пока я не вернусь за тобой.

Острые края камешка врезались в кончики пальцев Кассандры. Девочка переводила взгляд с матери на бабушку. Это игра? Мама шутит? Она ждала, что Лесли рассмеется.

Но та не смеялась, а только смотрела на Кассандру широко распахнутыми голубыми глазами.

Кассандра не знала, что и сказать.

— Я не захватила пижаму, — наконец выдавила она.

Ее мать улыбнулась, быстро, широко, с облегчением, и Кассандра поняла, что критический момент миновал.

— Не волнуйся, глупышка. Я собрала тебе сумку, она в машине. Разве могла я тебя забросить без сумки?

Все это время Нелл холодно молчала и смотрела на Лесли, как казалось девочке, с явным неодобрением. Кассандра подумала, что бабушка не хочет, чтобы она оставалась. Лен, всегда говорит, что маленькие девочки вечно путаются под ногами.

Лесли поспешила к машине и просунула руку в открытое окно, чтобы достать с заднего сиденья сумку с вещами. Интересно, когда она успела собрать ее и почему не позволила Кассандре сделать это самой?

— Держи, малышка, — сказала мать, кидая сумку дочери. — Там для тебя сюрприз: новое платье. Лен помог мне выбрать его.

Она выпрямилась и обратилась к Нелл:

— Всего неделя или две, я обещаю. Вот только выясним отношения с Леном. — Лесли взъерошила Кассандре волосы. — Твоя бабушка очень хочет, чтобы ты пожила с ней. Настоящие, классные летние каникулы в большом городе. Потом будет что рассказать в школе.

Нелл улыбнулась, но невесело. Кассандра заметила, что бабушка часто так улыбается. Как и она сама, когда мать обещает что-нибудь очень желанное, но невозможное.

Лесли чмокнула ее в щеку, сжала ладошку дочери и испарилась прежде, чем Кассандра успела обнять ее, пожелать приятного пути и спросить, когда именно она вернется.

Позже Нелл приготовила ужин: жирные свиные сосиски, картофельное пюре и мягкий горошек из банки, и они поели в узкой комнате рядом с кухней. На окнах в доме бабушки не было москитных сеток, как в жилище Лена на Берли-Бич, вместо них на подоконнике лежала пластмассовая мухобойка. Нелл не давала спуску комарам или мухам. Ее атаки были такими стремительными и меткими, что кошка, дремавшая на коленях, не успевала пошевелиться.

Пока они ели, низкий вентилятор, стоявший на холодильнике, гонял туда-сюда плотный влажный воздух; Кассандра отвечала на редкие бабушкины вопросы как можно вежливее, пока пытка ужином не закончилась. Девочка помогла вытереть посуду, затем Нелл отвела ее в ванную и пустила чуть теплую воду.

— Хуже холодной ванны зимой, — сухо заметила Нелл, — только горячая ванна летом.

Она вынула коричневое полотенце из шкафа и положила его на бачок унитаза.

— Выключи воду, когда дойдет до этой линии.

Нелл указала на трещину в зеленом фаянсе и выпрямилась, поправляя платье.

— Ну как, справишься? — спросила она.

Кассандра кивнула и улыбнулась. Она надеялась, что отвечала на вопросы верно, со взрослыми не всегда угадаешь. Девочка знала, что обычно им не нравится, когда дети проявляют свои чувства, по крайней мере дурные. Лен часто напоминал Кассандре, что хорошие дети должны улыбаться и учиться держать свои черные мысли при себе. Однако Нелл не такая. Кассандра интуитивно почувствовала, что бабушка живет по другим правилам. И все же лучше не рисковать.

Потому она и не упомянула о зубной щетке, точнее, ее отсутствии. Лесли всегда забывала подобные вещи, когда они проводили время вне дома, и Кассандра знала, что за неделю-другую ничего страшного с зубами не случится. Девочка скрутила волосы в узел и завязала их на макушке резинкой. Дома она надевала мамину шапочку для душа, но сомневалась, есть ли такая у Нелл, а спрашивать не хотела. Она забралась в ванну и уселась в прохладную воду, сжав колени и закрыв глаза. Кассандра слушала плеск воды о стенки ванны, гул электрической лампочки и писк комара где-то над ухом.

Девочка довольно долго так сидела и неохотно вылезла, только когда поняла, что, если еще помедлить, Нелл может прийти за ней. Вытерлась, аккуратно повесила полотенце на стойку душа, выровняла края и облачилась в пижаму.

Она нашла Нелл в застекленной комнате. Бабушка заправляла кушетку простынями и одеялом.

— Здесь обычно не спят, — сказала Нелл, взбивая подушку. — Матраса все равно что нет, а пружины жестковаты, но ты же маленькая беспризорница. Тебе будет удобно.

Кассандра серьезно кивнула.

— Я ненадолго. Всего на неделю или две, пока мама и Лен не выяснят отношения.

Нелл угрюмо улыбнулась. Она редко это делала, и мышцы вокруг ее рта напряглись. Она оглядела комнату, затем снова посмотрела на Кассандру.

— Что-нибудь еще нужно? Стакан воды? Лампу?

Кассандре хотелось спросить, нет ли у Нелл запасной зубной щетки, но слова застревали в горле. Так что она просто отрицательно покачала головой.

— Тогда прыгай в кровать, — сказала Нелл, отгибая угол одеяла.

Кассандра послушно скользнула на кровать, и Нелл подоткнула простыни. Они оказались неожиданно мягкими, приятно затертыми, с незнакомым, но чистым запахом.

Нелл помедлила.

— Ну ладно. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Свет погас, и Кассандра осталась одна.

В темноте незнакомые звуки стали громче: машины на далеком горном склоне, телевизор в одном из соседних домов, шаги Нелл в другой комнате. За окном ветер громко играл свою музыку, и Кассандра почувствовала вдруг, что в воздухе пахнет эвкалиптом и гудроном. Надвигалась гроза.

Девочка съежилась под покрывалами. Она не любила грозу за непредсказуемость. Хорошо бы гроза рассеялась, не успев по-настоящему разразиться. Она заключила с собой пари: если успеет сосчитать до десяти, прежде чем следующая машина прогудит на соседнем холме, все будет хорошо, гроза закончится быстро и мама заберет ее через неделю.

Раз. Два. Три... Она не жульничает, не спешит... Четыре. Пять. Пока ничего, половина уже позади... Шесть. Семь... Дыхание учащается, машин по-прежнему нет, почти в безопасности... Восемь...

Внезапно ее осенило: в сумке есть карманы! Мама не забыла, она просто сунула щетку в карман, так надежнее.

Кассандра выскользнула из кровати, когда порыв ветра ударился об оконное стекло, и пошла на цыпочках по полу, неожиданно холодному под босыми ногами — в щелях между досками гуляли сквозняки.

В небе над домом зловеще гроыхнуло, затем оно эффектно озарилось. Небо казалось опасным, напоминало Кассандре о ненастье в волшебной сказке, которую она читала днем. Там страшная буря гналась за маленькой принцессой до самого домика старухи.

Кассандра опустила на колени, роаясь в одном кармане за другим, надеясь нащупать знакомые очертания зубной щетки.

Начали падать крупные капли дождя, они громко застучали по рифленой железной крыше. Сначала редко, затем все чаще, пока не слились в единый гул.

Может, проверить карманы еще раз? Щетка очень маленькая, могла провалиться внутрь, так что она ее не заметила. Девочка глубоко засунула руки, доставая из сумки все подряд, так, на всякий случай. Щетки не было.

Кассандра заткнула уши, когда очередной раскат грома сотряс дом. Она встала, прижала руки к груди, смутно сознавая собственную худобу и нелогичность всех этих поисков, побежала к кровати и забралась под покрывало.

Дождь лил с отвесов крыши, ручьями бежал по окнам, хлестал из провисших водосточных желобов, которые не ожидали такого натиска.

Кассандра тихо лежала под покрывалом, обхватив себя руками. Несмотря на теплый сырой воздух, по ее плечам бежали мурашки. Она знала, что должна постараться уснуть, чтобы утром не быть усталой и раздражительной. Кому приятно жить с брюзгой?

Но как она ни старалась, сон не шел. Она считала овец, про себя напевала песенки о желтых подводных лодках, лимонах и апельсинах, о заморских садах, рассказывала себе волшебные сказки. И все же ночь, казалось, будет длиться вечно.

Вспыхнула молния, хлынул дождь, гром разорвал небо, и Кассандра заплакала. Слезы, которые только ждали случая, хлынули под темной завесой дождя.

Сколько времени прошло, прежде чем она заметила тень в дверном проеме? Минута? Десять?

Кассандра подавилась всхлипом, удерживая его, пока горло не запылало огнем.

Послышался шепот и голос Нелл:

— Я пришла проверить, закрыто ли окно.

В темноте Кассандра затаила дыхание, вытирая глаза уголком простыни.

Нелл приблизилась, Кассандра ощутила странную энергию, которая возникает, когда другой человек стоит рядом, но не касается тебя.

— Что случилось?

Горло Кассандры по-прежнему отказывалось пропускать слова.

— Дело в грозе? Ты напугана?

Кассандра покачала головой.

Нелл чопорно села на край кушетки, ее сорочка натянулась. Еще одна вспышка молнии — и Кассандра увидела лицо бабушки, узнала мамины глаза с чуть опущенными уголками.

Всхлип наконец вырвался.

— Зубная щетка, — проговорила она сквозь слезы. — У меня нет

зубной щетки.

Нелл мгновение изумленно глядела на нее, а затем обняла Кассандру. Девочка сперва вздрогнула от внезапности, неожиданности жеста, но тут же обмякла. Она наклонилась вперед, опустила голову на мягкое, пахнущее лавандой тело Нелл, плечи девочки дрожали, а теплые слезы лились на бабушкину ночную рубашку.

— Ну же, ну же, — шептала Нелл, глядя Кассандру по волосам. — Успокойся. Мы найдем тебе другую.

Она повернула голову, посмотрела на дождь, заливавший окна, и прижалась щекой к макушке Кассандры.

— Ты справишься, слышишь? У тебя все будет хорошо. Все будет хорошо, — добавила бабушка.

И хотя Кассандра не могла поверить, что когда-нибудь все будет хорошо, ей все же стало легче от слов Нелл. Что-то в бабушкином голосе подсказывало, что Кассандра не одна, что Нелл понимает, как ужасна ночь наедине с грозой, в незнакомом месте.

Глава 6

Мэриборо, Австралия, 1913 год

Хотя он поздно вернулся из порта, похлебка была еще теплой. Лил, храни ее боже, не из тех, кто кормит мужа остывшей едой. Хеймиш вылил в рот последнюю ложку супа и откинулся на спинку стула, почесывая шею. Над рекой и городом прокатился далекий гром. Еле уловимый сквозняк поколебал свет лампы, выманивая из углов комнатные тени. Хеймиш проследил за ними взглядом: они прыгали по столу, вдоль стен, по двери. Мрак и свет поочередно танцевали на коже блестящего белого чемоданчика.

Потерянные чемоданы — обычное дело. Но маленькая девочка? Как мог ребенок оказаться на пристани один-одинешенек? И насколько он успел разглядеть, прелестный ребенок. Очаровательная мордашка, рыжеватые светлые волосы, точно золотая пряжа, и синие-пресиние глаза. А смотрит так, будто внимательно слушает и понимает все, о чем ты говоришь, и все, о чем молчишь.

Дверь на спальную веранду открылась, и в воздухе образовались мягкие знакомые очертания Лил. Она осторожно закрыла за собой дверь и пошла по коридору. Лил попыталась забрать надоедливую прядь за ухо, но непокорный локон снова прыгнул на место. Хеймиш наблюдал этот жест с момента их знакомства.

— Она уснула, — сказала Лил, когда дошла до кухни. — Боялась грома, но все же задремала. Бедный ягненочек до смерти устал.

Хейм отнес миску к скамье и опустил в теплую воду.

— Ничего удивительного, я и сам устал.

— По тебе видно. Давай лучше я вымою.

— Ничего, я справлюсь, любимая. Иди, я скоро.

Но Лил не ушла. Он чувствовал ее спиной, понимал, как учатся понимать с опытом, что она хочет что-то добавить. Ее невысказанные слова

висели в воздухе. У Хеймиша заняла шея. Волна предыдущих разговоров откатилась и мгновение помедлила, готовясь вновь нахлынуть. Прозвучавший наконец голос Лил был тих:

— Не надо со мной цацкаться, Хейм.

Он вздохнул:

— Я знаю.

— Я справлюсь. Не впервой.

— Конечно справишься.

— Вот только не надо держать меня за инвалида.

— Я не держу, Лил.

Он повернулся к жене лицом и увидел, что она стоит у дальнего края стола, опустив руки на спинку стула. Он понимал, что ее поза говорит: «я выстою», «все как прежде». Но Хеймиш слишком хорошо знал жену, знал, что ей больно. Знал и то, что он, черт побери, ничего не может исправить. Как любит повторять доктор Хантли, век живи, век надейся. Но легче от его слов не становится ни Лил, ни ему.

Она уже стояла рядом с ним, мягко отодвигая его бедром. От кожи Лил сладко и грустно пахло молоком.

— Иди ложись, — сказала она. — Я скоро.

От ее наигранной веселости у Хеймиша кровь застыла в жилах, но он подчинился.

Жена не обманула, долго не задержалась, и он смотрел, как она смывает с кожи дневную усталость, надевает через голову ночную рубашку. Хотя Лил стояла спиной, Хеймиш чувствовал, как осторожно она расправляет ткань на груди, на все еще раздутом животе.

Она подняла глаза и поймала его за разглядыванием. С лица мигом исчезла беззащитность, Лил приняла оборонительную позицию.

— Что?

— Ничего.

Он сосредоточился на руках, на мозолях и ожогах от веревки, приобретенных за портовые годы.

— Я только думал о малышке на веранде, — сказал он. — Интересно, кто она? Так и не назвала своего имени?

— Говорит, что не знает. Сколько бы я ни спрашивала, только смотрит в ответ, ужасно серьезная, и говорит, что не помнит.

— Как по-твоему, она врет? Некоторые безбилетники чертовски хорошо врут.

— Хейм, — возмутилась Лил. — Она не безбилетник, она еще совсем крошка.

— Не злись, любимая. Я только спросил. — Он покачал головой. — Нелегко поверить, что она могла все забыть.

— Я уже слышала о таком, называется амнезия. Отец Рут Хафпенни получил ее, когда упал в шахту. Она бывает от падений и всякого такого.

— Думаешь, она могла упасть?

— Синяков я на ней не нашла, но ведь всякое бывает.

— Ладно, — сказал Хейм. Вспышка молнии озарила углы комнаты. — Завтра подумаю.

Он сменил позу, лег на спину и уставился в потолок.

— Она не может быть ничьей, — тихо добавил он.

— Да. — Лил потушила лампу, погрузив комнату в темноту. — Наверное, кому-то ее ужасно не хватает.

Она перекатилась на другой бок, как и каждую ночь, повернулась к Хеймишу спиной, не впуская его в свое горе. Сквозь простыню ее голос звучал глуше.

— Но я вот что скажу: они ее не заслуживают. Ужасная беспечность, как можно потерять дитя?

Лил смотрела через окно: на заднем дворе две маленькие девочки бегали туда-сюда под веревкой с бельем и смеялись, когда прохладные влажные простыни шлепали их по лицам. Они снова пели очередную песенку Нелл. Песни — единственное, что не ускользнуло из ее памяти, она знала их множество.

Нелл. Так ее теперь называли, в честь мамы Лил, Элеоноры. Надо же было ее как-то называть? Забавная крошка по-прежнему не могла сказать своего имени. Сколько бы Лил ни спрашивала, она лишь широко распахивала большие синие глаза и говорила, что не помнит.

После первых нескольких недель Лил перестала задавать ребенку этот вопрос. По правде говоря, она была даже рада, что девочка забыла, как ее зовут. Лил не хотела представлять Нелл с другим именем, не с тем, что они дали ей. Нелл. Оно так хорошо подходило ей, любой подтвердил бы. Почти как если бы девочка родилась с ним.

Они и так приложили все силы, чтобы узнать, кто и откуда этот ребенок. Невозможно требовать большего. И хотя сперва Лил говорила себе, что заботится о Нелл временно и приютила ее, пока не объявятся настоящие мама и папа, с каждым новым днем женщина все больше убеждалась, что никаких родных у ребенка не существует.

Жизнь всех троих потекла легко и просто. После семейного завтрака Хеймиш уходил на работу, а они с Нелл занимались домом. Лил

обнаружила, что ей нравится иметь за собой маленький хвостик, нравится показывать девочке разные вещи и объяснять, как они работают. Нелл была настоящей почемушкой. Она спрашивала, почему солнце прячется ночью, почему языки пламени не выскакивают из камина, почему реке не скучно все время течь по одному и тому же руслу, а Лил нравилось давать ответы, смотреть, как личико Нелл светлеет от объяснений. Впервые женщина считала себя полезной и нужной, а свою жизнь — более наполненной.

С Хеймишем тоже наладилось. Напряжение, которое в последние несколько лет возникло между ними, начало спадать. Они перестали быть подчеркнуто вежливыми, спотыкаться о старательно подобранные слова, словно два незнакомца, вынужденно живущие вместе. Они даже начали иногда снова смеяться, непринужденно, как смеялись прежде.

Что до Нелл, то она нырнула в жизнь с Хеймом и Лил, точно утка в Мэри-ривер. Соседские дети быстро развели, что в округе появилась новенькая, и Нелл была вне себя от счастья, получив возможность играть с другими детьми. Маленькая Бет Ривс теперь каждый день прибегала к забору. Лил нравилось слушать, как две девочки играют вместе. Она каждый раз ждала, предвкушала миг, когда тоненькие голоса завизжат и засмеются на ее дворе.

Нелл была невероятной фантазеркой. Лил часто слышала, как она описывает долгие и запутанные ролевые игры. Ровный открытый двор становился в воображении Нелл волшебным лесом с колючими кустами и лабиринтами и даже с домиком на краю пропасти. Лил узнавала в описаниях Нелл места из детской книги волшебных сказок, которую они нашли в белом чемодане. Лил и Хейм по очереди читали ее девочке на ночь. Сказки сначала казались Лил слишком страшными, но Хейм убедил ее в обратном. Нелл также ничуть не казалась напуганной.

Со своего места у кухонного окна Лил видела, что в эти истории и играют дети. Бет слушала, широко распахнув глаза, а Нелл вела ее по воображаемому лабиринту, порхая вокруг в белом платице. Солнечные лучи превратили ее длинные рыжие косы в золото.

Нелл будет скучать по Бет, когда они переедут в Брисбен, но, несомненно, заведет новых друзей. С детьми всегда так. Переезд стал очень важен для них. Лил и Хейм не могли вечно говорить всем вокруг, что Нелл — их племянница с севера. Рано или поздно соседи начнут недоумевать, почему девочка не едет домой, и интересоваться, сколько еще она будет жить в их семье.

Нет, Лил все было ясно. Они втроем должны начать жизнь с чистого листа, где-нибудь, где их не знают. В большом городе, где люди не задают

лишних вопросов.

Глава 7

Брисбен, Австралия, 2005 год

Брезжило утро ранней весны, Нелл умерла ровно неделю назад. Свежий ветер шелестел по кустам, ворошил листья, так что их бледные изнанки переворачивались навстречу солнцу, подобно детям, которые, внезапно оказавшись в центре внимания, разрываются между робостью и удовольствием.

Чай в кружке Кассандры давно остыл. После последнего глотка она поставила ее на бетонный карниз и забыла. Артели деловитых муравьев, чей путь был прегражден, пришлось предпринять обходной маневр: вверх по краю кружки и через ручку на другую сторону.

Но Кассандра их не замечала. Сидя на шатком стуле на заднем дворе рядом со старой прачечной, она внимательно изучала заднюю стену дома. Не мешало бы покрасить. Трудно поверить, что прошло уже пять лет с последнего ремонта. Специалисты считают, что обшитый досками дом надо красить заново каждые семь лет. Нелл не разделяла этих убеждений. За все время жизни с бабушкой Кассандра ни разу не видела, чтобы дом покрасили целиком. Нелл любила говорить, что нечего тратить кучу денег на то, чтобы соседям нравился вид из окон.

Задняя стена, однако, совсем другое дело. По словам Нелл, лишь ее никто, кроме них, не видит. Так что пока передняя боковые стены шелушились под палящим квинслендским солнцем, задняя являлась олицетворением красоты. Каждые пять лет доставались палитры красок, масса времени и беспокойства уходила на обсуждение достоинств нового цвета. Пока Кассандра жила здесь, стена успела побывать бирюзовой, лиловой, ярко-красной, аквамариновой. Однажды на ней даже появилось что-то вроде фрески, хоть и несанкционированной...

Кассандре было девятнадцать, и жизнь улыбалась ей. Она училась на втором курсе художественного колледжа, ее спальня превратилась в

мастерскую, так что каждый вечер приходилось пролезать к кровати через мольберт. Она мечтала переехать в Мельбурн, чтобы изучать историю искусств.

Бабушка не одобряла этот план.

— Ты можешь изучать историю искусств и в Квинслендском университете, — говорила она всякий раз, когда поднималась эта тема. — Незачем тащиться на юг.

— Я не могу вечно жить дома, Нелл.

— А никто тебя и не просит. Просто подожди немного, сперва встань на ноги.

Кассандра указала на свои ноги, обутые в «доки».

— Уже стою.

Нелл даже не улыбнулась.

— Мельбурн — дорогой город, и я не могу себе позволить платить за то, чтобы ты снимала там жилье.

— Я собираю стаканы в «Паддо тав» вовсе не для забавы, ты же знаешь.

— Ха, они столько платят, что о Мельбурне можешь еще лет десять не думать.

— Ты права.

Нелл вздернула подбородок и подозрительно выгнула бровь, гадая, с чем связана эта внезапная капитуляция.

— Мне никогда самой не накопить столько денег. — Кассандра прикусила губу, пряча заискивающую улыбку. — Вот бы кто-нибудь дал мне займы! Кто-нибудь, кто любит меня и хочет, чтобы я следовала за мечтой...

Нелл подняла коробку фарфора, который собиралась отнести в антикварный центр.

— Я не намерена стоять и ждать, пока ты загонишь меня в угол, девочка.

Кассандра нащупала долгожданную брешь в некогда однозначном отказе.

— Поговорим об этом позже?

Бабушка закатила глаза к потолку.

— Боюсь, что да. И снова, и снова, и снова.

Нелл шумно вздохнула, давая понять, что тема закрыта, по крайней мере пока.

— Ты все приготовила для задней стены? — спросила она внучку.

— Проверь.

— Не забывай красить доски новой кистью. Я не желаю следующие пять лет смотреть на остатки щетины на моей стене.

— Да, Нелл. Я уточню на всякий случай: надо ли макать кисть в краску, прежде чем красить доски?

— Бесстыжая девчонка!

В тот день, как только Нелл вернулась из антикварного центра, она сразу завернула за угол дома и замерла как вкопанная, обозревая новый блестящий покров стены.

Кассандра отступила в ожидании и сжала губы, чтобы не рассмеяться.

Ярко-красный был изумителен, но бабушка смотрела на черную деталь, которую девушка добавила в дальнем углу. Сходство было потрясающим: Нелл сидела на своем любимом стуле и держала в воздухе чашку исходящего паром чая.

— Кажется, я загнала тебя в угол, Нелл. Я не специально, просто увлеклась.

Лицо Нелл было непроницаемым.

— Я собираюсь нарисовать себя рядом с тобой. Так ты не забудешь, что мы вместе, даже когда я буду в Мельбурне.

И тогда губы Нелл чуть дрогнули. Она покачала головой, поставила на пол коробку, которую принесла из лавки обратно, и вздохнула.

— Ты бесстыжая девчонка, это точно, — сказала бабушка.

Она против воли улыбнулась и обхватила ладонями лицо Кассандры.

— Но ты моя бесстыжая девчонка, и другой мне не надо...

Послышался шум — и воспоминания растворились, точно дым, изгнанные более ярким и громким настоящим. Кассандра моргнула и вытерла глаза. Высоко над головой гудел самолет, белая точка в голубом небе. Невозможно представить, что внутри его люди: говорят, смеются, едят. Некоторые из них смотрят вниз, как она смотрит вверх.

Опять послышался шум, ближе. Шаркающие шаги.

— Здравствуй, девочка.

Знакомая фигура вышла из-за угла дома и мгновение постояла, переводя дыхание. Бен когда-то был высоким. Но время лепит из людей фигуры, в которых они сами себя не узнают, и сейчас он обладал телом садового гнома. Его волосы были белыми, борода жесткой, а уши необъяснимо красными.

Кассандра улыбнулась, искренне радуясь его приходу. Нелл не была особо дружелюбной и никогда не скрывала своей неприязни к большинству людей, к их навязчивому поиску союзников. Но с Беном они одинаково смотрели на мир. Он тоже торговал в антикварном центре. После смерти

жены бывший адвокат превратил хобби в работу. К тому же в фирме ненавязчиво намекнули, не пора ли на пенсию, а приобретенная подержанная мебель грозила вытеснить его из дома.

Пока Кассандра росла, он был для нее кем-то вроде отца. Давал мудрые советы, которые она ценила, одновременно пренебрегая ими. Но после того, как она вернулась и поселилась с Нелл, он стал и ее другом тоже.

Бен вытащил поблекшее кресло скваттера^[6] из-за бетонной бадьи для стирки и осторожно сел. Колени он повредил еще юношей, на Второй мировой, и имел с ними немало проблем, что особенно чувствовалось при перемене погоды.

Бен подмигнул поверх оправы круглых очков.

— Красиво. Отличное место, приятное и уединенное.

— Это было место Нелл.

Собственный голос показался ей чужим, она задумалась, когда в последний раз с кем-нибудь говорила. И поняла, что за ужином у Филлис неделю назад.

— Точно. Она лучше других знала, где удобнее расположиться.

Кассандра улыбнулась.

— Чашечку чая?

— Можно.

Она вошла через заднюю дверь на кухню и поставила чайник. Вода еще не остыла после того, как она ее вскипятила.

— Ну, как твои дела?

Кассандра пожала плечами.

— Все нормально.

Она вернулась и села на бетонную ступеньку рядом с его стулом.

Бен сжал бледные губы, чуть улыбнулся, отчего его усы переплелись с бородой.

— Твоя мама появилась?

— Прислала открытку.

— Что ж...

— Сказала, что хотела бы заехать, но у них с Леном столько хлопот. Калёб и Мария...

— Конечно. От подростков одни хлопоты.

— Они больше не подростки. Марии только что исполнился двадцать один.

Бен присвистнул.

— Время летит.

В этот момент запищал чайник.

Кассандра вернулась в дом и опустила пакетик чая в кипяток, глядя, как вода окрашивается в коричневый цвет. Забавно, что Лесли на второй раз оказалась добросовестной матерью. Все-таки в жизни все должно быть вовремя.

Кассандра подлила немного молока, рассеянно размышляя, не скисло ли оно. Когда она его купила? Видимо, еще до смерти Нелл. На этикетке стояло 14 сентября. А сегодня какое? Она не знала. Пахнет нормально. Она вынесла кружку и протянула ее Бену.

— Извини... Молоко...

Он отпил.

— Лучший чай за весь день.

Кассандра села, и Бен мгновение сверлил ее взглядом, словно собираясь что-то сказать. Но передумал. Затем прочистил горло.

— Касс, я пришел по официальному делу, не только пообщаться.

То, что за смертью последовало официальное дело, вполне естественно, и все же она была удивлена, захвачена врасплох.

— Нелл заставила меня составить для нее завещание. Ты же знаешь, какой она была. Сказала, что не потерпит, если придется доверить свои личные дела чужому человеку.

Кассандра кивнула. Похоже на Нелл.

Бен вытащил конверт из внутреннего кармана пиджака. Время сгладило его углы и превратило из белого в кремовый.

— Она его не вчера составила. — Он сощурился, глядя на конверт. — В тысяча девятьсот восемьдесят первом, если быть точным.

Старик умолк, словно ожидая, не заполнит ли Кассандра паузу. Она ничего не сказала, и Бен продолжил:

— В основном все довольно просто.

Он вынул содержимое конверта, не смотря на него, и наклонился вперед, уперев локти в колени. Завещание Нелл шелестело в его правой руке.

— Бабушка все оставила тебе, Касс.

Она не была удивлена. Тронута, быть может, и внезапно пронзительно одинока, но не удивлена. А кому же еще? Уж точно не Лесли. Кассандра давно перестала винить мать, а вот бабушка не умела прощать. «Бросить ребенка — поступок столь равнодушный и столь легкомысленный, что не заслуживает прощения», — однажды сказала Нелл, когда думала, что Кассандра ее не слышит.

— В том числе, разумеется, дом и деньги на сберегательном счете.

Весь антиквариат, — продолжил Бен.

Он помедлил, разглядывая Кассандру, словно оценивал ее готовность к тому, что последует.

— И еще кое-что. — Старик взглянул на бумаги. — В прошлом году, после того как твоей бабушке поставили диагноз, она попросила меня зайти на чай однажды утром.

Кассандра вспомнила, как в один из дней, когда она принесла завтрак, Нелл сказала ей, что пришел Бен и у них разговор с глазу на глаз. Она дала Кассандре задание внести в каталог несколько книг из антикварного центра, хотя уже много лет не принимала активного участия в торговле.

— Нелл кое-что дала мне в тот день, — сказал Бен. — Запечатанный конверт. Просила, чтобы положил вместе с ее завещанием и открыл только... когда... — Он сжал губы. — Ну, сама знаешь.

Кассандра чуть поежилась, внезапный холодок пробежал по ее спине.

Бен махнул рукой, бумаги разлетелись, но он не произнес ни слова.

— Что это? — спросила Кассандра, знакомый ком тревоги тяжело сдавил грудь. — Скажи мне, Бен. Я справлюсь.

Старик, удивленный ее тоном, поднял взгляд и рассмеялся, отчего та смутилась окончательно.

— Не надо так переживать, Касс, ничего страшного. Совсем наоборот. — Он мгновение помедлил. — Скорее загадка, чем беда.

Кассандра выдохнула. Намеки Бена на тайну не слишком уменьшили ее беспокойство.

— Я сделал, как сказала Нелл. Отложил конверт и не открывал до вчерашнего дня. И чуть не рухнул, когда увидел. — Он улыбнулся. — Внутри лежали документы на другой дом.

— Какой дом?

— Дом Нелл.

— У Нелл нет другого дома.

— Похоже, есть или был. И теперь он твой.

Кассандра не любила сюрпризы за их непредсказуемость. Когда-то она узнала, каково это — пасовать перед неожиданным. И теперь хватило намека, чтобы ее окатила волна внезапного страха. Ее тело само реагировало на перемены. Кассандра подняла иссушенный временем лист, лежавший рядом, сложила его пополам и еще раз пополам, размышляя.

Нелл не упоминала о другом доме ни разу за все время, что они жили вместе, пока Кассандра росла и после ее возвращения. Почему? Почему она хранила его в секрете? И зачем другой дом был нужен ее бабушке? Как инвестиция? Кассандра слышала в кафе на Латроб-террас разговоры о

росте цен на недвижимость, инвестиционных портфелях. Но Нелл? Она всегда высмеивала яппи из городского центра, которые выкладывали небольшие состояния за крошечные деревянные коттеджи Паддингтона.

Кроме того, Нелл давным-давно достигла пенсионного возраста. Если этот дом — инвестиция, почему она не продала его и не жила на вырученные деньги? Торговать антиквариатом приятно, но в наше время не слишком выгодно. Нелл и Кассандра зарабатывали на необходимое, но и только. Бывали времена, когда деньги пришлось бы очень кстати, но Нелл и словом не обмолвилась.

— Этот дом, — наконец спросила Кассандра, — где он? Недалеко?

Бен покачал головой, озадаченно улыбаясь.

— В том-то и фокус. Другой дом в Англии.

— В Англии?

— В Великобритании, в Европе, на другом конце света.

— Я знаю, где находится Англия.

— Если точнее, в Корнуолле, в деревушке под названием Тредженна. Я только бегло просмотрел бумаги, но он обозначен как Клифф-коттедж. Судя по адресу, когда-то он был частью более крупного деревенского поместья. Я могу разузнать, если хочешь.

— Но почему она... Как она могла?.. — выдохнула Кассандра. — Когда она купила его?

— Печати на бумагах поставлены двадцать шестого октября тысяча девятьсот семьдесят пятого года.

Кассандра скрестила руки на груди.

— Нелл даже не бывала в Англии.

На этот раз удивился Бен.

— Отчего же, бывала. Она отправилась в поездку по Великобритании в середине семидесятых. Она никогда не упоминала об этом?

Кассандра медленно покачала головой.

— Я помню, как она уехала. К тому моменту мы знали друг друга совсем недолго. До твоего появления на свет оставалось несколько месяцев. Она тогда еще держала магазинчик рядом со Стаффорд-стрит. Я купил у нее несколько предметов, и мы познакомились, хотя друзьями стали не сразу. Она уехала как раз через месяц. Я помню, потому что зарезервировал кедровый письменный стол перед самым ее отъездом, подарок жене на день рождения. По крайней мере, он должен был им стать, но так ничего и не вышло. Каждый раз, когда я приходил его забрать, магазин был закрыт. Ясное дело, я злился. Дженис исполнялось пятьдесят, и стол был великолепен. Когда я давал задаток, Нелл не упомянула, что

собирается в отпуск. Напротив, она специально оговорила условия и дала понять, что ожидает еженедельных платежей и что я должен забрать стол в течение месяца. Она сказала, что у нее не склад и для новых товаров нужно будет место.

Кассандра улыбнулась: весьма в духе Нелл.

— Твоя бабушка была на редкость настойчива, вот почему так странно, что ее не было столько времени. Уняв первый гнев, я начал сильно волноваться. Даже думал вызвать полицию. — Бен махнул рукой. — Как выяснилось, не стоило. В четвертый или пятый визит я наткнулся на соседку, которая забирала почту Нелл. Она сказала мне, что Нелл в Великобритании, но очень возмутилась, когда я начал расспрашивать, почему она уехала так внезапно и когда вернется. Соседка сказала, что только выполняет просьбу и ничего больше не знает. Так что я продолжил заглядывать. День рождения жены наступил и прошел, а потом как-то раз магазин оказался открыт, Нелл вернулась домой.

— И она купила коттедж, пока была в отъезде.

— Очевидно.

Кассандра плотнее завернулась в кардиган. Бессмыслица какая-то. Зачем бабушка ни с того ни с сего отправилась в отпуск и купила дом, чтобы никогда в него не вернуться?

— Нелл никогда об этом не говорила? — спросила она.

Бен поднял брови.

— О чем ты? Нелл была не из тех, кто охотно делится секретами.

— Но вы с ней были так близки! Наверняка она могла разочек упомянуть о доме.

Бен качал головой, но Кассандра настаивала:

— Когда бабушка вернулась и когда ты наконец забрал письменный стол, разве ты не спросил ее, почему она уехала так внезапно?

— Разумеется, спросил, и не один раз за эти годы. Я чувствовал, что поездка важна. Видишь ли, она стала другой, когда вернулась.

— В смысле?

— Более рассеянной, загадочной. Уверен, дело не только в том, что я сужу задним числом. Через пару месяцев после ее возвращения я был как никогда близок к тому, чтобы узнать. Я заглянул к ней в магазин, и как раз пришло письмо со штемпелем Бодмина. Я зашел одновременно с почтальоном, так что забрал для нее почту. Она пыталась вести себя, как обычно, но я уже начал узнавать ее ближе. Нелл разволновалась, получив письмо, извинилась и оставила меня при первой же возможности.

— Что это было за письмо? От кого?

— Должен признать, любопытство меня одолело. Я не осмелился заглянуть в письмо, но позже перевернул конверт, когда увидел его на столе, просто чтобы посмотреть отправителя. Я запомнил адрес на обороте и попросил старого коллегу в Великобритании проверить его для меня. Адрес принадлежал детективу.

— Сыщику?

Бен кивнул.

— Они и правда существуют? — удивилась Кассандра.

— А то!

— Но зачем Нелл понадобился английский сыщик?

Бен пожал плечами.

— Не знаю. Думаю, она пыталась докопаться до разгадки какой-то тайны. Я некоторое время делал намеки, пытаюсь разговорить ее, но все без толку. Так что я оставил эти попытки. Я решил, что Нелл имеет право на свои секреты и расскажет мне, если захочет. По правде говоря, мне все еще было стыдно за то, что я начал вынюхивать.

Старик покачал головой и продолжил:

— Говоря откровенно, мне нравится узнавать правду. Я немало ломал голову над тем письмом, а это, — он помахал документами, — только подогрело мое любопытство. Даже сейчас твоя бабушка обладает удивительной способностью ставить меня в тупик.

Кассандра рассеянно кивнула. Ее мысли унеслись далеко в попытках установить связи. Все дело в разговорах Бена о тайнах, его гипотезе, что Нелл пыталась разгадать свою. Все загадки, которые открылись на поминках ее бабушки, начали сплетаться в единый клубок: неизвестные родители Нелл, ее приезд ребенком в океанский порт, чемодан, таинственное путешествие в Англию, этот загадочный дом...

— Ну ладно. — Бен выплеснул из чашки оставшуюся заварку в горшок с красными геранями. — Я лучше пойду. Через пятнадцать минут ко мне зайдет клиент насчет буфета из красного дерева. Столько возни было с тем, чтобы его продать, я с радостью сбуду его с рук. Тебе что-нибудь нужно в центре?

Кассандра покачала головой.

— Я сама схожу в понедельник.

— Не стоит спешить, Касс. Я уже говорил, что с радостью присмотрю за твоим магазином, сколько потребуется. Вечером, когда закончу, я принесу тебе выручку.

— Спасибо за все, Бен, — сказала она.

Старик встал и вернул кресло скваттера на место, оставив документы

под чашкой. Он собирался уже исчезнуть за углом дома, но вдруг остановился и обернулся.

— Займись собой, хорошо? Если ветер подует чуть сильнее, то тебя унесет.

Он озабоченно наморщил лоб, и Кассандра поняла, что едва ли может смотреть в глаза Бена, которые были слишком правдивым зеркалом его души. Девушка не в силах была сознавать, что старик помнит ее прежней.

— Касс?

— Ладно-ладно, займусь.

Она помахала ему вслед, услышала, как гудение мотора его автомобиля удаляется по улице и затихает. В его сочувствии, пусть и хорошо продуманном, всегда словно таилось обвинение, разочарование, хоть и самое слабое, что Кассандра не смогла — или не захотела — оправиться от ударов прошлого. Бен не понимал, что она могла сознательно решить остаться такой. Что там, где он видел отчуждение и одиночество, Кассандра видела самосохранение. Чем меньше можно потерять, тем безопаснее.

Она поскребла носком кроссовки бетонную дорожку и отмела грустные мысли о прошлом. Затем взяла документы и впервые заметила маленькую записку, прикрепленную спереди. Старческие каракули Нелл, которые почти невозможно прочитать. Она поднесла их поближе, затем отодвинула подальше, медленно разбирая слова.

«Кассандре, — гласили они, — которая поймет почему».

Глава 8

Брисбен, Австралия, 1975 год

Нелл еще раз быстро проверила документы: паспорт, билет, дорожные чеки. Она застегнула на молнию туристский бумажник и сделала себе строгий выговор. Что за навязчивые мысли? Люди путешествуют каждый день. Пристегиваются к креслам в огромных жестяных банках и позволяют запустить себя в небо. Нелл глубоко вдохнула. Все будет хорошо. Она со всем справится.

Нелл прошла по дому, заодно проверяя оконные задвижки. Заглянула на кухню, убедилась, что не оставила газ утекать, а лед в холодильнике таять, что отключила розетки. Наконец вынесла два чемодана через заднюю дверь и заперла ее. Разумеется, она знала, почему нервничает, и дело не только в страхе что-то забыть и даже не в опасении, что самолет свалится с неба. Нелл нервничала, потому что возвращалась домой. После стольких лет, после целой жизни она возвращалась домой.

Все случилось так быстро. Ее отец, Хеймиш, умер всего две недели назад, и вот она уже открывает дверь в прошлое. Папа наверняка знал, что дочь так поступит. Когда он передал чемодан Филлис и велел доставить его Нелл после своей смерти, он, скорее всего, догадывался.

Нелл ждала у дороги такси и смотрела вверх, на свой бледно-желтый дом. Такой высокий с этого ракурса, совсем не похожий на другие, с забавной лесенкой на заднем дворе, заколоченной в прежние годы, с навесами в розовую, голубую и белую полоску, с двумя слуховыми окнами наверху. Слишком узкий, слишком угловатый, чтобы считаться элегантным, и все же она любила его. Его неуклюжесть, его залатанную добротность, его сомнительное происхождение. Жертва времени и вереницы владельцев, каждый из которых стремился поставить свое клеймо на его терпеливый фасад.

Нелл купила этот дом в тысяча девятьсот шестьдесят первом, когда Эл

умер и они с Лесли вернулись из Америки. Он был неухоженным, но стоял на склоне Паддингтона, за старым театром «Плаза», и больше прочих походил на настоящий дом. В ответ он вознаграждал ее за веру, даже дал ей новый источник дохода. Нелл наткнулась на комнату со сломанной мебелью, запертой в темном подвале, и увидела стол, который поразил ее воображение, — с витыми ножками и откидной доской. Он был в крайне плохом состоянии, но Нелл, недолго думая, купила немного наждачной бумаги и шеллака и принялась возвращать его к жизни.

Это Хейм научил ее реставрировать мебель. Когда отец вернулся с войны и начали рождаться крошки сестры, по выходным Нелл ходила за ним по пятам. Она стала его помощницей, научилась отличать «ласточкин хвост» от прямого вруба,^[7] шеллак от олифы, поняла, что за радость — починить сломанное своими руками. Однако прошло много времени с тех пор, как Нелл занималась этим. Пока не увидела тот стол, она не помнила, что самостоятельно может его отреставрировать, забыла, что когда-то всем сердцем любила это занятие. Она бы заплакала, когда втирала шеллак в витые ножки и вдыхала знакомые пары, да только слезы были ей несвойственны.

Увядающая гардения рядом с чемоданом привлекла внимание Нелл, и она вспомнила, что не позаботилась нанять кого-нибудь поливать сад. Соседская девчонка согласилась кормить кошек, одна знакомая — забирать в магазине почту, но растения совсем вылетели из головы, что прекрасно характеризовало состояние ее духа: вот так забыть о своей гордости и радости. Придется попросить одну из сестер, позвонить из аэропорта, а то и с другого края земли. То-то они удивятся, хотя им не привыкать к выходкам старшей сестры.

Трудно поверить, что когда-то они были очень близки. Отцовское признание многое украло у нее, но самую глубокую рану нанесла потеря сестер. Ей было уже одиннадцать, когда родилась первая, но немедленно возникшая связь ошеломила ее. Она знала, еще до напоминания матери, что забота о сестренках, об их безопасности лежит на ее плечах. Наградой стала взаимная привязанность. Если они расшибали коленки, то бежали к Нелл, чтобы та их утешила, крепкие маленькие тельца сестер прижимались к ней. Когда девочкам снились кошмары, они забирались в постель к старшей сестре, чтобы провести рядом долгую ночь.

Но папина тайна все изменила. Его слова сбросили книгу ее жизни на пол, и страницы разлетелись во все стороны, их невозможно стало сложить обратно, чтобы прочесть тот же рассказ. Она обнаружила, что не может смотреть на сестренку, не думая о собственной чужеродности, и все же не

могла рассказать им правду. Поступить так означало разрушить нечто, во что те безоговорочно верили. Нелл предпочла, чтобы ее считали чужачкой, но не чужачкой.

Черно-белое такси свернуло на улицу, и она помахала ему рукой. Водитель погрузил чемоданы в багажник, и Нелл забралась на заднее сиденье.

Водитель захлопнул дверь.

— Куда, милая?

— В аэропорт.

Водитель кивнул, и машина тронулась, пробираясь сквозь лабиринт улочек Паддингтона.

Отец рассказал ей правду в двадцать первый день рождения. Его произнесенное шепотом признание отняло у нее саму себя.

— Но кто же я? — спросила она в тот вечер у отца.

— Ты — это ты. Та же, что всегда. Ты — Нелл, моя Нелли.

Она понимала, что Хеймиш отчаянно этого жаждет, но знала, что все не так. Реальность сместилась на несколько градусов, и она выбилась из общего ряда. Той, кем она была или кем себя считала, в действительности не существовало. Никакой Нелл Эндрюс не было.

— Кто я на самом деле? — вновь спросила она через несколько дней. — Прошу, расскажи мне, папа.

Хеймиш покачал головой и отвел глаза. Он устал и выглядел старше, чем прежде.

— Я не знаю, Нелли. Мы с твоей мамой так и не выяснили. И нам всегда было все равно.

Она хотела, чтобы ей тоже было все равно. Но что-то изменилось, и она больше не могла смотреть в глаза отцу. Нелл не стала любить его меньше, просто исчезла легкость. Любовь, которую девушка питала к Хеймишу, незримая, неоспоримая в прошлом, приобрела вес, голос. Она шептала, когда Нелл смотрела на него: «На самом деле ты не его дочь». Девушка не могла поверить, что он любит ее не меньше, чем сестер, сколько бы отец ни настаивал.

— Ну конечно люблю, — сказал он, когда Нелл спросила его.

Взгляд Хеймиша выдал изумление и обиду. Он достал платок и вытер рот.

— Я узнал тебя первой, Нелли, я любил тебя дольше всех.

Но этого было мало. Она была ложью, жила во лжи, но больше не хотела так жить.

Шли месяцы, и жизнь, которая создавалась двадцать один год,

методично разваливалась на части. Девушка бросила работу в новостном агентстве мистера Фицсиммонса и нашла другую — билетерши в новом театре «Плаза». Она упаковала одежду в два небольших чемодана и стала снимать квартиру вместе с подругой. Разорвала помолвку с Денни. Не сразу, ей не хватило смелости на резкий разрыв. Нелл позволила их отношениям распадаться месяцами, почти все время уклоняясь от встреч с молодым человеком. Она гадко вела себя, даже когда соглашалась на свидание. Трусость заставила Нелл ненавидеть себя еще сильнее, лишь подтверждая ее подозрение: она заслужила все, что происходит.

Девушке понадобилось много времени, чтобы порвать с Денни. Его красивое лицо, честные глаза и непринужденная улыбка... Конечно, он хотел знать причину, но Нелл не могла заставить себя рассказать правду. Не было слов, чтобы объяснить ему, что женщины, которую он любил, на которой надеялся жениться, больше нет. Как могла она ожидать, что Денни будет ценить ее, по-прежнему хотеть ее, когда узнает, что когда-то ее выбросили? Что ее настоящая семья отказалась от нее?

Такси повернуло на Альбион и помчалось на восток к аэропорту.

— Куда направляетесь? — спросил водитель, встретив взгляд Нелл в зеркале заднего вида.

— В Лондон.

— К родным?

Нелл посмотрела в грязное окно машины.

— Да, — ответила она с надеждой.

Лесли она тоже не сказала, что едет. Она думала об этом, представляла, как берет трубку и набирает номер дочери, последний в строчке, что змеилась по странице записной книжки и забежала на поля. Но каждый раз успевала раздумать. Скорее всего, она успеет вернуться еще до того, как Лесли поймет, что ее нет.

Нелл незачем было задумываться, когда именно она совершила ошибку с Лесли, она и так прекрасно знала это. Она взяла неверную ноту, да так и не нашла нужную. Роды были шоком, жестоким появлением вопящего, ревущего живого комочка, сплошные руки, ноги, беззубые десны и скрюченные от ужаса пальчики.

Ночь за ночью Нелл лежала без сна в американской больнице и ждала, когда же возникнет связь, о которой говорят люди. Головой она понимала, что крепко и неразрывно связана с маленьким человечком, которого вырастила в себе. Но чувство так и не пришло. Как отчаянно Нелл ни старалась, как ни желала этого, она не становилась единым целым со свирепой дикой кошечкой, которая сосала, грызла и царапала ее грудь,

неизменно желая большего, чем мать могла дать.

Эл, напротив, был сражен, всецело поглощен воспитанием дочери. Казалось, он не замечал, что ребенок — наказание Господне. В отличие от большинства мужчин своего поколения он с радостью держал дочку, баюкал на изгибе руки, водил гулять по широким улицам Чикаго. Иногда Нелл наблюдала, изобразив ласковую улыбку, как он влюбленно смотрит на малышку. Эл поднимал взгляд, и в его затуманенных глазах Нелл видела отражение собственной пустоты.

Лесли родилась с горячей кровью в жилах, но смерть Эла в тысяча девятьсот шестьдесят первом остудила ее. Едва Нелл озвучила новость, как увидела: глаза дочери устало тускнеют и подергиваются пеленой. Следующие несколько месяцев Лесли, будучи и без того загадкой для Нелл, все глубже забиралась в кокон подростковой уверенности, что презирует мать и не желает больше иметь с ней ничего общего.

Вполне понятно, разумеется, хоть и неприемлемо — ей уже исполнилось четырнадцать, очень восприимчивый возраст, а отец был для нее светом в окошке. Возвращение в Австралию не помогло, но что теперь говорить. Нелл хватало ума не осуждать себя задним числом. Она поступила, как тогда казалось, наилучшим образом. Нелл не была американкой, мама Эла умерла несколькими годами раньше, и во всех отношениях они остались одни. Чужие в чужой стране.

Когда Лесли ушла из дома в семнадцать, автостопом обогнув восточное бедро Австралии и спустившись к ее колену, Сиднею, Нелл с радостью отпустила ее. Без дочери она поняла, что может наконец избавиться от зеленой тоски, которая мучила ее последние семнадцать лет. Тоска нашептывала, что она ужасная мать, что родная дочь не в силах ее терпеть, что это дурная наследственность, что она не заслужила детей. Неважно, сколь добры были Хеймиш и Лил, Нелл родилась от плохой матери, из числа тех, кто легко откажется от своего ребенка.

Но все оказалось не так уж скверно. Через двенадцать лет Лесли перебралась ближе к дому, поселилась на Золотом Побережье с очередным парнем и своей дочерью Кассандрой. Нелл видела девочку всего пару раз. Бог знает, кто ее отец; Нелл не стала спрашивать. Но верно, он был не совсем пропащим, потому как во внучке почти не чувствовалось горячности матери. Совсем наоборот, Кассандра казалась ребенком, душа которого стала взрослой раньше времени. Тихая, терпеливая, задумчивая, преданная Лесли — право, прекрасный ребенок. В ней таилась серьезность, уголки печальных голубых глаз были опущены вниз, а милый ротик, как подозревала Нелл, мог бы стать красивым, если бы она хоть раз

улыбнулась с неподдельной радостью.

Черно-белое такси остановилось у дверей Кантаса, Нелл протянула водителю деньги и отогнала все мысли о Лесли и Кассандре.

Она потратила полжизни, подстерегаемая сожалением, тонущая в неправдах и сомнении. Настало время для ответов, время узнать, кто она. Нелл выскочила из машины и подняла голову к небу, в котором над самой головой пронесся грохочущий самолет.

— Удачного полета, милая, — сказал водитель, ставя чемоданы Нелл на багажную тележку.

— Да. Спасибо.

Все так и будет. До ответов рукой подать. Прожив жизнь тенью, она обретет плоть и кровь.

Маленький белый чемодан был ключом к разгадке, точнее, им было его содержимое. Книга волшебных сказок, опубликованная в Лондоне в тысяча девятьсот тринадцатом году, и изображение женщины на фронтисписе. Нелл немедленно узнала ее. Прежде чем подключилось сознание, из самой глубины памяти всплыли имена, которые она полагала лишь частью детской игры. Госпожа. Сочинительница. Она не только знала, что Сочинительница реальна, она помнила ее имя. Элиза Мейкпис.

Первой мыслью Нелл, вполне естественно, было, что Элиза Мейкпис — ее мать. Когда она подавала запрос в библиотеку, то сжимала кулаки, ожидая и надеясь, что библиотекарь обнаружит: Элиза Мейкпис потеряла ребенка и всю жизнь искала пропавшую дочь. Но объяснение, разумеется, не могло быть таким простым. Библиотекарь очень мало нашел об Элизе, но вполне достаточно, чтобы узнать: писательница, творившая под этим именем, детей не имела.

Списки пассажиров оказались немногим более полезны. Нелл проверила все корабли, что вышли из Лондона в Мэриборо в конце тысяча девятьсот тринадцатого, но имени Элизы Мейкпис ни в одном из них не было. Разумеется, не исключено, что Элиза писала под псевдонимом, а билет заказала на свое настоящее или выдуманное имя. Но Хейм не сказал Нелл, на каком корабле она приехала, так что способа сократить список не было.

И все же Нелл не опустила руки. В любом случае, Элиза Мейкпис была важна, так как играла некую роль в ее прошлом. Нелл смутно помнила Элизу. Просто старые, давно вытесненные воспоминания, но вполне реальные. Она была на корабле. Ждала. Пряталась. Играла. Она начинала припоминать и другие подробности. Словно воспоминание о

Сочинительнице приподняло некую крышку. Начали появляться обрывки из детства: лабиринт, старая женщина, которая пугала ее, долгое путешествие по воде. Нелл знала, что благодаря Элизе найдет себя, а чтобы найти Элизу, необходимо отправиться в Лондон.

Слава богу, у нее хватило денег, чтобы позволить себе перелет. Точнее, спасибо отцу, потому что ему она обязана больше, чем Богу. В белом чемодане, рядом с книгой волшебных сказок, щеткой для волос и детским платицем, Нелл нашла перевязанное письмо от Хейма с фотографией и чеком. Не состояние — он не был богат, — но достаточно, чтобы изменить положение. В письме он говорил, что хочет оставить ей чуть больше, но чтобы остальные девочки не узнали. Он всю жизнь помогал им деньгами, но Нелл неизменно отказывалась от поддержки. А так она не сможет сказать «нет».

Затем отец извинился, написал, что надеется, когда-нибудь она простит его, хотя сам он так и не сумел себя простить. Возможно, ее обрадует, что он так и не справился со своей виной, которая сломала его. Он провел остаток жизни, жалея, что рассказал правду, а будь он посмелее, то жалел бы, что вообще оставил девочку у себя. Но жалеть об этом — значит желать жизни без Нелл, а ему легче нести груз вины, чем отказаться от дочери.

Фотографию Нелл уже видела прежде, хоть и недолго. Она была черно-белая — точнее, коричнево-белая, — сделанная десятки лет назад. Хеймиш, Лил и Нелл, до того как родились сестры и наполнили семью смехом, громкими голосами и девчачьим визгом. Один из тех студийных снимков, на которых сидящие внутри рамки выглядят немного испуганными, как будто их выдернули из настоящей жизни, уменьшили и посадили в кукольный дом, полный незнакомых предметов. Глядя на карточку, Нелл ничуть не сомневалась, что помнит, как ее снимали. У нее сохранилось немного детских воспоминаний, но Нелл отчетливо помнила, как ей сразу не понравилось, что ее привели в студию, помнила химический запах проявителя. Она отложила фотографию в сторону и снова взяла письмо отца.

Сколько бы Нелл его ни читала, она неизменно удивлялась выбору слов: его вина. Она полагала, отец считал себя виновным в том, что разрушил своим признанием ее жизнь, и все же слово заставляло беспокоиться. Сожаление, возможно, раскаяние, но вина? Станный выбор. Ведь как бы Нелл ни хотела, чтобы этого не произошло, каким бы невозможным ни полагала и дальше вести ту жизнь, о фальши которой узнала, она никогда не считала своих родителей виноватыми. В конце

концов, они лишь поступили, как считали нужным, как и было нужно. Они подарили ей дом и любовь, которых она была лишена. То, что отец полагал себя виновным, воображал, будто Нелл может считать его таковым, тревожило. Но было уже слишком поздно спрашивать, что он имел в виду.

Глава 9

Мэриборо, Австралия, 1914 год

Нелл провела с ними уже четыре месяца, когда пришло письмо в портовую контору. Мужчина из Лондона разыскивал маленькую девочку четырех лет. Волосы рыжие. Глаза голубые. Девочка пропала месяцев семь назад, и у этого типа — Генри Мэнселла, согласно письму, — имелись основания думать, что она села на корабль, возможно пассажирский, идущий в Австралию. Мужчина искал ее от лица клиентов — родителей ребенка.

Хеймиш стоял у стола и чувствовал, как слабеют колени и обмякают мышцы. Миг, которого он страшился, неминуемость которого всегда предвидел, настал. Лил может верить во что угодно, но дети, особенно такие, как Нелл, не пропадают без вести. Он сел в кресло, сосредоточился на дыхании, глянул в окно. Хеймиш отчетливо почувствовал, что у него появился новый противник.

Он провел рукой по лицу, погладил шею. Черт, что же делать? Скоро на работу придут коллеги и увидят письмо. И хотя никто не в курсе, как он нашел Нелл одну-единешеньку на пристани, это спасет их ненадолго. Слухи дойдут до городка, как всегда доходят, и кто-нибудь сумеет сложить два и два, поймет, что девочка, которая живет с Хеймишем и Лил на Куин-стрит и странно разговаривает, чертовски похожа на пропавшую маленькую англичанку.

Нет, нельзя, чтобы другие прочитали письмо. Хеймиш заметил, что руки его немного дрожат. Он аккуратно сложил письмо пополам, потом еще раз и положил в карман пиджака. Пусть пока побудет там.

Хеймиш сел. Ему стало легче. Нужно только выиграть время и место, чтобы подумать, понять, как убедить Лил, что пришло время вернуть Нелл родным. Планы переезда в Брисбен постепенно претворялись в жизнь. Лил сказала домовладельцу, что переезжает, начала паковать немногочисленные

пожитки, обмолвилась в городке, что для Хейма в Брисбене откроются новые возможности, которые упустит бы только дурак.

Но от планов можно, даже нужно, отказаться. Ведь теперь они знают, что Нелл ищут, а это все меняет.

Хеймиш заранее предчувствовал, что жена ответит: эти люди, которые потеряли Нелл, этот тип Генри Мэнселл не заслуживают ее. Она станет уговаривать Хейма, умолять его, настаивать, что нельзя отдавать девочку столь безответственным людям. Но Хеймиш заставит жену понять, что выбора нет, что Нелл не их дочь и никогда ей не была, что она принадлежит другим. Она уже больше не Нелл, ее ждет настоящее имя.

В тот день, поднявшись по переднему крыльцу, Хейм на мгновение остановился, собираясь с мыслями. Когда он вдохнул едкий дым, поднимавшийся из трубы, сладкий, оттого что шел от огня, согревавшего семейный очаг, некая невидимая сила словно приковала его к месту. Хеймиш смутно ощутил, что стоит на пороге, шаг за который все изменит.

Он глубоко вдохнул, толкнул дверь, и две его девочки повернулись к нему. Они сидели у огня, Нелл на коленях Лил. Длинные рыжие волосы ребенка свисали мокрыми прядями, а Лил их расчесывала.

— Папа! — крикнула Нелл, радость озарила ее личико, и без того покрасневшее от тепла.

Лил улыбнулась мужу поверх головки малышки. Эта улыбка всегда была его гибелью. С тех самых пор, как Хеймиш впервые увидел будущую жену, скручивающую веревки в лодочном сарае ее отца. Когда же он в последний раз видел эту улыбку? Он знал, что еще до детей, до их детей, тех, что отказались родиться.

Хеймиш поставил сумку, засунул руку в карман, где письмо прожигало дыру, и пробежал по его гладкой бумаге кончиками пальцев, затем повернулся к плите, на которой исходила паром самая большая кастрюля.

— Ужин пахнет что надо.

В горле словно лягушка застряла.

— Мамина рыбная похлебка, — сообщила Лил, распутывая волосы Нелл. — Ты не заболел?

— Так, ерунда.

— Я заварю тебе ячменной воды с лимоном.

— Да все нормально, — сказал Хейм. — Не стоит хлопот.

— Какие хлопоты? Ведь ты мой муж.

Она снова улыбнулась ему и похлопала Нелл по плечам.

— Слезай, детка, маме надо встать и посмотреть, как там чай. А ты сиди здесь, пока волосы не высохнут. Ты ведь не хочешь подхватить

простуду, как папа?

Она говорила и смотрела на Хейма, удовлетворенность во взгляде Лил ужалила мужа в самое сердце так, что ему пришлось отвернуться.

Весь ужин письмо камнем лежало в кармане, не давая забыть о себе. Рука Хейма тянулась к нему, как железо к магниту. Он не мог отложить нож без того, чтобы пальцы не скользнули в пиджак и не погладили гладкую бумагу — приговор их недолгому счастью. Письмо от человека, который знает семью Нелл. По крайней мере, так он написал — внезапно поправился Хеймиш, дивясь тому, как мгновенно поверил заявлениям незнакомца. Он вновь подумал о содержании письма, вызвал строчки из памяти и просмотрел их в поисках доказательств. Прохладная волна облегчения немедленно окатила его. В письме не было ровным счетом ничего, что позволяло бы поверить в его истинность. В мире полно людей сомнительного толка, плетущих самые сложные сети. Он знал, что в некоторых странах есть рынки маленьких девочек и белые работоторговцы постоянно ищут товар на продажу...

Нелепо. Даже отчаянно цепляясь за подобные возможности, он знал, насколько они маловероятны.

— Хейм?

Он быстро поднял взгляд. Лил странно смотрела на него.

— Вечно ты витаешь в облаках. — Она приложила теплую ладонь к его лбу. — Надеюсь, ты не сляжешь с лихорадкой.

— Я здоров, — ответил Хеймиш резче, чем хотел. — Я здоров, любимая.

Лил сжала губы.

— Я только предположила. Пойду уложу маленькую даму в кроватку. У нее был насыщенный день, и силенок совсем не осталось.

Словно по заказу, Нелл широко и сладко зевнула.

— Спокойной ночи, папа, — довольно сказала она, закончив зевать.

Он и опомниться не успел, как Нелл забралась к нему на колени, свернулась, точно теплый котенок, обняла за шею. Хеймиш никогда прежде не создавал так остро свою загрубевшую кожу, колючие щеки. Он обхватил руками худенькую спинку девочки и закрыл глаза.

— Спокойной ночи, Нелли, любимая, — прошептал он в волосы девочки.

Хеймиш смотрел, как его дамы исчезают в соседней комнате. Его семья. Даже самому себе он не мог объяснить, как эта малышка, их Нелл с двумя длинными косами, сумела помочь им обрести цельность. Вместе они

стали нерушимой семьей из трех человек, а не просто двумя душами, решившими связать свои судьбы.

А сейчас приходится размышлять, как ее разрушить...

Услышав звук в коридоре, он поднял взгляд. Лил наблюдала за ним. Отсветы огня подбили алым ее волосы, зажгли глубокое мерцание в глазах, черных лунах под длинными ресницами. Ниточка волнения тянула ее губы за уголки, раздвигая в полуулыбке, которая указывала на чувство слишком сильное, чтобы выразить его словами.

Хейм неуверенно улыбнулся в ответ. Его рука вновь скользнула в карман, пальцы пробежали по бумаге. Его губы разомкнулись с тихим звуком, подрагивая от слов, которых мужчина не хотел произносить, хотя не был уверен, сможет ли остановить их.

Лил уже стояла рядом. Ее пальцы на запястье мужа посылали жаркие волны в шею, ее теплая ладошка лежала на его щеке.

— Пойдем в постель.

Ах, есть ли на свете слова более сладостные? В ее голосе звучало обещание, и он сделал свой выбор.

Хеймиш вложил свою ладонь в ладонь жены, крепко сжал и пошел следом.

Проходя мимо огня, он бросил в него гладкую бумагу. Та схватилась, зашипела, вспыхнула мимолетным упреком в уголках глаз Хеймиша. Но он не остановился, а пошел дальше и даже не оглянулся.

Глава 10

Брисбен, Австралия, 2005 год

Раньше в здании, которое стало антикварным центром, находился театр. Театр «Плаза» — грандиозный эксперимент тридцатых годов двадцатого века. Простой снаружи — огромная белая коробка, врезанная в склон Паддингтона, — и сложный внутри. Сводчатый потолок, темно-синий, с силуэтами облаков, когда-то был подсвечен, чтобы создавать иллюзию лунной ночи, и сотни крошечных огоньков мерцали, точно звезды. Десятилетиями здесь было бойкое место, еще в те дни, когда трамваи гроыхали по улицам и китайские сады цвели в долинах. Но, одолев таких жестоких противников, как пожар и потоп, театр быстро и бесшумно пал в шестидесятых под натиском телевидения.

Лавка Нелл и Кассандры располагалась прямо под сводами просцениума, ^[8] в левой части сцены. Лабиринт полок, заставленных брикабраком, всякой всячиной и эклектичным ассортиментом памятных сувениров. Давным-давно другие торговцы в шутку начали называть ее лавкой Аладдина, и прозвище прилипло. Небольшая деревянная дощечка с золотыми буквами именовала заведение «Пещерой Аладдина».

Кассандра сидела на трехногом стуле, окружив себя вещами, и никак не могла сосредоточиться. Она впервые пришла в центр после смерти Нелл, и ей было не по себе среди сокровищ, которые они собирали вместе. Странно, что Нелл нет, а товары остались. Разве не предательство с их стороны? Ложки, которые полировала Нелл, этикетки, подписанные неразборчивыми каракулями бабушки, книги, книги, книги. Они были слабостью Нелл, ведь у каждого торговца есть своя слабость. В особенности она любила те, что были написаны в конце девятнадцатого века. Книги поздней викторианской эпохи, с чудесными печатными текстами и черно-белыми иллюстрациями. Еще лучше, если в книге было посвящение от дарителя. Свидетельство прошлого, намек на руки, через

которые книга прошла на своем пути в лавку.

— Доброе утро.

Кассандра подняла глаза и увидела Бена, протягивающего бумажный стаканчик с кофе.

— Разбираешь товары? — спросил он.

Она отвела тонкие прядки от глаз и взяла предложенный напиток.

— Переставляю туда-сюда. В основном возвращаю на место.

Бен отпил кофе, разглядывая Кассандру поверх своего стаканчика.

— У меня для тебя кое-что есть.

Он залез под вязаную жилетку и достал из кармана рубашки сложенный листок бумаги.

Кассандра раскрыла листок и разгладила сгибы. Бумага для принтера, белая, формат А4, посередине расплывчатая черно-белая фотография дома. Даже небольшого особняка: каменная кладка, насколько можно различить, с пятнами — возможно, выюнок? — на стенах. Из-за черепичной остроконечной крыши выглядывает каменная труба. На краю балансируют два цветочных горшка, один из которых сколот.

Конечно, она знала, что это за дом, незачем было и спрашивать.

— Решил покопать немного, — сказал Бен. — Ничего не мог с собой поделать. Дочка в Лондоне нашла снимок и послала мне его по электронной почте.

Так вот он какой, большой секрет Нелл! Дом, который она купила, повинувшись порыву, и о котором молчала все эти годы. Снимок оказал на Кассандру странное воздействие. Документы на дом лежали на кухонном столе все выходные, Кассандра смотрела на них всякий раз, проходя мимо, почти ни о чем другом и не думая, но, лишь увидев снимок, впервые ощутила реальность дома. Все словно приобрело четкость: Нелл, которая отправилась в могилу, не зная, кто она на самом деле, купила дом в Англии и оставила его Кассандре, надеясь, что внучка все выяснит.

— У Руби отличный нюх, так что я отправил ее на поиски сведений о прошлых владельцах. Я подумал, если мы узнаем, у кого твоя бабушка купила дом, то сможем понять, почему она это сделала.

Бен вытянул из нагрудного кармана маленький блокнот на пружине и поправил очки, чтобы лучше видеть страницу.

— Имена Дэниела и Джулии Беннет тебе о чем-нибудь говорят?

Кассандра покачала головой, не отводя глаз от снимка.

— Если верить Руби, Нелл приобрела недвижимость у мистера и миссис Беннет, которые сами купили ее в тысяча девятьсот семьдесят первом. Дом, как и соседнюю усадьбу, они превратили в гостиницу. Отель

«Чёренгорб».

Старик с надеждой посмотрел на Кассандру. Она снова покачала головой.

— Уверена?

— Никогда о нем не слышала.

— А. — Из Бена словно выпустили воздух. — А, ну ладно тогда.

Он захлопнул блокнот и облокотился на ближайшую книжную полку.

— Боюсь, это все, что мне удалось разузнать, холостой выстрел, полагаю. — Он поскреб бороду. — Чертовски похоже на Нелл — оставить такую загадку. Что может быть эксцентричнее тайного дома в Англии?

Он помахал другому торговцу и понизил голос.

— Кларенс идет. Бетти говорит, он чуть не рехнулся, когда я дал покупателю скидку на один из его аккордеонов на прошлой неделе. — Он усмехнулся. — Политика, а?

Кассандра улыбнулась.

— Спасибо за снимок, и поблагодари от меня дочку.

— Сама поблагодаришь, когда перелетишь на ту сторону пруда.

Бен потряс стаканчик с кофе и заглянул в дырочку для питья, чтобы удостовериться, что тот пуст.

— Когда собираешься ехать? — спросил он.

Кассандра широко распахнула глаза.

— Куда — в Англию?

— Фотография — это прекрасно, но лучше ведь своими глазами увидеть!

— По-твоему, я должна съездить в Англию?

— Почему нет? На дворе двадцать первый век, ты обернешься за неделю и будешь куда лучше знать, как поступить с домом.

Несмотря на документы, лежавшие на столе, Кассандру так захватила сама теоретическая возможность существования дома Нелл, что она совсем забыла подумать о практической стороне дела: дом в Англии ждет ее. Она поковыряла носком тусклый деревянный пол и глянула на Бена сквозь челку.

— Наверное, его надо продать?

— Такое серьезное решение нельзя принимать, не глянув хотя бы одним глазком.

Бен кинул стаканчик в переполненную мусорную корзину рядом с кедровым столом и добавил:

— Хуже ведь не будет. Дом много значил для Нелл, раз она берегла его столько времени.

Кассандра размышляла об этом. Лететь в Англию, одной, ни с того ни с сего...

— Но лавка...

— Ха! Сотрудники центра позаботятся о твоих продажах, да и я буду рядом. — Бен указал на переполненные полки. — Товара тебе хватит еще лет на десять.

Его голос смягчился.

— Почему бы не попробовать, Касс? Тебе не повредит ненадолго уехать. Руби живет в конуре в Южном Кенсингтоне, а работает в Музее Виктории и Альберта. Она все покажет, позаботится о тебе.

В последнее время люди постоянно предлагают Кассандре свою заботу. Когда-то, сто лет назад, она сама была взрослым ответственным человеком и заботилась о других.

— Да и что ты потеряешь?

Ничего, ей нечего и некого терять. Кассандра вдруг почувствовала, что устала от разговора. Она изобразила легкую покладистую улыбку и добавила к ней:

— Я подумаю.

— Хорошая девочка.

Старик смахнул щепку с ее плеча и направился к выходу.

— Да, чуть не забыл, я раскопал еще кое-что интересное. Не проливает света на Нелл и ее дом, но все равно забавно, учитывая твоё художественное прошлое, твои рисунки.

Так небрежно сказать, так легко отнести к прошлому годы чьей-то жизни, чью-то страсть — все равно что удар под дых. Кассандра сумела удержать улыбку.

— Усадьба, в которой стоит дом Нелл, когда-то принадлежала семье Мунтраше.

Фамилия ничего не говорила Кассандре, и она покачала головой. Бен поднял бровь.

— Их дочь Роза вышла замуж за Натаниэля Уокера.

Кассандра нахмурилась.

— Художник... Американец?

— Точно, в основном портреты, ну, сама понимаешь. Госпожа такая-то и шесть ее любимых пуделей. Если верить дочке, он даже написал портрет короля Эдуарда^[9] в тысяча девятьсот десятом, перед самой кончиной монарха. По мне, так вершина карьеры, хотя Руби, похоже, не в восторге. Она сказала, что портреты не слишком удавались ему, были немного безжизненны.

— Я давно уже...

— Ей больше нравятся его эскизы. Руби всегда так, хлебом не корми, дай плыть против течения.

— Эскизы?

— Иллюстрации, журнальные картинки, черно-белые.

Кассандра внезапно задержала дыхание.

— Серия «Лис и лабиринт».

Бен поднял плечи и покачал головой.

— Ах, Бен, они были чудесны, чудесны, изумительно подробны.

Она так давно не вспоминала об истории искусств, что ее поразило нахлынувшее чувство. Странно, как нечто, когда-то занимавшее главное место в жизни — годы обучения, желанная карьера, — нечто, без чего она прежде не мыслила своего существования, полностью исчезло в настоящем.

— Натаниэль Уокер мельком упоминался в курсе об Обри Бёрдсли^[10] и его современниках, который я слушала, — сказала Кассандра. — Его творчество считается спорным, насколько я помню, но совершенно забыла, почему.

— Руби то же самое сказала; вы отлично поладите. Когда я упомянул этого художника, она разволновалась. Сказала, что несколько иллюстраций Уокера есть на новой выставке в музее Виктории и Альберта. Очевидно, работы очень редкие.

— Он почти не рисовал эскизы. — Кассандра начала припоминать. — Наверное, был слишком занят портретами. Иллюстрации были, скорее, хобби. Но все равно те, что он создал, выполнены с большой любовью.

Она вскочила.

— По-моему, у нас есть один из его рисунков в какой-то книге Нелл.

Кассандра взобралась на перевернутый ящик из-под молока и повела указательным пальцем вдоль верхней полки, остановившись, когда достигла бордового корешка с поблекшими золотыми буквами.

Она раскрыла книгу, не спускаясь с ящика, и осторожно пролистала цветные иллюстрации в начале.

— Вот. — Не сводя глаз со страницы, Кассандра шагнула вниз. — «Жалоба Лиса».

Бен подошел и встал рядом, поправил очки, чтобы свет не мешал.

— Замысловато, правда? Не в моем вкусе, но, видимо, твоим, и я вижу, что ты восхищаешься.

— «Жалоба» прекрасна и почему-то печальна.

Он наклонился ближе.

— Печальна?

— Полна уныния, тоски. Я не могу объяснить лучше. В морде лиса чувствуется какая-то утрата. — Она покачала головой. — Я не могу объяснить.

Бен сжал ей руку, пробормотал что-то насчет сэндвича в обед и вышел. Шаркая, он направился к своей лавке, точнее, к покупателю, который звенел подвесками уотерфордской люстры.

Кассандра продолжила изучать рисунок, гадая, откуда такая уверенность в скорби лиса. Конечно, дело в мастерстве художника, в способности через точное расположение тонких черных линий ясно выразить столь сложные чувства.

Кассандра сжала губы. Эскиз напомнил ей о дне, когда она, найдя книгу волшебных сказок, убивала время в подвале дома Нелл, пока наверху мать готовилась бросить ее. Оглядываясь назад, Кассандра видела, что ее любовь к искусству началась с той самой книги. Она перевернула обложку и попала в чудесные, пугающие, волшебные иллюстрации. Кассандра гадала, каково это — преодолеть жесткие границы слов и заговорить столь плавным языком.

Со временем, подрастая, Кассандра узнала алхимическую тягу к карандашу, блаженное ощущение потери чувства времени, когда колдуешь за мольбертом. Любовь к искусству привела ее к учебе в Мельбурне, затем к свадьбе с Николасом и всему, что последовало. Странно думать, что ее жизнь могла бы быть совсем другой, если бы она никогда не увидела чемоданчик и не испытала жгучего желания открыть его и заглянуть внутрь...

У Кассандры перехватило дыхание. Почему она раньше не подумала об этом? Внезапно она точно поняла, что делать и где искать. Есть единственное место, где возможно найти необходимые ключи к загадочному происхождению Нелл.

Кассандре пришло в голову, что Нелл могла избавиться от чемодана, но девушка довольно уверенно отмахнулась от этой мысли. В конце концов, ее бабушка была торговцем антиквариатом, коллекционером, шалашником^[11] в человеческом обличье. Уничтожить или выбросить нечто старое и редкое было совершенно не в ее духе.

Самое важное, если тетки сказали правду, что чемодан — не просто исторический артефакт, это якорь. Единственное, что связывало Нелл с ее прошлым. Кассандра понимала важность якорей, она слишком хорошо знала, что бывает с людьми, если канат, который связывает их с их жизнью,

рвется. Сама она дважды теряла якорь. В первый раз в десять лет, когда Лесли бросила ее, а во второй в молодости (неужели прошло уже лет десять?), когда в мгновение ока все для нее изменилось и Кассандра снова поплыла по течению.

Позже, оглядываясь на случившееся, она поняла, что чемодан сам нашел ее, как и в первый раз. Чемодан ждал ее и заявил бы о себе вне зависимости от того, охотится она за ним или нет.

Проведя вечер за поиском чемодана и разбором захламленных комнат, Кассандра против воли отвлекалась на те или иные памятные вещицы, в итоге она невероятно устала. Устало не только тело, но и голова. Сказались выходные. Быстро и неотвратно накатила вялость, подобная описанным в волшебных сказках, колдовское стремление забыться сном.

Вместо того чтобы спуститься в свою комнату, Кассандра, не раздеваясь, свернулась клубочком под покрывало Нелл и уронила голову на пуховую подушку. Она ощутила до боли знакомый запах — лавандового талька, полировочной пасты для серебра, стиральных хлопьев «Палмолив» и словно припала головой к груди Нелл.

Девушка спала как мертвая, в темноте, без снов. Наутро проснулась, и ей показалось, что она отдыхала гораздо дольше, чем одну ночь.

Солнце струилось через щель в занавесках, точно ого маяка, Кассандра лежала и смотрела, как танцуют пылинки. Она могла бы ловить их кончиками пальцев, но не стала. Вместо этого она проследила за лучом и повернула голову туда, куда он упал — на верхнюю полку гардероба, дверцы которой ночью разошлись. Там, за кучей полиэтиленовых пакетов с одеждой из магазина поддержанных вещей стоял старый белый чемоданчик.

Глава 11

Индийский океан, 400 миль от мыса Доброй Надежды, 1913 год

До Америки долго плыть. Папа рассказывал, что она даже дальше Аравии, и девочка знала, что путешествие займет сотню дней и ночей. Девочка утратила счет дням, но чувствовала, что их прошло немало, с тех пор как она ступила на борт. На самом деле дней прошло столько, что она привыкла к непрерывному движению. Это называется «стать морским волком», как она узнала из историй о Моби Дике.

Мысль о Моби Дике очень расстроила девочку. Она вспомнила, как папа читал ей о гигантском ките, как показывал в своей студии картинки с темными океанами и огромными кораблями. Картинки назывались «иллюстрации»; девочка с удовольствием мысленно выговаривала длинное слово. Когда-нибудь они попадут в настоящую книгу, которую будут читать другие дети, потому что ее папа рисует картинки для книжек с историями. По крайней мере, рисовал раньше. Еще он писал портреты, но они девочке не нравились, их глаза следили за ней по всей комнате.

Нижняя губа девочки задрожала, как иногда бывало при мысли о папе и маме, и она прикусила ее. В первые дни путешествия она много плакала, ничего не могла с собой поделаться, скучала по родителям. Но потом почти перестала, по крайней мере перед другими детьми. Они могут решить, что она слишком маленькая, чтобы играть с ними, и что с ней тогда станет? К тому же родители скоро будут с ней. Девочка знала, что они будут ждать ее, когда корабль приплывет в Америку. А Сочинительница тоже будет там?

Девочка нахмурилась. Она успела превратиться в морского волка, но Сочинительница так и не вернулась. Странно, ведь она так строго говорила, что надо всегда быть вместе, не расставаться, несмотря ни на что. Может, она прячется? Может, все это часть игры?

Девочка не была уверена. Она лишь радовалась, что встретила Уилла и Салли на палубе в то первое утро. Иначе кто знает, где бы она спала и как

находила бы еду. Уилл, Салли, их братья и сестры — детей оказалось столько, что не сразу пересчитаешь, — знали все о поисках пищи. Они показали ей, где можно раздобыть кусок солонины. (Девочке не слишком нравилась солонина, но Уилл только смеялся и говорил, что, может, она и привыкла к чему повкуснее, но в ее положении сойдет.) Обычно они были добры к ней. Сердились, лишь когда она отказывалась сказать, как ее зовут. Девочка знала, что если и играть в игры, то нужно следовать правилам. К тому же Сочинительница предупредила, что самое важное из правил — хранить свое имя в секрете.

У братьев и сестер Уилла были койки на нижних палубах, рядом с множеством других мужчин, женщин и детей. Людей там было больше, чем девочка когда-либо видела в одном месте. Мать тоже путешествовала с ними, хотя они называли ее мамашей. Она была совсем не похожа на мать девочки, у нее не было прелестного личика и чудесных темных волос, которые Поппи укладывала на макушке матери каждое утро. Мамаша больше напоминала женщин, которых девочка иногда видела, проезжая в карете через деревню, в потрепанных юбках и башмаках, нуждающихся в починке, с морщинистыми руками, похожими на пару старых перчаток, которые Дэвис надевал для работы в саду.

Когда Уилл впервые отвел девочку вниз, мамаша сидела на нижней койке и баюкала младенца, второй младенец лежал рядом и ревел.

— Это кто? — спросила она.

— Не говорит. Говорит только, что ждет кого-то и должна прятаться.

— Прятаться? — Женщина поманила девочку ближе. — И от чего же ты прячешься, детка?

Но девочка не ответила, а только покачала головой.

— Где ее родня?

— По-моему, у нее никого нет, — сказал Уилл. — По крайней мере, я не видел. Она пряталась за бочками, когда я нашел ее.

— Это правда, детка? Ты одна?

Девочка подумала над вопросом и решила, что лучше согласиться, чем упомянуть о Сочинительнице. Она кивнула.

— Так-так-так. Совсем крошка и одна-одинешенька в море. — Мамаша покачала головой и шлепнула ревущего малыша. — Это твой чемодан? Можно глянуть одним глазком?

Девочка смотрела, как мамаша отщелкивает застёжки и поднимает крышку, отодвигает книгу волшебных сказок и второе новое платье, находит под ними конверт. Мамаша сунула палец под печать и открыла конверт. Достала из него маленькую стопку бумаги.

Глаза Уилла широко распахнулись.

— Купюры. — Он глянул на девочку. — Что нам с ней делать? Отвести к дежурному?

Мамаша сунула банкноты обратно в конверт, сложила его втрое и сунула себе в лиф.

— Что толку говорить кому-то на корабле, — наконец указала она. — По мне, так никакого. Она побудет с нами, пока не доберемся на другой край света, а там выясним, кто ее ждет. Посмотрим, как нас отблагодарят за хлопоты.

Она сверкнула щербатой улыбкой.

Девочка почти не общалась с мамашей, чему была рада. Мамаша все время посвящала младенцам, которые, казалось, непрерывно сменяли друг друга у ее груди. Уилл сказал, что они сосут молоко, хотя девочка в жизни не слышала о подобном. По крайней мере, у людей. Она видела, как детеныши животных сосут молоко на фермах поместья. Младенцы напоминали пару поросят, только и делали, что вопили, сосали и толстели. И пока мамаша занималась младенцами, остальные дети заботились о себе сами. Уилл пояснил, что они привыкли, ведь дома им приходилось поступать так же. Они приехали из места под названием Болтон, и когда матери не надо было присматривать за младенцами, она с утра до ночи работала на хлопковой фабрике. Вот почему она так кашляла. Девочка все понимала, ведь ее мать тоже была нездорова, хоть и не кашляла, как мамаша.

По вечерам девочка и остальные дети садились и слушали музыку наверху, скольжение ног по блестящим полам. Сейчас они как раз сидели в темном углу и слушали. Сперва девочка хотела посмотреть, но другие дети только засмеялись и сказали, что верхние палубы не для таких, как они. Что ближе, чем этот закуток под вертикальной лестницей, им к барской палубе не подобраться.

Маленькая девочка промолчала, она прежде никогда не сталкивалась с такими правилами. Дома, за одним исключением, ей позволяли ходить, куда хочется. Запретным был лабиринт, который вел к дому Сочинительницы. Но это совсем другое дело, и ей было сложно понять, что имел в виду мальчик. Таких, как они? Детей? Возможно, на верхнюю палубу не пускают детей?

Впрочем, тем вечером ей не хотелось никуда подниматься. Она ощущала усталость уже не первый день. Ту усталость, от которой ноги становятся тяжелыми, точно бревна, а ступеньки кажутся вдвое выше. Еще у нее кружилась голова, а дыхание, слетавшее с губ, было горячим.

— Пойдем, — сказал Уилл, которому надоело слушать музыку. — Посмотрим, не видать ли землю.

Все зашевелились и встали. Девочка заставила себя подняться и попыталась сохранить равновесие. Уилл, Салли и остальные разговаривали, смеялись, их голоса кружились вокруг нее. Она попыталась понять, о чем они говорят, ее ноги дрожали, в ушах звенело.

Лицо Уилла внезапно приблизилось.

— Что случилось? Ты не заболела? — громко произнес он.

Девочка открыла рот, чтобы ответить, но колени подогнулись, и она начала падать. Прежде чем удариться головой о деревянную ступеньку, она увидела, как в небе мерцает яркая полная луна.

Девочка открыла глаза. Над ней стоял серьезный мужчина с бугристыми щеками и серыми глазами. Выражение его лица не изменилось, когда он наклонился ближе и достал из кармана рубашки маленькую плоскую лопаточку.

— Открой.

Прежде чем она поняла, что происходит, лопаточка прижала язык и мужчина заглянул в ее рот.

— Ясно, — сказал он. — Хорошо.

Врач вынул лопаточку и поправил свой жилет.

— Дыши.

Девочка повиновалась, и мужчина кивнул.

— С ней все хорошо, — снова сказал он.

Затем подозвал мужчину помоложе, с соломенными волосами.

— Она жива. Ради Христа, гоните ее из лазарета, пока не померла.

— Но, сэр, — запыхтел второй мужчина, который и до этого проявлял доброту к девочке. — Она ударилась головой, когда упала, разве ей не надо немного отдохнуть?..

— Для отдыхающих у нас не хватит коек, прекрасно отдохнет в своей каюте.

— Я точно не знаю, из какой она...

Врач закатил глаза.

— Так спросите ее.

Мужчина с соломенными волосами понизил голос:

— Сэр. Я вам о ней говорил. Похоже, потеряла память. Может, когда упала.

Врач опустил взгляд на девочку.

— Как тебя зовут?

Девочка задумалась. Она услышала его слова, поняла, о чем он спрашивает, но почему-то не смогла ответить.

— Ну? — настаивал мужчина.

Девочка покачала головой.

— Я не знаю.

Врач раздраженно вздохнул.

— У меня нет ни времени, ни свободной койки. Ее лихорадка прошла.

Судя по запаху, она из третьего класса.

— Да, сэр.

— И? Кто-то должен объявить ее своей.

— Да, сэр, там снаружи ждет парнишка, тот самый, который привел ее на днях. Пришел проведать, брат, наверное.

Врач выглянул за дверь, чтобы посмотреть на мальчика.

— А где родители?

— Парнишка говорит, его отец в Австралии, сэр.

— А мать?

Мужчина прочистил горло и наклонился поближе к врачу.

— Кормит рыб у мыса Доброй Надежды, сэр. Померла три дня назад, когда мы выходили из порта.

— Лихорадка?

— Да.

Врач нахмурил лоб и коротко вздохнул.

— Что ж, впустите его.

Перед ним мигом очутился паренек, тонкий как тростинка с черными как уголь глазами.

— Твоя девочка? — спросил врач.

— Да, сэр, — ответил мальчик. — В смысле, она...

— Довольно, мне неинтересна ваша жизнь. Ее лихорадка прошла, и шишка на голове тоже. Она сейчас почти не говорит, но, конечно, скоро снова залепечет. Наверняка пытается привлечь к себе внимание, если вспомнить, что случилось с вашей матерью. Так иногда бывает, особенно с детьми.

— Но, сэр...

— Довольно.

— Да, сэр.

— Забери ее. — Он повернулся к члену экипажа. — Положите кого-нибудь на ее койку.

Девочка сидела у перил и смотрела на воду. Голубые волны с белыми

гребнями вздымались под прикосновениями ветра. Море в тот день было более беспокойным, чем обычно, и она отдалась на волю качке. Девочка чувствовала себя странно, не то чтобы плохо, а просто странно. Словно голову наполнил густой белый туман и не торопился рассеиваться.

Так было с тех самых пор, как она очнулась в лазарете, с тех пор, как странные мужчины осмотрели ее и отослали с мальчиком. Он отвел ее вниз в темное место, полное коек, матрасов и людей. Она никогда прежде не видела столько людей.

— Вот, — слышался голос за плечом. Это был мальчик. — Не забудь свой чемодан.

— Мой чемодан?

Девочка взглянула на предмет багажа из белой кожи.

— Господи! — Мальчик странно посмотрел на нее. — Да и впрямь слетела с катушек, а я думал, только притворяешься перед доктором. Только не говори, что не помнишь свой собственный чемодан! Ты всю поездку охраняла его, как львица, готова была разорвать нас на части, даже если мы просто смотрели на него. Не хотела расстраивать свою драгоценную Сочинительницу.

Незнакомое слово повисло в воздухе, и девочка ощутила кожей странные покалывания.

— Сочинительницу? — повторила она.

Но мальчик не ответил.

— Земля! — крикнул он.

Мальчик метнулся к перилам, которые тянулись вдоль палубы, и перегнулся через них.

— Земля! Ты видишь?

Девочка подошла и встала рядом, продолжая цепляться за ручку маленького белого чемодана. Она настороженно взглянула на веснушчатый нос мальчика, затем повернулась посмотреть, куда указывает его палец. Девочка увидела вдали полоску земли и растущие на ней бледно-зеленые деревья.

— Это Австралия, — сказал мальчик, во все глаза глядя на далекий берег. — Там нас ждет мой папаша.

«Австралия», — подумала девочка. Еще одно незнакомое слово.

— Там у нас начнется новая жизнь, со своим собственным домом и прочим добром и даже кусочком земли. Так пишет мой папаша, он говорит, что мы будем обрабатывать землю, начнем жизнь сначала. Так и будет, хоть мамы и нет больше с нами.

Последнюю фразу он сказал чуть тише. Мгновение помолчал,

повернулся к девочке и кивнул в сторону берега.

— Твой папаша тоже там?

Девочка задумалась.

— Мой папаша?

Мальчик закатил глаза.

— Твой отец, — пояснил он. — Тот парень, что живет с твоей мамашей. Ну знаешь, твой папаша.

— Мой папаша, — эхом повторила девочка.

Мальчик больше не слушал. Он заметил одну из своих сестер и побежал к ней, крича, что увидел землю.

Девочка кивнула, когда он ушел, хотя все еще не вполне понимала, что он имел в виду.

— Мой папаша, — неуверенно сказала она. — Там мой папаша.

Крик «Земля!» прокатился по палубе, люди начали суетиться, а девочка понесла чемодан в закуток рядом с грудой бочек, к которым ее необъяснимо тянуло. Она села и открыла чемодан, надеясь найти немного провизии. Еды не было, она достала книгу волшебных сказок, которая лежала поверх всего остального.

Корабль плыл к берегу, крохотные точки вдали превращались в чайки. Девочка развернула книгу на коленях и принялась разглядывать чудесный черно-белый рисунок женщины с оленем, что стояли бок о бок на поляне в колючем лесу. И, даже не умея читать, девочка поняла, что знает, из какой сказки эта картинка. Из сказки о юной принцессе, которая отправилась в далекий путь через море, чтобы найти спрятанное сокровище, принадлежащее тому, кого она горячо любит.

Глава 12

Над Индийским океаном, 2005 год

Кассандра прислонилась к холодному, грубому пластику салона и глянула в иллюминатор на бескрайний голубой океан. Тот самый океан, который много-много лет назад пересекла маленькая Нелл.

Кассандра никогда еще не бывала за океаном. Конечно, однажды она посетила Новую Зеландию, а перед свадьбой погостила в Тасмании у семьи Ника, но не более того. Они с Ником подумывали перебраться на несколько лет в Англию: Ник писал бы музыку для английского телевидения, а уж работы для историков искусств в Европе хватает. Но они так и не сумели осуществить свои планы, и Кассандра давным-давно похоронила эту мечту.

И вот она на борту самолета, совсем одна, летит в Европу. После разговора с Беном в антикварном центре, после того как он вручил ей фотографию дома, после того как она нашла чемодан, ничто другое уже не занимало ее мысли. Загадка, казалось, преследовала ее, Кассандра никак не могла от нее избавиться, сколько ни старалась. По правде говоря, она и не хотела, ей нравилась увлеченность этой историей, нравилось думать о Нелл, той, другой Нелл, маленькой девочке, которую она не знала.

На самом деле, даже найдя чемодан, Кассандра не собиралась лететь в Англию. Куда более разумным казалось подождать месяц-другой, посмотреть, как пойдут дела, быть может, перенести поездку на будущее. Она не могла попросту махнуть в Корнуолл, повинувшись порыву. Но потом ей приснился сон, тот самый, что время от времени снился последние десять лет. Кассандра стояла посреди поля, и во все стороны до самого горизонта — никого. Во сне не было ощущения враждебности, одна бесконечность. Обычные растения, ничего особенного, блеклая жесткая трава высотой до кончиков пальцев и легкий шелестящий ветерок.

Вначале, когда сон только начал сниться, Кассандра чувствовала, что кого-то ищет, что надо лишь пойти в нужном направлении — и она найдет.

Но сколько бы раз Кассандра ни видела этот пейзаж, она так никого и не нашла. Один волнистый холм сменялся другим, она не вовремя отворачивалась; внезапно просыпалась.

Постепенно, со временем, сон изменился. Так неуловимо, так постепенно, что она и не заметила, как это произошло. Не то чтобы изменилась обстановка: физически все осталось прежним. Изменилось ощущение. Кассандра все больше теряла уверенность, что найдет того, кого ищет, пока однажды ночью не поняла: ничего нет, никто ее не ждет. Неважно, как далеко она забредет, как тщательно будет искать, отчаянно стремиться найти, она все равно одна...

Наутро опустошенность не исчезла, но Кассандра привыкла к ее приглушенному послевкусию и вела себя как обычно. Она и не подозревала, что день будет чем-то отличаться от прочих, пока не пошла в соседний торговый центр, чтобы купить хлеба на обед. По дороге Кассандра отчего-то остановилась у туристического агентства. Забавно, прежде она никогда его не замечала. Не вполне понимая, как или почему, она толкнула дверь, ступила на циновку из водорослей и увидела шеренгу консультантов, ждущих, что она спросит.

Позже Кассандра вспоминала, что в тот миг ощутила легкое удивление. Словно в конце концов стала настоящим человеком, полноценным, взаимодействующим с другими людьми. И неважно, что ей часто казалось, будто она живет полужизнью, скрываясь во мгле.

Вернувшись домой, Кассандра мгновение постояла, вновь переживая утренние события и стараясь выделить миг, когда было принято решение, вспоминала, как пошла в магазин за хлебом, а вернулась с билетом на самолет. Затем она направилась в комнату Нелл, достала из укрытия чемодан и вынула все его содержимое: книгу волшебных сказок, эскиз с подписью «Элиза Мейкпис» на обороте, тетрадь в линейку с каракулями Нелл на каждой странице.

Кассандра приготовила себе кофе с молоком и села на кровать Нелл, изо всех сил пытаясь расшифровать кошмарный почерк, перенося слова в чистую тетрадь. Она довольно хорошо разбирала рукописные записи прошлых веков (вполне естественно для торговца подержанными товарами), но старомодный почерк — это одно, у него есть свой ритм. Почерк Нелл был попросту каракулями. Намеренными, небрежными каракулями. В довершение всего тетрадь в какой-то момент пострадала от воды. Страницы склеились, вокруг сморщенных пятен появилась плесень. Если бы Кассандра поспешила, то, возможно, порвала бы страницы и навсегда уничтожила записи.

Дело продвигалось медленно, но она почти сразу поняла, что Нелл пыталась решить загадку своего происхождения.

Апрель 1975 года. Сегодня принесли белый чемодан. Я сразу поняла, что это такое.

Я притворилась равнодушной. Дуг и Филлис не знают правды, и я не хотела, чтобы они видели, как меня трясет. Я хотела, чтобы они считали, что это всего лишь папин старый чемодан, который он решил мне оставить. После того как они ушли, я довольно долго сидела и смотрела, я старалась вспомнить, кто я, откуда. Без толку, разумеется, и потому в конце концов я открыла его.

Внутри лежало папино письмо, что-то вроде извинения, под ним остальные вещи. Детское платье — наверное, мое, — серебряная щетка для волос. Была еще книга волшебных сказок, которую я сразу узнала. Я перевернула обложку и увидела ее, Сочинительницу. Слова вспыхнули в моей голове. Она ключ к моему прошлому, не сомневаюсь. Если я найду ее, я наконец найду себя. Ведь именно это я намерена сделать. В этой тетради я буду отмечать свой прогресс и к ее концу буду знать свое имя и причину, по которой утратила его.

Кассандра, полная тревоги, осторожно переворачивала заплесневелые страницы. Исполнила ли Нелл то, что задумала? Узнала ли, кто она? Не потому ли купила дом? Последняя запись была датирована ноябрем тысяча девятьсот семьдесят пятого, когда Нелл вернулась из Англии в Брисбен.

Я вернусь, как только улажу дела. Мне будет жалко покидать дом в Брисбене и магазин, но что они по сравнению с долгожданной истиной? А я очень близка к ней. Я знаю. Теперь, когда дом мой, я чувствую, что последние ответы не за горами. Это мое прошлое, моя суть, и я почти нашла их.

Нелл собиралась окончательно уехать из Австралии? Но почему не уехала? Что случилось? Почему она больше ничего не написала? Кассандра

еще раз взглянула на дату, ноябрь тысяча девятьсот семьдесят пятого, и у нее мурашки побежали по коже. Через два месяца Нелл подбросили внучку. Обещанные неделя-две растянулись до бесконечности, навсегда.

Кассандра отложила тетрадь, ее уверенность крепла. Нелл без тени сомнения приняла родительские бразды, подарила Кассандре дом и семью, заменила мать, ни разу не обмолвившись и словом о своих планах, которые нарушил приезд внучки.

Кассандра отвернулась от иллюминатора, достала из ручной клади книгу сказок и положила ее на колени. Она не знала, отчего так стремилась взять книгу на борт. Возможно, как связь с Нелл, ведь это книга из чемодана — связь с прошлым Нелл, одна из немногих вещей, которая сопровождала маленькую девочку через моря, в Австралию. Но что-то крылось и в самой книге. Она вызывала в Кассандре те же чувства, что и давным-давно, когда она впервые нашла ее внизу, в квартире Нелл. Заголовок, иллюстрации, даже имя автора: Элиза Мейкпис. Кассандра прошептала его — и странный холод пробежал по ее позвоночнику.

Океан все так же стелился внизу, Кассандра открыла первую историю под названием «Глаза старухи» и начала читать. Эту сказку она помнила с того самого жаркого летнего дня много лет назад.

Элиза Мейкпис

ГЛАЗА СТАРУХИ

Давным-давно на земле, которая лежит далеко за сверкающим морем, жила принцесса, которая не знала, что она принцесса, потому что, когда она была совсем крошкой, ее королевство разграбили, а королевскую семью убили. Случилось так, что ребенком она играла в тот день за стенами замка и ничего не знала о нападении, пока ночь не начала опускаться на землю. Девочка оставила игру и обнаружила свой дворец в развалинах. Она долго брела одна-одинешенька, пока наконец не пришла в дом на краю темного леса. Когда она постучала в дверь, небо, пораженное увиденным, со злости треснуло и пролилось на землю яростным дождем.

В доме жила слепая старуха, которая пожалела девочку, решила дать ей приют и вырастить как родную. Работы у нее хватало, но никто не слышал, чтобы девочка жаловалась, ведь она была настоящей принцессой с чистым сердечком. Счастливы те, у кого много хлопот, ведь их умам не хватает времени искать горя. И потому принцесса росла, довольная жизнью. Она привыкла любить смену времен года, научилась радоваться севу и уходу за растениями. И хотя принцесса становилась красивой, она не знала об этом, ведь старуха не обладала ни зеркалом, ни тщеславием, и потому принцессе было не ведомо ни то ни другое.

Однажды вечером, когда девушке шел уже шестнадцатый год, они сидели на кухне и ужинали.

— Что случилось с твоими глазами, милая бабушка? — спросила принцесса, которую давно занимал этот вопрос.

Старуха повернулась к принцессе. На месте глаз у нее была лишь морщинистая кожа.

— У меня отняли зрение.

— Кто же?

— Когда я была девушкой, отец так любил меня, что отнял у меня глаза, чтобы я никогда не видела смерти и разрушений.

— Но, милая бабушка, ведь ты не видишь и красоты, — сказала принцесса, думая о том, какую радость доставлял ей цветущий сад.

— Не вижу, — сказала старуха. — А я так хотела бы посмотреть, как ты растешь, моя красавица.

— Разве нельзя отыскать твои глаза?

Старуха печально улыбнулась.

— Гонец должен был вернуть глаза, когда мне исполнилось шестьдесят лет, но в ту ночь прибежала ты, моя красавица, и ужасная гроза неслась за тобой по пятам, так что я не смогла его встретить.

— Разве нельзя его найти?

Старуха покачала головой.

— Гонец не мог ждать и бросил мои глаза в глубокий колодец в Стране потерянных вещей.

— Разве не можем мы отправиться за ними?

— Увы, — ответила старуха, — путь далек, и дорога вымощена опасностями и утратами.

Времена года сменяли друг друга, и старуха становилась все слабее и бледнее. Однажды днем, когда принцесса вышла набрать яблок на зиму, она увидела старуху, которая сидела в развилке яблони и плакала. Принцесса замерла от удивления, ведь она ни разу не видела, чтобы старуха проронила хотя бы слезинку. Она прислушалась и поняла, что старуха говорит с важной серо-белой птицей с полосатым хвостом.

— Мои глаза, мои глаза, — причитала она. — Смерть близка, и зрение никогда не вернется ко мне. Скажи мне, мудрая птица, как я найду дорогу в мире ином, когда не вижу себя?

Быстро и тихо принцесса вернулась в дом, она знала, что делать. Старуха отказалась от зрения, чтобы дать принцессе приют, и теперь ее доброта должна быть вознаграждена. Хотя девушка никогда не ходила дальше лесной опушки, она не медлила. Ее любовь к старухе была столь велика, что даже если выстроить в ряд все песчинки в океане, и то не измерить.

Принцесса проснулась, едва забрезжил рассвет, и отправилась в лес, не останавливаясь, пока не добралась до берега. Там она села на корабль и поплыла по широкому морю в Страну потерянных вещей.

Путь был долгим и трудным. Добравшись, принцесса огляделась в смущении — лес в Стране потерянных вещей выглядел совсем не так, как тот, к которому она привыкла. Деревья были жесткими и колючими, звери ужасными, и даже от пения птиц принцессу пробирала дрожь. Чем больше она боялась, тем быстрее бежала, пока не остановилась. Сердце колотилось

в груди. Принцесса потерялась и не знала, куда идти. Она готова была отчаяться, когда важная серо-белая птица появилась перед ней.

— Меня послала старуха, — сказала птица, — чтобы охранять тебя и отвести к колодцу в Стране потерянных вещей, где ты найдешь свою судьбу.

Принцессе сразу стало легче, и она пошла за птицей. В животе у нее урчало от голода, но она не могла найти еду в этой жестокой стране. Долго ли, коротко ли, но она набрела на старую женщину, которая сидела на поваленном дереве.

— Как поживаешь, красавица? — спросила старая женщина.

— Я очень проголодалась, — ответила принцесса, — но не знаю, где найти еду.

Старая женщина показала на лес, и тут принцесса увидела, что на деревьях растут ягоды, а гроздья орехов висят на кончиках ветвей.

— Спасибо тебе, добрая женщина, — сказала принцесса.

— Я ничего не сделала, — возразила старая женщина, — только открыла тебе глаза и показала то, о чем ты и так знала.

Принцесса пошла дальше за птицей, уже более сытая, но, пока они шли, погода начала меняться, и ветер стал холодным.

Долго ли, коротко ли, но она набрела на вторую старую женщину, которая сидела на пне.

— Как поживаешь, красавица?

— Я очень замерзла, но не знаю, где найти теплую одежду.

Старая женщина показала на лес, и принцесса увидела заросли шиповника с мягчайшими, нежнейшими лепестками. Девушка укрылась в них, и ей стало намного теплее.

— Спасибо тебе, добрая женщина, — сказала принцесса.

— Я ничего не сделала, — возразила старая женщина, — только открыла тебе глаза и показала то, о чем ты и так знала.

Принцесса пошла дальше за серо-белой птицей, уже более сытая и согревшаяся, чем прежде, но у нее начали болеть ноги, ведь она так много прошла.

Долго ли, коротко ли, но принцесса набрела на третью старую женщину, которая сидела на пне.

— Как поживаешь, красавица?

— Я очень устала, но не знаю, где найти повозку.

Старая женщина показала на лес, и тут на поляне принцесса увидела блестящего коричневого оленя в золотом ошейнике. Олень подмигнул принцессе темным задумчивым глазом, и принцесса, добрая сердцем,

протянула руку. Олень подошел к ней и склонил голову, чтобы она могла сесть ему на спину.

— Спасибо тебе, добрая женщина, — сказала принцесса.

— Я ничего не сделала, — возразила старая женщина, — только открыла тебе глаза и показала то, о чем ты и так знала.

Принцесса и олень следовали за серо-белой птицей все дальше и дальше в темный лес. Шли дни, и девушка начала понимать тихий и нежный язык оленя. Ночь за ночью они разговаривали, и принцесса узнала, что олень прячется от вероломного охотника, которого послала злая ведьма. Принцесса была так благодарна оленю за доброту, что поклялась спасти его от мучителей.

Однако добрые намерения принцессы потерпели крах. На следующее утро она проснулась спозаранку и обнаружила, что оленя нет на обычном месте у костра. На дереве взволнованно чирикала серо-белая птица, и принцесса быстро вскочила на ноги и пошла за ней. Глубоко забравшись в соседние колючие кусты, она услышала, как плачет олень. Принцесса поспешила к нему и увидела стрелу в его боку.

— Ведьма нашла меня, — заговорил олень. — Когда я собирал орехи для нашего путешествия, она приказала своим лучникам застрелить меня. Я бежал со всех ног как можно дальше, но здесь упал замертво.

Принцесса опустилась на колени рядом с оленем, и ее горе при виде его страданий было так велико, что она начала поливать слезами тело оленя. Искренность и свет ее слез излечили его рану.

Следующие несколько дней принцесса ухаживала за оленем, и, как только он поправился, они продолжили путь на край обширных лесов. Когда путешественники наконец вышли на опушку, перед ними открылся берег сверкающего моря.

— Чуть дальше к северу, — сказала птица, — находится Колодец потерянных вещей.

День подходил к концу, сгущались сумерки, но галька на берегу светилась в лунном свете, точно серебро, озаряя им путь. Они шли на север, пока на вершине отвесной черной скалы не увидели колодец. Серо-белая птица попрощалась с ними и улетела, она исполнила свой долг.

Когда принцесса и олень достигли колодца, девушка обернулась и погладила своего благородного спутника по шее.

— Ты не можешь спуститься со мной в колодец, милый олень, — сказала она, — это я должна сделать сама.

Собрав всю смелость, которую получила на своем пути, принцесса прыгнула в устье колодца и начала падать, падать, падать на самое дно.

Девушка пролетела сквозь сны и грезы и очутилась в поле, где на солнце сверкала трава и пели деревья.

Внезапно, откуда ни возьмись, появилась прекрасная фея с сияющей улыбкой и длинными вьющимися волосами, которые сверкали, как золотые нити. Принцессе сразу стало легко на душе.

— Ты прошла долгий путь, усталая путница, — сказала фея.

— Я узнала, что могу вернуть милому другу глаза. Не видела ли ты шариков, о которых я говорю, светлая фея?

Не проронив ни слова, фея раскрыла ладонь, и на ней оказались два глаза, прекрасные глаза девушки, которая не видела зла.

— Можешь взять их, — сказала фея, — но твоей старухе они больше не понадобятся.

И прежде чем принцесса успела спросить, что фея имеет в виду, она очнулась и увидела, что лежит рядом со своим милым оленем у устья колодца. В ее руках был маленький сверток с глазами старухи.

Три месяца путники шли обратно через Страну потерянных вещей, плыли через глубокое синее море и наконец вернулись на родину принцессы. Когда они подошли к дому старухи на краю знакомого темного леса, их остановил егерь и подтвердил предсказание феи. Пока принцесса путешествовала по Стране потерянных вещей, старуха мирно скончалась.

Услышав это, принцесса заплакала, ведь ее долгие странствия закончились впустую, но олень, который был столь же мудр, сколь и добр, велел красавице перестать плакать.

— Не стоит, ведь ей не нужны были глаза, чтобы понять, кто она. Она знала, кто она, благодаря твоей любви к ней.

Принцесса была так благодарна оленю за доброту, что потянулась и погладила его по теплой морде. И в тот же миг олень превратился в прекрасного принца, а его золотой ошейник стал короной. Он рассказал принцессе, что злобная ведьма наложила на него заклятие, заключив в тело оленя до тех пор, пока прекрасная дева не полюбит его так сильно, что оплачет его судьбу.

Принц и принцесса обвенчались и жили долго, счастливо и хлопотно в маленьком домике старухи, глаза которой всегда смотрели на них из кувшина над очагом.

Глава 13

Лондон, Англия, 1975 год

Он словно сошел с небрежного рисунка. Хилый, тощий, сутулый из-за горба посередине спины. Широкие бежевые брюки с салными пятнами липли к коленям, тонкие лодыжки стоически торчали из слишком больших ботинок, клочья белого пуха росли на наиболее плодородных участках почти лысой головы. Он походил на персонаж детской истории. Волшебной истории.

Нелл оторвалась от окна и снова изучила адрес в тетради. Вот он, записан ее собственным кошмарным почерком.

Антикварный книжный магазин мистера Снелгроув, Сесил-корт, рядом с Шафтсбери-авеню. Лучший лондонский эксперт по сказочникам и старым книгам. Возможно, знает об Элизе?

Вчера ей дали его имя и адрес в библиотеке. Библиотекари не смогли найти новых сведений об Элизе Мейкпис, но сказали, что если кто и сумеет помочь продвинуться в поисках, так это мистер Снелгроув. Не самый общительный тип, зато знает о старых книгах больше, чем кто-либо в Лондоне. Молодой библиотекарь пошутил, что этот эксперт стар, как само время, и, возможно, прочел книгу сказок, когда она только вышла из печати.

Холодный ветерок пробежал по голой шее, и Нелл потуже затянула пальто. Намеренно глубоко и свободно вдохнув, она толкнула дверь.

На косяке прозвенел латунный колокольчик, и старик повернулся, чтобы взглянуть на гостью. Толстые линзы очков отражали свет и сверкали, как два круглых зеркала, невообразимо большие уши удерживали

равновесие по бокам головы, а белая поросль оккупировала их изнутри.

Владелец магазина наклонил голову, и первой мыслью Нелл было, что он кланяется — легкий след манер былых времен. Но когда блеклые, словно стеклянные, глаза показались над оправой очков, она поняла, что старик просто пытается получше ее рассмотреть.

— Мистер Снелгроув?

— Да. — Тон раздражительного школьного директора. — Разумеется, да. Что ж, входите, не то напустите холодного воздуха.

Нелл шагнула вперед, слыша, как за ней закрывается дверь. Небольшой сквозняк прекратился, и теплый затхлый воздух снова успокоился.

— Имя? — спросил мужчина.

— Нелл. Нелл Эндрюс.

Он моргнул.

— Имя, — повторил он подчеркнуто, — книги, которую вы ищете.

— Конечно. — Нелл снова глянула в свою тетрадь. — Хотя я вообще-то не ищу книгу.

Мистер Снелгроув снова медленно кивнул, изобразив лишь пародию на терпение.

Нелл поняла, что он уже устал от беседы. Это застало ее врасплох, она привыкла сама разыгрывать усталость. Удивление от происходящего вызвало досадное заикание.

— Д-дело в том, — она умолкла, ловя за хвост ускользящее хладнокровие, — что у меня уже есть нужная книга.

Мистер Снелгроув резко фыркнул, его большие ноздри сжались.

— Могу ли я предположить, мадам, — сказал он, — что если у вас уже есть нужная книга, вы не слишком нуждаетесь в моих скромных услугах? Желаю удачи.

Старик кивнул и зашаркал прочь, вновь обратившись к высоченному книжному шкафу рядом с лестницей.

Ее отослали. Нелл открыла рот. Закрыла. Повернулась к выходу. Остановилась.

Нет. Она проделала долгий путь, чтобы раскрыть свою тайну, и этот человек поможет ей узнать что-то об Элизе Мейкпис и о том, могла ли она сопровождать Нелл в Австралию в тысяча девятьсот тринадцатом году.

Выпрямившись во весь рост, Нелл прошла по половицам и встала рядом с мистером Снелгроувом. Она покашляла, довольно нарочито, и подождала.

Старик даже головы не повернул, а попросту продолжил перебирать

книги на полке.

— Вы еще здесь, — наконец констатировал он.

— Да, — четко сказала Нелл. — Я прошла долгий путь, чтобы показать вам кое-что, и не намерена уходить, пока не сделаю это.

— Боюсь, мадам, — со вздохом произнес он, — что вы напрасно потратили время, а сейчас тратите мое. Я не принимаю предметы на реализацию.

У Нелл от злости запершило в горле.

— А я не собираюсь продавать свою книгу. Я только хочу, чтобы вы посмотрели на нее, потому что мне нужно мнение эксперта.

Ее щеки горели, до чего непривычно! Она редко краснела, всегда умела уберечься от нежеланных проявлений эмоций.

Мистер Снелгроув повернулся и окинул ее оценивающим взглядом — блеклым, холодным, усталым. Какое-то непонятное ей чувство слегка растянуло его губы в улыбку. Без единого слова, едва шевельнувшись, он указал ей на маленькую комнатку за прилавком.

Нелл поспешила в дверной проем. Его согласие было из тех капель доброты, что точат чужую решимость. Облегчение грозило прорвать оборону, и она полезла в сумку за старым платком, чтобы удержать предательские слезы. Да что с ней происходит? Она не эмоциональна и знает, как сохранять самообладание. По крайней мере, всегда знала. До недавних пор. До того, как Дуг принес чемодан и она нашла внутри книгу сказок с портретом. Благодаря этому она начала вспоминать события и людей: Сочинительницу, фрагменты прошлого, проглядывающие сквозь крошечные дырочки в ткани памяти.

Мистер Снелгроув закрыл за собой стеклянную дверь и побрел по персидскому ковру, потускневшему под слоем древней пыли. Он пробрался между пестрыми грудками книг, которые высились на полу своеобразным лабиринтом, упал в кожаное кресло за столом, нашарил сигарету в мятой бумажной пачке и закурил.

— Ну, — слово вылетело вместе со струей дыма, — я жду. Позвольте взглянуть на вашу книгу.

Нелл завернула книгу в кухонное полотенце, когда уезжала из Брисбена. Вполне разумно — книга старая и дорогая, — и все же в тусклом свете сокровищницы мистера Снелгроува домашний уют полотенца смутил ее. Смущение, в свою очередь, переросло в досаду.

Нелл развязала шнурок и стянула ткань в красно-белую клетку, но удержалась и не затолкала ее обратно в сумку. Затем протянула книгу через стол в ждущие пальцы мистера Снелгроува.

Повисла тишина, нарушаемая лишь тиканьем встроенных часов. Нелл тревожно ждала, пока букинист одну за другой переворачивал страницы.

Он молчал.

Возможно, надо объяснить подробнее?

— Я, собственно, на что надеялась...

— Тихо. — Взметнулась бледная ладонь; с сигареты, зажатой меж двух пальцев, готов был осыпаться столбик пепла.

Слова застряли у Нелл в горле. Несомненно, мистер Снелгроув был самым грубым человеком, с каким ей когда-либо выпадало несчастье иметь дело, а учитывая характер некоторых ее товарищей по торговле подержанными товарами, такая характеристика значила немало. И тем не менее кто, как не он, поможет ей добыть необходимые сведения? Оставалось лишь виновато сидеть, ждать и смотреть, как белое тело сигареты превращается в невероятно длинный столбик пепла.

Наконец пепел отвалился и бесшумно упал на пол. Присоединился к своим пыльным товарищам, умершим подобной же смертью. Нелл, никоим образом не фанатичная домохозяйка, вздрогнула.

Мистер Снелгроув в последний раз жадно затянулся и раздавил использованный сигаретный фильтр в забитой пепельнице. После целой вечности ожидания он, покашливая, заговорил.

— Где вы ее нашли?

Нелл показалось или его голос дрогнул от любопытства?

— Мне ее дали.

— Кто?

Как на это ответить?

— Полагаю, сам автор. Я точно не помню, я была совсем ребенком.

Теперь старик разглядывал Нелл с интересом. Его губы сжались и чуть дрогнули.

— Я слышал о ней, разумеется, но за всю свою жизнь, признаюсь, ни разу не видел.

Книга лежала на столе, и мистер Снелгроув легонько провел рукой по ее обложке. Его веки задрожали и опустились, он издал вздох глубокого удовлетворения, точно путник в пустыне, который дошел до воды.

Удивленная такой переменной в его поведении, Нелл откашлялась, подбирая слова.

— Так значит, она редкая?

— О да, — тихо сказал букинист, снова открывая глаза, — да. Исключительно редкая. Всего одно издание, видите ли. Плюс иллюстрации Натаниэля Уокера. Это одна из весьма немногих книг, над которыми он

вообще работал.

Старик открыл обложку и уставился на рисунок.

— Удивительная редкость, спору нет.

— А что насчет автора? Вы знаете что-нибудь об Элизе Мейкпис? — Нелл в надежде затаила дыхание, когда он сморщил крупный нос. — Она такая неуловимая. Я разузнала лишь самые незначительные подробности.

Мистер Снелгроув с трудом встал и жадно посмотрел на книгу, прежде чем повернуться к небольшой деревянной картотеке на полке за спиной. Ящички были маленькими, и, когда букинист вытянул один, Нелл увидела, что он под завязку набит небольшими прямоугольными карточками. Старик пролистывал их, бормоча себе под нос, и наконец вытащил одну.

— А, вот она. — Губы мистера Снелгроува шевелились, пока он просматривал карточку, наконец он заговорил громче. — Элиза Мейкпис... рассказы появлялись в различных журналах... Всего один опубликованный сборник, — он стукнул пальцем по книге Нелл, — вот он перед нами... крайне мало научных работ о ней... Кроме... Ага!

Нелл села прямее.

— Что? Что вы нашли?

— Статью, книгу, в которой упоминается ваша Элиза, она содержит небольшую биографию, насколько я помню. — Старик побрел к книжному шкафу, который протянулся от пола до потолка. — Довольно свежая, всего девять лет. Согласно моей заметке, она должна храниться где-то... — Он провел пальцем по четвертой полке, помедлил, провел чуть еще и остановился. Здесь.

Мистер Снелгроув заворчал, доставая книгу, сдул пыль с обложки, затем перевернул ее и прищурился на корешок. «Волшебные сказки и их создатели конца XIX века» доктора Роджера Мак-Уильямса. Он лизнул палец и обратился к содержанию, просматривая список.

— Вот она, Элиза Мейкпис, страница сорок семь.

Он толкнул раскрытую книгу по столу к Нелл.

Ее сердце колотилось, пульс подрагивал под кожей. Горячо, совсем горячо. Нелл неловко пролистала страницы до сорок седьмой, прочла имя Элизы наверху.

Наконец она чего-то добилась, нашла биографию, которая облечет плотью человека, с ней связанного.

— Благодарю вас, — прошептала Нелл, слова застревали у нее в горле. — Благодарю вас.

Мистер Снелгроув кивнул, смущенный ее благодарностью. Он указал на книгу Элизы.

— Полагаю, вы не ищете для нее добрых рук?

Нелл чуть улыбнулась и покачала головой.

— Боюсь, я не смогу с ней расстаться. Это фамильная ценность.

Зазвонил колокольчик. По ту сторону стеклянной двери кабинета стоял юноша и неуверенно глядел на башни провисших полок.

Мистер Снелгроув резко кивнул.

— Что ж, если передумаете, вы знаете, где меня найти. — Глядя на нового посетителя поверх очков, он фыркнул. — Почему они всегда держат дверь открытой?

Старик побрел обратно в магазин.

— «Волшебные сказки и их создатели» стоят три фунта, — сообщил он, проходя мимо стула Нелл. — Можете недолго посидеть здесь со всеми удобствами, только не забудьте оставить плату на прилавке, когда будете уходить.

Нелл кивнула в знак согласия и, когда дверь за ним закрылась, принялась читать с колотящимся сердцем.

«Элизу Мейкпис, писательницу первого десятилетия двадцатого века, лучше всего помнят по волшебным сказкам, которые регулярно появлялись в разных журналах с 1907-го по 1913 год. Принято считать, что она сочинила тридцать пять историй, хотя этот список далеко не полон. Жаль, что подлинный объем ее наследия может навсегда остаться неизвестным. Иллюстрированный сборник волшебных сказок Элизы Мейкпис был опубликован лондонской типографией „Хоббинс и К°“ в августе 1913 года. Книга хорошо продавалась, была благосклонно принята критикой. Газета „Таймс“ описала сборник как обладающий „странным обаянием, пробудившим в критике чарующие и порой пугающие воспоминания детства“. Иллюстрации Натаниэля Уокера были отмечены особо, некоторые относят их к числу лучших работ художника.^[12] Они стали отступлением от портретов, в качестве автора которых он преимущественно известен сегодня.

Собственная история Элизы, родившейся в Лондоне, началась 1 сентября 1888 года. Записи рождений за тот год свидетельствуют, что у Элизы был близнец. Первые двенадцать лет ее жизни прошли в многоквартирном доме на Баттерси-Бридж-роуд, тридцать пять. Родословная писательницы куда более запутана, чем позволяет предположить ее скромное

происхождение. Ее мать, Джорджиана, родилась в аристократической семье, обитавшей в Чёренгорб-мэнор в Корнуолле. В возрасте семнадцати лет Джорджиана Мунтраше сбежала из семейного поместья с молодым человеком намного ниже ее по положению, чем вызвала скандал в обществе.

Отец Элизы, Джонатан Мейкпис, родился в Лондоне в 1866 году в семье уличного торговца с Темзы. Он был пятым из девяти детей и вырос в трущобах за лондонскими доками. Хотя он умер в 1888-м, еще до рождения дочери, опубликованные сказки Элизы, по-видимому, имеют отношения к событиям, которые могли происходить с молодым Джонатаном Мейкписом во время его детства. Например, в „Проклятии реки“ мертвец на волшебной виселице, скорее всего, списан со сцен, которые Джонатан Мейкпис наблюдал мальчиком в Доках смерти. Логично предположить, что эти истории, приукрашенные, быть может, были переданы Элизе ее матерью и осели в памяти писательницы до того момента, когда она начала писать.

Остается загадкой, как сын бедного лондонского торговца встретил и покориł знатную Джорджиану Мунтраше. Поскольку причина тайного бегства скрывалась Джорджианой, она не оставила свидетельств событий, приведших к ее отъезду. К тому же усилия, приложенные ее семьей, чтобы замять скандал, помешали узнать правду. В газетах почти нет упоминаний о случившемся. Необходимо просмотреть письма и дневники современников, чтобы найти упоминания об этой истории, ставшей в свое время притчей во языцех. В свидетельстве о смерти Джонатана указана профессия „моряк“, однако точная природа его занятий неизвестна. Лишь умозрительные построения позволяют вашему покорному слуге предположить, что, быть может, именно морские странствия ненадолго привели Джонатана к скалистым берегам Корнуолла. Возможно, именно в бухте фамильного поместья рыжеволосая дочь лорда Мунтраше, славящаяся красотой по всему графству, и встретила молодого Джонатана Мейкписа.

Какими бы ни были обстоятельства этой встречи, любовь между ними не вызывает сомнений. Увы, юной паре не суждено было насладиться годами счастья. Должно быть внезапная и необъяснимая смерть Джонатана менее чем через десять месяцев после тайного бегства нанесла Джорджиане Мунтраше

непоправимый удар. Она осталась в Лондоне совсем одна, в ожидании близнецов, без мужа, без семьи и средств к существованию. Однако Джорджиана не привыкла опускать руки: она не приняла во внимание осуждение своего социального класса и после рождения близнецов отказалась от фамилии Мунтраше. Она зарабатывала на жизнь составлением рекламных объявлений для юридической фирмы „Г. Д. Блэкуотер и партнеры“, „Линкольновский инн“, ^[13] Холборн.

Есть свидетельства, что бойкое перо Джорджианы было даром, которому она нашла широкое применение в юности. Семейные дневники, пожертвованные Мунтраше в 1950 году Британской библиотеке, содержат множество театральных афиш с аккуратным текстом и изысканными иллюстрациями. Уголок каждой афиши „художник“ подписывал крохотными буквами. Любительские постановки были тогда популярны во многих аристократических домах, однако в Чёренгорбе восьмидесятых годов девятнадцатого века афиши, быть может, создавались чаще и старательнее, чем обычно.

О лондонском детстве Элизы известно мало, не считая дома, в котором она родилась и провела первые годы. Можно, однако, утверждать, что ее жизнью управляла бедность, и она рано постигла науку выживания. По всей вероятности, в конце концов Джорджиану погубила чахотка, которая начала ее преследовать в середине девятых. Если ее болезнь развивалась обычным путем, к концу десятилетия отдышка и общая слабость должны были препятствовать постоянной работе. Несомненно, выплаты за рекламные объявления для „Г. Д. Блэкуотера“ подтверждают эту хронологию угасания.

Официальных свидетельств того, что Джорджиана искала медицинской помощи, нет, к тому же боязнь врачебного вмешательства была распространена в ту эпоху. В восьмидесятых годах девятнадцатого века туберкулез в Великобритании стал подлежать регистрации, и практикующие врачи были законодательно обязаны сообщать о случаях болезни властям. Городская беднота, опасаясь высылки в санатории (которые обычно больше походили на тюрьмы), не спешила искать помощи. Болезнь матери, должно быть, оказала огромное влияние на Элизу как в практическом, так и в творческом отношении. Скорее всего, ей приходилось вносить материальный вклад в

домашнее хозяйство. Девушки в викторианском Лондоне выполняли разнообразную черную работу: домашней прислуги, разносчиков, торговок апельсинами. Описание гладильных прессов и горячих кадок в некоторых волшебных сказках Элизы позволяет предположить, что она не понаслышке была знакома с обязанностями прачки. Вампироподобные существа в „Волшебной охоте“ также могут отражать поверье начала девятнадцатого века, гласившее, что жертвы чахотки становятся вампирами: чувствительность к яркому свету, опухшие красные глаза, очень бледная кожа и характерный кровавый кашель — вот симптомы, питавшие это поверье.

Пыталась ли Джорджиана связаться со своей семьей после смерти Джонатана или после ухудшения собственного здоровья, неизвестно. Однако, по мнению вашего покорного слуги, это маловероятно. Несомненно, письмо Лайнуса Мунтраше партнеру, датированное декабрем 1900 года, позволяет предположить, что он лишь недавно узнал об Элизе, своей маленькой лондонской племяннице, и был шокирован тем, что она провела десять лет в столь ужасных условиях. Возможно, Джорджиана боялась, что семья Мунтраше не захочет простить ее давнее бегство. Если судить по письму ее брата, подобный страх не имел под собой никаких оснований.

„После бесконечных лет, проведенных в дальних странах, где я исходил все моря и земли, узнать, что моя любимая сестра все это время была так близко! И позволить ей перенести подобные лишения! Когда я поведаю тебе о ее характере, увидишь, что я не лгу. Как мало, видно, думала она о том, что мы всем сердцем ее любим и не желаем ничего иного, кроме как ее благополучного возвращения домой...“

Хотя Джорджиана так и не возвратилась, Элизе было предначертано вернуться в лоно материнской семьи. Джорджиана Мунтраше умерла в июне 1900-го, когда Элизе было одиннадцать. В свидетельстве о смерти указана причина — чахотка — и возраст — тридцать лет. После смерти матери Элиза стала жить с ее семьей на побережье Корнуолла. Неясно, как осуществилось это воссоединение, однако можно смело предположить, что, несмотря на несчастливые обстоятельства, повлекшие возвращение под опеку родных, для юной Элизы подобная перемена места была счастливейшим из случаев. Переезд в

Чёренгорб-мэнор с его величественным особняком и садами, должно быть, принес покой и желанное облегчение после опасностей лондонских улиц, на которых Элизе приходилось выживать. Разумеется, море стало мотивом обновления и возможного искупления в ее волшебных сказках.

Известно, что Элиза жила в семье родного дяди до двадцати четырех лет, однако ее дальнейшее местопребывание остается тайной. Было предложено немало гипотез о ее жизни после 1913 года, но ни одна из них пока не доказана. Некоторые историки предполагают, что она, по всей вероятности, пала жертвой эпидемии скарлатины, которая прокатилась по побережью Корнуолла в 1913 году, другие, сраженные загадочной публикацией в 1936-м ее последней сказки „Полет кукушки“ в журнале „Литературные судьбы“ утверждают, что она всю жизнь путешествовала в поисках приключений, в полном соответствии с духом своих волшебных историй. Этот интригующий вопрос еще ждет серьезного академического исследования, и, несмотря на подобные теории, судьба Мейкпис, равно как и дата ее смерти, остаются одной из литературных тайн.

Существует портрет Элизы Мейкпис, написанный углем авторства известного викторианского портретиста Натаниэля Уокера. набросок, озаглавленный „Сочинительница“ и найденный после его смерти среди неоконченных работ, в настоящее время экспонируется в коллекции Уокера в лондонской Галерее Тейт. Хотя Элиза Мейкпис опубликовала всего один сборник волшебных сказок, ее работы полны метафорического и социологического своеобразия и заслуживают изучения. В то время как ранние сказки („Подменыш“) носят следы сильного влияния европейской сказочной традиции, более поздние („Глаза старухи“) предлагают оригинальный и, возможно, автобиографичный подход. Однако, как и многие писательницы первого десятилетия двадцатого века, Элиза Мейкпис пала жертвой культурного сдвига, который возник после важнейших мировых событий начала века (Первая мировая война и избирательные права женщин — лишь два из них), и ускользнула от внимания читателей. Многие ее истории были потеряны для литературы во время Второй мировой войны, когда Британская библиотека лишилась огромного количества наименее популярных изданий. В результате Элиза и ее волшебные сказки

относительно неизвестны в наши дни. Ее работы, как и саму писательницу, по-видимому, затянуло в водоворот времени, и они утрачены для нас, как и многие другие призраки первых десятилетий двадцатого века».

Глава 14

Лондон, Англия, 1900 год

Высоко над тряпичной лавкой мистера и миссис Суинделл, в тесном домике рядом с Темзой, была крохотная комнатка. По правде говоря, немногим больше кладовки. В ней было темно и сыро, пахло затхлостью (вполне естественно, учитывая плохую канализацию и отсутствие вентиляции), выцветшие стены трескались летом и сочились влагой зимой, а труба камина забилась так давно, что казалось невежливым предполагать, будто прежде все было иначе. Тем не менее, несмотря на убожество, комнатка над лавкой Суинделлов была единственным домом, какой знали Элиза Мейкпис и ее брат-близнец Сэмми, крохотным островком защиты, уверенности в жизни детей, лишенных и того и другого. Они родились в ужасное время, и старшая, Элиза, с каждым днем все меньше сомневалась, что именно время сделало ее той, кем она была. Потрошитель стал первым из множества врагов в ее жизни.

В комнатке наверху Элизе больше всего нравилась (да что там, единственное, что в ней было хорошего, не считая возможности укрыться) трещина между двумя кирпичами, расположенная над старой сосновой полкой. Девочка была бесконечно счастлива, что небрежность давно канувшего в лету строителя, вкупе с упорством местных крыс, подарила ей отличную широкую щель в известковом растворе. Если Элиза лежала на животе, вытянувшись вдоль полки, прижав глаз к кирпичам и чуть задрав голову, то видела изгиб реки. Со своего секретного наблюдательного пункта она незримо следила за приливами и отливами хлопотливой повседневной жизни. Так достигались оба идеала Элизы, она могла видеть и оставаться невидимой. Ведь хоть ее собственное любопытство и не знало границ, Элиза не любила, когда за ней подсматривали. Она понимала, что пристальное внимание может быть опасно, что иной взгляд подобен воровству. Элиза знала это, потому что сама больше всего любила хранить

увиденные образы в сознании, проигрывать, озвучивать, раскрашивать их по своему желанию. Она вплетала их в страшные истории — полеты фантазии, которые ужаснули бы людей, послуживших ей невольными вдохновителями.

А выбирать было из кого. Жизнь на изгибе Темзы никогда не замирала. Река была лондонским кровотоком, то переполнялась, то мелела, чередуя бесконечно приливы с отливами, равно несла добро и зло, в город и из него. Элизе нравилось, когда угольщики приплывали с приливом, лодочники перевозили людей с одного берега на другой, звучали команды, с кораблей носили грузы. Но по-настоящему река оживала в отлив. Ее уровень опускался настолько, что мистер Хэкман и его сын принимались вытаскивать тела с набитыми карманами, грязекопы занимали свои участки, прочесывая вонючий ил в поисках веревок, костей и медных гвоздей, чего угодно, лишь бы удалось обменять на монеты. У мистера Суинделла была собственная команда грязекопов и свой участок дна, илистый квадрат, который он охранял, точно в нем скрывалось золото самой королевы. Те, кто осмеливался пересечь границы участка, имели все шансы подставить мокрые карманы загребушим рукам мистера Хэкмана в следующий отлив.

Мистер Суинделл не отставал от Сэмми, требуя присоединиться к грязекопам. Он говорил, что мальчик должен при любой возможности платить за милости хозяина. Ведь хотя Сэмми и Элизе вместе удавалось наскрести достаточно, чтобы рассчитаться за аренду, мистер Суинделл никогда не позволял им забыть, что их свобода зависит от его готовности не сообщать властям о недавней перемене в обстоятельствах близнецов.

— Благодетельницам, шарящим вокруг, очень бы хотелось узнать, что двое сироток вроде вас остались совсем одни в большом жестоком мире. Очень, очень хотелось бы, — постоянно повторял он. — По закону надо было выдать вас, едва ваша мамаша вздохнула последний раз.

— Да, мистер Суинделл, — соглашалась Элиза. — Спасибо, мистер Суинделл. Спасибо вам и за это тоже.

— Пфф. Ты тоже смотри не забывай. Если б не добрые сердца меня и моей хозяйки, вас бы тут не было.

Затем он скашивал глаза к кончику дрожащего носа и силой одной лишь собственной скаредности сужал зрачки.

— Так что если наш дружок, который так чудесно умеет искать, найдет подход к моему участку дна, я, пожалуй, поверю, что мы не зря вас держим. В жизни не встречал парня с лучшим нюхом.

Он был прав. Сэмми обладал даром отыскивать сокровища. С тех пор

как он был совсем крошкой, прелестные вещички, казалось, сами сбивались с пути истинного, чтобы лечь ему под ноги. Миссис Суинделл называла это дурацким счастьем, говорила, что Господь хранит дураков и пьяных, но Элиза знала, что та ошибается. Сэмми — не дурак, просто он видит лучше, чем другие, потому что не тратит время на разговоры. Ни словечка, ни разу. Ни разу за все двенадцать лет. Он не испытывал потребности говорить даже с Элизой. Она всегда знала, что думает и чувствует ее брат, всегда. В конце концов, он ее близнец, они две половинки единого целого.

Девочка догадывалась, что Сэмми просто боится речного ила, и, хотя Элиза не разделяла страхи брата, она понимала их. Воздух становится другим, когдаходишь к краю воды. Что-то в испарениях ила, пикировании птиц, странном плеске волн о стены тоннеля, вырытого меж древних берегов реки...

Еще Элиза знала, что присматривать за Сэмми — ее долг, и не только потому, что мать постоянно напоминала ей об этом. (Мать, бог знает почему, считала, что плохой человек, имя которого она ни разу не назвала, рыщет вокруг и хочет их найти). Даже когда они были совсем маленькими, еще до того, как Сэмми подхватил лихорадку и едва не умер, Элиза чувствовала, что нужна ему больше, чем он ей. Что-то в поведении делало его уязвимым. Когда они были маленькими, дети вокруг пользовались этим. Когда они выросли — взрослые видели эту особенность Сэмми. Они как-то чувствовали, что на самом деле он не один из них.

И были правы, он подменьш. Элиза знала все о подменьшах. Она прочла о них в книге волшебных сказок, которая на время задержалась в тряпичной лавке. Еще в книге были картинки. Феи и духи, которые выглядели совсем как Сэмми с его тонкими рыжевато-золотистыми волосами, длинными тонкими руками и ногами, круглыми голубыми глазами. Мать говорила, что Сэмми своей невинностью и покоем отличался от других детей с момента рождения. Она рассказывала, что, когда Элиза сморщила маленькое красное личико и завопила, требуя еды, Сэмми не проронил ни звука. Он лежал в своем ящике и внимал, точно прекрасная музыка доносилась с ветерком, которую никто, кроме него, не мог слышать.

Элиза сумела убедить хозяев, что Сэмми не стоит становиться грязекопом, что ему лучше прочищать трубы для мистера Саттборна, даже если предположить, что ее брат может найти в иле нечто ценное. Девочка напомнила им, что не многие мальчики его возраста чистят трубы, так как приняты законы против детей-чистильщиков. Но кто может прочистить узкие трубы вдоль Кенсингтонской дороги лучше тощего мальчишки с

острым локтями, словно созданными, чтобы карабкаться по темным и пыльным тоннелям? Благодаря Сэмми мистер Саттборн не сидел без заказов, а уж о денежном ручейке и говорить нечего. Пока что Суинделлов удавалось убедить — им нравились монеты Сэмми ничуть не меньше, чем мамины, когда та была жива и рисовала объявления для мистера Блэкуотера, — но Элиза сомневалась, сможет ли и дальше удерживать их. Жадность особенно застила глаза миссис Суинделл, которая любила произносить завуалированные угрозы, бормотать о «благодетельницах», которые шастают вокруг и ищут «мусор», чтоб смести его в работные дома.

Миссис Суинделл боялась Сэмми. Для нее страх всегда был естественной реакцией на то, что выше ее понимания. Элиза однажды подслушала, как та шепталась с миссис Баркер, женой грузчика угля. Они судачили, будто миссис Тевер, повивальная бабка, которая приняла близнецов, рассказала миссис Суинделл, что Сэмми родился с пуповиной на шее. «Не пережил бы и первой ночи, первый вздох стал бы его последним, если б не нечистая сила. То дьявольские козни, — сказала она. — Мать мальчика заключила сделку с Сатаной. Вы только поглядите на него — ишь как глазеет в самое нутро, а сам и не шевелится, не то что другие парни его возраста. Да что там говорить, с Сэмми Мейкписом что-то крепко не так».

Из-за подобных слухов Элиза еще больше стремилась защитить Сэмми. Иногда по ночам, когда она лежала в кровати и слушала, как Суинделлы скандалят, а их маленькая дочка Хэтти орет что есть мочи, она развлекалась, представляя, как с миссис Суинделл происходят разные ужасы. Как она случайно падает в огонь, когда стирает, или попадает под каток для глажки и тот давит ее, или тонет в баке кипящего жира, головой вниз, и только тощие ноги торчат наружу свидетельством ужасного конца...

Помяни дьявола — и он появится. Из-за угла Баттерси-Бридж-роуд показалась миссис Суинделл с заплечным мешком, туго набитым добычей. Она возвращалась домой после удачной охоты на маленьких девочек в красивых платьицах. Элиза оторвалась от трещины, поползла по шкафу и спустилась по краю трубы.

Работа Элизы заключалась в стирке платьев, которые приносила миссис Суинделл. Иногда девочка кипятила платья на огне, стараясь не порвать тонкое, как паутина, кружево, и гадала, о чем думали эти маленькие девочки, когда видели, как миссис Суинделл машет им конфетным мешком, набитым блестящими осколками цветного стекла. Обычно девочки даже не рассматривали мешок, чтобы распознать обман. И они не боялись. Заманив их в пустынную аллею, миссис Суинделл так

быстро снимала с девочек красивые платица, что они даже не успевали закричать. Элиза думала, что им потом снились кошмары вроде тех, что снились ей о Сэмми, застрявшем в трубе. Ей было жалко девочек — миссис Суинделл на охоте поистине страшное зрелище, — но они сами были виноваты. Не надо жадничать, все время хотеть больше, чем уже имеешь. Элизу неизменно изумляло, что девочки, рожденные для больших домов, роскошных колясок и кружевных платиц, становились жертвами миссис Суинделл всего лишь за пакет леденцов. Счастье еще, что они теряли лишь платица да немного душевного спокойствия. В темных аллеях Лондона можно потерять намного больше.

Внизу хлопнула входная дверь.

— Ты где, девчонка?

Голос, жаркий клубок злобы, покатился вверх по лестнице. Сердце Элизы екнуло, когда он коснулся ее: охота выдалась неудачной, а значит, обитателям Баттерси-Бридж-роуд, тридцать пять, не поздоровится.

— Спускайся и приготовь ужин, не то выпорю.

Элиза поспешила вниз по лестнице, в тряпичную лавку. Ее взгляд быстро скользнул по тусклой коллекции бутылок и коробок, низведенных темнотой до геометрических диковин. Еще одна мрачная тень двигалась рядом с прилавком. Миссис Суинделл согнулась и принялась рыться у себя в мешке, точно краб, перелопачивая груды платиц с кружевами.

— Ну, что стоишь, таращишься, как твой идиот братец?! Зажги лампу, глупая девчонка!

— Похлебка на плите, миссис Суинделл, — сказала Элиза, метнувшись зажечь газ. — И платья почти высохли.

— Да уж, наверное. День за днем я выхожу на улицу, стараясь заработать денег, а ты только стираешь, и все. Иногда мне кажется, что лучше бы самой это делать. Вышвырнуть вас с братцем к чертовой матери. — Она гадко вздохнула и уселась в кресло. — Ладно, иди сюда и сними мне туфли.

Когда Элиза встала на колени, разминая узкие туфли, чтобы распустить шнуровку и снять их, дверь снова отворилась. За ней стоял Сэмми, черный и пыльный. Не проронив ни слова, миссис Суинделл протянула костлявую руку и шевельнула пальцами.

Сэмми полез в передний карман рабочих брюк, достал две золотые монеты и положил их на ладонь хозяйки. Миссис Суинделл подозрительно осмотрела монеты, затем оттолкнула Элизу потной ногой в чулке и похромала к копилке. Покосившись через плечо, она достала ключ из-за ворота блузки и отперла замок. Затем положила новые монеты поверх

других и, причмокивая влажными губами, пересчитала общее количество.

Сэмми подошел к плите, и Элиза принесла пару мисок. Они никогда не ели с Суинделлами. Миссис Суинделл говорила, что нечего им мнить себя частью семьи. В конце концов, они наемные помощники, скорее слуги, чем жильцы. Элиза зачерпнула похлебки, налила ее через решето, как настаивала миссис Суинделл: нечего изводить мясо на двух неблагодарных негодников.

— Ты устал, — прошептала Элиза. — Ты так рано начал сегодня утром.

Сэмми покачал головой, он не любил, когда сестра беспокоилась.

Элиза глянула на миссис Суинделл, убедилась, что та по-прежнему стоит спиной, и подсунула в миску Сэмми маленький кусочек окорока.

Он осторожно улыбнулся, его круглые глаза встретились с глазами Элизы. Когда она видела брата таким, с плечами, поникшими после дня тяжелой работы, с лицом, измазанным золой из труб богачей, благодарным за кожистый кусочек окорока, ей хотелось обнять его маленькое тельце и никогда не отпускать.

— Так-так. Что за милая картинка! — произнесла миссис Суинделл, захлопывая крышку копилки. — Бедный мистер Суинделл роется в грязи, ищет, чем бы набить ваши неблагодарные пасти, — она указала корявым пальцем в сторону Сэмми, — а молодой парень, такой как ты, болтается без дела в доме. Неправильно это, по мне, так совсем неправильно. Когда благодетельницы вернутся, я обязательно так им и скажу.

— У мистера Саттборна есть для тебя работа на завтра, Сэмми? — быстро спросила Элиза.

Сэмми кивнул.

— А на послезавтра?

Снова кивнул.

— Это еще две монеты на этой неделе, миссис Суинделл.

Ах, каким кротким сумела она сделать свой голос! Но все без толку.

— Нахалка! Как ты смеешь дерзить! Если бы не мы с мистером Суинделлом, вы, сопливые ничтожества, давно бы драили полы в рабочем доме.

Элиза затаила дыхание. Перед самой смертью мать взяла с миссис Суинделл обещание, что Сэмми и Элизе будет позволено оставаться жильцами, пока они смогут вносить арендную плату и помогать по хозяйству.

— Но, миссис Суинделл, — осторожно начала Элиза, — мама сказала, что вы пообещали...

— Пообещала? Пообещала? — От злости у нее слюна вспенилась в уголках рта. — Я тебе пообещаю. Я пообещаю пороть тебя до того дня, когда ты сесть не сможешь!

Она внезапно вскочила и потянулась к кожаной плетке, висевшей у двери.

Элиза спокойно стояла, хотя сердце ее колотилось.

Миссис Суинделл шагнула вперед, затем остановилась, ее губы тряслись от припадка жестокости. Не проронив больше ни слова, она повернулась к Сэмми.

— Ты, — сказала она. — Иди сюда.

— Нет, — быстро возразила Элиза, ее взгляд метнулся на лицо Сэмми. — Нет, простите, миссис Суинделл. Я вам надерзила, вы правы. Я... я исправлюсь. Я завтра подмету магазин, я отдраю переднее крыльцо, я... я...

— Вычистишь уборную и выведешь крыс на чердаке.

— Да, — кивнула Элиза. — Все сделаю.

Миссис Суинделл держала кожаную плетку перед собой параллельно полу. Она смотрела исподлобья, переводя взгляд с Элизы на Сэмми и обратно. Наконец отпустила один конец плетки и повесила ее на место у двери.

Элиза испытала головокружительное облегчение.

— Спасибо, миссис Суинделл.

Чуть дрожащей рукой девочка передала миску похлебки Сэмми и взяла черпак, чтобы налить себе.

— Стой, — велела миссис Суинделл.

Элиза подняла взгляд.

— Ты, — миссис Суинделл указала на Сэмми. — Вычисти новые бутылки и расставь их в шкафу. Никакой похлебки, пока не сделаешь.

Она повернулась к Элизе.

— А ты, девчонка, иди наверх, с глаз моих долой. — Ее тонкие губы тряслись. — Обойдешься сегодня без ужина. Еще мне не хватало кормить бунтовщиков.

Раньше Элиза любила представлять, что отец однажды придет и освободит их. После «Матери и Потрошителя» «Храбрый отец» был любимой историей Элизы. Иногда, когда прижатый к кирпичам глаз начинал болеть, она просто лежала на спине на верхней полке и воображала своего доблестного отца. Она говорила себе, что мать ошиблась, что он вовсе не утонул в море, а отправился в важное

путешествие и когда-нибудь вернется, чтобы спасти их от Суинделлов.

Хотя Элиза прекрасно знала, что фантазирует, что шансов увидеть отца не больше, чем фей и гоблинов, выходящих из щелей между кирпичами камина, это не затмевало радости, которую она испытывала, представляя его возвращение. Она не сомневалась, что отец прибудет к Суинделлам на лошади, а не в какой-нибудь коляске. На черной лошади с блестящей гривой и длинными мускулистыми ногами. И все прохожие оставят свои дела и уставятся на всадника, ее отца, прекрасного, в черном верховом костюме. Миссис Суинделл высунет свое жалкое длинное узкое лицо из-за веревки, на которой сушатся красивые платица, награбленные утром, и позовет миссис Баркер посмотреть на происходящее. Они узнают наконец, что папа Элизы и Сэмми приехал их спасти. Он отвезет их к реке, где будет ждать его корабль, и они поплывут по океану в далекие края, названий которых она никогда не слышала.

Иногда, в тех редких случаях, когда Элизе удавалось упросить мать тоже что-нибудь рассказать, та говорила об океане. Ведь она видела его своими глазами и потому могла добавить к рассказам дочери чудесные звуки и запахи — грохот волн, соленый воздух, крошечные песчинки, такие непохожие на вязкий черный ил речного дна. Мать не часто присоединялась к рассказам. Обычно она их не одобряла, особенно сказку об отце-герое.

— Ты должна понять разницу между сказками и действительностью, милая Лиза, — увещевала она. — Волшебные сказки слишком быстро кончаются. Они скрывают, что случается потом, когда принц и принцесса сходят со страниц.

— О чем ты, мама? — спрашивала Элиза.

— Что с ними случится, когда им придется искать в мире свой путь? Зарабатывать деньги и избегать мирского зла?

Элиза так и не поняла. Что за глупый вопрос? Хотя матери она этого не сказала. Это же принцы и принцессы, им не нужно искать путь в мире, только путь до своего волшебного замка.

— Не вздумай ждать, пока кто-нибудь тебя спасет, — продолжала мать с задумчивым видом. — Девушка, которая ждет помощи, никогда не научится сама себя спасать. Даже найдись у нее средства, ей не хватит отваги. Не будь такой, Элиза. Ты должна отыскать в себе смелость, научиться спасать себя, никогда ни на кого не полагаясь.

Одна, в комнате наверху, кипя от отвращения к миссис Суинделл и от злости на собственное бессилие, Элиза заползла в навсегда потухший камин. Медленно, осторожно она вытянулась в струнку, раскрытой

ладонью нашарила свободный кирпич и вытянула его. Пальцы девочки нащупали в небольшом углублении прохладную поверхность и скругленные края маленькой глиняной горчичницы. Стараясь не послать эхо вниз по трубе, прямо в любопытные уши миссис Суинделл, Элиза вытащила горшочек.

Горчичница принадлежала матери, но она годами хранила ее в секрете. За несколько дней до смерти, в редкий миг просветления, мать рассказала Элизе о тайнике. Она попросила достать его содержимое, и Элиза повиновалась, принесла глиняный горшочек к постели матери, глядя во все глаза на загадочную вещь.

Напряжение покалывало кончики пальцев Элизы, когда она ждала, пока мать откроет крышку. Ее движения в последние дни жизни были неловкими, а крышку крепко держала восковая печать. Наконец она отломилась от основания.

Элиза изумленно раскрыла рот. В горчичнице лежала брошка, от одного вида которой по противному лицу миссис Суинделл заструились бы жаркие слезы. Брошка была размером с пенни, по ее узорчатому ободку выстроились драгоценные камни, красные, зеленые, сверкающие белые.

Элиза сначала подумала, что брошка краденая. Конечно, мать не воровка, но откуда тогда появилось восхитительное сокровище? Где она его взяла?

Так много вопросов, но при этом ей не хватало смелости заговорить. Да и незачем: мать не слушала. Она смотрела на брошку с таким лицом, какого Элиза никогда не видела прежде.

— Эта брошь мне дорога, — наконец произнесла она. — Очень дорога.

Мать сунула горшочек в руки дочери, словно больше не в силах была к нему прикасаться.

Горчичница была покрыта глазурью, гладкая и прохладная на ощупь. Элиза не знала, что и ответить. Брошь, странное лицо матери... все было так неожиданно.

— Ты знаешь, что это, Элиза?

— Брошь, мама. Я видела такие на богатых дамах.

Мать слабо улыбнулась, и Элиза подумала, что, видимо, неверно ответила.

— Или, может, кулон? Без цепочки?

— Твоя первая догадка верна, Элиза. Это брошь, особая брошь. — Она сжала руки. — Ты знаешь, что находится за стеклом?

Элиза взглянула на узор золотисто-рыжих нитей.

— Гобелен?

Мать снова улыбнулась.

— В некотором роде, но он сплетен не из нитей.

— Но я вижу нити, они перевиты вместе, так что получилась веревочка.

— Это пряди волос женщин нашей семьи. Моей бабушки моей прабабушки и так далее. Это фамильная драгоценность, она называется брошью утрат.

— Потому что ее надевают только по утрам?

Мать погладила кончик косы Элизы.

— Потому что она напоминает о тех, кого мы утратили. Тех, кто жил до нас и сделал нас теми, кто мы есть.

Элиза серьезно кивнула, интуитивно понимая, что ей оказано особое доверие.

— Брошь очень дорого стоит, Элиза, но я так и не смогла ее продать. Я вновь и вновь становилась жертвой собственной сентиментальности, но это не должно тебя остановить.

— Мама?

— Мне нездоровится, дитя. Когда-нибудь ты станешь заботиться о Сэмми и о себе. Возможно, брошь придется продать.

— Ах, мама, нет...

— Возможно, придется, и решение принимать тебе. Не позволяй моей сентиментальности мешать тебе, слышишь?

— Да, мама.

— Но если придется ее продавать, будь осторожна. Ее нельзя продать официально, записей не должно остаться.

— Почему?

Мать посмотрела на нее, и Элиза узнала этот взгляд. Она сама не раз глядела так на Сэмми, когда решала, стоит ли быть предельно откровенной.

— Потому что моя семья узнает. Они заявят, что ее украли...

Элиза лишь молча подняла брови. Семья матери, как и ее прошлое, была редкой темой для разговоров.

— ...якобы украли, милая Элиза, потому что она моя. Мать подарила ее мне на шестнадцатый день рождения, брошь много лет принадлежала моей семье.

— Но если она твоя, мама, почему никому нельзя знать об этом?

— Узнают, что продали брошь, — узнают и наш адрес, а этого нельзя допустить.

Она взяла Элизу за руки. Глаза матери были широко раскрыты, а лицо

побледнело от усилий.

— Ты понимаешь?

Элиза кивнула, она поняла. Ну, то есть вроде бы поняла. Мать тревожилась из-за плохого человека, того, о ком она предупреждала их всю жизнь, который может оказаться где угодно, таиться за углом, надеясь схватить их. Элиза всегда любила рассказы об этом человеке, хотя мать никогда не вдавалась в подробности, достаточные, чтобы утолить ее любопытство. Элиза сама приукрасила предостережения матери, наделив негодея стеклянным глазом, корзинкой змей и слюнявой ухмылкой.

— Принести тебе лекарство, мама?

— Хорошая девочка, Элиза, ты хорошая девочка.

Элиза поставила глиняную горчичницу на кровать рядом с матерью и принесла бутылочку настойки опия. Когда она вернулась, мать погладила прядь длинных волос, выбившуюся из косы Элизы.

— Позаботься о Сэмми, — сказала она. — И позаботься о себе. Все время помни: если воля сильна, то даже слабый может обладать великой властью. Ты должна быть смелой, когда я... если со мной что-нибудь случится.

— Конечно, мама, но с тобой ничего не случится.

Элиза не верила в свои слова, и мать тоже. Все знали, что случается с людьми, больными чахоткой.

Мать сумела выпить лекарство, затем утомленно откинулась обратно на подушку. Ее рыжие волосы разметались вокруг, обнажив бледную шею с единственным изъяном — тонким шрамом, который упорно не бледнел и когда-то вдохновил Элизу сочинить сказку о схватке матери с Потрошителем. Еще одну сказку, которую она никогда не рассказывала матери.

Не открывая глаз, мать тихо заговорила короткими, быстрыми фразами:

— Элиза, деточка моя, я повторю лишь раз. Если он найдет тебя и надо будет спастись, тогда, и только тогда, достань горшочек. Не ходи в «Кристиз», не ходи в большие аукционные дома. Они ведут записи. Иди за угол и постучись в дом мистера Бакстера. Он скажет тебе, как найти мистера Джона Пикника. Мистер Пикник знает, что делать. — Ее веки задрожали от столь длинной речи. — Ты поняла?

Элиза кивнула.

— Ты поняла?

— Да, мама, я поняла.

— А до того забудь о ее существовании. Не трогай ее, не показывай

Сэмми, ни единой живой душе не говори. И вот еще что, Элиза...

— Да, мама?

— Всегда остерегайся человека, о котором я говорила.

Элиза была верна слову. Почти во всем. Она доставала горчишницу всего два раза, но только чтобы посмотреть, погладить пальцами брошь, совсем как мать, ощутить ее магию, ее бесценную власть, прежде чем быстро и старательно запечатать крышку свечным воском и убрать горшочек на место.

Но в тот день девочка достала его не для того, чтобы взглянуть на мамину брошь утрат. Нет, Элиза кое-что добавила в горчишницу. Свое собственное сокровище, свой собственный запас на черный день.

Она вытащила небольшой кожаный мешочек и крепко сжала его в кулаке, пытаясь впитать энергию его твердости. Эту безделушку Сэмми нашел на улице и подарил сестре. Игрушка какого-то богатого ребенка, оброненная и забытая, найденная и возрожденная. Элиза с самого начала прятала ее. Она знала, что, если Суинделлы найдут мешочек, их глаза загорятся и они заставят оставить его внизу, в тряпичной лавке. А Элизе он был нужнее всего на свете. Это был подарок, и он принадлежал ей. Большая редкость.

Прошло несколько недель, прежде чем девочка наконец нашла для него применение — прятать тайные монеты, те, о которых Суинделлы ничего не знали, которыми платил ей Мэтью Родин, крысолов. Элиза умела ловить крыс, хоть и не любила это занятие. В конце концов, крысы просто пытаются выжить, как могут, в городе, не склонном щадить тихих и кротких. Она старалась не думать, что сказала бы мать — та всегда любила животных, — а вместо этого напоминала себе, что особого выбора у нее нет. Если они с Сэмми хотят выжить, им нужны собственные деньги, тайные монеты, о которых Суинделлы не знают.

Элиза села на край камина, положила глиняную горчишницу на колени и вытерла измазанные золой ладошки об изнанку платья. Ничего страшного, ведь изнанку миссис Суинделл не увидит. Так что ее недоверчивый нос не задержается.

Когда Элиза сочла руки достаточно чистыми, она открыла мешочек, ослабила мягкую шелковистую ленточку, осторожно расширила горловину и заглянула внутрь.

«Спаси себя, — сказала мать, — и позаботься о Сэмми». Именно это и собиралась сделать Элиза. В мешочке лежали четыре монеты. Двенадцать пенсов и трехпенсовик, их хватит на пятьдесят апельсинов. Достаточно,

чтобы начать карьеру торговцев апельсинами. Они заработают монет, купят еще апельсинов, и так у них появятся свои деньги, свое маленькое дело. Они смогут найти новое жилище, где будут в безопасности, где не будет бдительного, мстительного взора Суинделлов. Никто не будет постоянно угрожать передать их «благодетельницам» и отправить в работный дом. На лестничной площадке раздались шаги.

Элиза положила монеты обратно в мешочек, затянула ленточку и запихала мешочек в горчичницу. С колотящимся сердцем она засунула горчичницу обратно в трубу; запечатать можно и позже. Девочка едва успела вскочить и усесться, сама невинность, на краешек расшатанной кровати.

Дверь распахнулась, и вошел Сэмми, все еще черный от сажи. Он стоял в проеме двери, единственная свечка тускло мерцала в его руке. Брат казался таким хрупким, что Элиза сочла это игрой света. Она улыбнулась Сэмми, тот подошел к ней и достал из кармана маленькую картофелину, украденную из кладовой миссис Суинделл.

— Сэмми! — возмутилась Элиза, принимая мягкую картофелину. — Ты же знаешь, что она их считает. Она поймет, что ты взял ее.

Сэмми пожал плечами и стал умываться в миске с водой, стоящей рядом с кроватью.

— Спасибо, — сказала она.

Элиза засунула картофелину в корзинку для штопки, пока он не видел. Она вернет ее утром.

— Холодает, — продолжила девочка, снимая передник и оставаясь в одном нижнем платье. — Рано в этом году.

Элиза залезла в кровать, дрожа под тонким серым одеялом.

Раздевшись до нижней рубашки и штанов, Сэмми улегся рядом. Его ступни мерзли, и она попыталась согреть их своими.

— Все будет хорошо, — сказала Элиза, думая о кожаном мешочке, о двенадцати пенсах в нем. — Я позабочусь об этом, обещаю.

Тишина.

— Рассказать тебе сказку?

Она ощутила движение его головы, волосы брата мазнули ее по щеке, когда он кивнул, и потому начала свою любимую сказку:

— Давным-давно, когда ночь была холодной и темной, а улицы пустыми и близнецы в ее животике толкались и пинались, принцесса услышала шаги за спиной и сразу поняла, чье губельное приближение они предвещают...

Она рассказывала ее годами, только не тогда, когда мать могла

услышать. Мать сказала бы, что она расстраивает Сэмми своими небылицами. Мать не понимала, что дети не боятся историй, что их жизни полны куда более страшных событий, чем те, что случаются в волшебных сказках.

Глава 15

Лондон, Англия, 2005 год

Дочь Бена, Руби, ждала Кассандру, когда та прилетела в Хитроу. Пухлая женщина лет шестидесяти с сияющим лицом и короткими серебристыми волосами, которые притягивали взгляды, — такова была Руби. Ее энергия, казалось, пропитывала воздух вокруг; она была не из тех, кого не замечают. Не успела Кассандра выразить удивление, что незнакомка приехала встречать ее в аэропорт, как Руби схватила чемодан Кассандры, обняла гостью пухлой рукой и повлекла через стеклянные двери аэропорта на затуманенную выхлопными газами парковку.

Ее машина была потрепанным старым хэтчбеком, внутри все пропахло мускусом и химическим ароматизатором с цветочным запахом, который Кассандре был незнаком. Когда обе пристегнулись ремнями, Руби вынула из сумочки пакетик лакричного ассорти и предложила Кассандре, та взяла кубик в зеленую, белую и черную полоску.

— Я на них подсела, — сообщила Руби, забрасывая розовый кубик в рот и перекачивая его языком к щеке. — Основательно подсела. Иногда не успеваю доесть один, как рука уже тянется к другому. — Мгновение она яростно жевала, затем сглотнула. — Ах, хорошо. Жизнь слишком коротка, чтобы воздерживаться, верно?

Несмотря на поздний час, на дорогах было полно машин. Они мчались через ночной город. Согбенные уличные фонари лили оранжевый свет на асфальт. Пока Руби быстро ехала, резко давила на тормоз в случаях крайней необходимости, жестикулировала и кивала другим водителям, осмелившимся встать у нее на пути, Кассандра смотрела в окно, мысленно чертя концентрические круги архитектурных течений Лондона. Ей нравилось изучать городские постройки. Поездка с окраины в центр — все равно что посылка временной капсулы в прошлое. Современные отели аэропорта, широкие, гладкие автомагистрали перетекали в двухквартирные

дома с отделкой из гальки постройки сороковых годов двадцатого века, затем в апартаменты ар-нуво и, наконец, в темную сердцевину викторианских домов.

Когда они приблизились к центру Лондона, Кассандра сообразила, что забыла сообщить Руби название гостиницы, забронированной на две ночи еще до отъезда в Корнуолл. Она нашарила в сумке пластиковую папку, в которой хранила путевые бумаги.

— Руби, — спросила она, — а Холборн далеко?

— Холборн? Далеко. На другом конце города. А что?

— Там моя гостиница. Конечно, я могу поймать такси, я вовсе не рассчитывала, что ты довезешь меня до дверей.

Руби долго смотрела на нее, и Кассандра начала беспокоиться, что та не следит за дорогой.

— Гостиница? Не думаю.

Она сменила передачу и нажала на газ как раз вовремя, избежав столкновения с синим фургоном впереди.

— Ты остановишься у меня, и возражений я не потерплю.

— Нет-нет, — ответила Кассандра, всполох синего металла продолжал гореть у нее перед глазами. — Я не могу, такое беспокойство. — Она чуть ослабила хватку на ручке двери. — К тому же слишком поздно отменять бронь.

— Никогда не поздно. Я этим займусь.

Руби снова повернулась к Кассандре, ремень сжимал ее большую грудь, так что та едва не выскакивала из блузки.

— Никакого беспокойства, я приготовила постель и очень рада тебя видеть. — Она усмехнулась — Папа бы шкуру с меня спустил, если бы узнал, что я позволила тебе жить в гостинице!

Когда они добрались до Южного Кенсингтона, Руби дала задний ход и загнала машину на узкое парковочное место. Кассандра затаила дыхание, восхищаясь и опасаясь бодрой самоуверенности этой женщины.

— Ну вот мы и приехали.

Руби вынула ключи из зажигания и указала на белый фасад на другой стороне улицы.

— Дом, милый дом.

Квартирка была крошечной. Она находилась в самой глубине дома эпохи короля Эдуарда, за двумя лестничными пролетами и желтой дверью. В ней была всего одна спальня, душевая кабинка, туалет и кухонька, совмещенная с гостиной. Руби расстелила для Кассандры диван.

— Боюсь, всего три звезды, — сказала она. — Я исправлюсь за

завтраком.

Кассандра неуверенно глянула на крошечную кухню, и Руби засмеялась так, что ее лимонная блузка заколыхалась. Она вытерла глаза.

— О боже, нет! Я не собираюсь готовить. Зачем подвергать себя адским мукам, если у других это получается намного лучше? Нет, я отведу тебя за угол в «Карлуччос».^[14]

Она щелкнула выключателем чайника.

— Чайку?

Кассандра слабо улыбнулась. Чего ей по-настоящему хотелось, так это расслабить лицевые мышцы и перестать вежливо улыбаться. Возможно, дело в том, что она слишком много времени провела высоко в небе или просто она немного мизантропка, как обычно. Но она истратила последнюю каплю энергии на поддержание дружелюбного вида. Чашка чая означает по меньшей мере еще двадцать минут улыбок, кивков и, помоги боже, поиска ответов на бесконечные вопросы Руби. Мгновение она с несбыточной тоской думала о гостиничном номере на другом конце города. А затем заметила, что Руби уже опускает двойные пакетики чая в парные чашки.

— Не откажусь.

— Тогда держи, — сказала Руби, протягивая Кассандре дымящуюся кружку.

Хозяйка села с другой стороны дивана и просияла, вокруг нее сгустилось облако мускусного аромата.

— Не стесняйся. — Она показала на сахарницу. — Можешь пока рассказать мне о себе. Какая изумительная загадка, этот твой дом в Корнуолле!

Когда Руби наконец улеглась в постель, Кассандра попыталась уснуть. Она устала, цвета, звуки, формы, все расплывалось вокруг, но сон не шел. Образы и разговоры быстро проносились в голове, нескончаемый поток мыслей и чувств, почти не связанных: Нелл и Бен, антикварная лавка, мать, перелет, аэропорт, Руби, Элиза Мейкпис и ее волшебные сказки...

Наконец она отчаялась уснуть, сбросила одеяло и встала с дивана. Глаза привыкли к темноте, так что девушка сумела добраться до единственного окна квартиры. Широкий подоконник выступал над батареей, и если бы Кассандра раздвинула шторы, то как раз бы на нем уместилась, прижалась спиной к одной толстой оштукатуренной стене коснулась ступнями другой. Она оперлась о колени, наклонилась вперед и выглянула на улицу поверх чахлых викторианских садов с каменными

стенами, увитыми плющом. Лунный свет тихо звенел на земле.

Хотя уже почти пробило полночь, в Лондоне не было темно. Кассандра подозревала, что в таких городах, как Лондон, темно вообще уже не бывает. Современный мир убил ночь. Когда-то Лондон, верно, был совсем другим, существовал во власти природы. Город, где сумерки обращали улицы в деготь, а воздух — в туман: Лондон Джека Потрошителя.

Таким был Лондон Элизы Мейкпис, Лондон, о котором Кассандра прочла в тетради Нелл, город мгlistых улиц и лошадей, горящих фонарей, что появлялись и снова исчезали в туманном мареве.

Глядя вниз, на узкие булыжные «конюшни»,^[15] она представляла обитателей старого Лондона: призрaчные всадники гонят напуганных лошадей по пешеходным улочкам, фонарщики хохлятся на высоких козлах, и их подвешенные фонари горят оранжевым светом. Уличные рабочие и девки, полицейские и воры...

Кассандра зевнула и потеряла внезапно отяжелевшие веки.

Поеживаясь, хоть и не от холода, она слезла с подоконника и скользнула обратно под одеяло, закрыла глаза и уплыла в полное сновидений забытье.

Глава 16

Лондон, Англия, 1900 год

Туман был густым и желтым, цвета пастернака и пшеничной похлебки. Он наступал по ночам, катился по поверхности реки и тяжело расползался по улицам вокруг домов, проникая под дверные упоры. Элиза наблюдала через щель в кирпичях. Под безмолвным плащом тумана дома, газовые фонари, стены превращались в чудовищные тени, кренящиеся в разные стороны, и зеленовато-желтые облака проплывали между ними.

Миссис Суинделл оставила ей гору стирки, но, насколько Элиза понимала, стирать при таком тумане было без толку: белое к концу дня станет серым. Точно так же можно развесить одежду замоченной, но не постиранной, что она и проделала. Так она сбережет брусок мыла, не говоря уж о своем времени. Ведь Элизе было чем заняться в густой туман, когда так приятно прятаться и так приятно красться.

Потрошитель был одной из ее лучших игр. Вначале девочка играла в нее одна, но со временем научила правилам Сэмми, и теперь они по очереди примеряли роли матери и Потрошителя. Элиза не в силах была решить, чью роль предпочитает. Иногда она полагала, что Потрошителя, из-за его всеобъемлющей мощи. Ее кожа горела от преступного удовольствия, когда она кралась за Сэмми и сдерживала смех, готовясь схватить его...

Но и в роли матери тоже было нечто соблазнительное. В том, чтобы идти быстро, осторожно, не сметь оглянуться через плечо, не сметь пуститься в бегство, стараясь уйти как можно дальше от человека за спиной. Сердце бьется все громче и вот-вот заглушит шаги незнакомца, не позволив следить за ними. Страх был восхитителен, от него покалывало кожу.

Хотя оба Суинделла отправились на поиски удачи (туман был даром божьим для тех обитателей реки, которые ничем не гнушались, пытаясь

наскрести на жизнь), Элиза все же тихо спустилась по лестнице, постаравшись не скрипнуть четвертой ступенькой. Сара, няня маленькой Хэтти, стремилась влезть в доверие к хозяевам и коварно докладывала обо всех промахах Элизы.

Внизу лестницы девочка остановилась и изучила тенистые изломы и выступы магазина. Щупальца тумана отыскивали дорогу в кирпичках, разбрелись по комнате, тяжело зависли над витриной, сгустились желтым вокруг мерцающего газового фонаря. Сэмми сидел в дальнем углу на стуле и чистил бутылки. Он глубоко погрузился в раздумья — Элиза узнала на его лице маску грёз.

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что Сара не прячется в засаде, Элиза прокралась к брату.

— Сэмми! — прошептала она, подходя.

Нет, он не слышал.

— Сэмми!

Колено брата перестало трястись, он наклонился, и его голова показалась из-за прилавка. Прямые волосы упали набок.

— На улице туман.

Его равнодушное лицо отразило очевидность этого заявления. Сэмми слегка пожал плечами.

— Густой, как канавная жижа, уличные фонари почти исчезли. Самое то для Потрошителя.

Это привлекло внимание Сэмми. На мгновение он замер, размышляя, затем покачал головой. Мальчик указал на кресло мистера Суинделла с покрытой пятнами подушкой и вмятиной в том месте, где кости спины вжимались в нее, вечер за вечером, когда он возвращался из таверны.

— Он даже не узнает, что мы выходили. Его еще сто лет не будет, и ее тоже.

Он снова покачал головой, на этот раз чуть слабее.

— Их не будет весь день, они не упустят возможности заработать лишнюю монету.

Элиза знала, что вот-вот достучится до него. В конце концов, брат является ее частью, девочка всегда могла читать его мысли.

— Пойдем, мы ненадолго. Дойдем только до реки и сразу назад. Совсем недалеко. Можешь выбрать, кем будешь.

Сработало, как она и рассчитывала. Мрачные глаза Сэмми встретились с ее взглядом.

Он поднял ладонь и сжал ее в бледный кулачок, точно держал нож.

Пока Сэмми стоял у двери и выжидал десять секунд форы, положенной тому, кто играет мать, Элиза кралась прочь. Она нырнула под веревки с бельем миссис Суинделл, обогнула тележку тряпичника и направилась к реке. Ее сердце колотилось от возбуждения. Как прекрасно чувство опасности! Волны пленительного страха разбивались под кожей девочки, пока она скользила прочь, пробираясь между людьми, тележками, собаками, колясками, неясными в тумане. Она все время напряженно вслушивалась в шаги за спиной, крадущиеся, крадущиеся и наконец догоняющие ее.

В отличие от Сэмми Элиза любила реку. Здесь она становилась ближе к отцу. Мать не слишком охотно говорила о прошлом, но однажды рассказала Элизе, что ее отец вырос на другом изгибе той же реки. Он научился вязать морские узлы на корабле, перевозящем уголь, а затем вступил в другой экипаж и отправился в открытое море. Элизе нравилось думать о том, какие события мог видеть отец на своем изгибе реки, рядом с Доком смерти, где вешали пиратов, тела которых болтались на цепях, пока их не омоют три прилива. «Плясали пеньковую джигу», как говорили старики.

Элиза поежилась, представляя безжизненные тела и гадая, каково это, когда последний вздох выжимают из твоей шеи, затем отругала себя за то, что отвлеклась. Подобные ошибки обычно совершал Сэмми. Ему-то можно, но Элиза знала, что должна быть осторожной.

Где же Сэмми? Она сосредоточилась и напряженно прислушалась. Слушала... Чайки на реке, скрипят канаты на мачтах, трещат деревянные корпуса, катится мимо тележка, торговец липучками от мух кричит: «Ловите живьем!», быстрые шаги женщины, парнишка-газетчик выкрикивает цену своего листка...

Внезапно за спиной раздался грохот. Тихо заржала лошадь. Закричал мужчина.

Сердце Элизы екнуло, она чуть не обернулась. Ей отчаянно хотелось увидеть, что же произошло. Она остановилась как раз вовремя. Это было непросто. Мать часто повторяла, что Элиза от природы любопытна, качала головой, прищелкивала языком и говорила дочери, что, если та не научится сдерживать свое воображение, рано или поздно налетит на гору собственных фантазий. Если Сэмми рядом и увидит, что она подсматривает, ей придется сдаться, а она уже почти у Темзы. Вонь речного ила смешалась с серным запахом тумана. Элиза почти выиграла, осталось пройти совсем немного.

Взвились голоса, загомонили далеко за спиной, приблизился звон

колокольчика. Наверное, глупая лошадь налетела на тележку точильщика ножей, лошади вечно немного сходят с ума в тумане. Вот неприятность! Как она услышит Сэмми, если он решит сейчас напасть на нее?

Каменная стена у края реки тускло проглянула в тумане.

Элиза усмехнулась и пробежала несколько последних ярдов.

Если честно, бегать — против правил, но она не смогла устоять перед соблазном. Ее ладони коснулись скользкой стены, и она радостно завизжала. Получилось, она выиграла, снова перехитрила Потрошителя.

Элиза забралась на стену и победно уселась наверху, лицом к улице, по которой пришла. Она барабанила пятками по камню и высматривала под пологом тумана крадущуюся тень брата. Бедняжка Сэмми. В играх ему до нее далеко. Он дольше учит правила, хуже усваивает назначенную роль. Притворство для Сэмми неестественно, в отличие от Элизы.

Пока она сидела, запахи и звуки улицы вновь обрушились на нее. С каждым вдохом она ощущала маслянистость тумана. Колокольчик, который слышала девочка, звенел все громче, приближаясь все ближе. Люди вокруг казались возбужденными, они бросились в одну сторону, как будто появился шарманщик или у сына тряпичника случился очередной эпилептический припадок.

Конечно! Шарманщик — вот где Сэмми! Элиза соскочила со стены, ободрав ботинок о камень, торчавший из основания.

Брат не в силах противиться музыке. Несомненно, он стоит рядом с шарманщиком, чуть приоткрыв рот, и смотрит на инструмент, все мысли о Потрошителе и игре вылетели из его головы.

Элиза шла за людьми, которые собирались в толпу и подзывали друг друга. Колокольчики звенели уже совсем близко, и девочка узнала их. Колокольчики «скорой помощи». Возможно, дело все же в сыне тряпичника.

Тут и сама повозка «скорой помощи» загромыхала вдоль изгиба реки и понеслась к собирающейся толпе. Мужчина наверху повозки звенел в колокольчик и кричал на людей, чтобы те ушли с дороги и дали проехать.

Элиза прибавила шаг. Со «скорой помощью» явился неясный страх, заставив сердце биться быстрее, пока она прокладывала себе путь между спинами. Элегантные дамы в прогулочных юбках, джентльмены в коротких сюртуках, уличные мальчишки, прачки, клерки. В поисках Сэмми она проталкивалась локтями через сгущающуюся толпу. Из центра сборища начали расходиться круги шепотков. Элиза шла и собирала обрывки сведений, которыми возбужденно обменивались вокруг: черный конь, который вывернул из тумана, маленький мальчик, который не заметил его

появления, ужасный туман...

«Не Сэмми, — повторяла она себе, — это не может быть Сэмми». Он шел за ней по пятам, она прислушивалась к нему...

Девочка была совсем близко, почти дошла до просвета. Почти увидела все сквозь туман. Затаив дыхание, она пробилась через последнее кольцо зевак, и ей открылась ужасная сцена. Элиза сразу же все поняла. Черный конь, санитар на коленях, хрупкое тело мальчика. Рыжевато-золотистые волосы, слипшиеся, темно-красные там, где касались булыжной мостовой. Грудь разворочена копытом, голубые глаза не видят.

Санитар покачал головой.

— Все, конец пареньку. У него не было ни единого шанса.

Элиза обернулась и посмотрела на коня. Он нервничал, был напуган туманом, толпой, шумом, выдыхал длинные струи горячего пара, разгонявшие туман и оттого заметные.

— Кто-нибудь знает, как зовут мальчика?

Толпа зашевелилась, затолкалась, отдельные люди поворачивались друг к другу, пожимая плечами и качая головами.

— Вроде я его видел, — произнес неуверенный голос.

Элиза встретила взгляд блестящих черных глаз коня. Весь мир с его звуками, казалось, кружился вокруг, и только конь был неподвижен. Они смотрели друг на друга, и в тот миг девочке казалось, будто конь заглянул ей в душу заметил пропасть, которая разверзлась так быстро и которую придется заполнять всю оставшуюся жизнь.

— Кто-то должен его знать, — настаивал санитар.

Толпа безмолвствовала, и оттого ситуация казалась еще более жуткой.

Элиза знала, что должна ненавидеть черное чудовище, должна презирать его сильные ноги и гладкие, крепкие мышцы, но не могла. Скрестившись с ним взглядами, она ощутила почти понимание со стороны животного, словно конь, как никто другой, видел пустоту внутри ее.

— Ладно, — сказал санитар.

Он свистнул, и из повозки вышли два парня. Один поднял сломанное тельце мальчика и положил его на тележку, другой выплеснул ведро воды и принялся драить окровавленную мостовую.

— Полагаю, он живет на Баттерси-Бридж-роуд, — раздался медленный спокойный голос.

Выговор служащего юридической конторы, не джентльмена, конечно, но более аристократический, чем у других речных жителей.

Санитар поднял взгляд.

Из тумана шагнул высокий мужчина в пенсне и аккуратном, но

поношенном костюме.

— Я видел его там на днях.

Раздалось бормотание, толпа переваривала сведения, по-новому взглянув на изуродованное тельце мальчика.

— А дом чей, не знаешь, приятель?

Высокий мужчина покачал головой.

— Боюсь, не знаю.

Санитар кивнул, затем махнул своим помощникам.

— Отвезем его на Баттерси-Бридж-роуд и там поспрашиваем. Кто-то должен его знать.

Конь кивнул Элизе, трижды наклонил голову, затем вздохнул и отвел глаза.

Элиза моргнула.

— Погодите, — почти прошептала она.

Санитар посмотрел на нее.

— Что?

Все взоры обратились на крошечную девочку с длинной рыжевато-золотистой косой. Элиза на мгновение встретила взглядом с мужчиной в пенсне. Стекла пенсне были блестящими и белыми, так что она не видела его глаз.

Санитар протянул руку, призывая толпу замолчать.

— Ну же, говори, детка. Как зовут этого невезучего парня?

— Его зовут Сэмми Мейкпис, — сказала Элиза. — И он мой брат.

Мать отложила деньги на свои похороны, но для ее детей ничего припасено не было. Вполне естественно, какой родитель допустит такую возможность подобной траты?

— Его ждут бедняцкие похороны в церкви Святой Бригитты, — сказала миссис Суинделл позже тем же днем.

Она облизала ложку с супом и ткнула ею в Элизу, которая сидела на полу.

— Яму выроют в среду. До тех пор, похоже, придется держать его здесь. — Она прикусила щеку и выпятила нижнюю губу. — Наверху, разумеется, чтобы вонь не распугала покупателей.

Элиза слышала о бедняцких похоронах в церкви Святой Бригитты. Большая яма каждую неделю, гора тел, священник, поспешно бормочущий короткую службу, чтобы поскорее сбежать от кошмарного запаха.

— Нет, — сказала девочка, — только не церковь Святой Бригитты!

Крошка Кэтти перестала жевать хлеб. С набитым ртом переводила

широко распахнутые глаза с Матери на Элизу.

— Нет?

Тонкие пальцы миссис Суинделл крепче сжали ложку.

— Прошу вас, миссис Суинделл, — взмолилась Элиза. — Позвольте похоронить его как положено. Как маму. — Она прикусила язык, чтобы не расплакаться. — Я хочу, чтобы он был с мамой.

— Хочешь, вот как? Может, катафалк с лошадьми? Двух профессиональных плакальщиц? И конечно, ты считаешь, что мы с мистером Суинделлом заплатим за такие роскошные похороны. — Она жадно фыркнула, наслаждаясь своей мрачной тирадой. — Тут тебе не благотворительное общество, юная мисс, хоть все и считают иначе, так что, если у тебя нет денег, парня скормят червям у Святой Бригитты. Совсем неплохо для таких, как он.

— Не надо катафалка, миссис Суинделл, не надо плакальщиц. Только нормальные похороны и собственная могила.

— И кто, по-твоему, все это устроит?

Элиза сглотнула.

— Брат миссис Баркер работает в похоронном бюро, может, он? Конечно, если вы попросите, миссис Суинделл.

— И быть у него в долгу из-за тебя и твоего идиота братца?

— Он не идиот.

— Ему хватило дури попасть под лошадь.

— Он не виноват, это все туман.

Миссис Суинделл отхлебнула еще немного супа, вывернув нижнюю губу.

— Он даже не хотел выходить, — сказала Элиза.

— Конечно не хотел, — согласилась миссис Суинделл. — Проказы не в его духе, в твоём.

— Прошу вас, миссис Суинделл, я могу заплатить.

Сросшиеся брови взметнулись к небу.

— Можешь, вот как? Обещаниями и лунным светом?

Элиза подумала о кожаном мешочке, о пятнадцати пенсах в нём.

— У меня... у меня есть немного денег.

У миссис Суинделл отвисла челюсть, из которой вытекла струйка супа.

— Немного денег?

— Совсем чуть-чуть.

— Гадкая маленькая дрянь. — Губы захлопнулись, точно застёжка кошелька. — Сколько?

— Пятнадцать пенсов.

Миссис Суинделл разразилась скрежещущим хохотом. Это был такой кошмарный, чуждый и грубый звук, что ее дочурка заревела.

— Пятнадцать пенсов? — выплюнула она. — Да на пятнадцать пенсов ты и гвоздей не купишь, чтоб крышку гроба забить!

Мамина брошь, она может продать брошь. Конечно, мать заставила Элизу пообещать, что она не расстанется с брошью, если не появится плохой человек, но, разумеется, в подобной ситуации...

Миссис Суинделл кашляла и задыхалась от столь неожиданного веселья. Она хлопнула себя по костлявой груди и отшвырнула маленькую Хэтти.

— А ну прекрати свой кошачий концерт, а то я сама себя не слышу.

Она мгновение помолчала, затем глянула на Элизу сузившимися глазами, кивнув пару раз, пока план обретал форму.

— Ты так ныла, что я все решила. Лично прослежу, чтобы мальчишка не получил ничего сверх того, что заслуживает. Его ждут бедняцкие похороны.

— Прошу вас...

— А пятнадцать пенсов положены мне за хлопоты.

— Но, миссис Суинделл...

— Что миссис Суинделл? Это научит тебя, как ловчить и прятать деньги. Вот погоди, придет мистер Суинделл домой и обо всем узнает, тогда тебе влетит по первое число. — Она протянула Элизе свою миску. — А теперь подай мне добавки и можешь отвести Хэтти наверх, в кровать.

Хуже всего было по ночам. Уличные шумы разрастались до грохота, тени беспричинно колебались, и впервые в жизни Элиза осталась одна в крохотной комнатке. Девочка пала жертвой ночных кошмаров, куда более страшных, чем те, что она воображала в своих историях.

Днем мир словно был вывернут наизнанку, подобно одежде на веревке. Все той же формы, размера и цвета и все же донельзя неправильно. И хотя тело Элизы двигалось, как и прежде, ее разум скитался по миру страхов. Вновь и вновь она воображала Сэмми на дне ямы у церкви Святой Бригитты: лежит, руки раскинуты, брошен среди тел безымянных мертвецов, пойман в капкан под землей, глаза открыты, рот пытается крикнуть, что это ошибка, что он вовсе не умер.

Миссис Суинделл настояла на своем, и Сэмми похоронили с бедняками. Элиза достала брошь из тайника и даже отнесла ее к дому Джона Пикника, но так и не смогла продать. Она добрых полчаса стояла перед домом, пытаясь решиться. Девочка знала, что если продаст брошь, то

денег хватит на достойные похороны Сэмми. А еще она знала, что мистер и миссис Суинделл захотят узнать, откуда взялись деньги, и безжалостно накажут за то, что хранила такой подарок судьбы в секрете.

Но убедил ее не страх перед Суинделлами и даже не голос матери, звучащий в воспоминаниях и молящий не продавать брошь, пока не явился с угрозами призрачный человек, а ее собственный страх, что будущее может оказаться хуже прошлого. Что настанет день, ныне таящийся в туманной дали, когда брошь окажется единственным ключом к спасению.

Элиза развернулась, так и не ступив в дом мистера Пикника, и поспешила обратно в тряпичную лавку. Брошь прожигала дыру в кармане. Девочка сказала себе, что Сэмми понял бы, так как он не хуже ее знал цену жизни на изгибе реки.

Затем она как можно аккуратнее сложила воспоминания о нем, обернула слоями чувств — радости, любви, долга, — в которых больше не нуждалась, и заперла глубоко внутри. Отчего-то ей казалось правильным избавиться от подобных воспоминаний и чувств. Ведь со смертью Сэмми Элиза стала получеловеком. Точно комната, лишенная света, ее душа была холодной, темной и бездонной.

Когда эта мысль впервые посетила ее? Элиза не помнила. В тот день не случилось ничего важного. Она проснулась как обычно, открыла глаза в полумраке комнатки и осталась лежать, возвращаясь в тело после мучительной и долгой ночи.

Девочка отбросила угол одеяла и села, поставив босые ноги на пол. Длинная коса упала через плечо. Было холодно, осень уступила место зиме, и утром было темно, как ночью. Элиза чиркнула спичкой и поднесла огонек к фитилю свечи, затем посмотрела вверх, на дверь, где висел передник.

Что заставило ее так поступить? Что заставило пренебречь передником и взять рубашку и бриджи, которые висели за ним? Что заставило влезть в одежду Сэмми вместо своей?

Она чувствовала лишь, что это правильно, словно ничего иного ей не оставалось. Рубашка пахла так знакомо, похоже на ее собственную одежду, и все же иначе. Когда девочка натянула бриджи, то насладились любопытным ощущением голых лодыжек, прохладного воздуха на коже, привыкшей к чулкам. Она села на пол и зашнуровала потертые ботинки Сэмми, которые пришлись как раз по ноге.

Затем Элиза встала перед маленьким зеркальцем и пострела в него, внимательно приглядываясь в свете мерцающей свечи. На нее глядело бледное лицо, длинные волосы, огненно-рыжие, голубые глаза с

бесцветными бровями. Не отводя глаз, Элиза взяла ножницы для шитья, которые лежали в корзине со стиркой, и отвела косу в сторону. Коса была толстой, пришлось потрудиться. Наконец она упала в подставленную ладонь. Более не скрепленные волосы разметались, растрепались вокруг лица. Девочка продолжала резать, пока волосы не стали той же длины, что были у Сэмми, затем нахлобучила его матерчатую кепку.

Брат и сестра были близнецами, вполне естественно, что они очень похожи, и все же Элиза затаила дыхание. Она улыбнулась, совсем чуть-чуть, и Сэмми улыбнулся в ответ. Она протянула руку, коснулась холодного зеркального стекла и поняла, что больше не одинока.

Тук... тук...

Ручка метлы миссис Суинделл стучала в потолок снизу: ежедневный призыв начинать стирку.

Элиза подобрала с пола длинную рыжую косу, расплетшуюся сверху, где прошлись ножницы, и обвязала конец куском бечевки. Позже она спрячет ее вместе с маминой брошью. Коса больше не нужна ей, она принадлежит прошлому.

Глава 17

Лондон, Англия, 2005 год

Кассандра, разумеется, знала, что автобусы будут красными и двухэтажными, но видеть, как они катятся мимо с табличками вроде «Кенсингтон-Хай-стрит» или «Площадь Пикадилли» на ветровых стеклах, было тем не менее удивительно. Словно ее забросили в книгу рассказов из детства или в один из множества фильмов, в которых черные носатые такси, похожие на жуков, неслись по булыжным мостовым, фасады эпохи короля Эдуарда стояли вдоль широких улиц, а северный ветер гнал прореженные облака по низкому небу.

Она провела уже почти двадцать четыре часа в этом Лондоне тысяч киносерий и тысяч историй. Когда Кассандра наконец очнулась от навязанного разницей во времени сна, то обнаружила, что в квартирке никого нет, а полуденное солнце бросает на ее лицо косой узкий луч сквозь ряд соседних домов.

На маленьком стуле рядом с диваном лежала записка от Руби:

Скучала без тебя за завтраком! Не хотела будить. Ешь всё, что найдешь. Бананы в вазе для фруктов, в холодильнике еще что-то осталось, хотя давно не проверяла — может быть несъедобно! Полотенца в шкафчике в ванной, если захочешь принять душ. Я в музее до шести вечера. Обязательно заскочи и посмотри выставку, которую я провожу. Покажу тебе кое-что оч. — оч. интересное! Прием.

P.S. Приходи днем. Все утро дурацкие встречи.

«Обязательно» и «интересное» были подчеркнуты тройной чертой.

Так и вышло, что в час дня, с урчащим животом, Кассандра оказалась посередине Кромвель-роуд, ожидая, пока машины прервут свое бесконечное движение по венам столицы и она сможет перейти на другую сторону.

Музей Виктории и Альберта, огромный и величественный, возвышался перед ней, плащ полуденной тени быстро скользил по его каменному фасаду. Гигантский мавзолей прошлого. Она знала, что внутри много этажей-слоев истории. Тысячи предметов вне времени и пространства, тихое эхо радостей и горестей забытых жизней.

Кассандра наткнулась на Руби, когда та объясняла группе немецких туристов дорогу в новую музейную кофейню.

— Честно говоря, — громко прошептала Руби, когда толпа побрела прочь, — я обеими руками за кофейню в здании, я люблю кофе ничуть не меньше других, но ничто так не действует на нервы, как люди, которые проносятся мимо моей коллекции в поисках Святого Грааля, кексов без сахара и импортного лимонада!

Кассандра улыбнулась несколько виновато, надеясь, что Руби не услышит, как урчит у нее в животе от вкуснейших запахов, исходящих от кафе. Вообще-то она шла именно туда.

— В смысле, как они могут упустить возможность взглянуть прошлому в лицо? Как они могут?

Руби хлопнула ладонью по рядам набитых сокровищами стеклянных шкафов, составлявших ее коллекцию. Кассандра покачала головой и сдержала урчание.

— Я не знаю.

— Ладно, — драматически вздохнула Руби. — Итак, ты здесь, а обывателей и след простыл. Как ты себя чувствуешь? Смена часовых поясов не слишком мешает?

— Хорошо, спасибо.

— Спала нормально?

— Диван очень удобный.

— Можешь не врать, — хохотнула Руби, — хотя я ценю заботу о моих чувствах. По крайней мере, комки и вмятины не дали тебе проспать весь день. Не то мне пришлось бы звонить и будить тебя: я не позволила бы тебе пропустить мою выставку. — Она просияла. — Все еще не могу поверить, что Натаниэль Уокер когда-то жил в том же самом поместье, в котором стоит твой дом! Может быть, он видел его, ну, знаешь, черпал вдохновение. Может, даже бывал внутри.

С горящими круглыми глазами Руби взяла Кассандру под руку и

повела в один из проходов.

— Идем, тебе понравится!

С легким беспокойством Кассандра приготовилась изобразить уместно восторженную реакцию вне зависимости от того, что Руби стремилась показать ей.

— Ну вот, пришли. — Руби победно указала на ряд эскизов в шкафу. — Что ты о них думаешь?

Кассандра открыла рот от удивления и наклонилась вперед, чтобы лучше разглядеть. Изображать восторг не было необходимости, выставленные рисунки одновременно поразили и взволновали ее.

— Но где они... Как ты... — Кассандра покосилась на Руби, которая хлопала в ладоши, не скрывая радости. — Я и понятия не имела, что они существуют!

— Никто не имел, — весело сказала Руби. — Никто, кроме владелицы, и смею тебя уверить, она крайне долго не уделяла им ни малейшего внимания.

— Как ты их раздобыла?

— По чистой случайности, дорогая. По чистой случайности. Когда мне впервые пришла в голову идея выставки, мне не хотелось попросту снова раскладывать старый викторианский хлам, который переставляли с места на место десятки лет. Так что я послала маленькое секретное объявление во все профессиональные журналы, какие только вспомнила. Очень простое, оно гласило: «Возьмем займы интересные предметы искусства конца девятнадцатого века. Выставим с любовью и заботой в лондонском музее». Чудеса, но мне начали звонить уже в день публикации первого объявления. Большинство звонков, конечно, были ложными тревогами, небесными пейзажами двоюродной бабушки Мейвис и все такое, но в куче навоза нашлись и жемчужные зерна. Ты удивишься, сколько бесценных предметов сохранилось, несмотря на полное отсутствие заботы.

Кассандра подумала, что и с антиквариатом дело обстоит так же. Лучшие находки — те, о которых забыли на десятилетия и которые избежали энтузиазма «мастеров на все руки».

Руби снова посмотрела на эскизы.

— Они из лучших моих открытий. — Она улыбнулась Кассандре. — Незаконченные эскизы Натаниэля Уокера, кто бы мог подумать? В смысле, наверху у нас есть небольшое собрание его портретов и еще зал в Тейт-Британии, но, как я полагала, как все полагали, больше ничего не сохранилось. Считалось, что все остальное было...

— Уничтожено. Да, я в курсе. — Щеки Кассандры горели. —

Натаниэль Уокер славился тем, что уничтожал ранние наброски, работы, которыми был недоволен.

— Значит, ты можешь представить, что я почувствовала, когда та женщина протянула мне их. За день до того я проехала всю дорогу до Корнуолла и бродила из дома в дом, вежливо отказываясь принять различные предметы, которые явно ни на что не годились. Честно говоря, — Руби закатила глаза к потолку, — ты удивишься, узнав, что люди считают подходящим. Когда я подъехала к очередному дому, мне казалось, что еще немного, и я брошу свою затею. Это был один из прибрежных домиков с крытой соломой крышей и мне ужасно захотелось слянуть, когда Клара открыла дверь. Забавное маленькое существо вроде персонажа Беатрис Поттер,^[16] старая курица-наседка в фартуке домохозяйки. Она провела меня в самую крошечную и заставленную гостиную на свете — моя квартирка по сравнению с ней особняк — и настояла, чтобы я выпила чаю. Я бы в тот момент предпочла виски, после такого-то дня, но плюхнулась на подушки и приготовилась смотреть, на какой совершенно бесполезный предмет она собирается потратить мое время.

— И она дала тебе их.

— Я сразу поняла, чьи это рисунки. Они не подписаны, но на них есть оттиск Уокера. Видишь, в левом верхнем углу? Клянусь, меня аж затрясло, когда я его увидела. Чуть не опрокинула на них чашку с чаем.

— Но откуда они у нее? — спросила Кассандра. — Где она их взяла?

— Сказала, что нашла в вещах матери, — ответила Руби. — Ее мать, Мэри, въехала в дом вместе с Кларой, когда овдовела, и прожила в нем до самой смерти в середине шестидесятых. Обе были вдовами и, полагаю, приятной компанией друг для друга, поскольку Клара с радостью угостила беспомощного слушателя рассказами о дорогой мамочке. Прежде чем я ушла, она заставила меня подняться по чертовски опасной лестнице, чтобы взглянуть на комнату Мэри. — Руби наклонилась к Кассандре. — Ну и удивилась же я! Мэри уже сорок лет как умерла, но в комнате все осталось так, словно она может прийти домой в любую минуту. Страшновато, но мило: узкая односпальная кровать, идеально заправленная, на прикроватном столике — газета с наполовину заполненным кроссвордом на верхнем листе. А дальше под окном, маленький запертый сундучок — вот мучение! — Руби пальцами пригладила растрепанные седые волосы. — Право слово, пришлось собрать всю силу воли, чтобы не рвануть через комнату и не раскурочить замок голыми руками.

— Она открыла сундук? Вы увидели, что внутри?

— Увы, нет. Я оставалась кроткой и сдержанной, а через пару

мгновений хозяйка увела меня. Пришлось довольствоваться эскизами Натаниэля Уокера и уверениями Клары, что больше ничего такого в вещах ее матери нет.

— Мэри тоже была художницей? — спросила Кассандра.

— Мэри? Нет, домохозяйкой. По крайней мере, большую часть жизни. Во время Первой мировой трудилась на военном заводе, но, думаю, потом работу оставила. Ну, то есть в некотором роде оставила. Она вышла за мясника и остаток дней готовила кровяную колбасу да драила разделочные доски. Уж и не знаю, что хуже!

— И все же, — нахмурилась Кассандра, — как, черт побери, они попали к ней в руки? Натаниэль Уокер славился скрытностью в отношении своих работ, его эскизы невероятно редки. Он никому не дарил их, даже почти не подписывал контракты с издателями, которые хотели сохранить авторское право на оригиналы, а ведь то были законченные произведения. Представить не могу, что заставило его расстаться с этими незаконченными работами.

Руби пожала плечами.

— Она их одолжила, купила, может быть, украла. Не знаю, и должна признать, мне все равно. Я с радостью отнесу их на счет очередной красивой загадки жизни. Я лишь благодарю Господа, что они попали ей в руки и что она так и не поняла их ценности, не развесила по стенам и тем самым столь чудесно сберегла в течение всего двадцатого века.

Кассандра наклонилась к рисункам. Она узнала их, хотя раньше не видела. Ошибиться невозможно: ранние черновики иллюстраций для книги сказок. Нарисованы более быстро, линии прочерчены пылко, полны первого порыва художника. У Кассандры перехватило дыхание, когда она вспомнила, как чувствовала то же самое, начиная каждый свой новый рисунок.

— Невероятный шанс увидеть работу в развитии. Иногда мне кажется, что наброски намного больше говорят о художнике, чем законченные произведения, — произнесла она.

— Подобно скульптурам Микеланджело во Флоренции, — добавила Руби.

Кассандра покосилась на нее, радуясь ее проницательности.

— У меня мурашки по коже побежали, когда я впервые увидела фото того колена, выступающего из мрамора. Словно фигура все это время была поймана внутри и лишь ждала, пока придет кто-то достаточно искусный и освободит ее.

Руби просияла.

— Послушай, — загорелась она внезапной идеей, — сегодня твой единственный вечер в Лондоне, так давай поужинаем, как короли. Я собиралась пересечься со своим другом Греем, но он поймет. Или посидим втроем, в конце концов, чем больше, тем веселее...

— Простите, мэм, — произнес голос с американским акцентом, — вы здесь работаете?

Высокий черноволосый мужчина подошел и встал между ними.

— Работаю, — ответила Руби. — Чем могу помочь?

— Мы с женой ужасно проголодались, а один из парней наверху сказал, что где-то здесь есть кофейня.

Руби закатила глаза, глядя на Кассандру.

— «Карлуччос», семь вечера. Я плачу. — Затем она сжала губы и выдавила вялую улыбку. — Идемте, сэр. Я покажу вам дорогу.

Выйдя из музея, Кассандра отправилась на поиски запоздалого обеда. Она сообразила, что в последний раз ела должно быть, на борту самолета, не считая горсти лакричного ассорти и чашки чая; неудивительно, что желудок возмущался. К внутренней стороне обложки тетради Нелл была приклеена карманная карта центра Лондона. Насколько Кассандра могла судить по ней, неважно, куда идти, — она обязательно найдет что-нибудь поесть и попить. Вглядываясь в карту, она заметила слабый крестик, сделанный шариковой ручкой, который отмечал что-то на другом берегу реки, на улице в предместье Баттерси. Волнение провело перышком прямо по коже. Крестик означает место, но какое именно?

Через двадцать минут Кассандра купила сэндвич с тунцом и бутылку воды в итальянском ресторанчике на Кингс-роуд, затем пошла по Флад-стрит к реке. На другом берегу высились четыре яркие трубы Баттерсийской электростанции. Кассандра ощущала странный трепет, следуя по стопам Нелл.

Осеннее солнце выглянуло из укрытия и рассыпало серебристые искорки по поверхности реки. Темза. Как много она видела: бесчисленные жизни, бессчетные смерти. И именно от ее берега много-много лет назад отчалил корабль с маленькой Нелл на борту. Увез ее от жизни, которую она знала, в неведомое будущее. Будущее, которое стало теперь прошлым, завершившейся жизнью. И все же Нелл было не все равно, а теперь не все равно и Кассандре. Тайна — бабушкино наследство. Более того, ее долг перед бабушкой.

Глава 18

Лондон, Англия, 1975 год

Нелл крутила головой, рассматривая окрестности. Она надеялась, что когда увидит дом, в котором жила Элиза, то, возможно, как-то узнает его, инстинктивно почувствует, что именно он важен для разгадки тайны прошлого, но ошибалась. Дом номер тридцать пять по Баттерси-Бридж-роуд оказался совершенно незнакомым. Он был простым и мало чем отличался от остальных домов на улице: три этажа, подъемные окна, тонкие водосточные трубы змеятся по голым кирпичным стенам, почерневшим от времени и въевшейся грязи. Единственной его особенностью была необычная надстройка сверху. Снаружи казалось, что часть крыши была заложена кирпичом, чтобы получилась еще одна комната. Но со стороны понять было сложно.

Улица спускалась на север к Темзе. Грязная дорога с мусором в канавах и сопливыми детишками, играющими на мостовой, совсем не походила на место, способное взрастить автора волшебных сказок. Глупых романтических бредней — вполне, но, когда Нелл представляла Элизу, в ее мыслях возникали Кенсингтонские сады Джеймса Барри, волшебное очарование Оксфорда Льюиса Кэрролла.

Тем не менее именно этот адрес был указан в книге, которую она купила у мистера Снелгроува. Здесь родилась Элиза Мейкпис. Здесь она провела свои ранние годы.

Нелл подошла ближе. Внутри дома, казалось, ничего не происходило, так что она осмелилась прижаться к фасадному окну. Крошечная комнатка, кирпичный камин и тесная кухня. Окна кухни выходили на засыпанный молотым известняком общий двор, который тянулся за многоквартирными домами. Узкий лестничный пролет льнул к стене у двери.

Нелл шагнула назад, чуть не споткнувшись о засохшее комнатное растение.

Лицо в соседнем окне заставило ее подпрыгнуть, бледное лицо, обрамленное венчиком кудрявых белых волос. Нелл моргнула, глянула еще раз, лицо исчезло. Призрак? Нелл снова моргнула. Она не верила в призраков, по крайней мере в тех, что бродят по ночам.

Разумеется, дверь в доме номер тридцать семь по Баттерси-Бридж-роуд с треском распахнулась. За ней стояла миниатюрная женщина ростом примерно четыре фута, с тоненькими ножками и клюкой в руке. Из бородавки на левой стороне ее подбородка торчал длинный седой волос.

— Кто ты, детка? — неразборчиво пробормотала она с акцентом кокни. ^[17]

Прошло лет сорок, не меньше, с тех пор, как ее называли деткой.

— Нелл Эндрюс, — ответила она, пятясь от высохшего растения. — Я так просто. Просто заглянула. Просто хотела... — Она протянула руку. — Я из Австралии.

— Австралии? — повторила женщина, бледные губы растянулись в беззубой улыбке. — Что ж ты сразу не сказала? У меня зять живет в Австралии. В Сиднее, может, знаешь их? Десмонд и Нэнси Паркер?

— Боюсь, что нет, — ответила Нелл. — Я не в Сиднее живу.

Лицо старухи начало скисать.

— Ну ладно, — несколько скептически произнесла женщина. — Может, если окажешься там, то наткнешься на них.

— Десмонд и Нэнси. Постараюсь не забыть.

— Он редко возвращается до темноты.

Нелл нахмурилась. Зять в Сиднее?

— Парень, что живет по соседству. Почти не шумит. — Женщина понизила голос до театрального шепота. — Может, он и негр, но работает дай боже. — Она покачала головой. — Негр! Парень из Африки живет у нас, на Баттерси-Бридж-роуд. Вот уж не думала, что доживу до такого. Мать перевернулась бы в могиле, если бы узнала, что африканские парни живут на старой улице, да еще и в старом доме.

Нелл встрепелась.

— Ваша мать тоже здесь жила?

— А то, — гордо произнесла старуха. — Я здесь родилась, между прочим, в этом самом доме, который так вас интересует.

— Родились здесь? — Нелл подняла брови. Не многие люди способны сказать, что прожили всю жизнь на одной улице. — И когда же? Шестьдесят, семьдесят лет назад?

— Семьдесят восемь лет, чтоб вы знали. — Женщина выдвинула подбородок, седой волос сверкнул на свету. — Ни днем меньше.

— Семьдесят восемь лет, — медленно повторила Нелл. — И вы жили здесь все это время. С... — быстрый подсчет, — с тысяча восемьсот девяносто седьмого?

— Ага, с декабря тысяча восемьсот девяносто седьмого. Я — рождественский ребенок.

— У вас сохранилось много воспоминаний? В смысле, из детства?

Хозяйка соседнего дома захихикала.

— Иногда мне кажется, что других воспоминаний у меня и нет.

— Должно быть, тогда здесь было совсем по-другому?

— О да, — глубокомысленно произнесла старуха, — можете не сомневаться.

— Женщина, которую я ищу, тоже жила на этой улице. Точнее говоря, здесь, в этом доме. Возможно, вы помните ее?

Нелл расстегнула папку с бумагами и достала фотокопию фронтисписа книги сказок. Ее пальцы немного дрожали.

— Вот как она выглядела взрослой. Конечно, она была ребенком, когда жила здесь.

Старуха протянула жилистую руку и взяла предложенный рисунок, сощурившись так, что вокруг глаз собрались морщины. Затем она захихикала.

— Вы ее знаете? — Нелл затаила дыхание.

— Отлично знаю. До самой смерти ее не забуду. Пугала меня до колик, когда я была ребенком. Рассказывала жуткие истории, когда знала, что мамы нет рядом, некому поколотить и прогнать ее. — Она глянула на Нелл, нахмурившись, отчего лоб сложился в гармошку. — Элизабет? Эллен?

— Элиза, — быстро подсказала Нелл. — Элиза Мейкпис. Она стала писательницей.

— Откуда мне знать, я терпеть не могу читать. Только бумагу почем зря переводят. Знаю только, что девчонка с твоей картинки рассказывала такое, что волосы становились дыбом. Из-за нее почти все местные дети боялись темноты, и все же мы каждый раз возвращались за новой порцией историй. И где только она их брала?

Нелл снова взглянула на дом, стараясь поймать образ юной Элизы — заядлой рассказчицы, пугающей детишек помладше своими страшными сказками.

— Мы скучали по ней, когда ее забрали.

Старуха печально качала головой.

— Я думала, вы были рады, что вас больше некому пугать.

— Какое там, — возразила старуха, шамкая губами, словно жуя

собственные десны. — На свете нет ребенка, которому не по нраву, коли его время от времени хорошенько пугают.

Она воткнула клюку в то место на ступеньках, где крошилась штукатурка, и сощурилась, глядя на Нелл.

— Хотя сама девчонка напугалась пуще всех, куда страшнее, чем во всех ее небылицах. Осталась без брата, знаете ли, в один туманный день. Все, что она нам рассказывала, было не так кошмарно, как то, что случилось с ее братом. Огромный черный конь ударил его копытом прямо в сердце. — Она покачала головой. — После этого девчонка так и не стала прежней. По мне, так маленько рехнулась. Обрезала волосы и начала носить бриджи, если я все правильно помню!

Нелл охватило возбуждение. Что-то новенькое.

Старуха прочистила горло, достала платок и сплюнула в него. Затем продолжила как ни в чем не бывало:

— Ходили слухи, что ее забрали в работный дом.

— Не забрали, — сообщила Нелл. — Ее отослали к семье в Корнуолл.

— Корнуолл. — В доме засвистел чайник. — Что ж, значит, все кончилось хорошо?

— Полагаю, что так.

— Ладно. — Старуха кивнула в сторону кухни. — Время пить чай.

Заявление было столь безапелляционным, что на короткий, полный надежды миг Нелл решила, что ее могут пригласить внутрь, предложить чаю и множество других историй об Элизе Мейкпис. Но когда дверь за старухой начала закрываться, тщетные надежды растаяли.

— Погодите, — сказала Нелл, протягивая руку, чтобы придержать дверь.

Старуха оставила дверь приоткрытой, чайник продолжал верещать.

Нелл достала из сумочки листок бумаги и начала писать.

— Если я оставлю вам адрес и номер телефона гостиницы, в которой остановилась, вы свяжетесь со мной, если еще что-нибудь вспомните об Элизе? Хоть что-то?

Старуха вздернула бровь. На мгновение она замерла словно оценивая Нелл, затем взяла листок. Когда она заговорила, ее голос чуть изменился.

— Если что-нибудь придет в голову, я дам знать.

— Спасибо, миссис...

— Суинделл, — сказала старуха. — Мисс Хэрриет Суинделл. Так и не встретила парня, который бы меня стоил.

Нелл подняла ладонь, чтобы помахать на прощание, но дверь уже закрылась за старой мисс Суинделл. Когда чайник наконец прекратил

завывать, Нелл глянула на часы. Если поспешить, еще вполне можно успеть в Галерею Тейт. Там она сможет увидеть портрет Элизы авторства Натаниэля Уокера, тот, который он назвал «Сочинительница». Нелл вытащила из сумки маленькую туристическую карту Лондона и повела пальцем вверх по реке, пока не нашла Миллбанк. Бросив последний взгляд на Баттерси-Бридж-роуд — красный лондонский автобус прогремывал по набережным с викторианскими домами, приютившими Элизу в детстве, — Нелл направилась прочь.

Вот она, «Сочинительница», на стене галереи. Точно такая, какой Нелл запомнила ее. Широкая коса переброшена через плечо, изящная шея заключена в гофрированный белый воротник, застегнутый до самого подбородка, на голове шляпка. Эдвардианские дамы обычно носили совсем другие головные уборы. Очертания шляпки Элизы были более мужскими, залом — лихим, а носительница — дерзкой, хотя Нелл не понимала, откуда это ощущение. Она закрыла глаза. Если она очень постарается, то почти вспомнит голос. Иногда он звучал у нее в голове, серебристый голос, полный волшебства, загадок и тайн. Но всегда ускользал, и она не успевала задержать воспоминание, сделать его своим, управлять им, вызывать когда угодно в памяти.

Люди прохаживались за спиной, и Нелл снова открыла глаза. «Сочинительница» вернулась в раму, и Нелл подошла поближе. Портрет был необычен: во-первых, это был эскиз, сделанный углем, во-вторых, скорее набросок, чем законченная работа. Композиция тоже была интересна. Объект не был обращен к художнику, женщина была нарисована как бы уходящей, словно она в последнюю минуту бросила взгляд назад и замерла в этом мгновении. Было что-то чарующее в ее широко распахнутых глазах, в полуоткрытых губах, готовых заговорить, но и что-то неуютное тоже, и именно отсутствие хотя бы намек на улыбку, как будто она была удивлена. Обнаружена. Застигнута врасплох.

«Ах, если бы ты могла говорить, — подумала Нелл, — тогда, быть может, ты рассказала бы мне, кто я и что с тобой делала. Почему мы вместе сели на тот корабль и почему ты не вернулась за мной».

На Нелл тупой тяжестью навалилось разочарование, хотя она не знала, каких откровений ждала от портрета Элизы. Точнее, не ждала, но надеялась. Весь ее поиск основан на надежде. Мир ужасно большой, и в нем непросто найти человека, который пропал шестьдесят лет назад, даже если этот человек — ты сам.

Зал Уокера начал пустеть, и Нелл обнаружила, что со всех четырех

сторон окружена безмолвными взорами давно умерших людей, которые следили за ней странными тяжелыми взглядами, характерными для портретов: вечно бдительные глаза преследуют зрителя по всему залу. Нелл поежилась и накинула куртку.

Другой портрет привлек ее внимание, когда она была уже почти у двери. Когда взгляд Нелл упал на портрет темноволосой женщины с бледной кожей и пухлыми алыми губами, она немедленно узнала ее. Тысяча всплывших давно утраченных воспоминаний соединились в одно мгновение, уверенность наполнила каждую клеточку. Не то чтобы она узнала имя, напечатанное под портретом, Роза Элизабет Мунтраше, — слова сами по себе почти ничего не значили. Понимание было и больше, и меньше слов. Губы Нелл задрожали, что-то в глубине груди сжалось. Дышать было тяжело.

— Мама, — прошептала она, чувствуя себя одновременно глупо, ликующе и беззащитно.

Слава богу, Вестминстерская справочная библиотека работала допоздна, ведь Нелл была бы не в силах дожидаться утра. Наконец она узнала имя матери: Роза Элизабет Мунтраше. Позже она вспоминала то мгновение в Галерее Тейт как в некотором смысле второе рождение. Стремительно, без предупреждения и суеты, она оказалась чьим-то ребенком, узнала имя своей матери. Нелл вновь и вновь повторяла слова, спеша по темнеющим улицам.

Она слышала их не впервые. Книга с главой об Элизе, которую она купила у мистера Снелгроува, упоминала семью Мунтраше. Дядя Элизы со стороны матери, незначительный аристократ, владелец крупного поместья в Корнуолле. Чёренгорб, куда Элизу отослали. Была найдена та самая связь, которую Нелл искала, нить, соединяющая Сочинительницу из ее воспоминаний с кем-то, кто волею судьбы оказался ее матерью.

Библиотекарь запомнила Нелл, которая вчера приходила искать сведения об Элизе.

— Ну как, повидали мистера Снелгроува? — усмехнулась она.

— Да.

Нелл едва дышала.

— И выжили, чтобы поведать об этом?

— Он продал мне очень полезную книгу.

— Узнаю мистера Снелгроува, никогда не упустит сделки.

Она с нежностью покачала головой.

— Вы не могли бы снова мне помочь? — спросила Нелл. — Мне

нужны сведения об одной женщине.

Библиотекарь моргнула.

— Вы хоть что-нибудь о ней знаете?

— Конечно. Она родилась примерно в конце девятнадцатого века. Около тысяча восемьсот девяностого года.

— Она тоже была писательницей?

— Нет, не думаю. — Нелл выдохнула, собралась с мыслями. — Ее звали Роза Мунтраше, она из аристократической семьи. Я подумала, может, удастся что-то найти в одной из тех книг, ну, знаете, со сведениями о пэрах?

— Вроде «Дебретта» или «Кто есть кто»?

— Да, именно.

— Стоит посмотреть, — согласилась библиотекарь. — Может, своей записи у нее и нет, но, если вам повезет, она будет упомянута в чужой. Отца, быть может, или мужа. Полагаю, вы не знаете, когда она умерла?

— Нет, а что?

— Учитывая, что вы не знаете, когда внесли запись о ней, если вообще внесли, вы могли бы сэкономить время, если бы сперва поискали в «Кто есть кто». Но для этого надо знать когда она умерла.

Нелл покачала головой.

— Даже не догадываюсь. Если вы укажете мне общее направление, я просто проверю «Кто есть кто» — начну с текущего года и отправлюсь в прошлое, пока не найду упоминания о ней.

— Это может потребовать времени, а библиотека скоро закрывается.

— Я быстро.

Женщина пожала плечами, наклонилась, достала небольшой блокнот из-за стоявшей рядом пишущей машинки, написала шифр и протянула Нелл.

— Спуститесь по лестнице на нижний уровень и увидите полки прямо перед собой. Списки составлены по алфавиту.

Наконец в тысяча девятьсот тридцать пятом Нелл отыскала ценную заметку. Не Роза Мунтраше, но все-таки Мунтраше. Лайнус, дядя, который заявил права на Элизу Мейкпис после смерти Джорджианы. Она изучила статью:

«МУНТРАШЕ, лорд, Лайнус Сент-Джон Генри, р. 11 Января 1858 г., с. покойного лорда Сент-Джона Люка Мунтраше и покойной Маргарет Элизабет Мунтраше, ж. 17 июля 1888 г. на

Аделине Лэнгли. Одна д., покойная Роза Элизабет Мунтраше, м., покойный Натаниэль Уокер».

Роза вышла за Натаниэля Уокера. Значит, он ее отец? Нелл перечитала статью. Покойные Роза и Натаниэль. Итак, они оба умерли до тысяча девятьсот тридцать пятого. Не потому ли она оказалась с Сочинительницей? Элиза была назначена опекуном, потому что ее родители умерли?

Отец — в смысле Хеймиш — нашел ее на пристани Мэриборо в конце тысяча девятьсот тринадцатого. Если Элиза была назначена опекуном после смерти Розы и Натаниэля, получается, ее родители должны были умереть раньше тринадцатого года?

Допустим, она поищет Натаниэля Уокера в «Кто есть кто» за тот год. Уж конечно, о нем должна быть статья. Да, точно, если ее теория верна и в тысяча девятьсот тринадцатом его уже не было в живых, надо идти прямо к справочнику «Кто есть кто». Нелл поспешила вдоль ряда полок и выхватила «Кто есть кто. 1897–1915». Дрожащими пальцами она пролистала книгу с конца. Я, Ю, Э, Щ, Ш, Ч, Ц, Х, Ф, У. Вот он.

«УОКЕР, Натаниэль Джеймс, р. 22 июля 1883 г., у. 1 сентября 1913 г. С. Энтони Сэмюэля Уокера и Мэри Уокер, ж. на достопочт. Розе Элизабет Мунтраше, 17 июля 1907 г. Одна д., покойная Айвори Уокер».

Нелл замерла. Одна дочь, верно, но в каком смысле — покойная? Она не умерла, она очень даже жива.

Внезапно Нелл осознала, как натоплено в библиотеке, ощутила, что не может дышать. Она обмахнула лицо и снова посмотрела на запись.

Что это значит? Могли составители ошибиться?

— Нашли?

Нелл подняла взгляд. Библиотекарь.

— Они когда-нибудь ошибаются? — спросила Нелл. — Они хоть когда-нибудь ошибаются?

Женщина задумчиво сжала губы.

— Полагаю, они не самые надежные источники. Все сведения предоставляют фигуранты статей.

— А если фигурант мертв?
— В смысле?
— В этом справочнике все фигуранты мертвы. Кто же предоставляет сведения?

Библиотекарь пожала плечами.

— Живые родственники, полагаю. В основном, видимо, переписывают последний опросник по статье, добавляют даты смерти — и готово. — Она смахнула бумажную пыль с полки. — Мы закрываемся в час. Дайте знать, если вам еще что-нибудь понадобится.

Произошла ошибка, вот и все. Должно быть, они часто случаются. В конце концов, тот, кто набирает текст, лично не знаком с фигурантами. Разве не может так случиться, что наборщик отвлечется на мгновение и вставит слово «покойная» по ошибке? Предаст незнакомца ранней смерти в глазах потомства?

Это всего лишь опечатка, Нелл знала, что была ребенком, о котором говорилось в статье, и она совершенно точно не мертва. Надо только найти биографию Натаниэля Уокера, и Нелл докажет, что статья ошибается. Теперь у нее есть имя. Когда-то ее звали Айвори Уокер. И если имя не кажется знакомым, не сидит как влитое, подобно поношенной куртке, то ничего не поделаешь. Заранее не знаешь, что останется в памяти, а что нет.

Вдруг она вспомнила о книге, которую купила по дороге в Тейт, целиком посвященной живописи Натаниэля. В ней должна быть краткая биография. Нелл достала ее из сумки и раскрыла.

«Натаниэль Уокер (1883–1913) родился в Нью-Йорке в семье польских эмигрантов. Его отец работал в городском порту, а мать брала стирку на дом и растила шестерых детей, из которых Натаниэль был третьим. Два ребенка умерли от лихорадки, и Натаниэль должен был вслед за отцом начать работать в порту. Но один прохожий, оказавшийся Уолтером Ирвингом-младшим, наследником нефтяного состояния Ирвингов, заметил мальчика за работой над наброском на улице Нью-Йорка и заказал Натаниэлю портрет.

Под крылом патрона Натаниэль стал хорошо известен в нарождающемся нью-йоркском обществе. На одном из балов у Ирвинга в 1906 году Натаниэль встретил почтенную Розу Мунтраше, которая приехала в Нью-Йорк из Корнуолла. Они поженились в следующем году в Чёренгорбе, имении Мунтраше,

стоящем рядом с Тредженной в Корнуолле. Известность Натаниэля продолжала расти после свадьбы и переезда в Соединенное Королевство. Вершиной карьеры художника стал заказ, как оказалось, последнего портрета короля Эдуарда VII в начале 1910 года.

У Натаниэля и Розы Уокер была одна дочь, Айвори Уокер, рожденная в 1909 году. Жена и дочь часто позировали Натаниэлю, и один из его любимейших портретов озаглавлен „Мать и дитя“. Молодая пара трагически погибла в 1913 году в железнодорожном крушении у Эйсджилл, недалеко от Шотландии, когда поезд, в котором они путешествовали врезался в другой и загорелся. Айвори Уокер умерла от скарлатины через несколько дней после смерти родителей».

Чепуха какая-то! Нелл уже знала, что в биографии говорится о ней. Роза и Натаниэль Уокер были ее родителями. Она вспомнила Розу, вспомнила сразу же. Даты подходили: рождение Нелл, путешествие в Австралию, слишком близкое к смерти Розы и Натаниэля, чтобы быть совпадением. Да и связь между Розой и Элизой, которые должны были быть двоюродными сестрами, многое проясняла.

Нелл обратилась к оглавлению и провела пальцем по списку. Она остановилась на «Матери и дитя» и с колотящимся сердцем открыла указанную страницу.

Ее нижняя губа задрожала. Может, Нелл и забыла, что ее звали Айвори, но сомнений больше не осталось. Она помнила, как выглядела девочкой. На картине была она, сидящая на коленях матери, написанная отцом.

Тогда почему история считает ее покойной? Кто ввел в подобное заблуждение авторов справочника? То был намеренный обман или этот человек сам в него верил, не знал, что на самом деле загадочная женщина посадила ребенка на корабль, идущий в Австралию?

— Ты не должна называть свое имя. Мы с тобой играем в такую игру, — так сказала Сочинительница. Нелл слышала сейчас ее серебристый голос, подобный дуновению океана. — Это наша тайна. Ты не должна говорить.

Нелл снова было четыре года, ее переполняли страх, неуверенность, возбуждение. Она чувствовала запах илистой реки, такой непохожей на широкое синее море, слышала крики голодных чаек на Темзе и громкие

голоса моряков. Пара бочек, темное укрытие, лучик света с танцующими пылинками...

Сочинительница забрала ее. Ее вовсе не бросили. Ее похитили, а бабушки и дедушки не знали. Вот почему они не стали ее искать! Они поверили, что девочка умерла. Но почему Сочинительница забрала ее? И почему потом исчезла, оставив Нелл одну на корабле, одну во всем мире?

Ее прошлое — как матрешка, вопрос внутри вопроса внутри вопроса.

Чтобы распутать эти новые тайны, нужен кто-то, с кем она может поговорить, кто-то, кто мог раньше знать ее или ее прежнее окружение. Кто-то, кто прольет немного света на Сочинительницу, семью Мунтраше и Натаниэля Уокера.

Нелл решила, что этого человека не отыскать в пыльных подвалах справочной библиотеки. Ей придется отправиться в сердце тайны, в Корнуолл, в ту деревню, Тредженну, в огромный темный особняк Чёренгорб, где когда-то жила ее семья и бродила маленькая Айвори.

Глава 19

Лондон, Англия, 2005 год

Руби опаздывала на ужин, но Кассандра не волновалась. Официант провел ее к столику у большого окна, и она смотрела, как суетливые загородные жители разъезжаются по домам. Все эти люди, словно звезды на небосклоне жизни, протекающей далеко за пределами сфер, в которых существует Кассандра, и ей нет до них никакого дела. Автобус номер двадцать пять останавливался прямо перед рестораном, а через улицу располагалась станция подземки «Южный Кенсингтон», еще одетая в прелестное облачение из плиток в стиле ар-нуво. Прохожие накатывали волнами. Время от времени нескончаемый поток, точно ветром, задувал кучку людей в двери ресторана, где они рассаживались по стульям или вставали у ярко освещенного прилавка кулинарии в ожидании белых картонных коробок с изысканной едой, чтобы прикупить их домой на ужин.

Кассандра провела большим пальцем по мягкому потрепанному краю тетради и вновь мысленно повторила слова, в надежде, что на этот раз они окончательно улягутся в голове. Отец Нелл — Натаниэль Уокер. Натаниэль Уокер, рисовавший особ королевской крови, хозяин зала в Тейт, был отцом Нелл. Прадедушкой Кассандры.

Нет, истина по-прежнему сидела, как чужая перчатка, точно также, как сегодня днем, когда Кассандра впервые открыла ее. Она отдыхала на скамейке у Темзы, разбирая каракули Нелл о том, как та навестила дом в Баттерси, в котором родилась Элиза Мейкпис, и художественную галерею, где были выставлены портреты Натаниэля Уокера. Поднялся ветерок, скользнул по поверхности реки, набрал силу на берегах. Кассандра совсем было собралась уходить, когда ее взгляд выхватил особо неразборчивый абзац на раскрытой странице и подчеркнутое высказывание, которое гласило: «Роза Мунтраше была моей матерью. Я узнала ее портрет, и я

помню ее». Затем стрелочка перевела внимание Кассандры на заголовок книги: «Кто есть кто», под которым громоздились поспешно нацарапанные пункты.

«Роза Мунтраше вышла замуж за Натаниэля Уокера, художника, в 1907 году.

Одна дочь! Айвори Уокер (родилась, видимо, после 1907-го? 1909-го?) (проверить скарлатину?)

Роза и Натаниэль погибли в 1913-м, железнодорожная катастрофа, Эйсджилл, Шотландия (в том же году я исчезла. Связь?)».

В тетрадь был вложен отдельный листок бумаги, фотокопия страницы из книги «Великие железнодорожные катастрофы эпохи пара». Кассандра еще раз вытащила его. Бумага была тонкой, буквы поблекли, но, слава богу, листок был лишен пятен плесени, которые плотно усеяли остальную тетрадь. Заголовок вверху гласил: «Железнодорожная трагедия на Эйсджилл». Звуки кафе уютно гудели вокруг и Кассандра вновь изучила короткое, но энергичное описание.

«В темные и ранние часы 1 сентября 1913 года два поезда „Мидленд рейлвей“ выехали со станции Карлайл по направлению к станции Сент-Панкрас, но никто не знал, что пар несет их к месту ужасной гибели. Железная дорога на этом участке была отнюдь не пологой, пересекая многочисленные пики и впадины шотландского пейзажа, а поездам безнадежно не хватало мощности. Два факта соединились той ночью, чтобы привести поезда к крушению: их двигатели были меньше, чем рекомендовалось для крутых подъемов и спусков, и оба поезда были нагружены некачественным углем, полным угольной пыли, отчего тот не мог достаточно хорошо гореть.

Первый поезд вышел из Карлайла в 1.38 ночи, но, когда он достиг вершины Эйсджилл, давление пара начало падать и поезд остановился. Легко представить, что пассажиры были удивлены внезапной остановкой поезда почти сразу после отбытия со станции, однако не чрезмерно встревожены. В конце концов, они

в надежных руках, проводник уверил их, что состав постоит всего несколько минут и скоро снова тронется в путь.

Разумеется, уверенность проводника в том, что ожидание будет недолгим, стала одной из роковых ошибок, сделанных в ту ночь. Общепринятый железнодорожный протокол предполагает, что, если бы проводник знал, как много времени в действительности понадобится машинисту и кочегару, чтобы прочистить топочную решетку и восстановить давление пара, то заложил бы петарды^[18] или отнес фонарь назад по путям, чтобы просигнализировать следующим поездам. Но, увы, он ничего не сделал в ту ночь и тем самым подписал приговор невинным пассажирам поезда.

Ведь позади уже пыхтел второй паровоз. Он тащил меньший груз, но маленького двигателя и недоброкачественного угля тем не менее хватило, чтобы доставить машинисту массу неприятностей. За несколько миль до Маллерстанга машинист принял роковое решение оставить кабину и смазать кое-какие рабочие детали двигателя. Хотя подобная практика кажется небезопасной по современным стандартам, в Эдвардианскую эпоху она встречалась повсеместно. К несчастью, пока машиниста не было в кабине, у кочегара также возникли проблемы: заглохла форсунка и уровень котла начал падать. Когда машинист вернулся в кабину, данная задача так поглотила внимание обоих, что они не заметили красный фонарь, которым махали им из сигнальной будки в Маллерстанге.

Когда машинист и кочегар справились с проблемой и вновь обратили внимание на рельсы, первый, заглохший, состав находился уже в нескольких ярдах. Второй поезд не имел шанса остановиться вовремя. Как нетрудно представить, нанесенный ущерб был велик, и трагедия повлекла за собой неожиданно большое число жертв. В дополнение к удару от столкновения крыша почтового вагона соскользнула со второго поезда и рассекла спальный вагон первого класса. Газ из системы освещения воспламенился, и огонь пронесся по разрушенным вагонам, унося жизни тех несчастных, что стояли у него на пути».

Кассандра поежилась, когда образы темной ночи тысяча девятьсот тринадцатого атаковали ее: крутой подъем на вершину, окутанная мраком

земля за окном, неожиданная остановка поезда. Она задумалась о том, что Роза и Натаниэль делали в момент столкновения. Они спали или вели беседу? Возможно, даже говорили о своей дочери Айвори, ожидавшей их дома. Кассандру пронзила острая жалость. Она сложила отчет и аккуратно засунула обратно в тетрадь. Как странно, что ее так тронула судьба предков, о существовании которых она только что узнала. Наверное, Нелл было очень тяжело наконец найти своих родителей, для того лишь чтобы утратить их вновь столь страшным образом.

Дверь «Карлуччос» распахнулась, впуслав порыв холодного воздуха, пропитанного выхлопными газами. Кассандра подняла взгляд и увидела, что к ней спешит Руби, за которой идет худой мужчина с блестящей лысой головой.

— Ну и денек! — Руби рухнула на стул напротив Кассандры. — Автобусная экскурсия под самый конец. Больше в жизни не буду ничего объяснять! — Она указала на опрятного мужчину, который чинно стоял за ней. — Это Грей, он куда веселее, чем кажется.

— Руби, дорогая, что за очаровательное представление! — Мужчина протянул через стол гладкую руку. — Грейам Уэстерман. Руби мне все о вас рассказала.

Кассандра улыбнулась. Интересное заявление, учитывая, что Руби знакома с ней всего два часа бодрствования. И все же Кассандра подозревала, что если кто и способен на подобное чудо, так это Руби.

Грей скользнул на сиденье.

— Вам чертовски повезло унаследовать дом.

— Не говоря уже об изысканной семейной тайне.

Руби махнула официанту и принялась заказывать всем хлеб.

При упоминании о тайне губы Кассандры защемило от желания рассказать, кем были родители Нелл. Но секрет комом застрял у нее в горле.

— Руби сказала, вам понравилась ее выставка, — произнес Грей с огоньком в глазах.

— Конечно понравилась, а кому не понравилась бы? — подтвердила Руби. — К тому же она сама художница.

Кассандра покраснела.

— Всего лишь историк искусств.

— Папа сказал, ты чудесно рисуешь. Ты ведь проиллюстрировала детскую книгу?

Девушка покачала головой.

— Когда-то я рисовала, но это было всего лишь хобби.

— Немного больше, чем хобби, насколько мне известно. Папа сказал...

— Я только таскала повсюду альбом для набросков в юности. Сейчас — нет. Все давно прошло.

— Хобби часто остаются на обочине времени, — дипломатично заметил Грей. — Например, увлечение Руби бальными танцами, к счастью недолговечное.

— Знаешь, Грей, все потому, что у тебя обе ноги левые...

Пока ее соседи обсуждали спорное мнение Руби по вопросам сальсы, Кассандра позволила своим мыслям улететь на много лет назад, в тот день, когда Нелл кинула альбом для набросков и пачку мягких карандашей на стол, за которым Кассандра безнадежно утопала в домашнем задании по алгебре.

Тогда она жила с бабушкой чуть больше года. Кассандра поступила в среднюю школу, но завести там друзей оказалось не проще, чем составить уравнения.

— Я не знаю, как рисовать, — удивленно и неуверенно сказала Кассандра.

Она всегда остерегалась неожиданных подарков.

— Научишься, — пообещала Нелл. — У тебя есть глаза и руки. Рисуй то, что видишь.

Девочка терпеливо вздохнула. У Нелл хватало необычных идей. Она совсем не походила на чужих мам и уж точно не походила на Лесли, но она желала добра внучке, и Кассандра не хотела ранить ее чувства.

— Мне кажется, этого мало, Нелл.

— Чепуха. Надо только убедиться, что ты видишь то, что есть на самом деле, а не то, что тебе кажется.

Кассандра с сомнением подняла брови.

— Все состоит из линий и форм. Это как код, надо только научиться его читать и разбирать. Вон стоит лампа, — указала Нелл. — Скажи мне, что ты видишь.

— Мм... лампу?

— Вот в чем твоя проблема, — сказала Нелл. — Если ты видишь только лампу, у тебя нет шансов нарисовать ее. Но если ты видишь, что на самом деле это треугольник наверху прямоугольника, а соединяет их тонкая трубка, — что ж, ты на верном пути.

Кассандра неуверенно пожала плечами.

— Порадуй меня. Попробуй.

Кассандра снова вздохнула, издав тихий вздох безмерного терпения.

— Кто знает, может, ты саму себя удивишь.

И она удивила. Не то чтобы она проявила какой-то особый талант в тот первый раз. Она поразилась, как много удовольствия это ей доставило. Время словно исчезало, когда она держала альбом на коленях и карандаш в руке...

Пришел официант и с континентальным шиком метнул на стол две тарелки с хлебом. Затем кивнул, когда Руби заказала шампанское. Когда официант ушел, Руби потянулась за треугольным тостом с чесноком. Она подмигнула Кассандре и показала на тарелку.

— Попробуй тапенад, пальчики оближешь.

Кассандра намазала немного пасты из спелых маслин на кусочек чабатты.

— Ну же, Кассандра, — сказал Грей, — спасите старую неженатую пару от перебранки, расскажите, как провели день.

Руби подобрала кусочек маслины, упавший на стол, и вытерла черное пятнышко краем большого пальца.

— Да, было что-нибудь интересное? — присоединилась она.

Кассандра услышала собственный голос.

— Я узнала, кем были биологические родители Нелл.

Руби взвизгнула.

— Что? Как? Кто?

Девушка прикусила губу, сдерживая дрожь застенчивой и довольной улыбки.

— Их звали Роза и Натаниэль Уокер.

— Боже мой, — засмеялась Руби, — его зовут так же, как моего художника, Грей! Вот странно, мы как раз о нем говорили, ведь он когда-то жил в том же поместье, что и... — Она умолкла, понимание сделало ее розовое лицо серым. — Ты имеешь в виду моего Натаниэля Уокера. — Она сглотнула. — Твоим прадедушкой был Натаниэль Уокер?

Кассандра кивнула, против воли усмехаясь. Ей было немного неловко.

У Руби отвисла челюсть.

— И ты понятия не имела об этом, когда мы сегодня встретились в галерее?

Кассандра покачала головой, продолжая глупо улыбаться. Она заговорила, в надежде согнать дурацкую усмешку с лица.

— Я узнала только днем, когда прочла в тетради Нелл.

— Поверить не могу, что ты ничего не сказала, когда мы сюда только пришли!

— Боюсь, у нее просто не было возможности, со всеми твоими разговорами о сальсе, — заметил Грей. — Не говоря уж о том, Руби,

дорогая, что некоторые люди и вправду считают свою личную жизнь личным делом.

— Ах, Грей, на самом деле никто не любит хранить секреты. Единственная радость в секрете — знать, что его нельзя рассказывать, и нарушать это. — Она покачала головой, глядя на Кассандру. — Ты — родственница Натаниэля Уокера. Некоторым людям просто неприлично везет.

— Мне немного не по себе. Это очень неожиданно.

— Еще бы, — подтвердила Руби. — Столько людей роются в архивах, надеясь раскопать, что они родственники Уинстона Черчилля, будь он проклят, а тебе необычное происхождение в виде знаменитого художника падает вдруг прямо в руки.

Кассандра снова против воли улыбнулась.

Официант вернулся и налил им по бокалу шампанского.

— За разгадывание тайн, — подняла свой бокал Руби.

Они чокнулись и отпили по глотку.

— Прошу прощения за свое невежество, — произнес Грей, — мне следовало бы куда лучше знать историю искусств, но если у Натаниэля Уокера была дочь, которая пропала, то, несомненно, велись обширные поиски? — Он развел ладони. — Я не оспариваю результатов поиска вашей бабушки, но как, во имя всего святого, могла дочь знаменитого художника пропасть таким образом, чтобы об этом никто не узнал?

У Руби впервые не было готового ответа. Она взглянула на Кассандру.

— Насколько мне удалось понять из тетради Нелл, во всех записях сказано, что Айвори Уокер умерла в четыре года. В том же возрасте Нелл оказалась в Австралии.

Руби потеряла руки.

— По-твоему, ее похитили и тот, кто это совершил, устроил все так, будто она умерла? Невероятно волнующе. И кто же это был? Почему они так поступили? Что узнала Нелл?

Кассандра виновато улыбнулась.

— Похоже, ей так и не удалось решить эту часть загадки. До конца не удалось.

— В смысле? Откуда ты знаешь?

— Я прочла последние страницы ее тетради. Нелл так все и не узнала.

— Но что-то ведь она нашла, составила теорию? — Чувствовалось, что Руби в отчаянии. — Скажи мне, что она составила теорию! Она оставила тебе что-то, за что можно зацепиться?

— Есть имя, — сказала Кассандра. — Элиза Мейкпис. Я никогда не

слышала о ней, но, судя по всему, она была довольно известна в свое время. У Нелл оказался чемодан с книгой волшебных сказок, которая вызвала некоторые воспоминания. Если именно Элиза посадила Нелл на корабль, то сама она в Австралию не отправилась.

— Что с ней случилось?

Кассандра пожала плечами.

— Официальных записей нет. Словно она растаяла в дымке примерно в то же самое время, когда Нелл увезли в Австралию. Какие бы планы Элиза ни строила, видимо что-то пошло не так.

Официант заново наполнил их бокалы и спросил, готовы ли они заказать основное блюдо.

— Полагаю, надо бы, — сказала Руби. — Вы не могли бы подождать еще пять минут? — Она решительно открыла меню и вздохнула. — Просто потрясающе. Подумать только: завтра ты отправишься в Корнуолл, чтобы взглянуть на свой тайный дом! Как ты сможешь выносить это спокойно?

— Вы остановитесь в самом доме? — спросил Грей.

Кассандра покачала головой.

— Солиситор, ^[19] который хранил ключи, сказал, что жить там нельзя. Я забронировала номер в отеле «Чёренгорб» по соседству. Это дом, где жила семья Мунтраше, семья Нелл.

— Твоя семья, — добавила Руби.

— Да.

Кассандра не подумала об этом. И вновь ее губы задрожали, против воли складываясь в улыбку.

Руби театрально поежилась.

— Я ужасно завидую. Все бы отдала, чтобы в прошлом моей семьи была подобная тайна, нечто интересное, что можно распутать.

— Я очень взволнована. По-моему, мне начали являться видения. Я все время вижу ту маленькую девочку, маленькую Нелл, оторванную от семьи, вижу, как она сидит одна на пристани. Я не могу выкинуть ее из головы. Хорошо бы узнать, что на самом деле случилось, как она оказалась на другом конце света совсем одна.

Внезапно Кассандра смутилась, поняв, что слишком много говорит.

— Наверное, это глупо.

— Вовсе нет. По-моему, это вполне естественно.

Что-то в полном сострадания голосе Руби заставило Кассандру похолодеть. Она знала, чего ждать. Ее желудок сжался, а разум принялся отыскивать слова, чтобы сменить тему.

Но она не успела.

— Представить не могу, каково потерять ребенка, — донесся добрый голос Руби.

От ее слов тонкая защитная скорлупа горя Кассандры лопнула и выпустила на свет лицо Лео, его запах, смех ее двухлетнего малыша.

Непонятно, как Кассандра умудрилась кивнуть, слабо улыбнуться, отогнать прочь воспоминания, когда Руби потянулась за ее рукой.

— После того, что случилось с твоим малышом, неудивительно, что ты полна решимости раскрыть прошлое своей бабушки. — Руби чуть сжала ее ладонь. — По-моему, совершенно естественно: ты потеряла ребенка и теперь надеешься найти другого.

Глава 20

Лондон, Англия, 1900 год

Элиза узнала этих женщин, едва увидела, как они заворачивают на Баттерси-Бридж-роуд. Она и прежде замечала их на улицах, старую и молодую, одетых с иголки, творящих добрые дела с такой непоколебимой уверенностью, словно сам Господь спустился с небес и подрядил их.

После смерти Сэмми мистер Суинделл все время угрожал позвать «благодетельниц», не упуская возможности напомнить Элизе, что если она не найдет способ заработать монету или две, то непременно окажется в работном доме. И хотя Элиза старалась изо всех сил — охотилась для мистера Родина во всякую свободную минутку, — дар к ловле крыс, казалось, оставил ее, и неделя за неделей она все больше утопала в долгах по аренде.

Внизу постучали в дверь. Элиза замерла. Она обвела взглядом комнату, проклиная крошечную щель в известке и забитую трубу. Не иметь окон, жить невидимкой хорошо, когда хочешь наблюдать за происходящим на улице, но что делать, если отчаянно понадобилось сбежать?

Снова стук. Короткие резкие удары, словно владельцу рук противно прикасаться к столь безвкусному жилищу. Высокий переливчатый голос радостно взвился по кирпичной стене.

— Тук-тук, мы из прихода.

Элиза услышала, как открывается дверь, звякает колокольчик над ней.

— Я — мисс Рода Старджон, а это моя племянница, мисс Маргарет Старджон.

Послышался голос миссис Суинделл:

— Весьма польщена.

— Ах, как много смешных старых вещей, а места так мало, что и кошке не повернуться.

Снова кислый тон миссис Суинделл:

— Идите за мной, девочка наверху. И поаккуратнее. Заплатите за все, что сломаете.

Шаги слышались все ближе. Скрипнула четвертая ступенька. Элиза ждала, ее сердце колотилось так быстро, как у одной из пойманных для мистера Родина крыс. Она так и видела, как сердечко трепещет в груди, точно огонек на ветру.

Предательская дверь отворилась, и «благодетельницы» предстали в дверном проеме.

Та, что постарше, улыбнулась, и ее глазки скрылись в складках кожи.

— Мы — дамы из прихода, — весело сказала она. — Я — мисс Рода Старджон, а это моя племянница, мисс Маргарет Старджон. — Она наклонилась, и Элизе пришлось попятиться. — А ты, должно быть, маленькая Элиза Мейкпис?

Элиза не ответила, только пониже натянула кепку Сэмми, которую продолжала носить.

Старая дама подняла глаза и оценила темную выцветшую комнату за спиной девочки.

— О боже, — сказала она и прищелкнула языком, — твое положение не преувеличили. — Мисс Старджон подняла ладонь и обмахнула свою полную грудь. — Определенно не преувеличили. — Она указала на Элизу. — Неудивительно, что здесь цветет нездоровье. Окна вовсе нет.

Миссис Суинделл, оскорбленная возмутительным описанием комнаты, мрачно посмотрела на Элизу.

Старая мисс Старджон повернулась к молодой, которая все еще торчала в двери как вкопанная.

— Советую достать платок, Маргарет, у тебя слишком деликатное сложение.

Молодая женщина кивнула и вынула из рукава кружевной носовой платок. Она сложила его вдвое, так что получился треугольник, и прижала ко рту и носу, прежде чем осмелилась переступить через порог.

Преисполненная уверенности в собственной правоте, старая мисс Старджон продолжила, несколько не смутившись:

— Рада сообщить, что мы нашли для тебя место, Элиза. Как только мы услышали о твоём положении, сразу же начали искать выход. Ты слишком юна, чтобы служить, — и, подозреваю, недостаточно смиренна, — но мы замечательно справились. Божьей милостью мы отправим тебя в местный работный дом.

У Элизы перехватило дыхание и сжало горло.

— Так что, когда соберешь свои вещи, уж какие есть, — глаза под короткими ресницами метнулись в сторону, — мы тронемся в путь.

Элиза помотала головой.

— Ну же, не мешкай, начинай собираться. Нам пора.

— Нет! — воскликнула Элиза.

Миссис Суинделл отвесила Элизе подзатыльник, и глаза старой мисс Старджон распахнулись.

— Тебе повезло получить место, Элиза. Уверяю тебя, рабочий дом — далеко не худшее, что ждет молодых девушек, оставшихся на собственном попечении. — Старая мисс Старджон многозначительно фыркнула и задрала нос. — Идем сейчас же.

— Не пойду.

— Может, она глуповата, — предположила молодая мисс Старджон сквозь носовой платок.

— Она не глуповата, — возразила миссис Суинделл, — она просто испорченная.

— Господь считает всех овец своими, даже испорченных, — провозгласила старая мисс Старджон. — Маргарет, дорогая, попытайся найти более пристойную одежду для девочки. И постарайся не вдыхать зловоние.

Элиза покачала головой, она не собиралась в рабочий дом и снимать одежду Сэмми — тоже. Та стала частью ее.

Вот когда ей понадобилось, чтобы отец героически появился в дверях! Прижал ее к груди и забрал с собой, бороздить моря в поисках приключений.

— Вот это сгодится, — произнесла миссис Суинделл, высоко поднимая грязный передник Элизы. — Ничего другого ей там не понадобится.

Элиза внезапно вспомнила слова матери. Та настаивала, что люди должны сами себя спасать, что если воля сильна, то даже слабый может получить великую власть. Внезапно она поняла, что делать. Более не раздумывая, Элиза бросилась к двери.

Старая мисс Старджон, обладавшая значительным весом и неожиданно превосходной реакцией, загородила ей путь. Миссис Суинделл ринулась создавать вторую линию обороны.

Элиза дернула головой, налетела лицом на пышную плоть и укусила что было мочи. Старая мисс Старджон завизжала и схватилась за бедро.

— Ах ты маленькая дикая кошка!

— Тетя! Она заразит вас бешенством!

— Я вам говорила, что она опасна, — сказала миссис Суинделл. — Ладно, ну ее, эту одежду. Давайте снесем девчонку вниз.

Женщины взяли Элизу за руки и потащили, в то время как молодая мисс Старджон топталась поблизости, раздавая бесполезные предупреждения насчет ступенек и дверей, пока девочка дергалась что было сил.

— Успокойся, девчонка! — крикнула старая мисс Старджон.

— Помогите! — кричала Элиза, почти вырвавшись. — Кто-нибудь, помогите мне!

— Тебя взгреют, — прошипела миссис Суинделл, когда они спустились по лестнице.

Вдруг у девочки появился неожиданный союзник.

— Крыса! Я увидела крысу!

— В моем доме нет крыс!

Молодая мисс Старджон завопила, вскочила на стул, бесчисленные зеленые бутылки покатались во все стороны.

— Неуклюжая девчонка! Вы заплатите за все, что сломаете.

— Но вы сами виноваты. Если бы вы не развели крыс...

— Ерунда! Здесь нет ни единой крысы...

— Тетя, я ее видела. Кошмарная тварь, большая, как собака, с черными глазками-бусинками и длинными острыми когтями... — Голос девицы затих, она оперлась о спинку стула. — Я вот-вот лишусь чувств. Я не создана для подобных ужасов.

— Ну же, не расстраивайся, Маргарет. Подумай о сорока днях и ночах Христа.

Старая мисс Старджон подтвердила свое внушительное сложение тем, что крепко вцепилась в руку Элизы и одновременно наклонилась поддержать слабеющую племянницу, которая начала хныкать.

— Но ее глазки-бусинки, жуткий дергающийся нос... А-а-а! Вот она! — задохнулась молодая мисс Старджон.

Все взоры обратились туда, куда указывал перст Маргарет. За бидоном с виски сидела и дрожала крыса. Элиза мысленно пожелала ей остаться свободной.

— А ну иди сюда, гадкий грызун!

Миссис Суинделл схватила тряпку и начала гонять грызуна по комнате, колотя куда ни попадя.

Маргарет визжала, мисс Старджон шикала, миссис Суинделл ругалась, стекло разлеталось, а затем, откуда ни возьмись, в хор вступил новый голос, громкий и низкий:

— Немедленно прекратите.

Все звуки утихли. Элиза, миссис Суинделл и обе мисс Старджон повернулись посмотреть, откуда прозвучал сей глас. В открытой двери стоял мужчина в черном. За ним блестящая карета. Дети собрались вокруг нее, трогая колеса и восхищаясь горящими впереди фонарями. Мужчина скользнул взглядом по картине разгрома.

— Мисс Элиза Мейкпис?

Элиза резко кивнула, не в силах подобрать слова. Она слишком испугалась, что путь к свободе закрыт, для того чтобы гадать, кто этот незнакомец, который знает ее имя.

— Дочь Джорджианы Мунтраше?

Он протянул Элизе фотографию. На снимке была мать, совсем молоденькая, одетая в изящную одежду благородной дамы. Элиза широко распахнула глаза. Она смущенно кивнула.

— Я — Финнеус Ньютон. По поручению лорда Лайнуса Мунтраше из Чёренгорб-мэнор я прибыл забрать вас домой, в семейное имение.

У Элизы отвисла челюсть, хоть и не так низко, как у обеих мисс Старджон. Миссис Суинделл, сраженная внезапным апоплексическим ударом, рухнула на стул. Когда она в замешательстве заблела, ее рот открывался и закрывался, как у застигнутой отливом рыбы.

— Лорд Мунтраше?.. Чёренгорб?.. Семейное имение?..

Старая мисс Старджон выпрямилась.

— Мистер Ньютон, боюсь, я не могу вам позволить просто так забрать эту девочку без какого-либо предписания. Мы в приходе несем ответственность...

— Все содержится здесь. — Мужчина протянул лист бумаги. — Мой наниматель запросил и получил опеку над этой несовершеннолетней. — Он повернулся к Элизе, чуть вздрогнув при виде ее необычной одежды. — Идемте, мисс. Надвигается буря, а нам предстоит долгий путь.

Элизе понадобилась всего доля секунды, чтобы принять решение. Неважно, что она никогда не слышала о Лайнусе Мунтраше или Чёренгорб-мэнор. Неважно, что она понятия не имела, говорит ли этот мистер Ньютон правду. Неважно, что мать решительно отказывалась рассказывать о своей семье и темная тень падала на ее лицо всякий раз, когда Элиза настаивала на новых подробностях. Что угодно, только не рабочий дом. И поверить истории мужчины, спастись из когтей благочестивых мисс Старджон, попрощаться с Суинделлами и их холодной, одинокой комнатой на чердаке казалось Элизе таким же верным спасением, как если бы ей удалось вырваться и выбежать из двери.

Она поспешила к мистеру Ньютону, встала рядом и украдкой бросила взгляд на его лицо. С такого близкого расстояния он казался не таким большим, как когда был силуэтом в дверном проеме. Мужчина был среднего роста и чем-то напоминал бочку. Его кожа была покрыта румянцем, а под высокой черной шляпой Элиза разглядела немного волос, которые за годы превратились из каштановых в серебристые.

Пока мисс Старджон изучали постановление об опеке, миссис Суинделл сумела взять себя в руки. Она подалась вперед и ткнула тощим узловатым пальцем в грудь мистера Ньютона, выделяя каждое третье слово.

— Это гнусный трюк, а вы, сэр, просто жалкий мошенник. — Она покачала головой. — Не знаю, чего вы хотите от девчонки, хотя отлично могу себе представить, но вы не отнимете ее у меня своими грязными трюками.

— Уверяю вас, мадам, — произнес мистер Ньютон, подавив совершенно очевидную неприязнь, — что никакого трюка здесь нет.

— Да неужели? — Брови миссис Суинделл взметнулись, а губы растянулись в слюнявой улыбке. — Да неужели? — Она триумфально повернулась к обеим мисс Старджон. — Это вранье, сплошное вранье, а он — грязный лгун. У этой девчонки нет семьи, она сирота, вот кто. Сирота. И она моя, моя, я могу творить с ней все, что захочу. — Ее губы победно изогнулись, когда она подошла к факту, который считала неоспоримым. — Она досталась мне, когда ее мать умерла, потому что ей некуда было идти. — Миссис Суинделл выдержала триумфальную паузу. — Я не вру, мать девчонки сама мне сказала: у нее нет никакой семьи. Ни о какой семье и речи не шло все тринадцать лет, что я ее знала. Этот тип — жулик.

Элиза подняла взгляд на мистера Ньютона, который коротко вздохнул и поднял брови.

— Хотя меня отчасти удивляет, что мать мисс Элизы не стала разглашать подробности о существовании своей семьи, это не отменяет ее наличия. — Он кивнул старой мисс Старджон. — Все есть в бумагах.

Мужчина шагнул на улицу и широко распахнул дверцу кареты.

— Мисс Элиза? — произнес он, указывая внутрь.

— Я позову мужа, — пригрозила миссис Суинделл.

Элиза помедлила, сжимая и разжимая ладони.

— Мисс Элиза?

— Мой муж вам покажет!

Какой бы ни была правда о ее семье, Элиза понимала, что выбор прост: карета или рабочий дом. Ее собственная судьба более ей

неподвластна, по крайней мере сейчас. Единственное, что ей оставалось, это сдаться на милость кого-либо из присутствующих. С глубоким вздохом она шагнула к мистеру Ньютону.

— У меня ничего не собрано...

— Кто-нибудь, сбегайте за мистером Суинделлом!

Мистер Ньютон мрачно улыбнулся.

— Боюсь, никаким вещам отсюда не место в Чёренгорб-мэноре.

Собралась уже небольшая толпа соседей. Миссис Баркер стояла с одной стороны, раскрыв рот и обняв корзину мокрого белья, крошка Хэтти прижалась сопливой щекой к платью Сары.

— Будьте любезны, мисс Элиза.

Мистер Ньютон встал возле двери и жестом указал на пространство за дверью.

Бросив последний взгляд на задыхающуюся миссис Суинделл и двух мисс Старджон, Элиза взобралась по маленькой лесенке, которая была опущена до самой канавы и исчезла в темной пещере кареты.

Лишь когда дверца закрылась, Элиза поняла, что она не одна. Напротив, в темных складках ткани второго сиденья находился знакомый мужчина, в пенсне и аккуратном костюме. Ее желудок сжался. Девочка немедленно узнала плохого человека, о котором предупреждала мама, и поняла, что должна бежать. Но когда она отчаянно повернулась к закрытой двери, плохой человек ударил в стенку за собой, и карета пришла в движение.

Часть вторая

Глава 21

Корнуолл, Англия, 1900 год

Пока карета громыхала по Баттерси-Бридж-роуд, Элиза изучала дверцу. Возможно, если повернуть одну из ручек, нажать на одну из выемок, дверца распахнется и можно будет оказаться на свободе? Хотя свобода эта будет сомнительна. Если она переживет падение, придется искать способ избежать работного дома, и все же это, несомненно, лучше, чем быть похищенной человеком, которого так боялась мать.

Сердце Элизы трепыхалось в грудной клетке, точно пойманный воробушек. Она осторожно потянулась, обхватила пальцами рычаг и...

— Я бы на твоём месте не рисковал.

Она резко подняла взгляд.

Мужчина наблюдал за ней, линзы пенсне увеличивали его глаза.

— Ты упадёшь под карету, и колеса разрежут тебя. — Он вяло улыбнулся, обнажив золотой зуб. — Как я объясню это твоему дяде? Двенадцать лет охоты, чтобы лишь доставить две твои половинки?

Затем он чуть приподнял уголки рта и издал серию быстрых всасывающих звуков, которые Элиза приняла за смех.

Звуки прекратились так же быстро, как начались, и рот человека принял исходное кислое выражение. Он пригладил кустистые усы, которые торчали над его губами, точно хвосты двух маленьких белок.

— Меня зовут Мэнселл.

Он откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза и положил бледные, влажные на вид руки на полированную верхушку темной трости.

— Я работаю на твоего дядю и сплю очень чутко.

Колеса кареты с металлическим звоном мчались по одной булыжной мостовой за другой, кирпичные здания проносились мимо, все вокруг, сколько доставал взгляд, было серым, и Элиза чопорно сидела, отчаянно боясь разбудить спящего плохого человека. Она старалась дышать в такт с

грохотом копыт скачущих галопом лошадей, пытаясь привести в порядок свои мысли. Девочка сосредоточилась на прохладной коже сиденья, чтобы ноги перестали дрожать. Ей было не по себе, точно персонажу, которого вырезали со страниц одной истории, с известным ритмом и контекстом, и довольно небрежно вклеили в другую.

Когда они достигли пестрых окраин Лондона и выехали наконец из леса зданий, Элиза смогла разглядеть грозное небо. Лошади изо всех сил старались обогнать темно-серые облака, но много ли шансов у лошадей против гнева Господня? Первые капли дождя злобно застучали по крыше кареты, и вскоре мир снаружи окутался белой пеленой. Вода хлестала по окнам, затекала в тонкие щели над дверцами кареты.

Так они ехали несколько часов, и Элиза успела отыскать убежище в собственных мыслях, когда внезапно карета свернула и струйка ледяной воды пролилась девочке на голову. Она заморгала намокшими ресницами и посмотрела на сырое пятно на рубашке. Ужасно хотелось плакать. Странно, что в такой тяжелый день нечто столь безобидное, как струйка воды, могло заставить ее заплакать. Но она не позволит себе плакать, не здесь, не тогда, когда плохой человек сидит напротив. Девочка проглотила плотный комок в горле.

Вроде бы не открывая глаз, мистер Мэнселл достал носовой платок из нагрудного кармана и протянул его Элизе, жестом давая понять, что она должна его взять.

Девочка промокнула лицо.

— Столько хлопот, — сказал он так тускло, что губы едва разошлись. — Так много хлопот.

Элиза сначала подумала, что он говорит о ней. Ей это показалось несправедливым, ведь она почти не причиняла хлопот, но возразить Элиза не посмела.

— Столько лет потрачено, — продолжил он, — а награда так скромна.

Его холодные и оценивающие глаза распахнулись. Девочка напряглась. Мужчина продолжил:

— На что только не способен сломленный человек...

Элизе стало интересно, кто этот сломленный человек, она подождала, пока мистер Мэнселл пояснит свои слова. Но он больше не говорил. Лишь забрал платок и подержал его двумя мертвенно-бледными пальцами, прежде чем бросить на сиденье рядом с собой.

Карета внезапно дернулась, и Элиза вцепилась в сиденье, чтобы не упасть. Лошади сменили аллюр, и карета пошла все медленнее и медленнее. Наконец она остановилась.

Приехали? Элиза выглянула в окно, но дома не увидела. Лишь обширное промокшее поле, а за ним небольшое каменное здание с забрызганной дождем вывеской над дверью. «Постоялый двор Мак-Клири, Солсбери».

— У меня другие дела, — сообщил мистер Мэнселл, выбиваясь. — Ньютон отвезет тебя дальше.

Дождь почти заглушил его следующий приказ, но, когда дверца захлопнулась, Элиза услышала его крик:

— Отвези девочку в Чёренгорб.

Резкий поворот, и Элиза налетела на твердую, холодную стену. Вырванная из сна, она не сразу вспомнила, где находится, почему она одна в темной карете, которая несется в неизвестном направлении. По частям, с трудом день всплыл в памяти. Постановление об опеке от загадочного дяди, спасение из когтей «благодетельниц», мистер Мэнселл... Она протерла запотевшее окно и выглянула на улицу. Было почти темно. По-видимому, она проспала какое-то время, но как долго? Дождь уже не шел, и горстка больших и малых звезд глядела сквозь низкие облака. Огни кареты не в силах были побороть густую темноту сельской местности и дрожали, пока кучер вел карету по ухабистой дороге. В тусклом влажном свете Элиза видела несколько высоких железных ворот и очертания больших деревьев, их черные ветви царапали горизонт. Карета въехала в тоннель из разросшихся колючих кустов, и колеса застучали вдоль канав, отчего струи мутной воды выплескивались в окно.

В тоннеле было темно, ветви переплелись так густо, что тусклому свету не удавалось проникать сквозь них. Элиза затаила дыхание, ожидая приезда. Ожидая первого взгляда на то, что, несомненно, лежит впереди. Чёренгорб. Она слышала свое сердце — уже не воробушек, но ворон с большими, мощными крыльями, бьющимися в груди.

Внезапно они выехали из тоннеля.

Ей открылось каменное здание, самое большое, какое Элиза когда-либо видела. Даже больше, чем гостиницы в Лондоне, в двери которых входят и выходят франты. Здание было окружено темной дымкой, стволы и ветви высоких деревьев переплелись за ним. В одном из нижних окон мерцал желтый свет лампы. Да разве это дом?

Она обратила внимание на движение в окне рядом с крышей. Далекое лицо, выбеленное пламенем свечи, наблюдало за ними. Элиза прижалась к окну кареты, чтобы рассмотреть получше, но лицо уже исчезло.

Затем они проехали мимо здания, металлические колеса продолжили

клатать по булыжной мостовой. Наконец карета въехала под каменную арку и резко остановилась.

Элиза напряженно сидела, выжидая, наблюдая, гадая должна ли выходить из кареты и сама искать дорогу к дому.

Тут дверь распахнулась, и мистер Ньютон, промокший насквозь, несмотря на плащ, протянул ей руку.

— Идемте, барышня, мы и так уже опоздали. Некогда колебаться.

Элиза взяла предложенную руку и спустилась по каретной лесенке. Они обогнали дождь, пока она спала, но небо обещало, что еще возьмет свое. Темно-серые облака нависли над землей, полные решимости, и воздух под ними был густым от тумана, совсем не такого, как в Лондоне, более холодного, менее маслянистого. Он пах солью, листьями и водой. И еще раздавался странный шум, точно поезд все время проносился мимо. Вшшш... вшшш... вшшш...

— Вы опоздали. Госпожа ожидала девочку в половине пятого.

В дверях стоял щеголевато одетый мужчина. Он и говорил как джентльмен, и все же Элиза знала, что он не является таковым. Его выдавала чопорность, нарочитое подчеркивание своего превосходства. Тому, кто рожден высоко, нет нужды так стараться.

— Ничего нельзя было поделать, мистер Томас, — ответил Ньютон. — Дурная погода всю дорогу. Счастье еще, что мы вообще доехали, учитывая, как поднялась Тамар.^[20]

Мистер Томас остался равнодушным. Он защелкнул крышку карманных часов.

— Госпожа очень недовольна. Несомненно, она даст аудиенцию завтра.

Голос кучера стал кислым, как лимон.

— Да, мистер Томас. Несомненно, сэр.

Мистер Томас повернулся, чтобы впустить Элизу, и чуть не онемел от неудовольствия.

— Что это?

— Девочка, сэр. Как и было велено.

— Это никакая не девочка.

— Отнюдь, сэр, девочка.

— Но волосы... одежда...

— Я только делаю, что мне велят, мистер Томас. Если у вас есть какие-то вопросы, полагаю, вам следует задать их мистеру Мэнселлу. Он был со мной, когда я забирал ее.

Это, казалось, несколько смягчило мистера Томаса. Он выдавил вздох

через плотно сжатые губы.

— Полагаю, если мистер Мэнселл был удовлетворен...

Кучер кивнул.

— Если это все, я пойду поставлю лошадей в конюшню.

Элиза задумалась, не побежать ли за мистером Ньютоном и его лошадьми, не поискать ли убежище в конюшнях, не спрятаться ли в карете и как-нибудь найти дорогу обратно в Лондон? Но когда девочка посмотрела ему вслед, кучер уже был окутан туманом, и она пришла в замешательство.

— Идем, — произнес мистер Томас, и Элиза повиновалась.

Внутри было прохладно и сыро, но все же теплее и суше, чем снаружи. Элиза последовала за Томасом по короткому коридору, стараясь не стучать пятками по серым плитам. В воздухе витали ароматы жареного мяса, и желудок Элизы сжался. Когда она в последний раз ела? Миску бульона у миссис Суинделл прошлым вечером... Ее губы пересохли от чувства острого голода.

Запах стал сильнее, когда они вошли в огромную душную кухню. Несколько служанок и толстая повариха прервали беседу, чтобы посмотреть на них. Как только Элиза и мистер Томас прошли, они разразились взрывом возбужденного шепота. Элиза чуть не плакала оттого, что еда была так близко. Ее рот наполнился слюной, словно она проглотила пригоршню соли.

В конце коридора из двери шагнула тощая женщина со строгим и неподвижным лицом.

— Это племянница, мистер Томас? — Ее прямой взгляд медленно смерил Элизу.

— Да, миссис Хопкинс.

— Ошибки быть не может?

— К сожалению, нет, миссис Хопкинс.

— Понимаю. — Она медленно вдохнула. — Лондон определенно наложил на нее отпечаток.

Элиза не сомневалась, что это не комплимент.

— Разумеется, миссис Хопкинс, — произнес мистер Томас. — Я собирался выкупать ее перед представлением.

Губы миссис Хопкинс сжались, из них вырвался резкий, решительный вздох.

— Хотя я разделяю ваши чувства, мистер Томас, боюсь, времени нет. Она уже дала знать о своем недовольстве.

Она? Кто это — она?

Несомненное волнение вкралось в манеры миссис Хопкинс, когда

прозвучало это слово, и женщина быстро разгладила и без того гладкие юбки.

— Девочку необходимо отвести в гостиную. Она скоро подойдет. Тем временем я наберу ванну, посмотрим, не удастся ли отмыть часть этой жуткой лондонской грязи до ужина.

Так ужин будет! И скоро. У Элизы закружилась голова от облегчения.

Услышав смешок за спиной, Элиза повернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как кудрявая горничная ретируется обратно на кухню.

— Мэри! — воскликнула миссис Хопкинс и пошла за горничной. — Однажды утром ты проснешься и наступишь на собственные уши, если не прекратишь их развешивать...

В самом конце коридора узкие ступеньки взбегали вверх и поворачивали к деревянной двери. Мистер Томас бодро направился через дверь в большую комнату, Элиза пошла за ним.

Пол был покрыт бледными прямоугольными плитами, посередине комнаты располагалась великолепная лестница. С высокого потолка свисала люстра, свечи которой стелили через комнату полотнища мягкого света.

Мистер Томас прошел через входной холл к сверкающей двери, густо выкрашенной блестящей красной краской. Он наклонил голову, и Элиза поняла, что он приглашает ее войти.

Когда мистер Томас смотрел на нее, его бледные губы дрожали, а на лице прорезались тонкие морщинки.

— Госпожа, твоя тетя, через минуту спустится на тебя посмотреть. Следи за своими манерами и называй ее «миледи», если она не велит тебе иного.

Элиза кивнула. Она — ее тетя.

Мистер Томас продолжал смотреть на Элизу. Он чуть покачал головой, не отводя глаз.

— Да, — быстро и тихо произнес он. — В тебе видна твоя мать. Ты маленькая оборванка, спору нет, но она кроется внутри.

Не успела Элиза обрадоваться комплименту, как наверху величественной лестницы раздался шум. Мистер Томас замер и выпрямился. Он чуть толкнул Элизу. Девочка, споткнувшись, пересекла порог и оказалась в большой комнате с бордовыми обоями и камином, в котором пылал огонь.

Газовые лампы мерцали на столах, но, несмотря на все усилия, не могли осветить огромную комнату. Темнота шептала в углах, тени дышали вдоль стен. Вдох и выдох, вдох и выдох...

Послышался шум за спиной, и дверь снова отворилась. Порыв холодного воздуха заставил пламя зашипеть в камине, швырнул заостренные тени на стены. В трепете предвкушения Элиза обернулась.

В дверях стояла высокая, худая женщина, ее тело напоминало вытянутые песочные часы. Длинное платье, сшитое из синего шелка, темного, как полуночное небо, плотно облегалo ее фигуру.

Огромная собака — нет, не просто собака, а гончая — стояла рядом, тревожно переступая на длинных ногах. Время от времени собака поднимала шишковатую голову, чтобы отереться о ладонь хозяйки.

— Мисс Элиза, — объявил мистер Томас, который поспешно вошел вслед за женщиной и сейчас стоял навтыжку.

Та не отвечала, рассматривая лицо Элизы. Она минуту молчала, прежде чем ее губы раскрылись и раздался холодный голос.

— Надо завтра поговорить с Ньютоном. Она прибыла на полчаса позже, чем ожидалось.

Женщина говорила так медленно, так уверенно, что Элиза чувствовала острые края ее слов.

— Да, миледи, — произнес Томас, его щеки пылали. — Принести чай, миледи? Миссис Хопкинс...

— Не сейчас, Томас. — Не оборачиваясь, она чуть шевельнула бледной тонкой рукой. — Мог бы догадаться и сам, слишком поздно для чая.

— Да, миледи.

— Если пройдет слух, что в Чёренгорб-мэнор подали чай после пяти... — Раздался короткий смешок, подобный звону хрусталя. — Нет, теперь уже подождем до ужина.

— В столовой, миледи?

— Где же еще?

— Накрыть на двоих, миледи?

— Я буду ужинать одна.

— А мисс Элиза, мадам?

Тетя резко выдохнула.

— Легкий ужин.

В желудке у Элизы заурчало. Боже, пусть у нее на ужин будет хоть немного теплого мяса.

— Хорошо, миледи, — произнес мистер Томас, кланяясь покидая комнату.

Дверь мрачно закрылась за ним.

Тетя издала длинный медленный вздох и, моргая, глянула на Элизу.

— Подойди ближе, девочка. Я хочу тебя рассмотреть.

Элиза повиновалась. Она подошла к женщине и встала, стараясь дышать потише и помедленнее.

Вблизи тетя была прекрасна. То был тип красоты, при котором каждая черта совершенна, но целое почему-то не столь чудесно. Ее лицо напоминало картину. Кожа бела как снег, губы алые как кровь, глаза прозрачно-голубые. Смотреть в ее глаза было все равно что глядеть в зеркало, когда на него падает свет. Ее темные волосы, гладкие и блестящие, были убраны с лица и венчали голову пышной короной.

Тетя взглядом охватила лицо Элизы, и ее веки слегка дрогнули. Холодные пальцы приподняли подбородок девочки, чтобы удобнее было изучать ее. Элиза, не зная, куда смотреть, моргала, глядя в непроницаемые глаза. Огромный пес стоял рядом со своей госпожой, влажно и жарко дыша на руки Элизы.

— Да, — сказала тетя. Звуки задержались на ее губах, и уголок рта дернулся. Она словно ответила на вопрос, который не был задан. — Ты ее дочь. Во всех отношениях не дотягиваешь, но все же... — Она чуть вздрогнула, когда порыв дождя ударил в окна. Дурная погода все-таки настигла их. — Остается лишь надеяться, что нрав у тебя иной, что своевременным вмешательством мы сможем пресечь все схожие наклонности.

Элиза не понимала, о каких наклонностях может идти речь.

— Моя мать...

— Нет. — Тетя подняла руку. Она домиком сложила пальцы перед ртом, растянула губы в тонкой улыбке. — Твоя мать покрыла позором имя семьи. Оскорбила всех, кто живет в этом доме. Мы не говорим здесь о ней. Никогда. Это первое и самое важное условие твоего проживания в Чёренгорб-мэнор. Ты поняла?

Элиза прикусила губу.

— Ты поняла?

В голосе тети появилась неожиданная дрожь.

Элиза слабо кивнула, больше от удивления, чем соглашаясь.

— Твой дядя — джентльмен. Он понимает свой долг.

Глаза тети указали в сторону портрета у двери. Мужчина средних лет с рыжеватыми волосами и лисьим выражением лица. Но кроме рыжих волос, он ничем не напоминал мать Элизы.

— Ты должна всегда помнить, как тебе повезло. Если будешь очень стараться, возможно, когда-нибудь оправдаешь великодушие твоего дяди.

— Да, миледи, — произнесла Элиза, вспомнив, что сказал мистер Томас.

Тетя повернулась и потянула за небольшой рычаг на стене.

Элиза сглотнула и осмелилась заговорить.

— Простите, миледи, — тихо сказала она. — Я увижу своего дядю?

Тетя выгнула левую бровь. Тонкие складки на мгновение появились на ее лбу и тут же разгладились, отчего он вновь стал походить на алебастр.

— Мой муж в Шотландии, фотографирует Бречинский собор. — Она подошла ближе, и Элиза ощутила напряжение, исходящее от ее тела. — Он предложил тебе приют. Но твой дядя занятой и важный человек, у него нет времени на детские глупости. — Она сжала губы так плотно, что на мгновение они побелели. — Ты должна держаться от него подальше. Достаточно того, что он пустил тебя сюда, не ищи большего. Ты поняла? — Губы дрожали. — Ты поняла?

Элиза быстро кивнула.

К счастью, дверь снова распахнулась, за ней стоял мистер Томас.

— Вы звонили, миледи?

Тетя все еще не сводила глаз с Элизы.

— Ребенка надо помыть.

— Да, миледи, миссис Хопкинс уже принесла воды.

Тетя поежилась.

— Пусть положит в нее немного карболки. Чего-нибудь по сильнее. Чтобы смыть лондонскую сажу. — Она заговорила чуть слышно. — Жаль, нельзя смыть и все остальное, чем она, боюсь, запятнана.

Все еще красная после мытья, Элиза проследовала в другой коридор за мерцающим фонарем миссис Хопкинс. Они шли по холодному лестничному пролету с деревянными ступеньками. Давно умершие люди косились на них из тяжелых позолоченных рам, и Элиза подумала, до чего, должно быть, жутко, когда рисуют твой портрет. Долго неподвижно сидишь, чтобы часть тебя навек осталась на холсте и в одиночестве висела в темном коридоре.

Лицо на последней картине было ей знакомо. Она замедлила шаг. Человек на портрете отличался от того, который висел в комнате внизу: здесь он был моложе, полнее, и лис, который со временем прогрызет путь на поверхность, пока что прятался. На этой картине, в лице изображенного молодого человека, Элиза увидела свою мать.

— Это твой дядя, — сообщила миссис Хопкинс, не оборачиваясь. — Довольно скоро ты увидишь его во плоти.

Слово «плоть» заставило Элизу яснее увидеть чешуйки розовой и бежевой краски, которые цеплялись за портрет в бороздках последних штрихов художника. Она поежилась, вспоминая бледные, влажные пальцы мистера Мэнселла.

Миссис Хопкинс остановилась перед дверью в тусклом конце коридора, и Элиза поспешила за ней, продолжая прижимать одежду Сэмми к груди. Экономка вытащила большой ключ из кармана на платье, вставила его в замок, затем толкнула дверь и вошла, высоко подняв фонарь.

В комнате было темно, фонарь бросал через порог лишь самый тусклый свет. В центре Элиза различила кровать из блестящего черного дерева, от нее четыре столбика, как казалось, с резными фигурами, поднимались к потолку.

На прикроватном столике стоял поднос с куском хлеба и миской супа, пар от которой уже не шел. Мяса не было видно, но беднякам привередничать нечего, как говорила мать. Элиза набросилась на миску и выхлебала суп так быстро, что на нее напала икота. Она обтерла миску хлебом, чтобы не упустить ни капли.

Миссис Хопкинс, весьма пораженная происходящим, не проронила ни слова. Она чопорно поставила фонарь на деревянную тумбу в изножье кровати и откинула тяжелое одеяло.

— Давай забирайся. Я не могу ждать всю ночь.

Элиза повиновалась. Простыни под ногами, чувствительными после старательной мойки, были холодными и влажными.

Мисс Хопкинс взяла фонарь, и Элиза услышала, как дверь за ней закрылась. Она осталась одна во мраке комнаты. Усталые старые кости дома скрипели под блестящим облачением.

В темноте девочка слышала звук, подобный низкому, далекому рокоту. Постоянный, неизменно угрожающий и никогда — достаточно близкий, чтобы разгадать его.

Затем снова хлынул дождь, обильно и резко. Элиза поежилась, когда вспышка молнии расколола небо на две зазубренные половины и залила мир светом. За такими светлыми мгновениями обязательно следовал раскат грома, от которого большой дом содрогался. Девочка изучала комнату по одной стене за вспышку, пытаясь различить, что ее окружает.

Вспышка... Раскат... Темный деревянный шкаф у постели.

Вспышка... Раскат... Камин у дальней стены.

Вспышка... Раскат... Старинное кресло-качалка у окна.

Вспышка... Раскат... Подоконник.

На цыпочках Элиза прошла по холодному полу. Ветер просачивался

сквозь трещины в дереве и дул по ногам. Она взобралась на подоконник, который был вделан в угол, и выглянула на темную улицу. Разгневанные облака окутали луну, и сад был укрыт плащом тревожной ночи. Иглы дождя вонзались в мокрую землю.

Еще одна вспышка молнии, и комната вновь осветилась. Когда свет поблек, Элиза на мгновение разглядела свое отражение в окне. Свое лицо, лицо Сэмми.

Элиза протянула руку, но образ уже исчез, она лишь провела пальцами по ледяному стеклу. В этот миг она сильнее всего сознавала, что привычный дом очень далеко.

Девочка вернулась в кровать и скользнула меж холодных, влажных, незнакомых простыней. Она положила голову на рубашку Сэмми, закрыла глаза и ступила на хрупкую грань сна.

Внезапно Элиза резко села.

Ее желудок сжался, а сердце забилось быстрее.

Мамина брошь. Как она могла забыть? Из-за спешки, из-за суматохи она оставила ее! Высоко в тайнике, в трубе, в доме мистера и миссис Суинделл ее ждало мамино сокровище.

Глава 22

Корнуолл, Англия, 2005 год

Кассандра бросила чайный пакетик в чашку и включила чайник. Пока тот пытел, она выглянула в окно. Ее номер с окнами на море располагался в глубине отеля «Чёренгорб», и, хотя было темно, Кассандра еще могла различить часть задних садов. Подстриженная лужайка в форме фасолины бежала под наклоном от террасы к ряду высоких деревьев, синих в серебристом свете луны. Кассандра знала, что за ними начинается утес. Эти деревья — последняя линия обороны на данном участке земли.

Где-то за бухтой лежал сам город. Кассандра почти не видела его, путешествие на поезде заняло большую часть дня. Когда такси петляло по задним холмам Тредженны, на землю уже быстро опускались сумерки. Лишь мгновение, когда машина взобралась на вершину, она видела круг мерцающих огоньков внизу, в долине среди скал, словно волшебная деревня высветилась в темноте.

Ожидая, пока вода закипит, Кассандра потерла большим пальцем загнутый уголок тетради Нелл. Она держала ее в руках большую часть дневного переезда, собираясь убить время в пути за разбором очередного этапа путешествия Нелл. Хорошая идея, но выполнить ее на практике оказать не просто. Большую часть поездки Кассандра невольно вспоминала свое прошлое, как и все время после ужина с Руби и Греем. Хотя Ник и Лео и так никогда не покидали ее мысли, но оттого, что их смерти были упомянуты столь открыто, столь неожиданно, миг расставания с грохотом ворвался в настоящее.

Все случилось внезапно. Наверное, так всегда бывает в подобных случаях. Только что она была женой и матерью и вот осталась совсем одна. А все ради часа, когда можно будет спокойно порисовать. Она сунула Лео, сосущего большой пальчик, в руки Ника и отправила их по магазинам за ненужными покупками. Ник усмехнулся, когда повел машину по

подъездной дорожке, а Лео помахал пухлой ладошкой, в которой сжимал шелковую наволочку — он брал ее во все поездки. Кассандра рассеянно помахала в ответ — мыслями она уже была в студии.

Хуже всего, что ей очень понравились эти полтора часа, до того как в дверь постучали. Она даже не заметила, как долго не было родных...

Нелл во второй раз стала спасительницей Кассандры. Они с Беном сразу же приехали. Бен смог объяснить слова, которые в устах полицейского казались бессмыслицей: несчастный случай, вильнувший грузовик, столкновение. Жуткая последовательность событий столь приземленных, столь обыденных, и невозможно было поверить, что они произошли с ней.

Нелл не обещала Кассандре, что все будет хорошо. Она прекрасно понимала, знала, что все никогда не будет и не может быть, как прежде. Вместо этого бабушка, вооружившись таблетками, прибыла, чтобы помочь Кассандре уснуть, нанести благословенный удар ее лихорадочным мыслям и заставить их исчезнуть хотя бы на несколько часов. Потом Нелл забрала Кассандру с собой.

У Нелл девушке было легче, ее призраки не чувствовали себя уютно — в доме Нелл имелись свои, и те, которых привезла Кассандра, разгуливали отнюдь не вольготно.

Будущее скрывал туман. Будущее из горя, ужаса и ночных кошмаров, от которых не спасал новый день. Были ночи, когда Ник занимал ее мысли, его призрак спрашивал вновь и вновь, зачем она заставила их уехать? Зачем заставила его взять Лео? Были ночи, когда он не приходил, когда Кассандра оставалась одна и темные часы грозили длиться вечно, а спасительный рассвет бежал от нее так быстро, что не было возможности его догнать. Кассандра не знала, какие из ночей хуже. И был еще сон. Ненавистное поле, надежда найти их.

Днем же Кассандру преследовал Лео, шум его игрушек, плач, маленькая ручка, вцепившаяся в юбку, — просьба взять на ручки. Доля секунды, на которую она забывалась. Мгновение неприкрытой сердечной радости, быстротечной, сломленной, но все же подлинной! И возвращение в реальность, когда она оборачивалась, чтобы подхватить сына, но никого не находила.

Кассандра пыталась бывать на людях, думала, что так сможет спастись, но все напрасно. Везде было слишком много детей, куда бы она ни шла. Парки, школы, магазины. Их всегда было так много! Поэтому она оставалась дома, проводя дни во дворе Нелл. Кассандра лежала на спине под старым деревом манго и смотрела, как облака несутся над головой.

Прекрасное синее небо за листьями красного жасмина, дрожь листьев пальмы, маленькие звездочки-семена, срываемые ветром и дождем, осыпающиеся на дорожку внизу.

Не думать ни о чем. Пытаться не думать ни о чем. И думать бесконечно.

Там Нелл и нашла ее однажды в апреле. Сезон только начал сменяться, летняя духота закончилась, и в воздухе носилось приближение осени. Глаза Кассандры были закрыты.

Нелл дала о себе знать: руки Кассандры перестали чувствовать тепло солнечных лучей, а перед закрытыми глазами чуть потемнело.

Затем раздался голос.

— Так и думала, что найду тебя здесь.

Кассандра промолчала.

— Как думаешь, не пора ли тебе начать что-то делать Касс?

— Пожалуйста, Нелл, оставь это.

Слова бабушки зазвучали медленней и отчетливей.

— Тебе надо начать что-то делать.

— Прошу тебя...

Когда Кассандра брала карандаш, ей становилось физически плохо. А уж открыть альбом... Как она вынесет, если мельком увидит выпуклость пухлой щеки, кончик курносого носа, изгиб зовущих к поцелуям детских губ?..

— Тебе надо чем-то заняться.

Нелл только старалась помочь, и все же часть Кассандры хотела завизжать и затрясти бабушку, причинить ей боль за то, что та не в состоянии понять. Вместо этого Кассандра вздохнула. Ее веки, по-прежнему закрытые, чуть дрожали.

— Я уже наслушалась этого от доктора Харви. Еще от тебя не хватало.

— Я не в терапевтическом смысле, Касс. — Нелл чуть помедлила и продолжила: — Я имею в виду, тебе надо начать помогать мне.

Кассандра открыла глаза и заслонилась рукой от солнца.

— Что?

— Я уже не молода, дорогая. Мне нужна помощь. По дому, в магазине, финансовая.

Кассандра вздрогнула. Оскорбительные фразы замерли в ярком воздухе, их острые края никак не хотели исчезать. Как может Нелл быть такой холодной? Такой эгоистичной?

— Моя семья умерла, — с трудом произнесла она. — Мне тяжело.

— Я знаю, — сказала Нелл, осторожно садясь рядом с Кассандрой.

Она потянулась и взяла внучку за руку. — Я знаю, дорогая моя девочка. Но прошло уже полгода, и ты не умерла.

Кассандра заплакала. Все оттого, что приходилось произносить слова вслух.

— Ты здесь, — мягко сказала Нелл, сжимая ладонь внучки, — и мне нужна помощь.

— Я не могу.

— Можешь.

— Нет. — В голове Кассандры пульсировала кровь. Боже, как же она устала! — В смысле, я не могу. Мне нечего дать.

— Не надо мне ничего давать. Мне надо только, чтобы ты пошла со мной и сделала, что я попрошу. Ты ведь не уронишь полировочную тряпку?

Нелл потянулась, чтобы убрать волосы, прилипшие от слез, со щеки Кассандры. Голос бабушки был тихим и неожиданно суровым.

— Ты справишься. Я знаю, сейчас тебе так не кажется, но ты справишься. Ты обязательно выживешь.

— Я не хочу.

— Знаю-знаю, — сказала Нелл. — Вполне естественно. Но иногда у нас просто нет выбора...

Гостиничный чайник выключился с победным щелчком, и Кассандра налила воды в чашку, рука ее чуть дрожала. Она мгновение постояла, пока заваривался чай. Кассандра вдруг осознала, что Нелл действительно ее понимала, что бабушке прекрасно была известна та внезапная, ослепляющая пустота, когда обрываются все связи.

Кассандра помешала чай, тихо вздохнула, когда Ник и Лео вновь отступили в темноту, и заставила себя сосредоточиться на настоящем. Она находится в отеле «Чёренгорб», Тредженна, Корнуолл, и слушает, как волны незнакомого океана разбиваются о песок незнакомого пляжа.

Над темными верхушками самых высоких деревьев одинокая чайка парила черным силуэтом на темно-синем небе, и лунный свет дробился на поверхности воды. Крошечные огоньки перемигивались на берегу. Кассандра решила, что это рыбацкие лодки. В конце концов, Тредженна — рыбацкая деревушка. Странно, что в современном мире так сложно отыскать место, где все делается по старинке, мало-помалу, как делалось поколениями.

Кассандра отпила глоток и выдохнула тепло. Она в Корнуолле, совсем как Нелл до нее. Как Роза, Натаниэль и Элиза Мейкпис еще раньше. Прощептав их имена, она ощутила странное покалывание под кожей, словно одновременно тянули за множество тонких нитей. У нее есть цель и

она не в том, чтобы барахтаться в своем собственном прошлом.

— Я здесь, Нелл, — тихо сказала Кассандра. — Этого ты от меня хотела?

Глава 23

Чёренгорб-мэнор, Корнуолл, 1900 год

Когда Элиза проснулась на следующее утро, она не сразу вспомнила, где находится. Похоже, она лежит в огромных деревянных санях, а над ней подвешен темно-синий балдахин. На ней надета ночная рубашка, которая заставила бы миссис Суинделл потирать руки от радости, а грязная одежда Сэмми сложена у нее под головой. Потом девочка вспомнила: «благодетельницы», мистер Ньютон, поездка в карете, плохой человек. Она в доме дяди и тети. Была гроза, молнии, гром и дождь. Лицо Сэмми в окне.

Элиза взобралась на подоконник и выглянула наружу. Пришлось прищуриться. Ночные дождь и гром были сметены зарей, а свет и воздух отмыты дочи́ста. Листья и ветки рассыпались по лужайке, садовую скамейку под окном перевернул порыв ветра.

Ее внимание привлек дальний угол сада. Какой-то хромой мужчина с тростью двигался среди зелени. Элиза поняла, что это ее дядя. Она узнала его по рыжим волосам и смутно знакомой посадке плеч. Дядя поднял трость, словно указывая кому-то.

Второй мужчина, с черной бородой, вышел из-за большого куста. На нем были рабочие брюки, странная маленькая зеленая шляпа и черные галоши. Он поднял ветку, положил ее у края лужайки и покачал головой, когда дядя что-то сказал.

Услышав за спиной шум, Элиза обернулась. Дверь в комнату распахнулась, вошла молоденькая горничная с задорными кудряшками и поставила поднос на прикроватный столик. Это была та же горничная, что получила прошлым вечером нагоняй на кухне.

— Доброе утро, мисс, — сказала она. — Меня зовут Мэри, я принесла вам завтрак. Миссис Хопкинс сказала, сегодня вы можете позавтракать у себя, раз вчера предприняли такое долгое путешествие.

Элиза поспешно села за маленький столик. Ее глаза широко

распахнулись, когда она увидела содержимое подноса: горячие булочки, щедро намазанные тающим маслом, белые горшочки, до краев наполненные всевозможными фруктовыми джемами, пара копченых селедок, горка взбитых яиц, жирная, блестящая сосиска. Сердце девочки запело.

— Вы такую страшную грозу привезли вчера вечером, — заметила Мэри, распахивая шторы. — Я едва добралась до дома, даже подумала было, что придется остаться здесь на ночь!

Элиза прожевала хлеб и спросила:

— Ты не живешь здесь?

Мэри засмеялась.

— Ни в коем случае, остальным, может, и все равно, но я бы не хотела здесь жить... — Она глянула на Элизу, розовый румянец залил ее щеки. — То есть я живу в деревне. С мамой, папой, братьями и сестрой.

— У тебя есть брат? — Элиза подумала о Сэмми, и внутри ее разверзлась пустота.

— Ну да, конечно, целых три. Два старших и один младший, хотя Патрик, самый старший, больше не живет дома. Но все еще рыбачит на лодке вместе с папой. Он, Уилл и папа выходят в море каждый день, несмотря на погоду. Младшему, Роли, всего три, он сидит дома с мамой и крошкой Мэй. — Она взбила подушки на кресле у окна. — Мы, Мартины, всегда работали в море, мой прадедусшка был одним из пиратов Тредженны.

— Из кого?

— Из пиратов Тредженны, — повторила Мэри, ее глаза недоверчиво расширились. — Вы что, о них не слышали?

Элиза покачала головой.

— Пираты Тредженны были самой ужасной бандой на свете. В свое время они правили морями, привозили виски и муку, когда народ на берегу не мог их иначе достать. Грабили только богатых, между прочим. Совсем как... как же его... только на море, а не в лесу. Тут есть цепочки тоннелей, выются через холмы, один или два тянутся до самого моря.

— А где же море, Мэри? — спросила Элиза. — Оно рядом?

Мэри снова странно посмотрела на нее.

— Ну конечно, детка! Разве вы его не слышите?

Элиза замерла и прислушалась. Слышит ли она море?

— Слушайте, — сказала Мэри. — Вишшшш... вишшшш... вишшшш... Это и есть море. Дышит, как всегда. Неужели вы и вправду его не слышите?

— Слышу, — ответила Элиза. — Просто я не знала, что это море.

— Не знали, что это море? — усмехнулась Мэри. — А что же это, вашему?

— Я думала, это поезд.

— Поезд! — Мэри разразилась смехом. — Ну вы шутница! Станция отсюда очень далеко. Подумали, что море — это поезд. То-то я повеселю своих братьев!

Элиза вспомнила, как мать рассказывала о песке и серебристой гальке, о ветре, пропахшем солью.

— Мэри, можно, я схожу и посмотрю на море?

— Я думаю, можно. Только постарайтесь вернуться до того, как повариха прозвонит ко второму завтраку. Госпожа сегодня утром вышла с визитом, так что ничего не заметит. — Облачко набежало на веселое лицо горничной, когда она упомянула хозяйку. — Только не забудьте вернуться раньше ее, поняли? Она любит правила и порядок и не любит, когда ей перечат.

— Как мне туда попасть?

Мэри подозвала Элизу к окну.

— Идите сюда, детка, я вам покажу.

Воздух здесь был другим, и небо тоже. Оно казалось более ярким и далеким. Не то что серая крышка, которая низко нависла над Лондоном, вечно угрожая захлопнуться. Ветра высоко подняли это небо над водой, точно огромную белую простыню в день стирки. Оно летело по воздуху, вздымалось все выше и выше.

Элиза стояла на краю утеса и смотрела через бухточку на темно-синее море, то самое, по которому ходил ее отец, на пляж, который знала ее мать, когда была девочкой.

После ночной грозы бледный берег был усеян плавником. Изыщные белые ветки, сучковатые и отполированные временем, торчали из гальки, точно рога огромного призрачного зверя.

Элиза почувствовала в воздухе соль, совсем как рассказывала мать. За пределами странного дома она внезапно ощутила легкость и свободу. Девочка глубоко вдохнула и начала спускаться по лестнице, перебирая ногами все быстрее и быстрее, отчаянно стремясь оказаться внизу.

Достигнув гальки, Элиза села на гладкий камень и развязала ботинки непослушными пальцами. Она закатала бриджи Сэмми выше колен и подошла к краю воды. Камни, равно гладкие и острые, были теплыми под ее ногами. Она мгновение постояла, глядя, как огромная синяя тяжесть набегаёт и отступает, набегаёт и отступает.

Затем, глубоко вдохнув соленого воздуха, Элиза прыгнула вперед, намочив пальцы ног, лодыжки и колени. Она бежала вдоль берега, смеялась, оттого что холодные пузырьки щекотали пальцы ног, подбирала чудесные ракушки и даже нашла принесенный морем обломок в форме звезды.

Бухта была маленькой, с крутым изгибом, и Элизе понадобилось не много времени, чтобы обежать ее. Когда она добралась до конца, то, что издали казалось простым темным пятном, обрело третье измерение. Огромная черная скала торчала из утеса и пронзала море. Она походила на мощные клубы злого черного дыма, который замер во времени, проклятый на вечную твердость, не принадлежащий ни земле, ни морю, ни воздуху.

Черная скала была скользкой, но Элиза увидела с краю уступ, его как раз хватило, чтоб встать. Она отыскивала зазубренные опоры для ног и карабкалась по краю скалы, не останавливаясь, пока не достигла самого верха. Девочка забралась так высоко, что всякий раз, когда смотрела вниз, ей казалось, будто в голове вскипают пузырьки. Дальше она поползла на четвереньках. Скала становилась все уже и уже, и вот девочка достигла самого пика. Она села на воздетый кулак скалы и рассмеялась, задыхаясь от усталости.

Все равно что сидеть на носу огромного корабля. Под ней — белая пена сердитых волн, перед ней — открытое море. Солнце рассыпало сотни искр, которые мерцали на поверхности воды, взмывали и улетали с ветерком до самого чистого, ничем не нарушенного горизонта. Она знала, что впереди — Франция. За Европой — Восток: Индия, Египет, Персия и другие экзотические места, отголоски которых она ловила на губах прибрежных обитателей Темзы. За ним — Дальний Восток, другой край земли. Элиза смотрела на широкий океан, на брызги солнечного света, думала о далеких и неведомых землях. Ее охватило чувство, которого она никогда не испытывала прежде. Теплота, проблески надежды, безмятежность...

Она наклонилась и прищурилась. Горизонт больше не был чист. Что-то появилось: большой черный корабль с надутыми парусами балансировал на грани, где небо встречалось с водой, словно готов был скользнуть за край света. Элиза моргнула, когда она снова открыла глаза — корабль исчез. Девочка предположила, что он пропал за горизонтом. Как быстро движутся корабли в открытом море, как сильны их широкие белые паруса! Элиза подумала, что на таком корабле мог бы ходить ее отец.

Она перевела взгляд на небо. Чайка кружилась над головой, кричала, почти неразличимая на фоне белого неба. Девочка следила за ее полетом,

пока нечто наверху утеса не привлекло ее внимание: дом. Его почти не было видно из-за деревьев, но она могла различить крышу и забавное маленькое окошко на самом верху. Интересно, каково жить в таком месте, прямо на краю света? Не будет ли все время казаться, что вот-вот перевернешься и упадешь в океан?

Элиза вздрогнула, когда холодная вода брызнула ей в лицо. Она взглянула на бурлящее море. Надвигался прилив, вода быстро поднималась. Первый уступ, на который она когда-то шагнула, уже скрылся под водой.

Она поползла назад по гребню скалы и осторожно спустилась, держась глубокой стороны, чтобы цепляться пальцами за неровности.

Почти добравшись до воды, она замерла. С этого угла было видно, что скала не цельная. Словно кто-то выгрыз в ней огромную дыру.

Пещера! Элиза вспомнила рассказ Мэри о пиратах Тредженны, об их тоннелях. Она не сомневалась, что эта пещера — один из таких тоннелей. Разве Мэри не сказала, что пираты переправляли добычу через цепочку пещер за утесом?

Элиза, покачиваясь из стороны в сторону, обогнула передний край скалы и взобралась на плоский уступ. Она сделала пару шагов внутрь: там было темно и сыро.

— Эге-гей! — крикнула она.

Ее голос звенел веселым эхом, обегая все стены, прежде чем затихнуть.

Элиза почти ничего не могла различить, но дрожала от волнения. Ее собственная пещера. Она решила, что когда-нибудь наведается сюда с фонарем, чтобы посмотреть, что таится внутри...

Глухой стук, далекий, но приближающийся. Цок-цок, цок-цок, цок-цок...

Элиза сначала подумала, что он исходит из пещеры. Страх приковал ее к месту, она гадала, что за морское чудовище идет за ней.

Цок-цок, цок-цок, цок-цок... Теперь громче.

Девочка медленно попятилась и поползла обратно на скалу.

Затем, ободрившись о край утеса, она увидела пару блестящих черных лошадей, которые тащили карету. Нет никакого чудовища, просто Ньютон со своей каретой скачет по дороге вдоль утеса. Звук, отразившись от каменных стен пещеры, усилился.

Она вспомнила предупреждение Мэри. Тетя утром уехала, но ко второму завтраку должна вернуться. Элизе нельзя опаздывать.

Девочка пробралась по скале, спрыгнула прямо на галечный берег, пробежала по мелководью и вернулась на пляж. Она завязала ботинки и

взлетела по лестнице. Низ штанин был мокрым и тяжело шлепал по лодыжкам, пока она бежала к дому по извилистой тропинке между деревьями. Солнце сдвинулось с тех пор, как Элиза спускалась в бухту, и сейчас на дорожке царили полумрак и прохлада. Словно она попала в тайную колючую нору, приют фей, гоблинов и эльфов, которые прятались и следили, как она на цыпочках крадется по их миру. По дороге она внимательно разглядывала подлесок, стараясь не моргать, в надежде застать врасплох хоть одну фею. Ведь всем известно, что фея выполнит желания того, кто ее увидел.

Услышав шум, Элиза замерла. Затаила дыхание. На полянке перед ней был настоящий живой человек. Тот самый, с черной бородой, которого она увидела утром из окна спальни. Он сидел на бревне и разворачивал кусок клетчатой ткани. Внутри лежал увесистый ломоть сдобного пирога.

Элиза отошла в сторонку, наблюдая за незнакомцем. Кончики тонких голых веток цеплялись за ее короткие волосы, пока она осторожно взбиралась на низкий сук, чтобы лучше видеть. Перед мужчиной стояла тачка, полная земли. По крайней мере, на вид. Элиза знала, что это просто хитрость, что под землей он хранит свои сокровища. Ведь он, несомненно, король пиратов. Один из пиратов Тредженны или призрак пирата Тредженны. Восставший из мертвых моряк, который жаждет отомстить за гибель своих товарищей. Призрак, чьи дела не окончены, поджидает у себя в берлоге маленьких девочек, чтобы поймать и отнести домой, где его жена запечет их в пироги. А еще был корабль, который она видела в море, большой черный корабль, исчезнувший в мгновение ока. Это был корабль-призрак, и он...

Ветка, на которую взгромоздилась Элиза, треснула, и девочка полетела вниз, приземлившись в груды мокрых листьев.

Бородач и ухом не повел. Он продолжил жевать свой пирог, разве что его правый глаз чуть шевельнулся, подмигнув Элизе.

Она встала, потерла колено, выпрямилась, достала сухой лист из волос.

— Ты — наша новая маленькая дама, — медленно произнес мужчина, усердно пережевывая пирог. — Я слышал разговоры о твоём приезде. Хотя, только не обижайся, в мальчишеской одежке и с растрепанными волосами ты не особенно похожа на даму.

— Я приехала вчера вечером. И привезла с собой грозу.

— Немалая власть для такой крошки.

— Если воля сильна, то даже слабый может обладать великой властью.

Бровь, похожая на мохнатую гусеницу, дернулась.

— Кто тебе это сказал?

— Моя мать.

Элиза слишком поздно вспомнила, что не должна упоминать о матери. С колотящимся сердцем она ждала, что скажет мужчина.

Он смотрел на нее, медленно пережевывая пирог.

— Смею предположить, она знала, о чем говорит. Матери почти всегда оказываются правы.

Почувствовав облегчение, Элиза продолжила беседу:

— Моя мать умерла.

— Моя тоже.

— Теперь я живу здесь.

Он кивнул.

— Похоже на то.

— Меня зовут Элиза.

— А меня — Дэвис.

— Ты ужасно старый.

— Такой же старый, как мой мизинец, и чуть старше моих зубов.

Элиза глубоко вздохнула.

— Ты пират?

Он засмеялся низко, грубо, точно дым повалил из грязной трубы.

— Мне жаль тебя разочаровывать, малышка, но я садовник, как мой отец когда-то. Если быть точным, хранитель лабиринта.

Элиза сморщила носик.

— Хранитель лабиринта?

— Я ухаживаю за лабиринтом.

Когда на лице Элизы не забрезжило ни капли понимания. Дэвис указал на высокие парные изгороди за спиной, соединенные железными воротами.

— Это головоломка из изгородей. Надо найти дорогу и не заблудиться.

Головоломка, в которую может поместиться целый человек? Элиза никогда о таком не слышала.

— Куда он ведет?

— О, он ведет то туда, то сюда. Если повезет найти верный путь, то окажешься на другой стороне поместья. Если не повезет, — его глаза злое распахнулись, — умрешь от голода раньше, чем узнают, что ты пропала. — Он наклонился к ней, понизив голос. — Я не раз натыкался на косточки таких невезучих.

От волнения голос Элизы понизился до шепота.

— А если я его пройду? Что я найду на другом конце?

— Еще один сад, особый сад, и маленький домик. Прямо на краю

утеса.

— Я видела домик. С берега.

Он кивнул.

— Очень может быть.

— Чей это дом? Кто там живет?

— Сейчас — никто. Лорд Арчибальд Мунтраше — твой прадедушка — построил его, когда был здесь хозяином. Некоторые говорят, что дом был смотровой вышкой, сигнальной башней.

— Для контрабандистов, пиратов Тредженны?

Он улыбнулся.

— Смотрю, юная Мэри Мартин уже напела тебе в ушки.

— Можно мне пройти туда по лабиринту?

— Ты никогда его не найдешь.

— Найду.

В глазах садовника сверкали огоньки, когда он поддразнивал девочку.

— Никогда, ты никогда не найдешь дорогу через лабиринт. А даже если и найдешь, ты никогда не догадаешься, как пройти через секретные ворота в тайный сад.

— Догадаюсь! Ну можно мне попробовать, пожалуйста, Дэвис.

— Боюсь, никак нельзя, мисс Элиза, — сказал Дэвис, несколько посерьезнев. — Уже давно никто не проходил через лабиринт. Я ухаживаю за ним, но заходить дальше определенного места мне не велено. В глубине он наверняка зарос.

— А почему никто через него не проходил?

— Когда-то твой дядя закрыл его. С тех пор никто и не проходил. — Он наклонился к ней. — Твоя мать — вот кто знал лабиринт, как свои пять пальцев. Почти так же хорошо, как я.

Вдали зазвенел колокольчик.

Дэвис снял шляпу и вытер потный лоб.

— Лучше беги со всех ног, мисс. Был звонок ко второму завтраку.

— Ты тоже идешь на второй завтрак?

Он засмеялся.

— Прислуге не положен второй завтрак, мисс Элиза, так не принято. У нас сейчас обед.

— Значит, ты идешь обедать?

— Я не ем в доме. Давно уже не ем.

— Почему?

— Я не хочу там находиться.

Элиза не поняла.

— Почему?

Дэвис поскреб бороду.

— С растениями мне веселее, мисс Элиза. Одни любят компанию, другие нет. Я из вторых, уж лучше с навозной кучей посижу.

— Но почему?

Он медленно выдохнул, как большой усталый великан.

— В иных местах у человека волосы дыбом становятся оттого, что все ему не по душе. Ты понимаешь, о чем я?

Элиза подумала о тете в бордовой комнате, о гончей, о тенях и отблесках свечей, злобно мерцавших на стенах. Она кивнула.

— Юная Мэри — хорошая девушка. Она присмотрит за тобой в доме. — Садовник чуть нахмурился, глядя на нее. — Не следует быть такой доверчивой, мисс Элиза. Вовсе не следует, слышишь?

Девочка серьезно кивнула, потому что, похоже, ее призывали к серьезности.

— А теперь беги отсюда, юная мисс. Ты опоздаешь на второй завтрак, и госпожа потребует твое сердце на подносе с ужином. Она не любит, когда ее правила нарушают.

Элиза улыбнулась, хотя Дэвис не улыбался. Она повернулась, чтобы идти, когда заметила в верхнем окне нечто, что уже видела вчера. Маленькое внимательное лицо.

— Кто это? — спросила она.

Дэвис повернулся, сощурился, глядя на дом, и чуть кивнул в сторону верхнего окна.

— Мисс Роза, полагаю.

— Мисс Роза?

— Твоя кузина. Дочка твоих дяди и тети.

Элиза широко распахнула глаза. Ее кузина?

— Она носилась по поместью, бойкая была детка, но несколько лет назад заболела, тут веселью и пришел конец. Госпожа тратит все свое время и немалые деньги, чтобы поправить дело. Молодой доктор из города приходит и уходит, приходит и уходит.

Элиза продолжала смотреть в окно. Она медленно подняла руку, широко растопырив пальцы, точно морская звезда с пляжа, и помахала, глядя, как лицо быстро растворяется в темноте.

Легкая улыбка заиграла на губах Элизы.

— Роза, — произнесла она, смакуя сладкое слово. Совсем как имя принцессы из волшебной сказки.

Глава 24

Клифф-коттедж, Корнуолл, 2005 год

Ветер трепал волосы Кассандры, закручивая ее конский хвост то вправо, то влево, точно ленты на ветроуказателе.^[21] Она плотнее натянула кардиган на плечи и на мгновение остановилась перевести дух, оглядываясь на узкую прибрежную дорогу и деревню за спиной. Крошечные белые домики, как морские желуди,^[22] липли к каменистой бухточке, красные и синие рыбацкие лодки усеивали джинсовую гавань, подсакивая на волнах, чайки пикировали и рисовали спирали над уловом. Воздух, даже на такой высоте, был насыщен солью, слизанной с поверхности моря.

Дорога была такой узкой и вилась так близко к краю утеса, что Кассандра не понимала, как по ней вообще можно ехать. Высокие бледные морские травы росли по обе стороны, дрожа под порывами ветра. Чем выше она поднималась, тем более влажным становился воздух.

Кассандра взглянула на часы. Она недооценила время, которое требуется для подъема по дороге вдоль утеса, не говоря об усталости, что уже на середине пути превратила ее ноги в желе. А все смена часовых поясов и привычное недосыпание.

Она отвратительно спала прошлой ночью. И комната, и кровать были достаточно удобны, но ее преследовали странные сны, из тех, что еще помнятся при пробуждении, но ускользают прочь, когда пытаешься их восстановить, оставляя лишь неприятное ощущение.

В какой-то момент ночи ее разбудила более земная причина: шум, похожий на бряцанье ключа. Кассандра не сомневалась, что в дверь спальни вставили ключ и покачивают его. Стоявший за дверью явно пытался повернуть ключ, но, когда утром она упомянула о случившемся у стойки регистрации, девушка довольно странно посмотрела на нее, а потом сообщила весьма ледяным тоном, что в гостинице используются

пластиковые карты, а не металлические ключи. Вероятно, мисс слышала, как ветер играет со старой латунной фурнитурой.

Кассандра вновь пустилась в путь по холму. Должно быть, осталось немного. Женщина в деревенской бакалейной лавке сказала, что идти всего минут двадцать, а она карабкается уже полчаса.

Кассандра свернула и увидела красную машину, припаркованную на гравии. Мужчина и женщина стояли и смотрели на нее: он — высокий и худой, она — низенькая и полная. Мгновение Кассандра считала их туристами, наслаждающимися видом, но, когда они в унисон подняли руки и помахали, она догадалась, кто это.

— Привет! — воскликнул мужчина, подходя к ней.

Он был средних лет, хотя из-за волос и бороды, белых как снег, его лицо на первый взгляд казалось намного старше.

— Вы, должно быть, Кассандра? Я — Генри Джеймсон, а это, — он указал на сияющую женщину, — моя жена Робин.

— Приятно познакомиться, — произнесла Робин, дыша мужу в затылок.

Ее седеющие волосы были коротко подстрижены, и аккуратные завитки касались щек, розовых, гладких и сочных, как яблочки.

Кассандра улыбнулась.

— Спасибо, что организовали встречу в субботу, я правда очень благодарна.

— Чепуха. — Генри провел рукой по голове, приглаживая густые волосы, спутанные ветром. — Мне совсем не сложно, надеюсь, вы не против, что я с Робин...

— Конечно, она не против, с чего бы? — вставила Робин. — Вы ведь не против, правда?

Кассандра покачала головой.

— А я тебе что говорила? Ей совершенно все равно. — Робин схватила запястье Кассандры. — Хотя, конечно, он в любом случае не смог бы меня остановить. Я подала бы на развод, если бы он только попытался.

— Моя жена — секретарь местного исторического общества, — пояснил Генри, в его голосе чувствовался намек на извинения.

— Я опубликовала несколько брошюрок о наших краях. В основном истории о местных семействах, важных достопримечательностях, знаменитых домах. Последняя была посвящена контрабандистам, вообще-то мы сейчас как раз выкладываем все статьи на нашем сайте...

— Она поклялась выпить чаю во всех исторических домах графства.

— ...но я прожила в этой деревне всю жизнь и никогда даже не

ступала в тот старый дом. — Робин улыбнулась, так что ее щеки засияли. — Наверное, можно не говорить, что я любопытна, как кошка.

— Мы бы в жизни не догадались, любимая, — устало произнес Генри, указывая на холм. — Отсюда нам придется идти пешком, дальше дороги нет.

Робин шла первой, решительно шагая по узкой тропе среди открытой всем ветрам травы. Когда они поднялись выше, Кассандра начала замечать птиц. Множество крошечных коричневых ласточек перекликались и перелетали с одной тонкой длинной ветки на другую. У нее возникло крайне странное чувство, будто за ней наблюдают, будто птицы соперничают, кому следить за незваными гостями. Девушка поежилась и отругала себя за ребячливость, выдумывание тайн по поводу и без.

— Мой отец продал дом вашей бабушке, — сообщил Генри, соразмеряя свои длинные шаги с шагами Кассандры. — В семьдесят пятом. Я тогда только начал работать в фирме младшим нотариусом по сделкам с недвижимостью, но отлично помню ту продажу.

— Все помнят продажу, — крикнула Робин. — Помнят, как последняя часть старого поместья ушла с молотка. Кое-кто в деревне клялся, что коттедж никогда не будет продан.

Кассандра взглянула на море.

— Почему? Из него, должно быть, открывается чудесный вид.

Генри взглянул на Робин, которая остановилась, чтобы перевести дыхание, и прижимала руку к середине груди.

— Да, — признал он, — но...

— О нем рассказывали дурное, — сообщила Робин между судорожными вдохами. — Слухи и тому подобное... о прошлом.

— Что именно?

— Глупые слухи, — твердо произнес Генри, — сплошная чепуха, такое вы в каждой английской деревне услышите.

— Говорили, в нем живут привидения, — продолжила Робин вполголоса.

Генри засмеялся.

— В каком корнуоллском доме они не живут?

Робин закатила бледно-голубые глаза.

— Мой муж — прагматик.

— А моя жена — романтик, — ответил Генри. — Клифф-коттедж построен из камня и известки, как и все остальные дома в Тредженне. В нем не больше призраков, чем во мне.

— И ты еще называешь себя корнуолльцем! — Робин заправила

своей прядь за ухо и, прищурившись, посмотрела на Кассандру. — Вы верите в призраков, Кассандра?

— Вряд ли. — Кассандра подумала о странном чувстве, которое в ней вызвали птицы. — По крайней мере, не в тех, что бродят по ночам.

— Значит, вы разумный человек, — похвалил Генри. — Единственный, кто за последние тридцать лет побывал в доме на утесе, — это полоумный местный парень, которому приспичило попугать себя и своих дружков. — Генри достал из кармана брюк носовой платок с монограммой, сложил его вдвое и промокнул лоб. — Идем же, Робин, дорогая. Если не поспешим, потратим весь день, да и солнце припекает. На этой неделе нам достался кусочек лета.

Крутой подъем и сужающаяся тропа сделали дальнейшую беседу затруднительной, и последнюю сотню метров они прошли в молчании. Тонкие колоски бледной травы мерцали, когда ветер нежно вздыхал между ними.

Наконец, продравшись через заросли океанических кустов, они достигли каменной стены. Она была не меньше трех метров в высоту и казалась неуместной после того, как они столько прошли, не увидев ни единого искусственного сооружения. Железная арка окаймляла ворота, проволочные усики лозы, отвердевшие от времени, переплелись с ней. Знак, который когда-то, видимо, был прикреплен к воротам, сейчас болтался на одном угле. Бледно-зеленые и коричневые лишайники, точно струпья, покрывали его поверхность, жадно заполняя витиеватые вырезанные буквы. Кассандра наклонила голову, чтобы прочесть слова: «Не входить, иначе пеняйте на себя».

— Стена — относительно новое построение, — заметила Робин.

— Говоря «новое», моя жена имеет в виду, что стене всего сто лет. Дом должен быть в три раза старше. — Генри прочистил горло. — Теперь, полагаю, вы понимаете, что старый дом несколько нуждается в ремонте?

— У меня есть фотография.

Кассандра достала ее из сумочки.

Он взглянул и поднял брови.

— Вероятно, снято еще до продажи. Дом несколько изменился с тех пор. За ним не присматривали, видите ли. — Он протянул руку, открыл фигурные железные ворота и кивнул. — Идем?

Каменная тропинка бежала под беседкой из древних роз с подагрическими стеблями. Когда они пересекли порог сада, стало холоднее. Создавалось общее впечатление темноты и уныния, странной, неподвижной тишины. Даже шелест вечно живого моря словно стих. Как

если бы заключенные в каменную стену земли спали. Ждали чего-то или кого-то, кто их разбудит.

— Клифф-коттедж, — произнес Генри, когда они дошли до конца тропинки.

Кассандра широко распахнула глаза. Перед ней лежал огромный спутанный клубок колючих кустов, густых и узловатых. Листья плюща, темно-зеленые, зазубренные, обвивали дом со всех сторон, даже там, где, верно, прятались окна. Пришлось бы долго ее убеждать, что под лозой — творение рук человека, если бы она уже этого не знала.

Генри кашлянул, его лицо вновь виновато покраснело.

— По-видимому, дом бросили на произвол судьбы.

— Хорошая уборка все поправит, — возразила Робин с напускной бодростью, которая и затонувшие корабли подняла бы из вод морских. — Гоните прочь уныние, вы же видели, что делают в шоу о ремонтах? Этот канал ловится в Австралии?

Кассандра рассеянно кивнула, стараясь различить линию крыши.

— Пора вам вступить в права хозяйки, — сказал Генри и полез в карман за ключом.

Ключ оказался неожиданно тяжелым, длинным, с декоративной головкой — латунным завитком с прелестным узором. Сжав ключ Кассандра ощутила вспышку узнавания. Она уже держала подобный. Но когда? В антикварной лавке? Картинка была невероятно яркой, но воспоминание ускользало.

Кассандра шагнула на каменную ступеньку у двери. Она видела замок, но паутина плюща затянула дверной проем.

— Вот, должно помочь. — Робин достала из сумочки садовые ножницы. — Не смотри на меня так, дорогой, — сказала она, когда Генри поднял бровь. — Я деревенская девчонка, а мы всегда готовы к неожиданностям.

Кассандра взяла предложенный инструмент и разрежала ветки одну за другой. Когда они свободно повисли, девушка на мгновение остановилась и легонько провела рукой по изъеденной солью древесине двери. Что-то в ней отказывалось продолжать, предпочитая ненадолго задержаться на пороге здания, но, когда она оглянулась через плечо, Генри и Робин ободряюще кивнули. Кассандра вставила ключ в замок и с трудом провернула его обеими руками.

Застоявшийся воздух ударил в нос, влажный, густой, сильно пахнущий пометом животных. Как в тропических лесах родной Австралии, за пологом которых скрывается целый мир влажного плодородия. Закрытая

экосистема, недоверчивая к чужакам.

Кассандра сделала шаг в прихожую. Входная дверь пропускала достаточно света, чтобы выхватить комочки мха, лениво плавающие в затхлом воздухе, слишком легкие, слишком усталые, чтобы упасть. Полы были из дерева, и с каждым шагом ее туфли издавали мягкие, приглушенные звуки.

Кассандра подошла к первой комнате и заглянула за дверь. Внутри было темно, окна покрывала въевшаяся за десятилетия грязь. Когда глаза немного привыкли, она увидела, что это кухня. Бледный деревянный стол с коническими ножками стоял посередине, два плетеных стула покорно примостились под ним. Черная плита была вделана в нишу в дальней стене, паутина закрывала ее мохнатой занавеской. Буфет был забит древними кухонными принадлежностями, а в углу стояла прялка, все еще заправленная комком темной шерсти.

— Как в музее, — прошептала Робин. — Только пыли больше.

— Сомневаюсь, что предложу вам чай в ближайшее время, — произнесла Кассандра.

Генри зашел за прялку и указал на деревянный закуток.

— Здесь ступеньки.

Узкая лестница сначала бежала прямо, затем резко поворачивала на небольшой площадке. Кассандра поставила ногу на первую ступеньку, проверяя ее на прочность. Достаточно надежная. Она начала осторожно подниматься.

— Аккуратнее там, — предостерег Генри, следуя за ней.

Его руки маячили за спиной Кассандры в еле заметной милой попытке защитить. Она дошла до площадки и остановилась.

— В чем дело? — спросил Генри.

— Огромное дерево совершенно загородило путь. Оно упало прямо через крышу.

Генри присмотрелся через плечо Кассандры.

— Полагаю, от садовых ножниц Робин много проку не будет, — заметил он. — Не в этот раз. Вам нужна сучкорезная машина. — Он начал спускаться по лестнице. — Что думаешь, Робин? Кого бы ты позвала убрать упавшее дерево?

Кассандра последовала за ним и оказалась внизу, как раз когда Робин ответила:

— Сын Бобби Блейка вполне подойдет.

— Местный парень, — кивнул Генри Кассандре. — Занимается ландшафтным дизайном. В гостинице в основном тоже он работает, а

лучшей рекомендации вам не сыскать.

— Я позвоню ему? — предложила Робин. — Узнаю, есть ли у него время на неделе. Вот только выйду и проверю, берет ли мобильный. Мой молчит как рыба, едва мы сюда вошли.

Генри покачал головой.

— Всего сотня лет прошла с тех пор, как Маркони принял свой сигнал, и посмотрите, до чего дошли технологии. Вы знаете, что сигнал был послан с берега недалеко отсюда? Из бухты Полдху?

— Неужели?

Когда Кассандра поняла меру запустения дома, на нее обрушилось осознание собственной беспомощности. Хотя она и была благодарна Генри за организацию встречи, но сомневалась, что сможет изобразить интерес к лекции о ранней истории связи. Она смахнула вязаную шаль паутины и прислонилась к стене, изобразив улыбку воодушевления.

Генри, похоже, уловил ее настроение.

— Мне ужасно жаль, что дом в таком состоянии, — произнес он. — Не могу не чувствовать свою вину, ведь солиситоры отвечали за ключ и все остальное.

— Уверена, вы ничего не могли сделать. В особенности если Нелл попросила вашего отца об этом. — Кассандра улыбнулась. — К тому же вам пришлось бы войти, а знак снаружи явно не советует это делать.

— Верно, и ваша бабушка стояла насмерть насчет того, чтоб мы не звали ремонтников. Она сказала, что дом очень важен для нее и она хочет лично проследить за реставрацией.

— Полагаю, она собиралась переехать сюда, — сказала Кассандра. — Навсегда.

— Да, — согласился Генри. — Когда я узнал, что встречу с вами сегодня утром, то просмотрел старые папки. Все ее письма упоминают, что она сама приедет сюда, кроме одного, написанного в начале тысяча девятьсот семьдесят шестого. Ваша бабушка написала, что обстоятельства изменились и она не вернется, во всяком случае, в ближайшее время. Однако она попросила отца хранить ключ, чтоб знать, где его искать, когда настанет пора. — Мужчина обвел взглядом комнату. — Но пора так и не настала.

— Не настала, — эхом отозвалась Кассандра.

— Но теперь вы здесь, — воспрянул духом Генри.

— Да.

Услышав шум у двери, оба подняли глаза.

— Я дозвонилась до Майкла, — сообщила Робин, убирая телефон. —

Он сказал, что заскочит утром в среду, посмотреть, что да как. — Она повернулась к Генри. — Идем, любимый, Марша ждет нас к обеду, ты же знаешь, как она не любит, когда мы опаздываем.

Генри поднял брови.

— У нашей дочери множество добродетелей, но терпение — не главная среди них.

Кассандра улыбнулась.

— Спасибо за все.

— Только не вздумайте пытаться самостоятельно передвинуть бревно, — предостерег Генри. — Даже если очень захочется заглянуть наверх.

— Обещаю.

Когда они прошли по дорожке к воротам, Робин снова повернулась к Кассандре.

— Знаете, вы на нее похожи.

Кассандра моргнула.

— На вашу бабушку. У вас ее глаза.

— Вы с ней встречались?

— О да, конечно, еще до того, как она купила дом. Как-то раз она пришла в музей, где я работала, чтобы расспросить о местной истории. В особенности о некоторых старых семьях.

Послышался голос Генри с края утеса.

— Идем, Робин, любимая. Марша нас никогда не простит, если жаркое подгорит.

— О семье Мунтраше?

Робин помахала Генри.

— Да, именно. Тех, что жили в большом доме. И еще об Уокерах. О художнике, его жене и писательнице, которая публиковала волшебные сказки.

— Робин!

— Да-да, иду. — Она закатила глаза. — У моего мужа терпения не больше, чем у горячей шутихи.

Женщина поспешила к мужу, и океанский бриз донес ее наказ Кассандре звонить в любое время.

Глава 25

Тредженна, Корнуолл, 1975 год

Тредженнский музей рыболовства и контрабанды ютился в маленьком побеленном здании на краю дальней гавани, и хотя написанная от руки табличка в наружном окне однозначно указывала часы работы, Нелл провела в деревне три дня, прежде чем наконец заметила огонек внутри.

Она повернула ручку и толкнула низкую, завешенную кружевом дверь. За стойкой сидела чопорная женщина с каштановыми волосами до плеч. Нелл подумала, что незнакомка моложе, чем Лесли, но по манере поведения бесконечно старше. Женщина увидела Нелл и встала, натянув бедрами кружевную скатерть с лежащей на ней стопкой бумаг. У нее был вид ребенка, застигнутого за налетом на банку печенья.

— Я... я не ожидала посетителей, — сообщила она, глядя поверх больших очков.

Похоже, она была не слишком рада, что ошиблась в своих ожиданиях. Нелл протянула ладонь.

— Нелл Эндрюс. — Она взглянула на табличку с именем на столе. — А вы, полагаю, Робин Мартин?

— У нас мало посетителей даже в разгар сезона. Сейчас найду ключ. — Она зашелестела бумагами на столе, заправила прядь волос за ухо. — Витрины немного пыльные, — слегка вызывающе произнесла Робин. — Они находятся вон там.

Взгляд Нелл проследил за взмахом руки Робин. За закрытой стеклянной дверью была маленькая смежная комната, приют различных сетей, крючков и удочек. На стене висели черно-белые фотографии: лодки, экипажи, местные бухточки.

— На самом деле, — сказала Нелл, — я ищу кое-что конкретное, и мужчина на почте сказал, что вы можете помочь.

— Мой отец.

— Простите?

— Мой отец — почтмейстер.

— Да, — сказала Нелл, — в общем, он считает, что вы можете мне помочь. Видите ли, сведения, которые я ищу, не имеют никакого отношения к рыболовству или контрабанде, они касаются местной истории. Семейной истории, если точнее.

Выражение лица Робин немедленно изменилось.

— Что же вы сразу не сказали? Я работаю здесь, в музее, чтобы помогать общине, но социальная история Тредженны — дело всей моей жизни. Вот, — она зашуршала бумагами на столе и сунула листок в руку Нелл, — это текст туристического проспекта, который я составляю. Я только что закончила черновик небольшой статьи о знаменитых домах, мной заинтересовался издатель в Фалмауте. — Робин посмотрела на изящные серебряные часы на запястье. — Я бы с удовольствием с вами поговорила, но мне пора...

— Прошу вас, — взмолилась Нелл. — Я проделала долгий путь и не отниму у вас много времени. Если бы вы только могли уделить мне пару минут.

Губы Робин сжались, она смерила Нелл глазками-бусинками.

— У меня есть идея получше, — решительно кивнула она. — Я возьму вас с собой.

Густеющий пласт тумана пришел с приливом и объединился с сумерками, чтобы вымыть из города весь цвет. Пока они поднимались все выше и выше по узким улочкам, мир приобретал оттенки серого. Быстрая перемена обстановки придавала живости манерам Робин. Она неслась со всех ног, так что Нелл с трудом поспевала за ней, забыв про природную элегантность своей походки. Нелл недоумевала, куда они мчатся так быстро, к тому же скорость мешала беседе и она не могла спросить, что хотела.

В конце улицы их ждал маленький белый домик с табличкой «Пилчард-коттедж». Робин постучала в дверь и подождала. Огней в доме не было, и она поднесла запястье поближе к глазам, чтобы узнать время.

— До сих пор нет дома. Мы ведь говорили ему, чтобы в туман непременно возвращался пораньше.

— Кому?

Робин глянула на Нелл, словно на мгновение забыла, что не одна.

— Моему дедушке по прозвищу Гамп. Он каждый день ходит смотреть на лодки. Понимаете, он раньше был рыбаком. Уже двадцать лет

как не рыбачит, но счастлив, только если знает, кто вышел в море и где ловит. — Ее голос дрогнул. — Мы просим его не выходить, когда поднимается туман, но он не слушает...

Робин умолкла и прищурилась, всматриваясь в даль.

Нелл проследила за ее взглядом и увидела, как клочок густого тумана словно темнеет. Перед ними замаячила фигура.

— Гамп! — крикнула Робин.

— Не суетись, девочка, — донесся голос из тумана. — Не суетись.

Он выступил из сумрака, поднялся по трем бетонным ступенькам и повернул ключ в замке.

— Нечего тут стоять и дрожать, как зайцы, — бросил он через плечо. — Входите, погреемся.

В узкой прихожей Робин помогла старику снять покрытый коркой соли макинтош, черные высокие резиновые сапоги и положила их на низкую деревянную скамейку.

— Ты промок, Гамп, — засуетилась она, пощупав его клетчатую рубашку. — Давай мы тебя переоденем.

— Ха. — Старик похлопал внучку по руке. — Я немного посижу у огня и, когда ты принесешь мне чая, буду сухой, как лист.

Робин приподняла брови, глядя на Нелл, когда Гамп протиснулся через дверь в гостиную. «Видите, с кем мне приходится иметь дело?» — как бы говорило ее лицо.

— Гампу почти девяносто, но он не желает уезжать из своего дома, — тихо сказала она. — Между собой мы решили, что кто-то должен ужинать с ним каждый вечер. Я — с понедельника по среду.

— Он в отличной форме для своего возраста.

— Его зрение начало падать, и слух тоже оставляет желать лучшего, но он настаивает, что должен удостовериться в благополучном возвращении «его мальчиков» в порт. Совсем не думает о собственной слабости! Помоги мне боже, если он пострадает в мое дежурство. — Робин глянула через стекло и моргнула, когда ее дедушка споткнулся о коврик по пути к креслу. — Не думаю... В смысле, не могли бы вы с ним посидеть, пока я разведу огонь и поставлю чайник? Мне будет спокойнее, пока дед сохнет.

В надежде, что сможет наконец узнать нечто о своей семье, Нелл была готова согласиться на что угодно. Она кивнула, и Робин с облегчением улыбнулась, спеша в дверь вслед за дедом.

Гамп восседал в рыжевато-коричневом кожаном кресле, домашнее лоскутное одеяло укрывало его колени. Мгновение глядя на это одеяло,

Нелл вспомнила о Лил и лоскутных одеялах, которые та смастерила для каждой дочери. Интересно, как мать отнеслась бы к ее поиску? Поняла бы, почему для Нелл так важно восстановить первые годы жизни? Возможно, нет. Лил всегда верила, что долг человека — извлечь лучшее из положения, в которое он попал. «Без толку гадать, что могло быть, — говаривала она, — важно только то, что есть». Очень верно для Лил, которая знала всю правду о себе.

Робин с усилием встала, языки пламени в камине за ее спиной охотно порхали с листка на листок.

— Я принесу чая, Гамп, и займусь ужином. Пока я на кухне, моя подруга... — Она вопросительно посмотрела на Нелл. — Прошу прощения...

— Нелл, Нелл Эндрюс.

— Нелл посидит с тобой. Она в Тредженне гостя и интересуется местными семьями. Возможно, ты сможешь ей рассказать о старом городе, пока меня нет.

Старик протянул к Нелл открытые ладони, на которых была начертана целая жизнь вытягивания сетей и насаживания крючков.

— Спрашивай о чем угодно, — произнес он. — И я расскажу тебе все, что знаю.

Когда Робин исчезла в низком дверном проеме, Нелл оглянулась в поисках удобного места. Она села у огня в зеленое кресло с подлокотниками, наслаждаясь приливом тепла: пламя камина пылало у нее под боком.

Гамп оторвал взгляд от трубки, которую набивал, и вопросительно поднял брови. По всей видимости, слово было за ней.

Нелл прочистила горло и чуть поерзала ступнями по коврику, гадая, с чего начать. Она решила, что нет смысла ходить вокруг да около.

— Меня интересует семья Мунтраше.

Спичка Гампа зашипела, и он энергично запыхтел, раскуривая трубку.

— Я спрашивала в деревне, но, похоже, никто о них не знает.

— Да нет, прекрасно они знают, — он выдохнул клуб дыма. — Просто не хотят говорить.

Нелл вздернула брови.

— Почему?

— Народ в Тредженне любит почесать языком, но в целом чертовски суеверен. Мы весело болтаем обо всем на свете, но стоит вам спросить, что творилось на утесе, и люди умолкнут.

— Я заметила, — сказала Нелл. — Это потому, что Мунтраше были

титулованными аристократами? Высшим классом?

Гамп фыркнул.

— Деньжата у них водились, верно, но классом там и не пахло. — Он наклонился. — Их титул был оплачен пролитой кровью невинных. Это случилось в тысяча семьсот двадцать четвертом. Разразилась ужасная буря, самая свирепая за много лет. С маяка сорвало крышу, и новый масляный фонарь задуло так легко, как если бы он был простой свечкой. Луна спряталась, и ночь была черной, как мои сапоги.

Бледные губы плотнее сжали трубку. Он затянулся долго и глубоко, подыскивая слова.

— Большинство местных тральщиков вернулось рано, но один двухмачтовый шлюп с командой каперов все еще болтался в проливе. У команды того шлюпа не было ни единого шанса. Говорят, волны достигали половины утеса Шарп-стоун и швыряли корабль, точно детскую игрушку. Шлюп налетел на скалы и начал рассыпаться на кусочки еще до того, как вошел в бухту. О крушении потом писали в газетах, правительство провело расследование, но нашли лишь несколько потрепанных обломков красного кедра от корпуса. Во всем обвинили местных вольных торговцев, конечно.

— Вольных торговцев?

— Контрабандистов, — пояснила Робин, которая вошла с чайным подносом.

— Но не они забрали груз с судна, — сказал Гамп. — Нет, не они. А семья Мунтраше.

Нелл взяла у Робин предложенную чашку.

— Мунтраше были контрабандистами?

Гамп засмеялся сухим колючим смехом и сделал хороший глоток чая.

— Нет, ничего столь благородного. Контрабандисты брали с кораблей, потерпевших крушение, свою долю облагаемых непомерными налогами ценностей, но зато помогали команде спастись. А в ту ночь в бухте Чёренгорб поработали воры. Воры и убийцы. Они убили моряков, всех до единого, украли груз, а на следующее утро, пораньше, пока никто не узнал, что случилось, оттащили корабль с телами подальше в море и затопили. Вот откуда пошло их богатство: из ящиков с жемчугом и слоновой костью, из китайских вееров и испанских драгоценностей.

— За следующие несколько лет усадьбу Чёренгорб полностью обновили, — подхватила нить рассказа Робин, присев на выцветший бархат дедовой скамеечки для ног. — Я как раз пишу об этом в своем проспекте «Знаменитые дома Корнуолла». Тогда-то она и приобрела третий этаж и разные садовые сооружения. А мистер Мунтраше получил от короля

дворянский титул.

— Удивительно, на что способны несколько хороших подарков.

Нелл покачала головой и неловко поерзала. Не время признаваться, что эти убийцы и воры — ее предки.

— Подумать только, что все сошло им с рук.

Робин взглянула на Гампа, который прочистил горло.

— Что ж, — пробормотал он. — Я бы так не сказал.

Нелл озадаченно переводила взгляд.

— Есть и худшие наказания, чем те, что предписаны законом. Попомните мои слова, есть и худшие наказания. — Гамп выдохнул через сжатые губы. — После того, что случилось в бухте, семья Мунтраше была проклята, вся до единого человека.

Нелл разочаровано откинулась на спинку кресла. Семейное проклятие. А она-то считала, что вот-вот узнает нечто действительно интересное.

— Расскажи ей о корабле, Гамп, — Робин, видимо, почувствовала разочарование Нелл. — О черном корабле.

Охотно повинувшись, старик заговорил громче в знак решимости все рассказать.

— Семья хоть и утопила тот корабль, но избавиться от него надолго не смогла. Он все еще появляется иногда на горизонте. Обычно перед грозой или после нее. Большой черный корабль-призрак мерит бухту. Преследует потомков тех, кто в ответе за его гибель.

Нелл подняла бровь.

— Вы видели его? Корабль?

Старик покачал головой.

— Однажды показалось, что видел, но, слава богу, я ошибся. — Он наклонился ближе. — Дурной ветер гонит корабль-призрак. Говорят, тот, кто видит его, непременно заплатит за его гибель. Если вы видите его, он видит вас. Я знаю только, что те, кто признает, будто видел его, притягивают больше несчастий, чем может вынести человек. Настоящее имя шлюпа было «Жакард», но мы зовем его «Черный гроб».

— Поместье Чёренгорб, — произнесла Нелл. — Полагаю, это не совпадение?

— А она быстро соображает. — Гамп улыбнулся Робин, не выпуская трубки из рта. — Быстро соображает, да. Некоторые говорят, что отсюда и пошло название поместья.

— Но не вы?

— Я всегда считал, что дело скорее в большой черной скале в бухте Чёренгорб. В ней есть проход, знаете ли. Из бухты куда-то в поместье и

обратно в деревню. Настоящее благословение для контрабандистов, но с характером. В тоннеле такие углы и изгибы, что если прилив поднимется выше, чем ожидалось, у человека в пещерах мало шансов выжить. Прошедшие годы скала стала гробом для множества отважных душ. Если ты когда-нибудь смотрела в сторону пляжа поместья, наверняка заметила ее. Чудовищная зазубренная штука...

Нелл покачала головой.

— Я пока не видела бухту. Вчера пыталась посетить усадьбу, но входные ворота были закрыты. Собираюсь завтра вернуться и бросить письмо в ящик. Надеюсь, владельцы позволят мне посмотреть. Не знаете, какие они?

— Новички, — глубокомысленно сообщила Робин. — Приезжие, собираются превратить поместье в гостиницу. — Она наклонилась ближе. — Говорят, молодая женщина пишет книги в мягких обложках, любовные романы и тому подобное. Она весьма эффектна, а ее книги довольно пикантны. — Робин покосилась на деда и покраснела. — Хотя я их, разумеется, не читала.

— Я видела в городском агентстве недвижимости объявление о продаже части поместья, — сказала Нелл. — Небольшой домик, Клифф-коттедж, выставлен на продажу...

Гамп сухо засмеялся.

— И будет выставлен вечно. Дураков нет его покупать. Чтобы отчистить его от зла, которое он повидал, мало выкрасить стены.

— Какого именно зла?

Гамп, который до этого с немалым удовольствием плел байки, внезапно умолк, переваривая ее последний вопрос. В его глазах мелькнуло сомнение.

— Его надо было сжечь много лет назад. Там происходили дурные вещи.

— Какие именно?

— Не важно. — Его губы дрожали. — Поверь на слово. Не все можно обновить свежим слоем краски.

— Я и не думала его покупать, — сказала Нелл, удивленная его горячностью. — Я только подумала, может, хоть так получится взглянуть на поместье.

— Не обязательно идти через поместье Чёренгорб, чтобы посмотреть на бухту. Ее видно и с вершины утеса. — Он поднял трубку и указал в сторону берега. — Иди из деревни по дороге, что вдоль утеса, в сторону Шарпстоуна; и бухта окажется прямо под тобой. Была бы самая красивая во

всем Корнуолле, если бы не та чудовищная скала. Никаких следов крови, пролитой давным-давно на ее берегах.

Запах говядины и розмарина становился сильнее, и Робин достала из сундука горшочки и ложки.

— Вы ведь останетесь на ужин, Нелл?

— Разумеется, она останется, — сказал Гамп, откидываясь на спинку кресла. — Даже и не думай выгонять ее на улицу в такую ночь. Черную как смоль и в два раза более густую.

Жаркое было отменным, и Нелл не пришлось долго уговаривать взять добавки. Затем Робин извинилась и отправилась мыть посуду, а Нелл и Гамп снова остались одни. Комната прогрелась, щеки хозяина были красными. Он почувствовал ее взгляд и весело кивнул.

Было что-то уютное в обществе Уильяма Мартина, словно его гостиная была укрыта от зла. Нелл поняла, что такова власть рассказчика: способность творить цвет так, что все остальное словно блекнет. А Уильям Мартин — прирожденный рассказчик, сомнения нет. Другой вопрос, чему из его историй верить, а чему нет. Он явно любит плести золото из соломы, и все же, кроме него, она не нашла никого, кто жил бы в интересующие ее годы.

— Скажите, — начала она. Огонь грел ее бок, так что его приятно покалывало, — вы знали в молодости Элизу Мейкпис? Она была писательницей, подопечной Лайнуса и Аделины Мунтраше.

Повисла заметная пауза. Уильям заговорил себе в усы.

— Все знали Элизу Мейкпис.

Нелл затаила дыхание. Наконец-то.

— Вы знаете, что случилось с ней? — ринулась Нелл. — В смысле, в самом конце?

Он покачал головой.

— Не знаю.

Непривычная сдержанность прокралась в манеры старика, осторожность, которой не было до сих пор. Хотя сердце Нелл преисполнилось надежды, она чувствовала, что спешить нельзя. Она же не хочет, чтобы он замкнулся в своей скорлупе, по крайней мере сейчас.

— А раньше, когда она жила в Чёренгорбе? Вы можете мне что-нибудь рассказать?

— Я сказал, что знал ее, но у меня не было случая сойтись с ней близко. Меня не привечали в большом доме, те, кто заправлял в нем, имели на мой счет особое мнение.

Нелл настаивала.

— Насколько мне известно, Элизу в последний раз видели в Лондоне в конце тысяча девятьсот тринадцатого. С ней была маленькая девочка, Айвори Уокер, которой тогда было четыре года. Дочка Розы Мунтраше. Как вы думаете, зачем Элиза могла отправиться в Австралию с чужим ребенком?

— Не знаю.

— А почему семья Мунтраше пустила слух, что их внучка умерла, хотя она была жива?

Голос старика надломился.

— Не знаю.

— Так вы знали, что Айвори жива, несмотря на разговоры об обратном?

В камине стрельнуло.

— Я не знал, потому что это не так. Ребенок умер от скарлатины.

— Да, я знаю, так тогда считали. — Лицо Нелл пылало, в висках у нее стучало. — А еще я знаю, что это неправда.

— Откуда тебе это знать?

— Потому что я была тем ребенком. — Голос Нелл дрогнул. — Я приехала в Австралию, когда мне было четыре года. Меня посадила на корабль Элиза Мейкпис, когда все считали, что я мертва. И похоже, никто не может объяснить почему.

Выражение лица Уильяма не поддавалось расшифровке. Он словно собирался ответить, но промолчал.

Вместо этого он встал, раскинул руки и выпятил живот.

— Я устал, — угрюмо сообщил старик. — Пора на боковую. Робин! — крикнул он.

И снова, громче:

— Робин!

— Гамп? — Робин вернулась из кухни с чайным полотенцем в руке. — В чем дело?

— Я пошел.

Он начал подниматься по узкой лестнице, которая огибала выход из комнаты.

— Может, еще чая? Мы так славно проводили время.

Уильям положил руку на плечо Робин, когда проходил мимо.

— Подбрось дров в огонь, когда будешь уходить, девочка. Мы же не хотим, чтобы туман пробрался в дом.

Когда Робин в замешательстве широко распахнула глаза, Нелл

схватила пальто.

— Ради бога, простите, — сказала Робин. — Не знаю, что на него нашло. Он стар, легко устает...

— Конечно.

Нелл застегнула последнюю пуговицу. Она знала, что должна извиниться, в конце концов, это ее вина, что старик расстроился, и все же не могла. Разочарование застряло у нее в горле, точно ломтик лимона.

— Спасибо, что уделили мне время, — сумела выдавить она, шагнув из входной двери в промозглую сырость.

Нелл оглянулась, когда дошла до подножия холма, и увидела, что Робин все еще смотрит ей вслед. Нелл помахала ей рукой, и новая знакомая ответила тем же.

Уильям Мартин, конечно, стар и устал, но в его внезапном уходе кроется что-то еще. Нелл должна знать, она слишком долго хранила собственную тяжелую тайну, чтобы распознать собрата по несчастью. Уильям знает больше, чем говорит. Желание узнать правду превосходило уважение Нелл к личной жизни старика.

Она сжала губы и наклонила голову, сражаясь с холодом. Нелл решила убедить старика поведать все, что ему известно.

Глава 26

Чёренгорб-мэнор, Корнуолл, 1900 год

Элиза была права: имя Роза прекрасно подходило сказочной принцессе. Несомненно, Роза Мунтраше наслаждалась редкими привилегиями и положенной по статусу красотой. К несчастью для крошки Розы, первые двенадцать лет ее жизни были чем угодно, только не волшебной сказкой.

— Открой пошире.

Доктор Мэтьюс достал из кожаной сумки тростниковую палочку и прижал язык Розы. Он наклонился, чтобы осмотреть ее горло. Его лицо оказалось так близко, что она получила малоприятную возможность произвести, в свою очередь, осмотр волосков в его носу.

— Гм, — промычал Мэтьюс, отчего волоски задрожали.

Роза слабо кашлянула, когда ретирующаяся палочка царапнула ее горло.

— Итак, доктор?

Мама вышла из тени. Она барабанила пальцами, бледными на фоне темно-синего платья.

Доктор Мэтьюс выпрямился во весь рост.

— Хорошо, что вы меня вызвали, леди Мунтраше. У девочки, несомненно, воспаление.

Мама вздохнула.

— Так я и думала. У вас есть лекарство, доктор?

Пока доктор Мэтьюс описывал рекомендуемый им способ лечения, Роза повернула голову набок, закрыла глаза и зевнула. Сколько она себя помнила, столько знала, что ненадолго пришла в этот мир.

В минуты слабости Роза позволяла себе вообразить, какова была бы жизнь, если бы она не ждала своего конца. Если бы жизнь простиралась перед ней бесконечной, долгой дорогой с изгибами и поворотами, которых

она не могла бы предвидеть. Путевыми вехами могли бы стать светский дебют, муж, дети, большой собственный дом, который восхищал бы других дам. Если честно, она горячо томила по подобной жизни.

Но Роза не позволяла себе мечтать слишком часто. Что толку в сетованиях? Вместо этого она ждала, поправлялась, заполняла альбом для вырезок. Девочка читала, когда могла, о местах, где никогда не была, и фактах, которые никогда не использовала в беседах, так как никогда не вела бесед. Она ждала следующего неизбежного эпизода, который приблизит ее к концу, надеясь, что грядущее недомогание окажется интереснее предыдущего, станет менее болезненным, принесет какие-то дивиденды, как в тот раз, когда она проглотила мамин наперсток.

Разумеется, она не нарочно: если бы он не был таким блестящим, таким хорошеньким со своей шапочкой в виде желудка, она и не подумала бы его касаться. Но он был именно таким, и она коснулась. Какое восьмилетнее дитя поступило бы иначе? Роза пыталась уравновесить его на кончике языка, словно клоун из «Книги о цирке» Меггендорфера,^[23] тот, который удерживал красный мячик на глупом остром носу. Неразумно, конечно, но она всего лишь ребенок, к тому же благополучно практикующий этот трюк уже несколько месяцев.

Случай с наперстком окончился хорошо во всех отношениях. Немедленно вызвали доктора, молодого врача, который лишь недавно принял практику в деревне. Доктор щупал, колол и делал все, что положено докторам, прежде чем дрожащим голосом предположил, что, возможно, может помочь некий новый диагностический инструмент. Посредством фотографической съемки он может заглянуть в желудок Розы, даже не прикасаясь к скальпелю. Предложение всем понравилось: отцу, чьи навыки обращения с камерой означали, что именно он призван осуществить современную съемку, доктору Мэтьюсу, который смог опубликовать фотографии в специальном журнале под названием «Ланцет», и маме, потому что публикация вызвала определенное волнение в светских кругах.

Что же касается самой Розы, то наперсток успешно вышел (самым неблагоприятным образом) примерно через сорок восемь часов, но она смогла насладиться тем, что наконец-то сумела угодить отцу, хоть и мимолетно. Не то чтобы он сам признался, это было не в его стиле, просто Роза проявляла редкую проницательность, когда дело доходило до настроений родителей (хотя причины их изменений пока оставались для нее тайной). Удовольствие, доставленное отцу, привело Розу в приподнятое настроение, такое же легкое и воздушное, как суфле здешней поварахи.

— Если позволите, леди Мунтраше, я завершу осмотр?

Роза вздохнула, когда доктор Мэтьюс приподнял ее ночную рубашку, чтобы осмотреть живот. Она плотнее закрыла глаза, когда холодные пальцы коснулись кожи, и подумала о своем альбоме. Мама выписывала лондонские журналы с новейшими свадебными фасонами. Роза прелестно украсила страницу альбома при помощи кружева и лент, взятых в шкатулке для рукоделия. Невеста получилась замечательно: вуаль из бельгийского кружева, по краю приклеен мелкий жемчуг, букет из засушенных цветов. Жених — совсем другое дело: Роза мало что знала о джентльменах. (Ей и не следовало. Ни к чему юной даме знать подобные вещи.) Но Розе казалось, что характеристики жениха не имеют особого значения, если невеста мила и невинна.

— Неплохо, — сообщил доктор Мэтьюс, опуская ночную рубашку Розы на место и похлопывая девочку по животу. — К счастью, инфекция не распространилась. Однако смею просить вас, леди Мунтраше, о возможности более обстоятельной беседы насчет наилучшего лечения.

Роза открыла глаза как раз вовремя, чтобы заметить льстивую улыбку доктора, обращенную к маме. До чего он утомителен, вечно напрашивается на чай, лишь бы повстречать еще кого-нибудь из близ живущего мелкопоместного дворянства, а потом лечить при необходимости. Опубликованные снимки Розиного наперстка *in positus*^[24] принесли доктору некоторые сборы среди зажиточных людей графства, и он поспешил развить успех. Пока он осторожно убирал стетоскоп в большую черную сумку, уминая и похлопывая ее по боку аккуратными пальчиками, скука Розы превратилась в раздражение.

— Так я еще не на пути в рай? — наивно заморгала она, глядя в его краснеющее лицо. — А то я как раз оформляю страницу в своем альбоме для вырезок, и было бы весьма прискорбно оставить ее незаконченной.

Доктор Мэтьюс девически хихикнул и глянул на маму.

— Что ж, дитя, — запинаясь, произнес он, — волноваться не о чем. Со временем мы все окажемся перед престолом Господа...

Он разразился неприятной лекцией о жизни и смерти, Роза немного понаблюдала, прежде чем отвернуть голову, пряча слабую улыбку.

Бремя ожидания ранней смерти каждый несет по-своему. Иным оно дарует зрелость, значительно превосходящую опыт и возраст: смирение, расцветающее в добрый нрав и кроткие черты. В других же застывает крошечной льдинкой в самом сердце. Льдинкой, не всегда видной, но не тающей.

Роза хотела бы принадлежать к первым, но в глубине души знала, что принадлежит ко вторым. Не то чтобы она была гадкой, скорее, у нее

развился дар отстраненности: способность смотреть со стороны и наблюдать за происходящим без проявления эмоций.

— Доктор Мэтьюс! — Голос мамы прервал все более отчаянное описание маленьких ангелочков Господних. — Почему бы вам не спуститься и не подождать меня в утреннем салоне? Томас принесет чай.

— Охотно, леди Мунтраше.

Он с облегчением прервал неприятный разговор и вышел из комнаты, не глядя Розе в глаза.

— Роза, — произнесла мама. — Ты дурно поступила.

Укор был разбавлен недавним беспокойством мамы, и Роза знала, что наказания не последует. Ее никогда не наказывали. Кто может быть жесток с маленькой девочкой, ожидающей, когда ее настигнет смерть? Роза вздохнула.

— Я знаю, мама, и мне очень жаль. Просто у меня голова кружится, а от разговоров доктора Мэтьюса становится только хуже.

— Хрупкое сложение — тяжелый крест, согласна. — Мама взяла Розу за руку. — Но ты ведь юная дама, ты Мунтраше. И слабое здоровье — не оправдание для манер, если они отличаются от превосходных.

— Да, мама.

— А сейчас мне надо идти и поговорить с доктором. — Она коснулась прохладными пальцами щеки дочери. — Я загляну к тебе еще раз, когда Мэри принесет поднос.

Леди Мунтраше направилась к двери, платье ее зашуршало, когда закончился коврик и начались половицы.

— Мама? — окликнула Роза.

Ее мать обернулась.

— Да?

— Я хотела тебя спросить. — Роза помедлила, не зная с чего начать, боясь проявить излишнее любопытство. — Я видела в саду мальчика, он прятался за кустом рододендрона.

Мамина левая бровь на мгновение нарушила совершенство черт.

— Мальчика?

— Сегодня утром я видела его из окна, когда Мэри пересадила меня в кресло. Он стоял за кустом камелии и разговаривал с Дэвисом. Гадкого вида мальчишка с лохматыми рыжими волосами и весьма нахальными манерами.

Мама прижала руку к бледной коже на шее, медленно и длинно выдохнула, так что интерес Розы только возрос.

— Ты не мальчика видела, Роза.

— Мама?

— Это твоя кузина, Элиза.

Роза широко распахнула глаза. Как неожиданно. В основном потому, что попросту невозможно. У мамы нет ни братьев, ни сестер, и когда бабушка умерла, мама, папа и Роза остались единственными Мунтраше.

— У меня нет никакой кузины.

Мама выпрямилась, заговорив непривычно поспешно.

— К несчастью, есть. Ее зовут Элиза, и она приехала жить в Чёренгорб.

— Надолго?

— Боюсь, навсегда.

— Но, мама... — Голова Розы кружилась сильнее, чем когда-либо. Как может тот неряшливый оборванец быть ее кузиной? — Ее волосы... Ее манеры... Ее одежда была вся мокрая, и сама она грязная и растрепанная... — Роза вздрогнула. — Она была вся в листьях...

Мама прижала палец к губам. Она повернулась к окну и темный локон на ее затылке задрожал.

— Ей больше некуда было идти. Мы с отцом согласились ее принять. Акт христианского милосердия, который она никогда не оценит, не говоря уже о том, чтобы его заслужить, но мы всегда должны поступать как подобает.

— Мама, что она тут будет делать?

— Причинит нам немало беспокойства, не сомневаюсь. Но мы не можем ее прогнать. Неспособность проявить милосердие выглядит ужасно, и потому мы должны обратить необходимость в добродетель.

В словах леди Мунтраше был привкус чувств, процеженных через сито. Она и сама ощутила их пустоту и более ничего не сказала.

— Мама?

Роза осторожно дотронулась до замолчавшей матери.

— Ты спросила, что она тут будет делать? — Мама повернулась к Розе, в ее голосе прорезалась новая нотка. — Я отдаю ее тебе.

— Отдаешь мне?

— Как своего рода проект. Она будет твоей протеей. Когда поправишься, будешь в ответе за то, чтобы научить ее хорошим манерам. Она немногим лучше дикарки, ни грамма изящества или очарования. Сирота, которую никто не научил, как жить в порядочном обществе. — Леди Мунтраше выдохнула. — Конечно, иллюзий я не питаю и не ожидаю, что ты совершишь чудо.

— Да, мама.

— Черного кобеля не отмоешь добела, а беспризорной сиротке не расцвести розой. Но мы должны сделать все возможное, ее надо хорошенько отчистить. Ты даже не представляешь, дитя мое, каким влияниям подвергалась эта сиротка. Она жила в Лондоне среди ужасного падения нравов и порока.

Лишь тогда Роза поняла, кто эта девочка: Элиза — дочь папиной сестры, загадочной Джорджианы, чей портрет мама сослала на чердак, чье имя никто не осмеливался упоминать.

Никто, кроме бабушки.

В последние месяцы жизни старая женщина вернулась в Чёренгорб, точно раненый зверь, и укрылась в башне, чтобы умереть. Она то проваливалась в сон, то грезил наяву, и все время вздох говорила о двух детях: Лайнусе и Джорджиане. Роза знала, что Лайнус — ее отец, и заключила, что Джорджиана — его сестра. Та, что исчезла еще до рождения Розы.

В то время Роза по прихоти судьбы наслаждалась периодом относительно хорошего здоровья, и мама попросила ее посидеть с бабушкой. Леди Мунтраше сказала, что для достойной юной дамы опыт ухода за больными и умирающими бесценен. И хотя Роза подозревала, что мамин энтузиазм проистекает скорее из нежелания самой ухаживать за старой женщиной, чем из педагогических соображений, она не стала возражать. К тому же Розе нравилось сидеть с бабушкой, смотреть, как та спит, следить за каждым вздохом, который может стать последним.

Однажды летним утром, когда Роза сидела в кресле у окна и теплый морской ветерок щекотал ее затылок, глаза бабушки распахнулись. Девочка, которая рассеянно наблюдала, как бусинки пота блестят на лбу старой женщины, резко вздохнула.

Старые глаза были большими и блеклыми, выцветшими за жизнь, полную горечи. Бабушка мгновение смотрела на Розу, но ее взгляд не был окрашен узнаванием и сразу скользнул в сторону. Словно прикованная к месту легким колыханием летних занавесок, Роза хотела было позвонить маме — прошло немало часов с тех пор, как бабушка в последний раз просыпалась, — но едва она потянулась к колокольчику, как старая женщина издала вздох. Долгий, усталый вздох, такой глубокий, что под ее тонкой кожей выступили кости.

Затем, словно из пустоты, высохшая рука схватила Розу за запястье.

— Очень красивая девочка, — сказала бабушка так тихо, что Розе пришлось наклониться, чтобы расслышать последующие слова, — слишком красивая, проклятье. Все молодые люди сворачивали головы. Он

ничего не мог поделаться, ходил за ней повсюду, а мы и не знали. Она сбежала и не вернулась, ни словечка от моей Джорджианы...

Роза Мунтраше была хорошей девочкой и знала правила. Как же иначе? Всю свою жизнь прикованная болезнью к постели, она была вынуждена выслушивать эпизодические лекции матери о правилах поведения в приличном обществе. Роза прекрасно знала, что дама не должна надевать жемчуг или бриллианты по утрам, ни в коем случае не должна кого-либо игнорировать в обществе и никогда, ни за что не должна в одиночестве наносить визит джентльмену. Но Роза знала, что важнее всего — избегать скандала любыми средствами. Даже намек на него может погубить даму в мгновение ока. По крайней мере, погубить ее доброе имя.

И все же упоминание о ее блудной тете, соблазнительное дуновение семейного скандала, не вызвало в Розе никакого негодования. Напротив, вдоль ее позвоночника пробежала греховная дрожь. Впервые за много лет кончики пальцев девочки закололо от возбуждения. Она наклонилась еще ближе, желая, чтобы бабушка продолжила, желая плыть вместе с потоком беседы, который кружил и изливался в темные неизведанные воды.

— Кто, бабушка? — спрашивала Роза. — Кто ходил за ней? С кем она убежала?

Но бабушка не отвечала. Какие бы истории ни крутились в ее голове, вывести их не получалось. Роза настаивала, но все без толку. В конце концов, ей пришлось довольствоваться постоянными размышлениями о судьбе тети.

Забава оказалась неожиданно приятной, и Розе удалось сочинить немало возможных биографий скандальной Джорджианы. Мифическая, мистическая тетя стала для Розы путеводной нитью. Иногда она повторяла ее имя снова и снова, словно заклятие. Роза смаковала его высокопарные, тайные звуки, готовые сорваться с языка. Позже, во время болезни, скуки или боли, она вновь призывала это имя. Девочка лежала в постели, закрывала глаза, отгораживалась от внешнего мира и шептала: «Джорджиана... Джорджиана... Джорджиана...» Само слово стало для нее символом темных и трудных времен. Или всего несправедливого и порочного на свете...

— Роза? — Мама чуть нахмурилась. Она пыталась это скрыть, но Роза поднаторела в расшифровке. — Ты что-то сказала, дитя? Ты шептала.

Леди Мунтраше протянула руку, чтобы проверить температуру дочери.

— Со мной все хорошо, мама, я лишь немного задумалась.

— Ты вроде бы покраснела.

Роза прижала ладошку ко лбу. Покраснела ли она? Она не знала.

— Я могу еще раз прислать к тебе доктора Мэтьюса, прежде чем он уйдет, — предложила мама. — Лучше проявить чрезмерную предосторожность, чем потом сожалеть.

Роза закрыла глаза. Еще один визит доктора Мэтьюса, второй за день. Она не в силах его вынести.

— Ты слишком слаба, чтобы приступить к нашему новому проекту, — сказала мама. — Я поговорю с доктором, и если он сочтет уместным, ты сможешь познакомиться с Элизой завтра. Элиза! Подумать только, фамильное имя Мунтраше дано дочери моряка!

Моряка? Что-то новенькое. Роза распахнула глаза.

— Мама?

Мать залилась краской. Она сказала больше, чем намеревалась, непривычная брешь в обороне ее благопристойности.

— Отец твоей кузины был моряком, мы не говорим о нем.

— Мой дядя был моряком?

Мама задохнулась, ее тонкая рука метнулась ко рту.

— Он не был твоим дядей, Роза, он никем не приходился ни тебе, ни мне. Он вовсе не был женат на твоей тете Джорджиане.

— Но, мама! — Правда оказалась куда скандальнее, чем все, что Роза когда-либо могла нафантазировать. — Что ты имеешь в виду?

Мама понизила голос.

— Да, Элиза твоя кузина, и у нас нет иного выбора, как принять ее у себя. Но она низкого происхождения, сомнений быть не может. Ей весьма повезло, что смерть матери позволила ей переехать в Чёренгорб. После всего позора, который наша семья претерпела из-за ее матери. — Она покачала головой. — Твой отец чуть не умер, когда она уехала. Страшно подумать, что с ним могло бы случиться, если бы я не была рядом и не присматривала за ним во время скандала. — Леди Мунтраше посмотрела на Розу. Ее голос едва заметно дрожал. — Подобного позора хватило, чтобы репутация семьи оказалась безнадежно испорчена. Вот почему нам с тобой так важно жить безупречно. Твоя кузина Элиза доставит нам немало беспокойства, не сомневаюсь. Она никогда не станет одной из нас, но если мы приложим все усилия, то сможем, по крайней мере, вытащить ее из лондонской канавы.

Роза притворилась поглощенной плиссированным рукавом ночной рубашки.

— Разве невозможно научить девочку низкого происхождения выглядеть как дама, мама?

— Невозможно, дитя мое.

— Даже если ее примет благородная семья? — Роза взглянула на маму из-под ресниц. — А если она выйдет замуж за джентльмена?

Мама обратила на Розу колющий взгляд и помедлила прежде чем заговорить медленно и осторожно.

— Это редкость, когда девочка со скромными, но хорошими исходными данными, неустанно работая над собой добивается возвышения. — Она быстро вздохнула, стараясь не утратить самообладания. — Боюсь, это не случай твоей кузины. Мы должны умерить свои ожидания, Роза.

— Конечно, мама.

Роза чувствовала, что подлинная причина маминой тревоги висит в воздухе, хоть мать была бы унижена, подозревай она, что дочь понимает это. То был еще один семейный секрет, который Роза сумела вывести у умирающей бабушки. Секрет, который многое объяснял: вражду между двумя хозяйками, старой и молодой, и даже более того, мамину одержимость манерами, ее приверженность светским правилам, ее решимость неизменно являться образцом благопристойности.

Леди Аделина Мунтраше давным-давно изгнала все намеки на правду о своей семье — большинство знавших ее были достаточно напуганы и стерли этот факт из памяти. А те, что не стерли, слишком держались за свои места, чтобы осмелиться проронить хоть слово о происхождении леди Мунтраше. Но бабушка подобных терзаний не ведала. Она с немалым удовольствием припоминала йоркширскую девчонку, чьи набожные родители, обеднев, ухватились за возможность отослать дочь в Чёренгорб-мэнор, в Корнуолл, чтобы та стала протеже знаменитой Джорджианы Мунтраше.

Мама замерла у двери.

— Еще кое-что, Роза, самое важное.

— Да, мама?

— Девчонка не должна попадаться на глаза твоему отцу.

Задача вроде бы несложная; Розе хватило бы пальцев одной руки, чтобы пересчитать, сколько раз она встречала отца за прошлый год. И все же горячность матери была интригующей.

— Мама?

Короткая пауза, которую Роза отметила с растущим интересом, затем слова, что породили больше вопросов, чем ответов.

— Твой отец — занятой, важный человек. Не следует все время напоминать ему о пятне на добром имени его семьи. — Леди Мунтраше быстро вздохнула, и ее голос упал до бесцветного шепота. — Поверь моим

словам, Роза, не видать этому дому добра, если девчонку допустят к твоему отцу.

Аделина осторожно сжала кончик пальца, глядя, как вытекает алая бусинка крови. Она уже в третий раз за несколько минут уколола палец. Вышивание всегда успокаивало ее нервы, но не сегодня. Она отложила крошечную иглу. А все неприятный разговор с Розой и смятение во время чаепития с доктором Мэтьюсом. Хотя в действительности, конечно, ее встревожил приезд дочери Джорджианы. Обычный ребенок, она все же привезла с собой нечто невидимое, подобно переменам в воздухе, которые предвещают ужасную бурю. И это нечто угрожало положить конец всему, за что боролась Аделина, это нечто, несомненно, уже начало свою коварную работу: ведь Аделину день напролет преследовали воспоминания о ее собственном приезде в Чёренгорб. Воспоминания, которые она изо всех сил старалась забыть сама и изгладить из памяти других...

Когда Аделина приехала в Чёренгорб в тысяча восемьсот восемьдесят шестом, дом показался ей необитаемым. Удивительный дом, больше тех, в которых она бывала прежде! Она стояла по меньшей мере десять минут, ожидая от встречающего каких-либо указаний, и наконец в холле появился молодой человек в строгом костюме и с высокомерным лицом. Он удивленно остановился, затем взглянул на карманные часы.

— Вы слишком рано.

Его тон не оставлял сомнений и ясно говорил об отношении к тем, кто прибывает раньше времени.

— Мы не ожидали вас до чая, — добавил он.

Аделина тихо стояла, не понимая, чего от нее ждут.

Молодой человек фыркнул.

— Если вы подождете здесь, я найду кого-нибудь, кто отведет вас в вашу комнату.

Аделина сознавала, что доставляет беспокойство.

— Я могу погулять по саду, если желаете, — кротко предложила она.

В этот миг больше, чем когда-либо, она сознавала свой северный акцент, который словно сгустился в чудесной комнате белого мрамора.

Молодой человек отрывисто кивнул.

— Было бы неплохо.

Лакей унес ее чемоданы, и Аделина налегке спустилась по величественной лестнице. Она постояла внизу, глядя по сторонам и стараясь избавиться от неуютного ощущения, что она умудрилась

провалиться, даже не успев поселиться в доме.

Преподобный Ламберт множество раз упоминал о богатстве и высоком положении семьи Мунтраше во время своих дневных визитов к Аделине и ее родителям. Он искренне и часто повторял, что для всей епархии станет огромной честью, если одна из них будет избрана выполнить столь важный долг. Его корнуоллский коллега, руководствуясь непосредственными указаниями хозяйки дома, повсюду искал самую подходящую кандидатуру, и делом Аделины было доказать, что она достойна столь великой чести. Не говоря уже о щедрой плате, которую получают ее родители за свою потерю. Аделина преисполнилась решимости достичь успеха. Всю дорогу из Йоркшира она читала себе короткие суровые лекции на темы вроде «Казаться и быть знатной — почти одно и то же» и «Леди та, кто поступает как леди». Но внутри дома ее нетвердые убеждения сошли на нет.

Шум над головой привлек ее внимание к небу, где семейство черных грачей рисовало замысловатый узор. Одна из птиц круто спикировала вниз, прежде чем отправиться за остальными к полоске высоких деревьев вдали. В поисках цели Аделина пошла за птицами, всю дорогу читая себе лекции о новых начинаниях в ее новой настоящей жизни.

Аделина так увлеченно разглагольствовала, что почти не смотрела по сторонам и не наслаждалась чудесными садами Чёренгорба. Не успела она начать высказываться о социальном положении и аристократии, как покинула темную прохладу леса и очутилась на краю утеса. Сухие травы шелестели под ногами. За утесом, гладкое, точно бархатное полотно, лежало глубокое синее море.

Аделина вцепилась в ближайшую ветку. Она никогда не любила высоту, и ее сердце забилося.

Сцена, происходящая в воде, вернула ее взгляд к бухте. Юноша и девушка в маленькой лодке. Он сидел, а она стояла и раскачивала лодку из стороны в сторону. Ее платье из белого муслина промокло от лодыжек до талии и так липло к ногам, что Аделина задохнулась.

Она понимала, что должна отвернуться, но не могла отвести глаза. У девушки были ярко-рыжие волосы, распущенные и длинные, с мокрыми завитками на концах. На юноше была соломенная шляпа лодочника, на шее у него висела прямоугольная черная штукавина. Он смеялся и плескал водой в девушку, затем наклонился к ней и потянулся, чтобы схватить ее за ноги. Лодка закачалась еще сильнее, и в тот миг, когда Аделина решила, что он вот-вот коснется девушки, та повернулась и плавным движением нырнула в воду.

Никакие события в опыте Аделины не подготовили ее к подобному

поведению. Что владело девушкой, как она могла так себя вести? И где она сейчас? Аделина вытянула шею. Она смотрела на блестящую воду, пока наконец не разглядела фигурку в белом, которая скользила по поверхности рядом с огромной черной скалой. Девушка вынырнула из моря, платье прилипло к ее телу, вода стекала с него. Не оборачиваясь, она взобралась на скалу и исчезла в тайном проходе на крутом склоне, ведущем к маленькому домику на вершине утеса.

Стараясь унять учащенное дыхание, Аделина перевела взгляд на юношу: несомненно, он был шокирован не меньше ее. Он тоже наблюдал за исчезновением девушки и сейчас вел лодку обратно в бухту. Он вытащил лодку на гальку, подобрал ботинки и зашагал по ступенькам. Аделина заметила, что он хромает и опирается на трость.

Молодой человек прошел совсем рядом с Аделиной и все же не заметил ее. Он насвистывал себе под нос незнакомую Аделине мелодию. Веселую, беспечную мелодию, полную солнечного света и соли. Такую непохожую на мрачный Йоркшир, из которого она стремилась вырваться. Юноша казался вдвое выше парней, оставшихся дома, и вдвое ярче.

Стоя в одиночестве на вершине утеса, она внезапно ощутила, как жарок и тяжел ее дорожный костюм. Вода внизу казалась маняще прохладной. Постыдная мысль возникла прежде, чем она успела ее удержать. Интересно, каково скользнуть под поверхность воды и вынырнуть насквозь промокнувшей, как та девушка, как Джорджиана?

Позже, через много лет, когда мать Лайнуса, по мнению Аделины старая ведьма, лежала и умирала, перед смертью она поведала причину, по которой выбрала Аделину в протееже дочери.

— Я искала самую серую мышку на свете, лучше всего набожную, в надежде, что часть ее качеств перейдет к Джорджиане. Я и не подозревала, что моя редкая птичка упорхнет, а мышка займет ее место. Вероятно, я должна тебя поздравить. В конце концов, ты победила, не так ли, леди Мунтраше?

Именно так. Имея скромные исходные данные, Аделина упорным трудом и решимостью возвысилась в свете больше, чем ее родители могли бы предположить, отпуская дочь в чужую деревню в Корнуолле.

И она продолжала трудиться, даже выйдя замуж и возвысившись до статуса леди Мунтраше. Она правила твердой рукой, и сколько бы ни бросали грязи, ничто не прилипало к ее семье, к ее замечательному дому. Так будет и впредь. Дочь Джорджианы здесь, ничего не поделаешь. Задача Аделины — проследить, чтобы жизнь в Чёренгорб-мэнор продолжалась своим чередом.

Надо лишь избавиться от мелочного страха, что с приездом Элизы в Чёрнгорб ее дочь Роза что-то утратит...

Аделина отогнала дурные предчувствия, продолжавшие терзать ее изнутри, и сосредоточилась на том, чтобы вернуть самообладание. Она всегда была особенно чувствительна ко всему, что касалось Розы, — как и все родители, у которых хрупкий ребенок. Рядом поскуливал пес Макленнан. Ему тоже весь день было не по себе. Аделина опустила руку и погладила шишковатую голову.

— Шшш, — сказала она. — Все будет хорошо. — Она почесала его выпуклые брови. — Я позабочусь об этом.

Бояться нечего. Какую опасность для Аделины и ее семьи может представлять эта чужая тощая девчонка с обрезанными волосами и землистой от нищенской лондонской жизни кожей? Достаточно лишь взгляда, брошенного на Элизу, чтобы увидеть: она, слава богу, не Джорджиана. Что ж, возможно, Аделина взволнована вовсе не от страха, а от облегчения. Ведь она встретила со своими худшими опасениями и развеяла их. Приезд Элизы стал дополнительным утешением, уверенностью, что Джорджиана и вправду умерла и никогда не вернется. От нее осталась лишь маленькая бродяжка, без особой силы ее матери — силы подчинять людей своей воле, ничего не делая для этого.

Открылась дверь, позволив сквозняку разворошить огонь.

— Обед подан, мадам.

Ах как Аделина презирала Томаса, презирала их всех! Несмотря на их «да, мадам» и «нет, мадам», «обед подан, мадам», она прекрасно знала, что они на самом деле о ней думают, что они всегда о ней думали.

— Хозяин? — спросила Аделина самым холодным и властным голосом.

— Лорд Мунтраше уже вышел из своей комнаты, мадам.

Мерзкая темная комната, ну конечно, вот где он. Она услышала шорох колес его кареты по подъездной дорожке, когда терпеливо пила чай с доктором Мэтьюсом, и насторожилась в ожидании характерных шагов мужа в вестибюле — тяжелый, легкий, тяжелый, легкий, — но нет. Могла бы догадаться, что он отправился напрямик в свою дьявольскую темную комнату.

Томас продолжал наблюдать за ней, и Аделина «натянула решимость на колки».^[25] Лучше пострадать от когтей самого Люцифера, чем позволить Томасу насладиться зрелищем супружеских разногласий.

— Иди, — велела она, взмахнув рукой. — И лично проследи, чтобы сапоги хозяина отчистили от отвратительной шотландской грязи.

Лайнус уже сидел, когда Аделина подошла к столу. Он ел суп и не поднял глаз, когда она появилась, — слишком увлекся черно-белыми отпечатками, которые были разложены на конце длинного стола: мох, бабочки и кирпичи, трофеи последнего путешествия.

При виде мужа к голове Аделины прилила кровь. Что сказали бы люди, если бы увидели в Чёренгорбе подобное поведение за обеденным столом? Она покосилась на Томаса и лакея, оба таращились на дальнюю стену. Но слуги не могли провести Аделину, она знала, что за их ледяными лицами кипит работа: судят, примечают, чтобы поведать коллегам из других домов о падении нравов в Чёренгорб-мэнор.

Аделина чопорно села на свое место и подождала, пока лакей поставит суп. Она немного попробовала, обожгла язык, посмотрела на Лайнуса: склонив голову, тот продолжал изучение фотографических отпечатков. Волосы на его макушке редели. Словно воробушек, он старательно уложил первые жалкие травинки в новое гнездо.

— Девочка приехала? — спросил он, не поднимая глаз.

Аделина словно почувствовала легкий укол: гадкая девчонка.

— Приехала.

— Ты ее видела?

— Конечно. Она разместилась наверху.

Лайнус поднял наконец-то голову, сделал глоток вина, следом еще один.

— И она... Она похожа?..

— Нет. — Голос Аделины был ледяным. — Нет, не похожа.

Леди Мунтраше крепко сжала кулаки на коленях.

Лайнус коротко выдохнул, отломил кусок хлеба и начал есть. Он заговорил с полным ртом, несомненно, лишь бы ее позлить.

— Мэнселл то же самое сказал.

Если кого и стоило винить за приезд девчонки, так это Генри Мэнселла. Лайнус мог желать возвращения Джорджианы, но именно Мэнселл питал его надежду годами. Сыщик, владелец аккуратных усиков и пенсне, брал у Лайнуса деньги и присылал ему частые отчеты. Каждый вечер Аделина молилась, чтобы Мэнселл потерпел неудачу, чтобы Джорджиана не вернулась, чтобы Лайнус сумел отпустить ее.

— Поездка прошла хорошо? — спросила Аделина.

Нет ответа. Его глаза снова впились в отпечатки.

Гордость уберегла Аделину от очередного косого взгляда на Томаса. Она придала своим чертам выражение спокойной, невозмутимой

удовлетворенности и попыталась съесть еще одну ложку супа, уже немного остывшего. Неприятие Лайнусом Аделины — это одно, он начал ускользать от нее вскоре после бракосочетания, но полное отречение от Розы — совсем другое. Она его ребенок, кровь Лайнуса течет в ее жилах, кровь его благородной семьи. Аделина не могла постичь, откуда в нем такое равнодушие.

— Сегодня снова приходил доктор Мэтьюс, — сказала она. — Очередная инфекция.

Лайнус поднял глаза, которые заволокла знакомая пелена отрешенности, и откусил еще хлеба.

— Слава богу, ничего серьезного, — продолжила Аделина, воодушевленная его взглядом. — Можно не бояться самого страшного.

Лайнус проглотил хлеб.

— Я завтра еду во Францию, — невыразительно сообщил он. — В Нотр-Дам есть ворота...

Он не договорил, не чувствуя обязательств более подробно докладывать Аделине о своих передвижениях.

Леди Мунтраше чуть изогнула левую бровь, непроизвольно, но заметила это и вернула лицу спокойное выражение.

— Прелестно, — сообщила она, вновь растягивая губы в тонкой улыбке. Словно из ниоткуда возник образ Лайнуса в лодке, его камера направлена на фигуру в белом. Аделина поежилась. — С нетерпением жду твоего возвращения, хочу взглянуть на снимки.

Глава 27

Тредженна, Корнуолл, 1975 год

Вот и она, черная скала из рассказа Уильяма Мартина. С вершины утеса Нелл смотрела, как белая морская пена бурлит у подножия скалы, прежде чем устремиться в пещеру и отхлынуть с океанской волной. Несложно было представить бухту сценой для сокрушительных штормов, гибели кораблей и полуночных рейдов контрабандистов.

Вдоль вершины утеса выстроились деревья, загораживая вид на усадьбу Чёренгорб, дом матери Нелл.

Она засунула руки глубже в карманы куртки. Ветер здесь был жесток, и ей приходилось изо всех сил удерживать равновесие. Шея у Нелл затекла, а щеки одновременно горели от растирания и мерзли от ветра. Она повернулась, чтобы спуститься с края утеса по тропе из примятой травы. Дорога туда не доходила, даже тропа была узкой. Нелл шла осторожно: ее колено опухло и посинело после весьма опрометчивого визита в поместье Чёренгорб днем раньше. Она пришла, чтобы оставить письмо, в котором говорилось, что она — торговец антиквариатом из Австралии и просит позволения осмотреть дом в любое время, удобное его владельцам. Но когда она стояла у высоких металлических ворот, кто-то словно вселился в нее, в каждой клеточке тела возникла потребность, не менее острая, чем потребность дышать. В следующее мгновение Нелл отбросила всяческое достоинство и принялась отнюдь не изящно карабкаться на ворота, отыскивая опоры для ног среди декоративных металлических завитушек.

Нелепое поведение для женщины ее лет, но так уж вышло. Было невыносимо стоять совсем рядом с фамильным домом, местом своего рождения, и не иметь права даже взглянуть на него. К сожалению, сноровка Нелл не шла ни в какое сравнение с ее упорством. Нелл была равно смущена и благодарна, когда рядом неожиданно появилась Джулия Беннет. К счастью, новая хозяйка Чёренгорба приняла объяснение нежданной

гостыи и пригласила ее войти.

Нелл странно себя почувствовала, когда заглянула в дом. Странно, но не так, как сама ожидала. Она лишилась дара речи от предвкушения. Нелл прошла через вестибюль, поднялась по лестнице, заглянула в дверные проемы, без конца повторяя себе: твоя мать сидела здесь, твоя мать ходила здесь, твоя мать любила здесь. Нелл ждала, что масштаб происходящего захватит ее, ждала, что некая волна узнавания покатится от стен, обрушится на нее и глубинная часть ее личности поймет — она дома. Но подобное ощущение так и не появилось. Увы, глупо было ждать, конечно же, и совсем не свойственно Нелл. Даже самый прагматичный человек становится временами жертвой томления по чему-то большему. По крайней мере, теперь она может добавить красок тем воспоминаниям, которые пытается восстановить. Теперь воображаемые беседы будут происходить в реальных комнатах.

Нелл высмотрела в высокой волнующейся траве палку как раз подходящей длины. Она подняла палку и продолжила осторожно спускаться по склону, мимо высокой каменной стены. До чего приятно было гулять с такой палкой, как будто не просто ходишь, а трудишься. Не говоря уже о том, что опора снимала часть напряжения с опухшего колена. На передних воротах висела табличка, как раз над той, которая отпугивала незваных гостей. «Продается» — было написано на ней, и еще номер телефона.

Так значит, этот коттедж — часть поместья Чёренгорб, тот самый дом, о котором Джулия Беннет упомянула вчера, а Уильям Мартин хотел бы сровнять с землей. Коттедж, который стал свидетелем «дурных» вещей, что бы старик ни имел в виду. Нелл прислонилась к воротам. С виду дом не слишком ужасен. Сад разросся, наступающие сумерки проникли во все щели и улеглись спать в темных прохладных углах. Узкая тропинка вела к дому, сворачивала налево у входной двери и петляла по саду. У дальней стены стояла одинокая статуя, покрытая зелеными пятнами лишайника: маленький голый мальчик посреди клумбы, большие глаза его навеки обращены к дому.

Нет, не клумбы — мальчик стоял в рыбном пруду.

Нелл исправилась быстро и уверенно и так удивилась этому, что крепче вцепилась в запертые ворота. Откуда ей знать?

И тогда сад перед ее глазами преобразился. Сорняки и колючки, росшие десятилетиями, поникли. Листья взлетели с земли, открыв дорожки, клумбы и скамейку. Свет вновь наполнил сад, рассыпаясь пятнами по воде. Нелл оказалась в двух местах одновременно:

шестидесятипятилетняя старая женщина с больным коленом, которая цеплялась за ржавые ворота, и маленькая девочка с длинной косой, которая сидела на кочке мягкой, прохладной травы и болтала пальчиками ног в пруду...

Пухлая рыбка снова выпрыгнула на поверхность, сверкнуло ее золотистое брюшко, и девочка засмеялась, когда рыбка разинула рот и ущипнула ее за большой палец. Она любила пруд и хотела завести такой же дома, но мама боялась, что дочь упадет в него и утонет. Мама часто боялась, особенно когда дело касалось девочки. Если бы мама знала, где они были сегодня, она ужасно разозлилась бы. Но мама не знала, у нее опять был плохой день, она лежала в будуаре с влажной фланелью на лбу.

Услышав шум, девочка подняла глаза. Госпожа и папа вышли из дома. Они мгновение постояли, папа что-то сказал госпоже, но девочка не расслышала, он коснулся ее руки, затем госпожа медленно пошла вперед. Она странно смотрела на девочку, чем-то напоминая каменную фигурку которая целыми днями стояла в пруду и даже не моргала. Госпожа улыбнулась своей волшебной улыбкой. Девочка вытащила ноги из воды, ожидая, что скажет госпожа...

Грач пролетел над самой головой, и прошлое сгнуло. Выросли колючки и плющ, осыпались листья, и сад вновь стал влажным, сырым ущельем во власти темноты. Статуя мальчика позеленела от времени.

Нелл ощутила боль в костяшках пальцев. Она ослабила хватку и проследила за грачом, широкие крылья которого взбивали воздух, пока он поднимался к вершинам деревьев Чёренгорба. На западе клочок облака пропускал солнце, горя розовым светом в темнеющем небе.

Нелл изумленно смотрела на сад коттеджа. Девочка исчезла. Исчезла ли?

Нелл воткнула палку в землю и пошла обратно в деревню. Своеобразное ощущение двойственности происходящего, не сказать, что неприятное, сопровождало ее всю дорогу.

Глава 28

Чёренгорб-мэнор, Корнуолл, 1900 год

На следующее утро бледный зимний свет подернул рябью окна детской. Роза разгладила кончики длинных темных волос. Миссис Хопкинс расчесывала их, пока они не заблестели, точно так, как Роза любила, и теперь они прелестно смотрелись на кружеве ее самого лучшего платья, того, которое мама прислала из Парижа. Роза чувствовала себя усталой и немного нервничала, впрочем, не более чем обычно. Маленькие девочки со слабым здоровьем не могут быть все время счастливы, и Роза не собиралась идти против природы. По правде говоря, ей даже нравилось, когда все ходили вокруг нее на цыпочках: она ощущала себя чуть менее несчастной, если и другим приходилось сдерживаться. Кроме того, в тот день у Розы была веская причина для усталости. Она пролежала всю ночь без сна, ворочалась и металась, как принцесса на горошине, вот только не горох в матрасе заставлял ее бодрствовать, а поразительные мамины новости.

Когда мама покинула спальню, Роза погрузилась в мысли об истинной природе пятна на репутации ее семьи и о том, какая именно драма разыгралась после побега ее тети Джорджианы из дома. Всю ночь она размышляла о своей порочной тете, мысли эти не испарились и с рассветом. За завтраком и позже, когда миссис Хопкинс одевала ее, и даже потом, в детской, Роза напряженно думала. Она смотрела, как огонь мерцает на фоне бледных кирпичей камина и гадала, похожи ли тусклые оранжевые тени на врата ада, через которые ее тетя, несомненно, прошла. В это время в коридоре внезапно раздались шаги.

Роза чуть подпрыгнула в кресле, разгладила одеяло из шерсти ягненка на коленях и быстро придала лицу выражение безмятежного совершенства, которому научилась у матери. Легкая дрожь пробежала по позвоночнику. Ах, какая важная задача! Появление протеже. Ее личной заблудшей

сиротки, которую необходимо переделать на свой лад. У Розы никогда еще не было подруги, ей даже животное не позволяли завести (мама панически боялась случаев бешенства). Несмотря на мамины слова об осторожности, Роза вынашивала великие надежды касательно своей кузины. Та превратится в даму, станет компаньонкой Розы, будет вытирать ей лоб, когда она заболеет, гладить ее по руке, когда она будет капризничать, расчесывать ее волосы, когда ей станет скучно. Кузина будет так благодарна за наставления Розы, так счастлива, что та позволила перенять ее образ жизни! Кузина будет полностью повиноваться Розе, станет идеальной подругой — из тех, кто никогда не спорит, никогда не утомляет и даже никогда не высказывает неприятное мнение.

Дверь отворилась, огонь недовольно зашипел, и в комнату ворвалась мама, шелестя голубыми юбками. Сегодня в манерах матери чувствовалось оживление, которое подогрело интерес Розы. Нечто в линиях подбородка леди Мунтраше говорило, что дурные предчувствия насчет проекта лишь возросли и стали более разнообразны по сравнению с теми, о которых она накануне поведала дочери.

— Доброе утро, Роза, — довольно резко сказала она.

— Доброе утро, мама.

— Позволь представить твою кузину, — почти незаметная пауза, — Элизу.

Затем, откуда-то из-за маминых юбок, был выпихнут тощий паренек, которого Роза видела в окне днем раньше.

Роза, против воли, немного подалась назад, в надежные объятия кресла. Ее взгляд скользнул сверху вниз, оценивая короткие лохматые волосы, кошмарный наряд (бриджи!), выпирающие коленки и протертые ботинки. Кузина ничего не сказала, даже «Как поживаете?», а лишь уставилась на Розу широко распахнутыми глазами, что та нашла исключительно грубым.

Мама была права. Эта девочка (нельзя же ждать, что она будет думать о ней как о кузине!) лишена даже самых примитивных понятий о манерах.

К Розе вновь вернулось изменившее ей хладнокровие.

— Приятно познакомиться. — Ее голос был немного слабым, но кивок мамы уверил, что она на правильном пути.

Роза подождала ответного приветствия, но тщетно. Она взглянула на маму, которая дала понять, что надо продолжать, несмотря ни на что.

— Скажи, пожалуйста, кузина Элиза, — попробовала она еще раз, — тебе нравится здесь, с нами?

Элиза сначала моргнула, глядя на нее, точно забавное экзотическое

животное в лондонском зоопарке, затем кивнула.

Послышались шаги в коридоре, и Розе была дарована короткая передышка в непростой задаче — придумать еще несколько любезных фраз, чтобы поддержать беседу со странной молчаливой кузиной.

— Простите, что прерываю вас, миледи, — сказала в дверях миссис Хопкинс, — но доктор Мэтьюс сидит внизу, в утреннем салоне. Он говорит, что принес новую настойку, о которой вы просили.

— Пусть он ее оставит, миссис Хопкинс. Сейчас я должна уделить внимание другим делам.

— Конечно, миледи, так я доктору Мэтьюсу и сказала, но он решительно настаивает, что должен передать ее лично.

Ресницы Аделины чуть заметно затрепетали, так легко, что только тот, кто посвятил бы жизнь наблюдению за её настроением, смог бы что-то уловить.

— Благодарю, миссис Хопкинс, — решительно сказала она. — Сообщите доктору Мэтьюсу, что я немедленно спущусь.

Когда миссис Хопкинс удалилась по коридору, леди Мунтраше повернулась к Элизе и четким властным голосом произнесла:

— Ты будешь тихо сидеть на коврике и внимательно слушать указания Розы. Не шевелись, не разговаривай, ничего не трогай.

— Но, мама...

Роза не ожидала, что останется наедине с кузиной так скоро.

— Возможно, ты начнешь уроки и дашь кухне наставления по поводу того, как следует правильно одеваться?

— Да, мама.

Поток голубых юбок схлынул, дверь захлопнулась, и огонь в камине перестал шипеть. Роза встретила глазами с кузиной. Они остались одни, пора начинать работать.

— Положи на место. Немедленно положи на место.

Все шло совсем не так, как представляла Роза. Девочка не слушала, не соглашалась, не подчинялась, даже когда Роза прибегла к угрозе и пугала маминым гневом. Целых пять минут Элиза бродила по детской, брала вещи, изучала их, клала обратно и, несомненно, оставляла на всем липкие отпечатки. Потом она начала трясти калейдоскоп, который одна из двоюродных бабушек преподнесла Розе в подарок на первый день рождения.

— Он очень дорогой, — кисло сказала Роза. — Я настаиваю, чтобы ты его положила. Ты даже не умеешь им пользоваться.

Роза слишком поздно поняла, что не следовало это говорить. Кузина направилась к ней, протягивая калейдоскоп. Она подошла так близко, что Роза разглядела грязь у нее под ногтями, ужасную грязь, от которой, по словам мамы, просто невозможно не заболеть.

Роза перепугалась. Она вжалась в кресло, голова у нее закружилась.

— Нет, — сумела выдать она, — фу! Уходи!

Элиза остановилась у подлокотника и явно вознамерилась взгромоздиться прямо на бархат.

— Уходи, я сказала! — Роза замахала бледной слабой рукой. Она что, не понимает аристократического выговора? — Ты не должна сидеть рядом со мной.

— Почему?

Итак, она умеет говорить.

— Ты была на улице. Ты грязная. Я могу что-нибудь подхватить. — Роза рухнула обратно на подушку. — У меня ужасно кружится голова, и ты в этом виновата.

— Я не виновата, — спокойно возразила Элиза без единой просительной нотки в голосе. — У меня тоже голова кружится. Это потому, что в комнате жарко, как в печке.

У нее тоже кружится голова? Роза лишилась дара речи. Головокружение было ее личным оружием. Но что это делает кузина? Зачем она идет к окну? Роза наблюдала, широко распахнув глаза от страха. Не может быть, чтобы она собралась...

— Я только распахну окно. — Элиза открыла первую задвижку. — Тогда нам станет легче.

— Нет. — Розу охватил панический страх. — Нет!

— Тебе будет намного лучше.

— Но сейчас зима. Снаружи темно и пасмурно. Я могу подхватить простуду.

Элиза пожала плечами.

— А можешь и не подхватить.

Роза была столь шокирована наглостью девчонки, что негодование возобладало над страхом. Она изобразила голос матери.

— Я требую, чтобы ты прекратила.

Элиза сморщила нос, но, похоже, смирилась. Роза затаила дыхание, и кузина убрала руки с задвижки. Затем она снова пожала плечами, на этот раз жест показался Розе менее наглым. Когда Элиза побрела обратно в середину комнаты, Роза с удовольствием отметила, что плечи кузины уныло поникли. Наконец девочка остановилась посередине ковра и

показала на цилиндр у Розы на коленях.

— Можешь показать мне, как он работает? Телескоп? Я ничего через него не вижу.

Роза выдохнула с усталостью и облегчением, это странное создание все больше смущало ее. Подумать только, вновь обратить внимание на глупую безделушку, ни больше ни меньше! И все же Элиза повиновалась, а это, несомненно, заслуживает небольшого поощрения...

— Во-первых, — надменно сказала Роза, — это не телескоп. Это калейдоскоп. Через него не смотрят. Смотрят в него и видят, что узор меняется.

Она подняла калейдоскоп и продемонстрировала описанное действие, после чего положила игрушку на пол и подтолкнула к кухне.

Элиза подобрала цилиндр и приставила к глазу, повернув конец. Когда кусочки цветного стекла, дребезжа, начали пересыпаться в разные стороны, рот девочки расплылся в широкой улыбке и становился все шире, пока девочка не засмеялась.

Роза удивленно заморгала. До сих пор она нечасто слышала смех, лишь изредка от слуг, когда те считали, что ее нет поблизости. Звук был чудесен. Счастливый, легкий, девичий звук, совсем не подходящий для странного вида кухни.

— Почему ты носишь эту одежду? — спросила Роза.

Кухина продолжила вглядываться в калейдоскоп.

— Потому что она моя, — наконец сказала Элиза. — Она принадлежит мне.

— Твоя одежда выглядит так, как будто принадлежит мальчику.

— Когда-то так и было. Сейчас она моя.

Как интересно. Каждая минута приносила все больше неожиданностей.

— Какому мальчику?

Ответа не последовало, лишь дребезжание калейдоскопа.

— Я спросила, какому мальчику? — произнесла Роза чуть громче.

Элиза медленно опустила игрушку.

— Да будет тебе известно, игнорировать людей — крайне дурной тон.

— Я тебя не игнорирую, — возразила Элиза.

— Так почему не отвечаешь?

Элиза снова пожала плечами.

— Поднимать плечи подобным образом — грубо. Когда кто-то с тобой говорит, необходимо отвечать. А теперь скажи мне, почему ты игнорировала мой вопрос?

Элиза подняла глаза и посмотрела на Розу. Что-то изменилось в лице Элизы, в ее глазах словно замерцал огонек, которого прежде не было.

— Я не говорила, потому что не хотела, чтобы она знала, где я была.

— Кто — она?

Медленно, осторожно Элиза подошла ближе.

— Другая кухня.

— Какая еще другая кухня? — Девчонка говорит какую-то бессмыслицу. Розе начинало казаться, что та попросту глуповата. — Я не знаю, о чем ты говоришь, — сказала она. — Никакой другой кухни нет.

— Это секрет. Ее держат взаперти наверху.

— Ты выдумываешь. Зачем кому-то держать ее в секрете?

— Меня-то они держали в секрете!

— Они не запирали тебя наверху.

— Это потому, что я не опасна.

Элиза на цыпочках прокралась к двери детской, слегка приоткрыла ее, выглянула наружу и тяжело вздохнула.

— Что? — испугалась Роза.

— Шшш! — Элиза прижала палец к губам. — Нельзя чтобы она знала, что мы здесь.

Роза широко открыла глаза.

— Почему?

Элиза на цыпочках вернулась к креслу. В сумерках мерцающий огонь камина бросал на ее лицо жутковатые отблески.

— Наша другая кухня, — сообщила она, — сумасшедшая.

— Сумасшедшая?

— Абсолютно. — Элиза понизила голос, и Розе пришлось наклониться поближе, чтобы расслышать. — Она была заперта на чердаке с самого детства, но кто-то выпустил ее.

— Кто?

— Один из призраков. Призрак старой женщины, очень толстой старой женщины.

— Бабушка, — прошептала Роза.

— Шшш! — воскликнула Элиза. — Слушай! Шаги...

Роза чувствовала, как ее бедное слабое сердце колотится в груди, точно птичка. Элиза вскочила на подлокотник Розино кресла.

— Она идет!

Дверь отворилась, и Роза завизжала. Элиза усмехнулась, а леди Мунтраше задохнулась от возмущения.

— Что ты там делаешь, гадкая девчонка? — прошипела она, быстро

переводя взгляд с Элизы на Розу и обратно. Юные дамы не сидят верхом на мебели. Тебе же велели не двигаться. — Она громко дышала. — Ты не пострадала, Розочка?

Роза покачала головой.

— Нет, мама.

Краткое мгновение леди Мунтраше казалась непривычно растерянной, Роза даже почти испугалась, что она заплачет. Затем Аделина схватила Элизу под локоть и повела к двери.

— Испорченная девчонка! Сегодня останешься без ужина. — Знакомая стала вернулась в ее голос. — И впредь тоже будешь оставаться без ужина. До тех пор, пока не научишься поступать, как тебе говорят. Я — хозяйка этого дома, и ты будешь мне повиноваться...

Дверь закрылась, и Роза снова осталась одна, погруженная в раздумья о любопытном повороте событий. Она вспоминала волнение, вызванное рассказом Элизы, необычный приятный страх, пробежавший по спине, ужасный и чудесный призрак сумасшедшей другой кузины. Но более всего Розу заинтриговала трещина в обычно нерушимом самообладании матери. В тот миг прочные границы мира Розы треснули.

Все стало не так, как прежде. И оттого в висках у Розы колотилась неожиданная, необъяснимая, неподдельная радость.

Глава 29

Отель «Чёренгорб», Корнуолл, 2005 год

Цвета здесь были другими. Кассандра прежде не понимала, насколько резким является австралийское сияние, пока не познакомилась с деликатным корнуоллским светом. Она задумалась, как воспроизвела бы его на палитре, — и поразилась, что подобная мысль вообще пришла ей в голову. Кассандра откусила кусочек гренки с маслом. Она рассеянно жевала, глядя на ряд деревьев вдоль утеса. Закрыв один глаз, Кассандра подняла указательный палец, чтобы провести по их макушкам.

Вдруг чья-то тень упала на стол, и над ухом раздался голос:

— Кассандра? Кассандра Райан? — Подле стола стояла стройная женщина, с виду слегка за пятьдесят, пепельная блондинка, на ее веках переливались все цвета из коробочки с тенями. — Я — Джулия Беннет, владелица отеля «Чёренгорб».

Кассандра вытерла жирные пальцы о салфетку и пожала женщине руку.

— Приятно познакомиться.

Джулия указала на свободный стул.

— Не возражаете?

— Конечно нет, прошу вас.

Женщина села. Кассандра неуверенно ждала, гадая, не часть ли это индивидуального сервиса, которым угрожали в проспекте.

— Надеюсь, вам нравится у нас.

— Место чудесное.

Джулия посмотрела на девушку и улыбнулась, отчего на ее щеках заиграли ямочки.

— Знаете, вы очень похожи на бабушку. Но вам, наверное, все время об этом говорят.

Кассандра продолжала вежливо улыбаться, но в ее голове мигом

вспорхнула стайка вопросов. Откуда незнакомка знает, кто она? Откуда она знает Нелл? Как ей удалось их связать?

Джулия засмеялась и заговорщически наклонилась к ней.

— Маленькая птичка напела мне, что девушка из Австралии, которая унаследовала коттедж, приехала в город. Тредженна — маленькая деревушка, не успеешь чихнуть на утесе Шарпстоун, как ребята в гавани уже обо всем знают.

Кассандра поняла, о какой птичке речь.

— Робин Джеймсон.

— Она вчера была здесь, пыталась завербовать меня в свой комитет предстоящего фестиваля, — пояснила Джулия. — Не удержалась и разболтала местные новости. Я сложила два и два и вспомнила даму, которая заглянула ко мне лет тридцать назад и просто спасла, избавив от коттеджа. Меня всегда интересовало, когда вернется ваша бабушка, я некоторое время наблюдала за ней. Она мне нравилась. Она всегда шла напрямик, верно?

Описание было столь точным, что Кассандра невольно задумалась, какими словами или поступками Нелл его заслужила.

— Знаете, когда я впервые встретила вашу бабушку, она висела на довольно пышной лозе глицинии рядом с передним въездом.

— Правда? — Кассандра широко распахнула глаза.

— Она взобралась на переднюю стену и никак не могла слезть. Ей повезло, что я тогда поссорилась со своим мужем Дэниелом, в девяносто седьмой раз за день, и расхаживала по поместью, пытаясь успокоиться. Страшно подумать сколько бы времени она могла там провисеть.

— Она пыталась увидеть дом?

Джулия кивнула.

— Сказала, что она торговец антиквариатом, интересуется предметами Викторианской эпохи, и спросила, нельзя ли заглянуть внутрь.

Кассандру окатила горячая волна любви к Нелл, когда она представила, как та взбирается на стену и говорит полуправду, заранее не желая мириться с отказом.

— Я ответила, что с удовольствием покажу дом, как только она закончит раскачиваться на моих лозах! — Джулия засмеялась. — Дом был довольно в плохом состоянии, им совершенно пренебрегали уже не один десяток лет. Мы с Дэном начали с того, что все разобрали, так что дом стал выглядеть еще хуже, но ей, похоже, было все равно. Она бродила по коридорам и заглядывала в каждую комнату, словно пытаясь запечатлеть их в памяти.

Или извлечь их оттуда. Кассандра не знала, как Нелл объяснила Джулии причину своего интереса.

— Поместье вы ей тоже показали?

— Нет, но будьте уверены, я о нем упомянула. А потом скрестила пальцы и все остальное, что сумела скрестить. — Она засмеялась. — Мы так нуждались в покупателе! Мы были на грани разорения, как будто вырыли под домом яму и скинули в нее все до последнего фунта. Видите ли, коттедж уже давно был выставлен на продажу. Мы дважды почти продали его лондонцам, которые искали дом для отдыха, но обе сделки сорвались. Везло как утопленникам. Мы снизили цену, хотя местные не купили бы его даже за гроши. Виды на миллион долларов — и ни одного охотника из-за старых глупых слухов.

— Робин мне рассказала.

— Насколько я понимаю, если в вашем корнуоллском доме не появляются призраки, с ним что-то не так, — беззаботно заметила Джулия. — У нас в гостинице есть собственное привидение. Но вы уже в курсе, я слышала, вы повстречались с ним прошлой ночью?

Должно быть, недоумение Кассандры отразилось у нее на лице, поскольку Джулия продолжила:

— Саманта, девушка за стойкой, сказала, что вы сообщили о ключе в двери.

— Ах да, — сообразила Кассандра. — Я думала, это другой гость, но это, видимо, был ветер. Я не хотела никого...

— Все в порядке, это наше привидение. — Джулия засмеялась над озадаченным видом Кассандры. — О нет, не беспокойтесь, оно не причинит вам вреда. Оно не какое-нибудь там недружелюбное привидение. Недружелюбного привидения я бы у себя не потерпела.

Кассандре показалось, что Джулия подшучивает над ней. Хотя после приезда в Корнуолл на ее долю выпало больше разговоров о привидениях, чем с тех пор, как ей исполнилось двенадцать лет и она отправилась на свою первую вечеринку с ночевкой.

— Думаю, каждому старому дому нужно хоть одно привидение, — рискнула предположить она.

— Именно, — согласилась Джулия. — Люди этого ждут. Мне пришлось бы его изобрести, если бы его уже не было. В исторической гостинице вроде нашей, местное привидение так же важно для гостей, как и чистые полотенца. — Она наклонилась. — У нашего привидения даже имя есть: Роза Мунтраше. Она жила здесь с родителями в начале двадцатого века. И даже раньше, если учесть, что корни семьи уходят на

сотни лет назад. Ее портрет висит рядом с книжной полкой в фойе: молодая женщина с бледной кожей и темными волосами. Вы его видели?

Кассандра покачала головой.

— Непременно взгляните, — настаивала Джулия. — Джон Сингер Сарджент^[26] написал его через несколько лет после «Сестер Уиндхем». Наша Роза была такой красавицей и прожила такую трагическую жизнь! Хрупкое дитя, которое побороло болезнь лишь для того, чтобы погибнуть в двадцать четыре года в ужасной катастрофе. — Она задумчиво вздохнула. — Вы закончили завтракать? Пойдемте, я покажу вам картину.

В восемнадцать лет Роза Мунтраше была, несомненно красива: белая кожа, облако черных волос, убранных в свободно заплетенную косу, пышная грудь, столь модная в ту эпоху. Сарджент был известен способностью разглядеть и передать душу своих моделей, так что взгляд Розы проникал в самое сердце. Изгиб алых губ был безмятежен, но глаза оставались внимательными, сосредоточенными на художнике. Подобная серьезность соответствовала представлениям Кассандры о девушке, которая все детство провела в плену у слабого здоровья.

Кассандра наклонилась ближе. Композиция портрета была интересной. Роза сидела на диване с книгой на коленях. Диван стоял под углом к раме, так что Роза была развернута правым боком, за ней располагалась стена с зелеными обоями, почти лишенная деталей. Стена была написана так, что возникало ощущение бледности и воздушности, более импрессионистской, чем реализм, которым прославился Сарджент. Не то чтобы он вовсе не пользовался подобными техниками, но эта работа казалась легче других картин художника, была выписана не так тщательно.

— Она была красоткой, — донесся голос Джулии от стойки администратора.

Кассандра рассеянно кивнула. На полотне стояла дата: тысяча девятьсот шестой, незадолго до того, как художник покончил с портретами. Возможно, он уже тогда устал писать лица богачей?

— Смотрю, она успела вас околдовать. Теперь вы знаете, почему мне так хотелось зачислить ее в наши привидения. — Джулия засмеялась, но Кассандра не поддержала ее смех. — С вами все в порядке? Вы выглядите немного бледной. Стакан воды?

Кассандра покачала головой.

— Нет-нет, все хорошо, спасибо. Просто картина... — Она сжала губы, но слова все же прорвались. — Роза Мунтраше была моей прабабушкой.

Джулия вздернула брови.

— Я узнала совсем недавно, — смущенно улыбнулась Кассандра. Хотя сказанное и было правдой, она казалась себе актрисой из плохой мыльной оперы. — Простите. Я впервые увидела ее портрет. Все внезапно стало таким реальным.

— Ах, золотце, — сказала Джулия. — Ужасно не хочется вас разочаровывать, но, боюсь, вы ошибаетесь. Роза не может быть вашей прабабушкой, она не может быть ничьей прабабушкой. Ее единственное дитя умерло в самом нежном возрасте.

— От скарлатины.

— Бедный херувимчик, ей было всего четыре годика... — Джулия покосилась на Кассандру. — Вы знаете о скарлатине, и, стало быть, знаете, что дочь Розы умерла.

— Я знаю, что так принято считать, и я также знаю, что на самом деле этого не произошло. Это невозможно.

— Я видела надгробие на кладбище поместья, — мягко возразила Джулия. — Прелестные стихи, ужасно печальные. Могу показать, если хотите.

Кассандра ощутила, что ее щеки пылают, как было всякий раз, когда она вступала в спор.

— Возможно, надгробие существует, но маленькой девочки под ним нет. По крайней мере, Айвори Мунтраше.

Выражение лица Джулии балансировало между интересом и беспокойством.

— Продолжайте.

— Когда моей бабушке исполнился двадцать один год, она узнала, что ее родители — не родные.

— Ее удочерили?

— В некотором роде. Бабушку нашли на пристани в Австралии, когда ей было четыре года, при ней не оказалось ничего, кроме детского чемоданчика. Только когда ей исполнилось шестьдесят пять, отец отдал ей чемодан и она смогла начать поиски сведений о своем прошлом. Бабушка поехала в Англию. Здесь она говорила с людьми, искала и все это время вела дневник.

Джулия понимающе улыбнулась.

— Который теперь у вас.

— Именно. Вот откуда мне известно то, что узнала бабушка: дочь Розы не умерла.

Голубые глаза Джулии изучали лицо Кассандры. Внезапно щеки ее

вспыхнули.

— Но если девочку похитили, почему ее не искали? Разве это не попало бы во все газеты? Как с мальчиком Линдбергов?^[27]

— Нет, если семья хранила все в тайне.

— Но почему? Несомненно, они захотели бы, чтобы общественность узнала?

Кассандра покачала головой.

— Нет, поскольку стремились избежать скандала. Женщина, которая забрала девочку, была подопечной лорда и леди Мунтраше, кузиной Розы.

Джулия открыла рот от изумления.

— Элиза украла дочь Розы?

Настала очередь Кассандры удивляться.

— Вы знаете об Элизе?

— Конечно, она хорошо известна в наших краях. — Джулия сглотнула. — Позвольте мне уточнить: вы считаете, что Элиза увезла дочь Розы в Австралию?

— Посадила ее на корабль в Австралию, но сама не поехала. Элиза пропала где-то между Лондоном и Мэриборо. Когда мой прадедушка нашел Нелл, она сидела на пристани совсем одна. Вот почему он забрал ее домой. Он не мог оставить маленького ребенка на произвол судьбы.

Джулия прищелкнула языком.

— Надо же, так бросить маленькую девочку! Бедная ваша бабушка, как ужасно не знать собственных корней! Эта история вполне объясняет ее страстное желание приехать сюда.

— Вот почему Нелл купила коттедж, — подтвердила Кассандра. — Как только она узнала, кто она, она захотела получить кусочек собственного прошлого.

— Конечно. — Джулия подняла руки, затем опустила их. — Эта часть вполне разумна. Но насчет остального я не знаю.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, даже если вы сказали правду, если дочь Розы выжила, была похищена, очутилась в Австралии, я просто не могу поверить, что Элиза в этом участвовала. Роза и Элиза были очень близки. Скорее родные сестры, чем кузины, лучшие подруги. — Она умолкла, словно заново складывая паззл, затем решительно выдохнула. — Нет, не могу поверить, что Элиза была способна на подобное предательство.

Вера Джулии в невиновность Элизы была далека от беспристрастного взгляда стороннего наблюдателя, обсуждающего историческую гипотезу.

— Отчего вы так уверены?

Джулия указала на пару плетеных стульев, стоящих у окна с видом на залив.

— Пойдемте посидим немного. Я попрошу Саманту приготовить чаю.

Кассандра взглянула на часы. Приближалась встреча с садовником, но ее заинтриговала убежденность Джулии, то, как она говорила об Элизе и Розе, словно девушки были ее близкими подругами. Кассандра села на предложенный стул. Джулия одними губами произнесла слово «чай» в сторону сидящей за стеклом Саманты.

Та исчезла, и Джулия продолжила:

— Когда мы купили Чёренгорб, здесь творилось черт знает что. Мы всегда мечтали управлять подобным заведением, но реальность оказалась хуже ночного кошмара. Вы не представляете, сколько неисправностей может быть в доме такого размера. Нам понадобилось три года, чтобы хоть немного изменить положение. Мы упорно работали, чуть не разрушив при этом свой брак. Ничто так не отвращает друг от друга, как бесконечные прорехи в крыше.

Кассандра улыбнулась.

— Могу представить.

— На самом деле все печально, ведь та семья очень долго жила в доме и любила его, а в двадцатом веке, особенно после Первой мировой, его практически забросили. Двери в комнаты были заколочены досками, камины замурованы, не говоря уже о разрушениях, которые произвела армия, стоявшая здесь в сороковых. Мы вбухали в дом все до последнего пенни. В шестидесятых я была писательницей, автором серии любовных романов. Не Джеки Коллинз, конечно, но справлялась неплохо. Муж занимался банковским делом, и мы не сомневались, что нам хватит денег, чтобы возродить поместье и управлять им. — Джулия засмеялась. — Мы переоценили свои силы, изрядно переоценили. К третьему Рождеству денег практически не осталось, а взамен — ничего, кроме брака на грани катастрофы. Мы уже продали большую часть мелких кусков поместья и к сочельнику тысяча девятьсот семьдесят четвертого готовы были сдаться и сбежать в Лондон, поджав хвосты.

Вошла Саманта, водрузила тяжело нагруженный поднос на стол, немного помедлила и потянулась к ручке чайника.

— Я сама налью, Сэм, — остановила ее Джулия. — Я не королева. Пока. — Хохотнув, она подмигнула Кассандре. — Сахару?

— Да, спасибо.

Джулия протянула наспех приготовленный чай Кассандре, отпила из своей чашки и продолжила:

— В тот сочельник было ужас как холодно. С океана пришел шторм и здорово потрепал мыс. Дом остался без электричества, индейка тухла в теплом холодильнике, и мы напрочь забыли, куда засунули новую партию свечей. Мы как раз искали их в одной из верхних комнат, когда вспышка молнии высветила стену. — Она прикусила губу в предвкушении кульминации своего рассказа. — В стене зияла дыра.

— Мышиная нора?

— Нет, квадратная дыра.

Кассандра с сомнением нахмурилась.

— Небольшая полость в камне, — пояснила Джулия. — Вроде той, о которой я мечтала ребенком, когда брат находил мои дневники. Она была скрыта за гобеленом, который маляр снял недель раньше. — Джулия сделала большой глоток, прежде чем продолжить. — Я знаю, это звучит глупо, но находка словно заговорила нас на удачу. Словно сам дом сказал: «Ладно, вы уже достаточно долго стучали и звенели. Вы доказали, что ваши намерения искренни, можете остаться». Говорю вам, с той ночи все стало проще, чаще шло как положено, а не наоборот. Во-первых, появилась ваша бабушка и вознамерилась купить Клифф-коттедж, во-вторых, парень по имени Бобби Блейк начал возрождать сад, в-третьих, транспортные компании стали привозить на чай автобусы с туристами.

Она улыбнулась воспоминаниям, и Кассандра испытала неловкость, перебивая ее.

— Но что вы нашли? Что лежало в тайнике?

Джулия моргала, глядя на нее.

— Что-то принадлежавшее Розе? — предположила Кассандра.

— Да. — Джулия подавила возбужденную улыбку, — именно. Перевязанные лентой альбомы для вырезок. По альбому на год, с тысяча девятисотого по тысяча девятьсот тринадцатый.

— Альбомы для вырезок?

— Тогда юные дамы часто вели подобные альбомы. Это хобби было полностью одобрено обществом — одно из немногих! Форма самовыражения, которая была позволена девушке без опасения, что та вручит свою душу дьяволу. — Джулия с нежностью улыбнулась. — Конечно, альбомы Розы ничем не отличались от других, тех, что лежат в музеях или на чердаках по всей стране. Их страницы заполнены кусочками тканей, набросками, картинками, приглашениями, короткими рассказами. Но когда я нашла именно эти, то так сроднилась с молодой женщиной, жившей почти сто лет назад, с ее надеждами, мечтами и разочарованиями, что с тех пор питаю к ней слабость. Я считаю ее ангелом, который

присматривает за нами.

— Ее альбомы еще здесь?

Джулия виновато кивнула.

— Я знаю, что должна пожертвовать их музею или одному из местных исторических обществ, но я довольно суеверна и не в силах с ними расстаться. Сначала я разместила их в комнате для отдыха, в одном из стеклянных шкафов, но всякий раз, когда смотрела на них, меня охватывал стыд, словно я взяла что-то личное и выставила на публичное обозрение. Теперь я храню их в коробке у себя в комнате, за не имением более подходящего места.

— Мне бы очень хотелось посмотреть на них.

— Ну конечно, дорогая. Я их вам покажу. — Джулия ослепительно улыбнулась Кассандре. — В ближайшие полчаса я должна поселить группу, а остаток недели мы с Робин посвятим подготовке к фестивалю. Как насчет того, чтобы поужинать в пятницу вечером у меня? Денни будет в Лондоне, так что мы устроим настоящий девичник. Посмотрим альбомы Розы и хорошенько всплакнем над ними. Как вам мое предложение?

— Прекрасно.

Кассандра неуверенно улыбнулась. Впервые в жизни ее пригласили поплакать.

Глава 30

Чёренгорб-мэнор, Корнуолл, 1906 год

Стараясь не менять позы на диване, чтобы не навлечь гнев портретиста, Роза опустила взгляд на последнюю страницу альбома для вырезок. Она работала над ним всю неделю, все те минуты, когда мистер Сарджент позволял отдохнуть от позирования. К странице был прикреплен лоскут бледно-розового атласа, из которого ей сшили платье на день рождения, и лента для волос. В самом низу своим лучшим почерком Роза приписала строки из поэмы лорда Теннисона: «Но с кем беседует она? Быть может, грезит у окна? Быть может, знает вся страна волшебницу Шалот?»^[28]

Как Роза походила на волшебницу Шалот, обреченную провести вечность в своей башне, вынужденную воспринимать мир через посредника! Разве она, Роза, не существовала как погребенная заживо?

С нее довольно. Роза приняла решение: она больше не потерпит зловещих предсказаний доктора Мэтьюса, непрестанной заботы матери. По-прежнему хрупкая, Роза узнала, что слабость порождает слабость, что голова всего сильнее кружится от дней, неподвижно проведенных взаперти. Она позволит себе открывать окна, если будет жарко. Возможно, она простудится, возможно, и нет. Она позволит себе жить, выйти замуж, завести детей. В свой восемнадцатый день рождения Роза решила взглянуть на Камелот. Более того, пройти через Камелот. После долгих лет уговоров мама наконец позволила Розе впервые сопроводить Элизу в бухту Чёренгорб.

Со времени своего приезда, в течение шести лет, Элиза приносила из бухты рассказы. Когда Роза лежала в теплой темной комнате и вдыхала затхлый воздух очередной болезни, Элиза врывалась в дверь, так что Роза почти чувствовала запах моря на ее коже. Кузина усаживалась рядом, клала ракушку, рассыпающуюся каракатицу или маленькую гальку в ее ладошку

и начинала свой рассказ. Роза мысленно видела синее море, чувствовала теплый бриз в волосах, горячий песок под ногами.

Некоторые истории Элиза придумывала, некоторые где-то слышала. У Мэри были братья-моряки, и Роза догадывалась, что горничная любит поболтать, вместо того чтобы работать. Не с Розой, конечно, но Элиза — другое дело. Все слуги обращались с Элизой иначе, совершенно неприлично, почти как если бы вообразили себя ее друзьями.

В какой-то момент Роза начала подозревать, что Элиза выбиралась за пределы поместья, может, даже разговаривала с одним-двумя деревенскими рыбаками, поскольку ее истории приобрели новое звучание. Они обогатились подробностями о кораблях и мореходстве, русалках и сокровищах, приключениях за морем и были рассказаны красочным языком, который Роза жадно впитывала в себя. Глаза рассказчицы горели искренностью, словно она сама испытала греховные вещи, о которых говорила.

В одном Роза была уверена: мама пришла бы в ярость, узнай она, что Элиза была в городе и общалась с простым деревенским человеком. Мама и так уже сердилась, что Элиза говорит со слугами, — одного этого хватало, чтобы Роза терпела дружбу Элизы и Мэри. Если бы мама спросила Элизу где та была, разумеется, кузина не стала бы лгать, и Роза не представляла, как поступила бы мать в ответ. За все эти годы леди Мунтраше так и не сумела придумать наказание, которое устрасило бы Элизу.

Угроза показаться вульгарной ничего не значила для Элизы. Ссылка в чулан под лестницей лишь даровала время и тишину для сочинения свежих историй. Лишение новых платьев — настоящее наказание для Розы — не вызывало ни вздоха, Элиза была более чем счастлива, когда донашивала одежду кузины. Словом, если дело доходило до наказаний, Элиза была подобна героине одной из собственных сказок, защищенной волшебными чарами.

Наблюдение за мамиными безуспешными попытками наказать Элизу доставляло Розе особое удовольствие. На каждую попытку кузина равнодушно моргала голубыми глазами, беспечно пожимала плечами и говорила лишь: «Да, тетя». Казалось, Элиза искренне не понимает, что ее поведение может оказаться проступком. Особенно леди Мунтраше раздражало, как Элиза пожимает плечами. Мама давным-давно избавила Розу от иллюзий по поводу превращения Элизы в достойную юную даму и вполне довольствовалась тем, что дочь сумела убедить кузину одеваться как следует. (Роза принимала мамину похвалу и заглушала тоненький голосок, который шептал, что Элиза выкинула потрепанные бриджи лишь

потому, что перестала в них влезать.) Леди Мунтраше говорила, что в Элизе что-то сломано, точно кусочек зеркала в телескопе, который мешает работать как следует. Так и Элиза не чувствует должного стыда. Разговоры Элизы о магии и феях подпитывали костер маминого гнева. «Безбожный ребенок, — говорила она. — Но разве можно было ждать иного с таким языческим детством?»

Словно прочитав мысли Розы, Элиза заерзала рядом с ней на диване. Они сидели неподвижно уже почти час, и тело Элизы гудело от нетерпения. Мистеру Сардженту постоянно приходилось напоминать ей, чтобы она не хмурилась и сохраняла позу, пока он наносит последние штрихи, Роза слышала, как художник днем ранее говорил маме, что уже закончил бы картину, если бы девица с огненными волосами не отказывалась позировать столько, сколько нужно, чтобы запечатлеть выражение ее лица.

Леди Мунтраше передернуло, когда он это сказал. Она бы предпочла, чтобы Роза позировала мистеру Сардженту одна, но Роза решительно воспротивилась. Элиза — ее кузина, ее единственная подруга, разумеется, она должна быть на портрете. Потом Роза немного покашляла, поглядывая на маму из-под ресниц, и вопрос был закрыт.

И хотя небольшая вредная часть Розы наслаждалась маминым неудовольствием, на участии Элизы она настаивала искренне. Прежде у Розы никогда не было подруги, не предоставлялось возможности, а если бы и предоставилась, то зачем друзья девочке, которой недолго осталось жить? Как и большинство детей, волей судьбы привычных к боли, Роза находила, что имеет мало общего с другими девочками ее возраста. Ей было неинтересно катать обручи или убирать кукольные домики и быстро становилось скучно, когда заводились утомительные беседы о любимом цвете, номере или песне.

Но кузина Элиза была не такой, как другие девочки. Роза поняла это с первой же встречи. Взгляд Элизы на мир был удивительным и свежим, она часто совершала абсолютно неожиданные поступки. Поступки, которые мама терпеть не могла.

Лучшим в Элизе, даже лучшим, чем ее способность злить маму, был дар рассказчицы. Она знала невероятно много чудесных сказок, подобных которым Роза никогда не слышала, страшных историй, от которых у Розы бегали мурашки по коже, а спина покрывалась испариной: о другой кухне, о лондонской реке, о злом плохом человеке со сверкающим ножом и, конечно, о черном корабле-призраке в бухте Чёренгорб. Хотя Роза и знала, что это очередная выдумка Элизы, она любила ее слушать. Призрачный корабль на горизонте — Элиза утверждала, что видела его и немало летних

дней провела в бухте, надеясь увидеть снова.

Лишь об одном Элиза никогда не рассказывала Розе: о своем брате Сэмми. Его имя лишь раз соскользнуло с ее языка, но она немедленно умолкла, когда Роза стала расспрашивать подробности. Мама сообщила Розе, что у Элизы когда-то был близнец, брат, слепленный из одного с ней теста, мальчик, который трагически погиб.

Одиноко лежа в кровати, Роза воображала его смерть, смерть маленького мальчика, утрата которого совершила невозможное: лишила рассказчицу Элизу слов. «Смерть Сэмми» сменила «Бегство Джорджианы» на посту любимой фантазии Розы. Она представляла, как он тонет, падает, чахнет, бедный мальчик, которому до нее принадлежала привязанность Элизы.

— Сидите тихо, — велел мистер Сарджент, указывая кистью в сторону Элизы. — Прекратите извиваться. Вы хуже, чем корги^[29] леди Асквит.

Роза моргнула и постаралась не изменить выражения лица, когда заметила, что отец находится в комнате. Он стоял за мольбертом мистера Сарджента и внимательно наблюдал, как работает художник. Нахмурясь, он наклонил голову, чтобы лучше видеть, как ложатся мазки. Роза была удивлена, она никогда не замечала за отцом интереса к искусству. Единственным известным ей предметом, к которому он питал нежность, была фотография, но даже ее он умудрился сделать скучной. Отец никогда не фотографировал людей, только жуков, растения и кирпичи. И все же он здесь, прикован к портрету дочери. Роза чуть выпрямилась.

Лишь дважды Розе выпала возможность наблюдать отца с близкого расстояния, и то в детстве. Первый раз — когда она проглотила наперсток и отца призвали сделать снимок для доктора Мэтьюса. Второй случай оказался не столь удачным.

Роза пряталась. Должен был прийти доктор Мэтьюс, а девятилетняя Роза решила, что не желает его видеть. Она нашла единственное место, где маме не пришло бы в голову ее искать: отцовскую темную комнату.

За большим столом имелось пустое пространство, и Роза взяла подушку, чтобы удобно устроиться. В целом у нее получилось, вот если бы еще в комнате не пахло так гадко, чем-то вроде чистящего средства, которое слуги использовали во время весенней уборки.

Она провела внутри уже около пятнадцати минут, когда дверь в кабинет открылась. Тонкий лучик света упал через крошечную дырочку в деревянном узелке, который украшал заднюю стенку стола. Роза затаила дыхание и прижалась глазом к дырочке, опасаясь, что мама и доктор Мэтьюс пришли за ней.

Но дверь держала не мама и не доктор, а отец, одетый в длинный черный дорожный плащ.

У Розы сжалось горло. Хотя ее никогда прямо не предупреждали, она знала, что не должна пересекать порог отцовской комнаты.

Отец мгновение постоял, вырисовываясь темным силуэтом на светлом фоне. Затем он вошел и бросил плащ на кресло, тут же возник Томас с бледным от огорчения лицом.

— Ваша светлость. — Томасу не хватало воздуха. — Мы не ждали вас до следующего...

— Мои планы изменились.

— Повариха готовит второй завтрак, милорд, — сообщил Томас, зажигая газовые лампы на стене. — Я накрою на двоих и скажу леди Мунтраше, что вы вернулись.

— Нет.

Внезапность приказа заставила Розу затаить дыхание.

Томас резко повернулся к отцу, и спичка в обтянутых перчатками пальцах погасла, пав жертвой внезапного холода.

— Нет, — повторил отец. — Путешествие было долгим, Томас. Мне нужно отдохнуть.

— Поднос, сэр?

— И графин хереса.

Томас кивнул и исчез за дверью, его шаги удалились по коридору.

Роза слышала стук. Она прижала ухо к столу, гадая, не тикает ли что-то в ящике, некий загадочный предмет, принадлежащий отцу. А потом поняла, что это ее собственное сердце в грудной клетке выстукивает предупреждение, рвется на волю.

Но спасения не было. Не было, пока отец сидел в кресле, загораживая дверь.

И потому Роза тоже продолжила сидеть, плотно прижав колени к вероломной груди, словно стук сердца мог выдать ее.

Она впервые оказалась наедине с отцом. Девочка заметила, как его присутствие наполняет комнату, отчего место, прежде безопасное, словно становится заряженным эмоциями и чувствами, не понятными Розе.

Она слышала приглушенные шаги по ковру, тяжелый вздох, от которого у нее волоски на руках встали дыбом.

— Где ты? — мягко произнес отец, затем повторил сквозь сжатые зубы: — Где ты?

Роза затаила дыхание и сжала губы. Он говорит с ней. Ее всезнающему отцу явилось откровение, что она прячется в неподобающем

месте?

Отцовский вздох — скорбь? любовь? усталость? — и «baigneur». Так мягко, так тихо, сломленное слово сломленного человека. Роза учила французский с мисс Трантон и знала, что означает «baigneur» — маленькая куколка, пупс.

— Baigneur, — повторил отец. — Где ты, моя Джорджиана?

Роза перевела дыхание. Хорошо, что он не обнаружил ее, но как жаль, что столь нежный голос произносит не ее имя.

Тогда, прижимая щеку к столу, Роза пообещала себе, что однажды кто-нибудь так произнесет и ее имя...

— Опустит руку! — разозлился мистер Сарджент. — Если будешь продолжать ею двигать, я нарисую тебя с тремя, и так тебя и запомнят на веки вечные.

Элиза тяжело вздохнула и сцепила руки за спиной.

У Розы глаза слезились от неподвижности, и она тоже вздохнула несколько раз. Отец уже вышел из комнаты, но его присутствие осталось, та печаль, которая всегда струилась за ним.

Роза позволила взгляду вновь опуститься на альбом. Ткань была прелестного розового оттенка, который, девушка знала это, прекрасно пойдет к ее темным волосам.

За годы болезни Роза всегда хотела лишь одного — вырасти. Вырваться за границы детства и жить, как говорила Милли Тиль,^[30] сколь угодно быстротечно и судорожно. Она отчаянно хотела влюбиться, выйти замуж, завести детей, покинуть Чёренгорб и начать свою собственную жизнь. Прочь из этого дома, прочь от этого дивана, на который мама упорно укладывала ее, даже когда она чувствовала себя достаточно хорошо. «Розин диван, — говорила мама. — Положите новое покрывало на Розин диван. Оно подчеркнет бледность ее кожи и заставит ее волосы сверкать еще ярче».

День ее спасения приближался, Роза знала это. В конце концов маме пришлось признать, что Роза способна пережить знакомство с поклонником. За последние несколько месяцев леди Мунтраше пригласила на обед немало подходящих молодых (и не очень) людей. Все они были глупцами — после каждого визита Элиза часами развлекала Розу комически изображая гостей. И все же Розе полезно было потренироваться, ради идеального джентльмена, который где-то ждет ее. Он должен быть совершенно не похож на отца, художник с артистическим видением прекрасного, ему не должно быть дела до кирпичей и жуков. Он открыт, его легко понять, в его глазах горят увлечения и мечты. И он должен

любить ее, только ее.

Рядом нетерпеливо запыхтела Элиза.

— Право слово, мистер Сарджент, — сказала она. — Я бы и то быстрее себя нарисовала.

Вдруг Роза осознала, что ее воображаемый муж похож на Элизу, и улыбка осветила ее безмятежное лицо. Джентльмен, которого она ищет, — мужское воплощение кузины.

Наконец тюремщик отпустил их на волю. Теннисон был прав: ржаветь в ножнах и не блеснуть при деле — донельзя скучно.^[31] Элиза поспешно сбросила нелепое платье, которое заставила надеть ее для портрета тетя Аделина. Роза носила его сезон назад — колющее кружево, липнувший атлас с оттенком красного, в котором Элиза чувствовала себя раздавленной клубничной. До чего бессмысленная трата времени! Все утро убить на сварливого старика, который намерен взять в плен их образы, чтобы те одиноко и неподвижно висели на какой-нибудь холодной стене.

Элиза встала на четвереньки и заглянула под кровать. Она приподняла за угол половицу, которую давно расшатала, засунула внутрь руку и достала историю «Подменыш». Элиза провела ладонью по черно-белой обложке, ощущая рябь собственного почерка под кончиками пальцев.

Это Дэвис предложил ей переносить истории на бумагу. Она помогала ему сажать новые розы, когда серо-белая птичка с полосатым хвостом села на соседний сук.

— Кукушка, — заметил Дэвис. — Зимует в Африке, но возвращается сюда весной.

— Жаль, я не птица, — сказала Элиза. — Тогда я просто подбежала бы к краю утеса и полетела. До самой Африки или Индии. Или Австралии.

— Австралии?

Австралия тогда царила в ее мыслях. Старший брат Мэри, Патрик, недавно эмигрировал со своей молодой семьей в место под названием Мэриборо, где несколько лет назад обосновалась его тетя Элеонора. Несмотря на это, Мэри нравилось думать, что на его выбор повлияло название места. Она охотно отвечала на расспросы об экзотической стране, плавающей в далеком океане на другом конце земного шара. Элиза нашла Австралию на карте в классной комнате — странный огромный континент с двумя ушами, острым и сломанным, в Южном океане.

— Я знаю парня, который уехал в Австралию, — сказал Дэвис, на минуту переставая работать. — Купил ферму в тысячу акров, да только ничего у него не растет.

Элиза закусила губу и ощутила волнение. Подобные масштабы совпадали с ее собственным представлением о континенте.

— Мэри говорит, там водятся огромные кролики. Они называются кенгуру. Лапы размером с ногу взрослого человека!

— Не знаю, что вам делать в подобном месте, мисс Элиза. в Африке с Индией тоже.

Элиза точно знала, что там делать.

— Я бы стала собирать истории. Древние истории, которые еще никто не слышал. Совсем как братья Гримм, я тебе о них говорила.

Дэвис нахмурился.

— Не понимаю, зачем вам быть похожей на пару мрачных старых немцев. Вы должны записывать свои собственные истории, а не те, что придумали другие.

Так и вышло. Для начала она сочинила историю для Розы, подарок ко дню рождения, волшебную сказку о принцессе, которую превратили в птицу. Это была первая история перенесенная на бумагу. Забавно было наблюдать, как мысли и идеи обретают форму. От этого ее кожа становилась непривычно чувствительной, странно обнаженной и уязвимой. Ветер стал прохладнее, а солнце жарче. Она не в силах была решить, нравится ей новое ощущение или нет.

Роза всегда любила истории Элизы, и Элиза не могла придумать подарка лучше, этот был идеален. Ведь за годы, прошедшие с тех пор, как Элизу выдернули из одинокой лондонской жизни и пересадили в громадный и загадочный Чёренгорб, Роза стала ее задушевной подругой. Она смеялась и томила вместе с Элизой и все больше заполняла то место, которое некогда принадлежало Сэмми, темную пустую дыру, что зияет в сердце человека, утратившего близнеца. В ответ Элиза была готова отдать или написать для Розы что угодно.

Элиза Мейкпис

ПОДМЕНЬШ

Давным-давно, когда во всем дышала магия, жила на свете королева, которая мечтала о ребенке. Она была печальной королевой, ведь король часто покидал ее, так что ей оставалось лишь размышлять о собственном одиночестве и гадать, отчего муж, которого она безмерно любит, так легко переносит столь долгие и частые расставания с ней.

Давным-давно король украл трон у его законной владелицы, королевы фей, и прекрасная мирная страна фей в мгновение ока превратилась в пустыню, где больше не цвела магия и не звенел смех. Короля это ужасно злило, и он решил наконец пленить королеву фей, чтобы силой заставить ее вернуться в королевство. Специально для этого изготовили золотую клетку, в которую король собирался заточить королеву фей и заставить ее колдовать ему в удовольствие.

Как-то зимним днем, когда король отлучился, королева сидела у открытого окна, глядя на землю, покрытую снегом. Она лила слезы, ведь уныние зимних месяцев обычно напоминало королеве о ее одиночестве. Взирая на бесплодную зимнюю равнину, она думала о собственной бесплодной утробе, по-прежнему пустой, несмотря на ее мечты.

— Ах, как бы мне хотелось иметь дитя! — воскликнула она. — Прелестную дочку с правдивым сердцем и глазами, в которых никогда не появятся слезы. Тогда я никогда не была бы одинока.

Прошла зима, и мир вокруг начал пробуждаться. Птицы вернулись в королевство и принялись вить гнезда, олени начали пастись там, где поля встречались с лесами, почки распустились на ветвях деревьев. Когда жаворонки нового лета взвились в небо, юбки королевы стали тесны ей в талии, и наконец она догадалась, что ждет ребенка. К тому времени король еще не вернулся в замок. Королева поняла, что озорная фея забрела далеко от дома и спряталась в зимнем саду, где услышала ее плач и исполнила ее желание при помощи магии.

Королева полнела и полнела, вновь настала зима, и в рождественский сочельник, когда глубокий снег упал на землю, у королевы начались схватки. Весь вечер она рожала. С последним полуночным ударом часов появилась на свет дочь, и королева взглянула в лицо своему ребенку. Подумать только, что это прелестное дитя с бледной чистой кожей, темными волосами и алыми губками в форме розового бутона принадлежит ей!

— Розалинда, — произнесла королева. — Я назову ее Розалинда.

Королева сразу так горячо полюбила принцессу Розалинду, что старалась не выпускать ее из виду. Одиночество принесло королеве горечь, горечь сделала ее самолюбивой, а самолюбие — подозрительной. Королева постоянно подозревала, что кто-то собирается украсть ребенка. «Она моя, думала королева, — моя спасительница, и потому я должна сохранить ее для себя».

Утром в день крещения принцессы Розалинды самые искусные волшебницы во всем королевстве были приглашены благословить малышку. Весь день королева слушала, как пожелания изящества, здорового смысла и ума дождем сыплются на ее дочь. Наконец, когда ночь стала укрывать королевство, королева попрощалась с волшебницами. Она отвернулась, но тут же повернулась обратно, чтобы взглянуть на своего ребенка, и увидела, что одна гостья осталась. Странница в длинном плаще стояла у колыбели и смотрела на девочку.

— Уже поздно, волшебница, — сказала королева. — Принцесса получила благословение, ей пора спать.

Странница откинула капюшон, и королева задохнулась от удивления: под ним скрывалось лицо не юной волшебницы, а старой колдуньи с беззубой улыбкой.

— Я принесла послание от королевы фей, — сказала старуха. — Девчонка — одна из нас, и потому я должна забрать ее с собой.

— Нет! — вскрикнула королева и бросилась к колыбели. — Она моя дочь, моя драгоценная малышка!

— Твоя? — переспросила старуха. — Это чудесное дитя? — И она засмеялась жестоким клопочущим смехом, от которого королева содрогнулась. — Она была твоей, лишь пока мы тебе позволяли. В глубине души ты всегда знала, что она родилась из волшебной пыли, и теперь ты должна отдать ее.

Тогда королева зарыдала, ведь слова старухи были именно тем, чего она так боялась.

— Я не могу отдать ее, — сказала она. — Смилуйся, старуха, и

позволь мне еще побыть с ней.

Старухе нравилось приносить горе, и при словах королевы злая улыбка исказила ее лицо.

— Я предлагаю тебе выбор, — сказала она. — Отдай ребенка сейчас, и ее жизнь будет долгой и счастливой, проведенной на коленях у королевы фей.

— Или? — спросила королева.

— Или можешь оставить ее себе, но лишь до утра ее восемнадцатого дня рождения, когда за ней явится ее истинная судьба и она навсегда оставит тебя. Подумай как следует, ведь жить с ней дольше — значит полюбить ее крепче.

— Мне не о чем думать, — сказала королева. — Я выбираю второе.

Старуха злобно ощерилась.

— Тогда она твоя, но лишь до утра ее восемнадцатилетия.

В тот же миг маленькая принцесса заплакала впервые в жизни. Королева поспешила подхватить дитя на руки, а когда обернулась, старуха уже исчезла.

Принцесса росла прелестной девочкой, полной веселья и света. Она пленяла океан своим смехом и вызывала улыбки на лицах всех жителей страны. Всех, кроме королевы, которая была слишком охвачена страхом, чтобы наслаждаться своим материнством. Когда ее дочь пела, королева не слышала, когда ее дочь танцевала, королева не видела, когда ее дочь тянулась к ней, королева не чувствовала, потому что была слишком занята, подсчитывая, сколько осталось до того, как у нее отнимут дитя.

Шли годы, и королева все больше страшилась холодного, темного будущего, которое таилось впереди. Ее губы разучились улыбаться, а морщинки на лбу перестали разглаживаться. Однажды ночью старуха явилась к ней во сне.

— Твоей дочери почти десять, — сказала старуха. — Не забывай, судьба найдет ее в восемнадцатый день рождения.

— Я передумала, — сказала королева. — Я не могу отпустить ее, я не отпущу ее.

— Ты дала слово, — возразила старуха, — а слово надо держать.

На следующее утро, уверившись, что принцесса в безопасности под охраной, королева надела амазонку и послала за лошадью. Хотя магия была изгнана из замка, оставалось последнее место, где еще можно было найти заклинания и волшебство. В черной пещере на краю зачарованного моря жила фея, которая не была ни доброй, ни злой. Когда-то королева фей наказала ее за то, что она использовала магию неразумно, и потому она

осталась в укрытии, в то время как остальной волшебный люд покинул страну. Хотя королева знала, что опасно искать помощи у фей, ничего другого ей не оставалось.

Королева скакала три дня и три ночи, и когда наконец прибыла в пещеру, фея ждала ее.

— Входи, — сказала она. — И поведай мне, что ты ищешь.

Королева стала рассказывать о старухе и ее обещании вернуться в восемнадцатый день рождения принцессы, а фея слушала. Когда королева закончила, фея сказала:

— Я не могу отменить проклятие старухи, но все же в силах помочь.

— Приказываю тебе сделать это, — сказала королева.

— Должна предупредить, моя королева, когда ты услышишь, что именно я предлагаю, ты можешь не испытать благодарности за помощь.

Фея наклонилась и что-то прошептала на ухо королеве.

Королева не колебалась, готовая на что угодно, лишь бы не отдавать ребенка старухе.

— Быть посему.

Тогда фея протянула королеве зелье и велела давать принцессе по три капли три ночи подряд.

— И тогда будет, как я пообещала, — сказала она. — Старуха больше не побеспокоит тебя, ведь истинная судьба принцессы найдет ее.

Королева поспешила домой, на душе у нее было легко впервые после крещения дочери, и следующие три ночи она тайком подливала по три капли зелья в стакан с молоком. На третью ночь, когда принцесса выпила молоко, она начала задыхаться, затем упала со стула и превратилась в красивую птицу, как и предсказала фея. Птица запорхала по комнате, и королева приказала слуге принести золотую клетку из покоев короля. Птицу поместили в клетку, золотую дверцу заперли, и королева вздохнула с облегчением. Ведь король был умен, и открыть клетку было невозможно.

— Ну вот, моя радость, — сказала королева. — Ты в безопасности, и никто не отнимет тебя у меня.

Затем королева повесила клетку на крюк в самой высокой башне замка.

Когда принцесса очутилась в клетке, из королевства исчез весь свет, в Волшебной стране наступила вечная зима, а урожай погиб и плодородные земли истощились. Лишь птичьи трели принцессы удерживали людей от отчаяния. Печальные и прекрасные, они плыли из окна башни и проливались на бесплодную землю.

Шло время, и принцы из разных королевств, чью смелость

подогревала жадность, стекались со всех сторон, чтобы освободить пленную принцессу. К тому же прошел слух, что в бесплодной Волшебной стране есть золотая клетка, столь драгоценная, что по сравнению с ней меркнут их собственные богатства, а в клетке — птица, чьи песни столь прекрасны, что золотые монеты падают с неба, когда она поет. Но все, кто пытался открыть клетку, падали замертво, едва коснувшись ее. Королева, которая дни и ночи проводила в кресле-качалке, охраняя клетку, чтобы никто не мог украсть ее сокровище, смеялась, когда видела смерть принцев, ведь страх и подозрение, сговорившись, окончательно свели ее с ума.

Через несколько лет из далекой страны пришел младший сын дровосека. Когда он работал, ветерок донес мелодию столь восхитительную, что он замер, точно обращенный в камень, вбирая каждую ноту. Не в силах противиться, он положил топор и отправился на поиски птицы, что поет столь печально и восхитительно. Когда он шел через дремучий лес, птицы и звери приходили ему на помощь, и сын дровосека непременно благодарил их, потому что обладал благородной душой и умел говорить со всеми живыми существами. Он пробирался через колючки, бежал по полям, взбирался на горы, по ночам спал в дуплах деревьев, ел только орехи и фрукты, пока наконец не подошел к стенам замка.

— Как ты попал на эту заброшенную землю? — спросил стражник.

— Следовал за песней прекрасной птицы.

— Поворачивай назад, если жизнь тебе дорога, — посоветовал стражник. — Ведь это королевство проклято, и тот, кто коснется клетки печальной птицы, погибнет.

— Мне некого любить и нечего терять, — ответил сын дровосека. — И я должен сам увидеть, кто так чудесно поет.

В тот самый миг пробило полночь, принцессе-птице исполнилось восемнадцать лет, и она завела свою самую печальную и самую красивую песню, оплакивая утрату детства и свободы.

Стражники расступились, юноша вошел в замок и поднялся по лестнице на самую высокую башню.

Когда сын дровосека увидел птицу, его сердце наполнилось печалью, ведь он не любил, когда птиц или зверей держали в плену. Он не замечал золотой клетки, а видел лишь птицу внутри. Юноша потянулся к дверце клетки, от его прикосновения пружина распрямилась, и птица выпорхнула на свободу.

В тот же миг она превратилась в прекрасную девушку с длинными волосами, которые обвивали ее, и с короной мерцающих морских раковин

на голове. С далеких деревьев прилетели птицы и осыпали ее дождем блестящих песчинок кварца, которые окутали ее серебряным убором. Животные вернулись в королевство, а злаки и цветы немедленно покрыли бесплодную прежде землю.

Утром, когда сверкающее солнце поднялось над океаном, раздался гром, и шесть волшебных лошадей, запряженных в золотую карету, появились у ворот замка. Королева фей вышла из кареты, и все ее подданные склонили головы. За ней шла фея из морской пещеры, которая на деле оказалась доброй и выполнила приказ своей настоящей госпожи, подготовив принцессу Розалинду к приходу ее истинной судьбы.

С благословения королевы фей принцесса Розалинда и сын дровосека поженились, и радость юной пары была столь велика, что магия вернулась и с тех пор все в Волшебной стране были свободны и счастливы.

Кроме, разумеется, королевы, которую нигде не могли найти. В ее покоях появилась большая уродливая птица с голосом столь жутким, что кровь стыла в жилах у всех, кто его слышал. Ее прогнали из страны в далекий лес, где ее застрелил и съел король, доведенный до безумия и отчаяния своей порочной и бесплодной охотой за королевой фей.

Глава 31

Чёренгорб-мэнор, Корнуолл, 1906 год

Послышался глухой стук в дверь. Элиза спрятала «Подменыша» за спину. Ее щеки покраснели от предвкушения.

В комнату влетела Мэри, ее кудри растрепались еще сильнее, чем обычно. Волосы всегда выдавали ее настроение, и у Элизы не осталось сомнений, что на кухне всю кипит подготовка ко дню рождения.

— Мэри! Я ждала Розу.

— Мисс Элиза. — Мэри плотно сжала губы. Увидев непривычно чинный жест, Элиза засмеялась. — Хозяин хочет вас видеть, мисс.

— Дядя хочет меня видеть?

За годы в Чёренгорбе Элиза почти не встречалась с дядей, хотя побывала во всех уголках поместья. Он оставался тенью и большую часть времени скитался по Европе в поисках жуков, очертания которых крал для своей темной комнаты.

— Идемте, мисс Элиза, — взмолилась Мэри. — Поторопитесь.

Элиза никогда еще не видела Мэри такой серьезной. Горничная быстро прошла по коридору, спустилась по узкой черной лестнице, и Элизе пришлось догонять ее. Внизу, вместо того чтобы повернуть налево, в главную часть дома, Мэри повернула направо и поспешила по безлюдному коридору, тусклому, оттого что тихо гудящих ламп в нем было меньше, чем где-либо в доме. Элиза заметила, что и картин в нем не было, холодные темные стены явно никто не пытался украсить.

Когда они дошли до самой дальней стены, Мэри остановилась. Она собиралась открыть дверь, но оглянулась через плечо и совершенно неожиданно сжала руку Элизы.

Прежде чем Элиза успела спросить, в чем дело, Мэри открыла дверь и объявила:

— Мисс Элиза, ваша светлость.

А затем она исчезла, и Элиза осталась одна на пороге дядиной берлоги, хранящей весьма специфический запах.

Дядя сидел в глубине комнаты за большим столом из узловатого дерева.

— Вы хотели меня видеть, дядя?

Дверь за ней закрылась.

Дядя Лайнус посмотрел поверх очков. Элиза снова удивилась, как этот покрытый пятнами старик может быть родственником ее красавицы матери. Кончик его бледного языка появился между губ.

— Я слышал, ты делаешь успехи в классной комнате.

— Да, сэр, — сказала Элиза.

— И если верить моему слуге, Дэвису, питаешь склонность к садам.

— Да, дядя.

С первого же взгляда на Чёренгорб Элиза влюбилась в поместье. Кроме тропинок, что бежали под скалами, она знала расчищенную часть лабиринта и дальний сад так же хорошо, как некогда туманные улицы Лондона. Но как бы далеко и глубоко она ни забиралась, сад рос и менялся с каждым новым сезоном.

— Это у нас в крови. Твоя мать, — его голос дрогнул, — твоя мать, когда была девочкой, очень любила сад.

Элиза попыталась соотнести его слова со своими воспоминаниями о матери. Сквозь тоннель времени посыпались обрывочные картинки: мать в комнатухе без окон над лавкой миссис Суинделл, небольшой горшок с ароматным растением. Оно протянуло недолго. Мало что способно выжить при таком недостатке света.

— Подойди ближе, дитя, — приказал дядя, делая знак рукой. — Встань на свету, чтобы я тебя рассмотрел.

Элиза подошла к столу и встала у коленей дяди. Запах стал сильнее, словно исходил от самого Лайнуса.

Он протянул руку, которая чуть дрожала, и погладил кончики длинных рыжих волос Элизы, легонько, едва касаясь, затем отдернул руку, словно обжегся.

Он вздрогнул.

— Вы нездоровы, дядя? Позвать кого-нибудь на помощь?

— Нет, — быстро ответил он. — Нет.

Он снова потянулся к ее волосам, закрыл глаза. Элиза стояла так близко, что видела, как глазные яблоки движутся под его веками, слышала тихие щелчки в его горле.

— Мы так долго искали, везде искали, чтобы вернуть твою маму...

Вернуть нашу Джорджиану домой.

— Да, сэр.

Мэри рассказывала Элизе об этом. О нежности, которую дядя Лайнус питал к своей младшей сестре, о том, что его сердце разбилось, когда она сбежала, о его частых поездках в Лондон. О поисках, которые поглотили его юность и остатки веселого нрава, о том, как охотно он всякий раз покидал Чёренгорб, о неизбежном унынии после возвращения. О том, как он сидел один в темной комнате, пил херес, отказываясь от любых советов, даже советов тети Аделины, пока не появлялся мистер Мэнселл с очередной ниточкой.

— Мы опоздали.

Его рука давила сильнее, пальцы крутили длинные пряди Элизы в разные стороны, точно ленты. Он тянул ее волосы и Элизе пришлось ухватиться за край стола, чтобы не упасть. Она была зачарована его лицом, принадлежащим раненому сказочному королю, которого покинули все подданные.

— Я опоздал. Но теперь ты здесь. Бог милостив, он даровал мне второй шанс.

— Дядя?

Дядя уронил руку на колени и поднял веки. Затем он указал на маленькую скамейку у дальней стены, покрытую бледным муслиновым покрывалом.

— Садись, — приказал он.

Элиза моргала, глядя на него.

— Садись. — Дядя захромал к черному штативу у стены. — Я хочу сделать твою фотографию.

Элизу никогда еще не фотографировали, и у нее не было никакого желания пробовать это прямо сейчас. Она открыла рот, чтобы сообщить об этом, когда дверь отворилась.

— Праздничный ужин накрыт... — Голос тети Аделины сорвался на визг. Ее тонкая рука метнулась к груди. — Элиза! — отчаянно выдохнула она. — О чем ты только думаешь, девочка? Немедленно вверх. Роза спрашивает о тебе.

Элиза кивнула и поспешила к двери.

— И прекрати докучать дяде, — прошипела тетя Аделина, когда Элиза прошла мимо. — Разве ты не видишь, что поездки утомили его?

Итак, день настал. Аделина не знала, какую форму примет угроза, но она всегда была рядом, таилась в темных углах, мешая полностью

расслабиться. Аделина заскрежетала зубами. Она заставила себя стереть картинку из памяти. Девчонка Джорджианы встала с распушенными волосами, один в один призрак из прошлого, и старое лицо Лайнуса поглупело от юношеского желания. Подумать только, он собирался сфотографировать девчонку! Сделать то, чего никогда не делал для Аделины. И для Розы тоже.

— Закройте глаза, леди Мунтраше, — попросила горничная.

Аделина повиновалась. Дыхание другой женщины, расчесывающей брови Аделины, было теплым и странным образом успокаивало. Век бы так сидеть, чувствовать на лице согревающее, сладкое дыхание глупой веселой женщины, и чтобы никаких мучительных мыслей.

— Можете открыть глаза, мадам, пока я схожу за жемчугом.

Горничная унеслась прочь, и Аделина осталась одна. Она наклонилась к зеркалу. Брови были гладкими, волосы — аккуратно уложенными. Она ущипнула себя за щеки, возможно, сильнее, чем следовало, и вновь откинулась назад, чтобы обозреть целое. Ах, как жестоко время! Мелкие перемены, которые не замечаешь, невозможно остановить. Нектар юности вытекал через решето, дыры в котором становились все шире.

— Так друг обратился во врага, — прошептала Аделина безжалостному зеркалу.

— Вот, мадам, — сказала горничная. — Я принесла набор с рубиновой застежкой. Красивый и праздничный, как раз для такого счастливого случая. Кто бы мог подумать, обед в честь дня рождения мисс Розы! Восемнадцать лет! А дальше будет свадьба, попомните мои слова...

Горничная продолжала болтать, а Аделина отвела взгляд, отказываясь смотреть на собственное увядание.

Фотография висела, как обычно, рядом с туалетным столиком. Какой добродетельной Аделина выглядела в подвенечном платье, какой правильной! Никто не догадался бы по снимку, сколько усилий стоила ей маска безмятежности. Лайнус же выглядел джентльменом до кончиков ногтей. Возможно, мрачным, но не более чем обычно.

Они поженились через год после исчезновения Джорджианы. Сразу же после помолвки Аделина Лэнгли принялась работать над собой. Она решила стать женщиной, достойной знатного старинного имени Мунтраше: избавилась от северного акцента и провинциальных вкусов, проглотила сочинения миссис Битон^[32] и выучилась двум искусствам-близнецам: тщеславию и претенциозности. Аделина знала, что должна быть леди вдвое больше, чем другие, если хочет стереть из людской памяти свое низкое происхождение.

— Вы наденете зеленый чепчик, леди Мунтраше? — спросила горничная. — Только он подходит к этому платью, вам ведь понадобится головной убор, когда вы пойдете в бухту.

Их брачная ночь оказалась вовсе не такой, как ожидала Аделина. Она не знала и, разумеется, не находила слов, чтобы спросить, но подозревала, что Лайнус тоже остался разочарован. С тех пор они редко делили супружеское ложе, особенно после того, как Лайнус начал скитаться. «Фотографировать», — говорил он, но Аделина знала правду.

Какой бесполезной она себе казалась! Какой никчемной женой и женщиной! Хуже того, никчемной светской дамой. Несмотря на все ее усилия, их редко куда-либо приглашали. Лайнус, находясь в Чёренгорбе, был плохой компанией, большую часть времени проводя в одиночестве и отвечая на вопросы агрессивными замечаниями, и то лишь по необходимости. Когда Аделина стала бледной, болезненной и усталой, она решила, что это от отчаяния. Лишь когда ее живот начал расти, она поняла, что ждет ребенка.

— Все, леди Мунтраше. Вы готовы к празднику.

— Спасибо, Поппи. — Она растянула губы в вялой улыбке. — Достаточно.

Когда дверь закрылась, Аделина перестала улыбаться и снова встретила свой взгляд в зеркале.

Роза — законная наследница славы Мунтраше. Девчонка, дочь Джорджианы, — не более чем кукушонок, посланный, чтоб выжить дитя Аделины. Выкинуть его из гнезда, за которое Аделина так отчаянно сражалась.

Какое-то время порядок сохранялся. Аделина старалась наряжать Розу в прелестные новые платья, сажать на чудный новый диван, а Элизе доставались обноски. Манеры Розы, ее женственная природа были превосходны, а Элиза не поддавалась обучению. Аделина была спокойна.

Но девочки росли, неудержимо двигались навстречу женственности, и все менялось, ускользало из-под контроля Аделины. Успехи Элизы в классной комнате — это одно, никто не любит умных женщин, но от свежего морского воздуха на ее щеках играл здоровый румянец, проклятые рыжие волосы отрасли, а тело начало округляться.

На днях Аделина слышала, как один из слуг говорил, что мисс Элиза дивно хороша, даже прекраснее своей матери. Аделина застыла как вкопанная, когда услышала имя Джорджианы. После стольких лет молчания это имя снова подстерегало ее на каждом углу, смеялось над ней, напоминало о ее несовершенстве, ее неспособности когда-либо встать

вровень с Джорджианой, сколько бы она ни старалась.

Аделина ощутила пульсацию в виске. Она подняла руку и чуть надавила. Что-то случилось с Розой. Эта точка на виске была шестым чувством Аделины. С тех пор как Роза была совсем крошкой, Аделина научилась предчувствовать болезни дочери. То была нерушимая связь матери и ребенка.

И сейчас ее висок снова дал о себе знать. Аделина решительно сжала губы. Она смотрела на свое строгое лицо, словно оно принадлежало незнакомке, даме из знатного рода, женщине, чье самообладание неруσιμο. Она вдохнула силу в легкие своего отражения. Розу надо защитить, бедняжку Розу, которая даже не подозревает в Элизе угрозы.

В голове Аделины начала вырисовываться идея. Она не может отослать Элизу, Лайнус никогда не позволит, и горе Розы будет слишком велико, к тому же врагов лучше держать поближе. Но может быть, удастся найти повод на время увезти Розу за границу? В Париж или Нью-Йорк? Дать ей возможность сиять, не заслоняемой блеском Элизы, которая привлекает всеобщее внимание, не давая Розе ни единого шанса...

Аделина пошла к двери, расправляя юбку. Она знала одно: никаких прогулок в бухту. Глупое обещание, данное в миг слабости. Слава богу, еще не поздно исправить ошибку. Порочность Элизы не должна запятнать Розу.

Аделина закрыла за собой дверь и пошла по коридору, шурша юбкой. Что до Лайнуса, он будет занят. Она — его жена, ее долг состоит в том, чтобы не дать мужу пострадать из-за собственных порывов. Она отправит мужа в Лондон, попросит жен правительственных министров прибегнуть к его услугам, предложит экзотические места для съемок, отошлет его далеко-далеко. Она не позволит праздности стать матерью его слабостей.

Лайнус откинулся на спинку садовой скамейки и зацепил трость за декоративный подлокотник. Садилось солнце, оранжевые и розовые сумерки разлились по западному краю поместья. За последний месяц выпало много дождей, и сад блестел. Хотя Лайнусу было все равно.

Столетиями Мунтраше увлекались садоводством. Из поколения в поколение путешествовали они по дальним краям, исколесили весь земной шар в поисках экзотических видов растений для пополнения коллекции. Однако Лайнус не унаследовал дара садовода. Талант перешел к его младшей сестре...

Ну, не совсем так.

Когда-то давно и он любил сад. Мальчиком он сопровождал Дэвиса в обходах, восхищался колючими цветами в Саду антиподов, ананасами в

оранжерее, тем, как новые ростки появляются за ночь из семян, которые он помогал сажать.

Самое чудесное, что в саду комплексы Лайнуса исчезали, растениям, деревьям, цветам было решительно все равно, что его левая нога перестала расти и осталась на несколько дюймов короче, чем правая, что она была бесполезным придатком, чахлым и искривленным, нелепым. Всему и всем находилось место в саду Чёренгорба.

А потом, когда Лайнусу исполнилось семь, он потерялся в лабиринте. Дэвис просил его не ходить туда в одиночку, предупреждал, что путь долог и темен, полон преград, но у Лайнуса кружилась голова от возбуждения, ведь ему исполнилось целых семь лет. Лабиринт с густыми пышными стенами и обещанием приключений манил его. Он был рыцарем, шел на битву с самым жестоким драконом в стране и собирался с триумфом выйти из лабиринта, найдя путь на другую сторону.

Тени рано опустились на лабиринт. Лайнус не предвидел, как быстро станет темно. В сумерках скульптуры обрели жизнь и косились на него из укромных уголков, высокие изгороди превращались в голодных чудовищ, низкие проделывали с ним грязные трюки: заставляли думать, будто он идет в правильном направлении, когда на самом деле он возвращался назад. Возвращался ли?

Лайнус дошел до середины и впал в отчаяние. Затем к обиде добавился ушиб. Латунное кольцо, приделанное к платформе на земле, прыгнуло на него, словно подставив ножку, и швырнуло на землю, так что здоровая лодыжка перекрутилась, точно у тряпичной куклы. Лайнусу пришлось остаться на месте, его лодыжка болела, злые жаркие слезы текли по щекам.

Лайнус ждал и ждал. Сумерки сменились темнотой, прохлада — холодом, и слезы высохли. Позже он узнал, что отец отказался посылать кого-нибудь за ним. Он — мальчик, сказал отец, а любой мальчик, хромым или здоровым, если ему не грош цена, найдет дорогу из лабиринта. Да что там, он — Сент-Джон Люк — прошел через лабиринт, когда ему было всего четыре года. Мальчику пора возмужать.

Лайнус продрожал в лабиринте всю ночь, пока мама наконец не убедила отца послать за ним Дэвиса.

Понадобилась неделя, чтобы лодыжка Лайнуса зажила, но после этого еще две недели каждый день отец вел Лайнуса обратно в лабиринт, заставлял искать путь, а потом бранил за неизбежное поражение. Лайнусу начал сниться лабиринт, и, просыпаясь, он рисовал карты по памяти. Он работал над ним, как над математической задачей, потому что знал:

решение должно быть. Он найдет его, если хоть чего-то стоит.

Через две недели отец сдался. На пятнадцатое утро, когда Лайнус явился на очередную попытку, отец даже газету не опустил.

— Ты сплошное разочарование, — заявил он. — Глупый мальчишка, который никогда ничего не достигнет. — Он перевернул страницу, потряс газету, чтобы расправить, и поискал интересные заголовки. — Выйди вон из моей комнаты.

Лайнус никогда больше не подходил к лабиринту. Не в силах заставить себя винить отца и мать за свои позорные поражения — в конце концов, они правы, какой мальчик не сумеет найти дорогу через лабиринт? — он винил сад. Он принялся ломать побеги, рвать цветы, топтать ростки.

Людей формирует то, что они не в состоянии контролировать, черты характера наследуются, приобретаются со временем. Нрав Лайнуса определил кусок кости в ноге, который отказался расти. С возрастом хромота породила робость, робость породила заикание, и Лайнус вырос в малопривлекательного мальчика, который обнаружил, что способен привлечь внимание лишь плохим поведением. Он отказывался выходить на улицу, отчего его кожа стала мертвенно-бледной, а здоровая нога — тонкой. Он подбрасывал в мамин чай насекомых, в отцовские тапочки — колючки и с радостью принимал любое наказание. Так, весьма предсказуемо, продолжалась жизнь Лайнуса.

А потом, когда ему было десять лет, родилась маленькая сестра.

Лайнус сразу начал ее презирать. Такая нежная, красивая, цветущая и, как обнаружил Лайнус, заглянув под длинное кружевное платье, идеально сложенная. Обе ноги одинаковой длины. Славные маленькие ножки, не какие-нибудь высохшие, бесполезные куски плоти.

Но хуже, чем физическое совершенство, было ее счастье. Розовые улыбчивые губки, музыкальный смех. Какое право имела она быть такой счастливой, когда он, Лайнус, был несчастен?

Лайнус решил это исправить. Всякий раз, когда ему удавалось сбежать от гувернантки, он проскальзывал в детскую и опускался на колени у колыбельки. Если малышка спала, он громко шумел, чтобы напугать ее. Если она тянулась к игрушке, он убирал ее. Если она протягивала к нему ручки, он складывал свои на груди. Если она улыбалась, он корчил отвратительную, ужасную гримасу.

Но все было тщетно. Что бы Лайнус ни делал, ему не удавалось заставить ее плакать, ничто не омрачало ее солнечного нрава. Это поражало его, и он направлял все силы на изобретение коварных и необычных наказаний для своей маленькой сестры.

Когда Лайнус стал подростком, еще более неуклюжим, с длинными неловкими руками и редкими рыжими волосками, торчащими из прыщавого подбородка, Джорджиана расцвела в прелестное дитя, любимое всеми обитателями поместья. Она вызывала улыбки на лицах даже самых грубых арендаторов. Фермеры, которые годами не находили доброго слова для семьи Мунтраше, посылали на кухню корзины яблок, чтобы порадовать мисс Джорджиану.

Однажды днем Лайнус сидел на подоконнике и при помощи своей новой драгоценной лупы сжигал муравьев, но поскользнулся и упал. Он не пострадал, зато драгоценное стекло разбилось на тысячу мелких осколков. Лайнус так любил новую игрушку, так привык к неудачам, что, несмотря на солидный возраст — целых тринадцать лет, — разразился слезами ярости, громкими неловкими всхлипами. Он попрекал себя за то, что так нелепо упал, что был недостаточно умен, что не имел друзей, что никто его не любил, что он родился несовершенным.

Слезы ослепили его, и Лайнус не сразу понял, что за ним наблюдают. Лишь когда ощутил похлопывание по руке, он поднял взгляд и увидел, что рядом стоит его маленькая сестра и протягивает Клодину, свою любимую куклу.

— Лайнус грустный, — сказала она. — Бедный Лайнус. Клодина развеселит Лайнуса.

Лайнус лишился дара речи и взял куклу, не отводя взгляда от сестры, которая села рядом.

С неуверенной усмешкой он нажал на веко Клодины и вдавил его, проверив, какой эффект произведет вандализм на сестру.

Она сосала большой палец и наблюдала за ним, большие голубые глаза были полны сочувствия. Через мгновение Джорджиана протянула руку и вдавила другое веко Клодины.

С того дня они стали командой. Без единой жалобы, даже не хмурясь, сестра терпела вспышки ярости брата, его жестокое остроумие, все то, что в нем породила отверженность. Она позволяла ему драться с ней, бранить ее, а позже — обнимать.

Если бы только их оставили в покое, все было бы хорошо. Но мать и отец не могли стерпеть, что кто-то полюбил Лайнуса. Он слышал, как они перешептывались — слишком много времени проводят вместе, это неправильно, не здорово, — и через несколько месяцев его отправили в школу-интернат.

Его отметки были ужасными, Лайнус позаботился об этом. Но отец когда-то охотился с директором Бейллиол-колледжа,^[33] и потому для его

сына нашлось местечко в Оксфорде. Единственным благом, которое принесли Лайнусу университетские годы, стала фотография. Чувствительный молодой учитель английского позволил ему использовать свою камеру, а после дал совет при покупке собственной.

Наконец в двадцать три года Лайнус вернулся в Чёренгорб. Как выросла его *baaigneur*! Тринадцать лет, а такая высокая. Рыжие волосы, длиннее которых он не видел. Какое-то время он робел перед Джорджианой: она так изменилась, что пришлось заново ее узнавать. Но однажды, когда он фотографировал рядом с бухтой, она появилась в его видоискателе. Сестра сидела на краю черной скалы, лицом к морю. Морской бриз развеивал ее волосы, руками она обхватила колени, ее ноги были босыми.

Лайнус едва мог дышать. Он моргнул и продолжил наблюдать, когда она медленно повернула голову и посмотрела прямо на него. Другие модели не умели скрыть осведомленности во взоре, но Джорджиана оставалась совершенно безмятежной. Она словно смотрела не в камеру, а прямо ему в глаза. Точно таким же сочувственным взглядом она глядела, как он плачет, много-много лет назад. Не раздумывая, он нажал на кнопку камеры, заключая в плен ее совершенное лицо.

Лайнус осторожно достал фотографию из кармана пиджака. Бережно, ведь карточка уже старая, с потрепанными краями. Последние лучи солнца почти скрылись, но, если держать ее под правильным углом...

Сколько раз он так сидел и смотрел на нее, изучал, после того как сестра исчезла? У Лайнуса сохранился единственный снимок, ведь после бегства Джорджианы кто-то — мать? Аделина? одно из их доверенных лиц? — прокрался в его темную комнату и украл негативы. Осталась только эта карточка, и то лишь потому, что Лайнус никогда с ней не расставался.

Но сейчас ему дарован второй шанс, и Лайнус его не упустит. Он больше не ребенок, а хозяин Чёренгорба. Мать и отец лежат в могилах. Остались лишь надоедливая жена и болезненная дочь, но кто они такие, чтобы стоять у Лайнуса на пути? Он ухаживал за Аделиной, чтобы наказать родителей за бегство Джорджианы, и помолвка нанесла им такой жестокий последний удар, что присутствие этой женщины в его доме казалось невысокой платой. Так было. И так будет. На нее легко не обращать внимания. Он — хозяин и получит то, что хочет.

Элиза. Он позволил ее имени слететь с губ и застрять в завитках бороды. Его губы дрожали, и он плотно сжал их.

Он собирался сделать ей подарок. Подарок на день рождения. Она будет благодарна. Он знал, что она полюбит подарок, как она могла не полюбить то, что когда-то так любила ее мать?

Глава 32

Клифф-коттедж, Корнуолл, 2005 год

Кассандра шагнула в ворота и вновь поразилась странной тяжелой тишине, которая окутала дом. Она чувствовала нечто, что назвать не могла. Странное ощущение тайного сговора. Как будто, входя в ворота, она подписывалась под соглашением, правил которого не знала.

В этот раз она пришла раньше, чем в прошлый, и искорки солнечного света еще мерцали в саду. Садовник должен был явиться не раньше чем через пятнадцать минут, так что Кассандра положила ключ обратно в карман и решила немного осмотреться.

Узкая каменная тропинка, почти сплошь заросшая лишайником, вилась перед домом и исчезала за углом. Заросли сбоку были густыми, и ей пришлось отвести их от стены, чтобы пройти.

Сад чем-то напоминал ей задний двор дома Нелл в Брисбене. Не столько растениями, сколько настроением. Двор Нелл всегда был путаницей лоз, живых изгородей, трав и ярко окрашенных однолетников. Узкие бетонные тропинки вились через заросли. Совсем не то что другие пригородные задние дворы с их выжженной травой и редкими иссохшими розовыми кустами, посаженными внутри выкрашенных белой краской автомобильных шин.

Кассандра дошла до задней стены дома и остановилась. Густая путаница колючек, по меньшей мере три метра высотой, загораживала тропу. Кассандра подошла ближе и вытянула шею, чтобы разглядеть, что сверху. Заросли были однородными, высокими, словно растения сами образовали стену.

Кассандра прошла вдоль изгороди, легонько ведя пальцами по зазубренным листьям плюща. Продвигалась она медленно, растения доходили до колен и на каждом шагу угрожали ее опрокинуть. Посередине Кассандра заметила прореху в колючках, небольшую, но вполне

достаточную, чтобы разглядеть: свет сквозь нее не льется, значит, там расположено что-то плотное. Стараясь не уколоться о шипы, Кассандра просунула ладонь и наклонилась так, что изгородь поглотила руку до самого плеча. Ее пальцы заскребли по чему-то твердому и холодному.

Если судить по влажным зеленым пятнам на кончиках пальцев, это была каменная стена, покрытая мхом. Кассандра вытерла руку о джинсы, вынула из заднего кармана документы на право собственности и открыла карту. Дом был нарисован четко, небольшой квадрат в передней части участка. Однако, если верить карте, до задней границы собственности еще далеко. Кассандра вновь сложила карту и убрала ее. Если карта не врет, эта стена — часть владения Нелл, а не его граница. Она принадлежит Клифф-коттеджу, как и то неведомое, что находится за ней.

Кассандра продолжила трудный путь вдоль стены, надеясь найти калитку или дверь. Солнце поднялось в небе, и птицы устали петь. Воздух был тяжелым от сладкого головокружительного аромата выющихся роз. Хотя стояла осень, Кассандра почувствовала, что ей становится жарко. Надо же, когда-то она воображала Англию холодной страной, куда редко заглядывает солнце. Она остановилась вытереть пот со лба и ударилась обо что-то головой.

Шишковатый сук — точно дерево протянуло руку над стеной. Кассандра увидела на ветке плоды — блестящие золотистые яблоки. Они были такие спелые и так восхитительно пахли, что она не устояла и сорвала одно.

Кассандра посмотрела на часы и, тоскливо взглянув на колючую изгородь, отправилась в обратный путь. Она может поискать дверь позже, нельзя же рисковать разминуться с садовником. Дом словно окружала странная непроницаемая стена, отчего Кассандре казалось, что она может не услышать отсюда, даже если ее позовут.

Она отперла входную дверь и вошла. Дом словно прислушивался, выжидал. Она легонько провела рукой по стене.

— Мой дом, — мягко сказала Кассандра. — Ты мой дом.

Приглушенные слова впитались в стены. Как странно все получилось, как неожиданно. Она прошла через кухню, мимо прялки, в небольшую гостиную в передней части дома. Теперь, когда Кассандра была в доме одна, он казался другим, более знакомым, будто она уже побывала в нем давным-давно.

Она опустилась в старое кресло-качалку. Кассандра достаточно хорошо разбиралась в старинной мебели, чтобы знать, что кресло не развалится, и все же проявляла осторожность, как если бы законный

владелец кресла находился поблизости и мог в любое время вернуться и обнаружить незваного гостя.

Вытерев яблоко о рубашку, Кассандра повернула голову и посмотрела в пыльное окно. Лозы переплелись на стекле, но хаотичный сад за ним еще можно было различить. За окном стояла маленькая статуя, которую она заметила только сейчас. Ребенок, мальчик, взобрался на камень и следил за домом широко открытыми глазами.

Кассандра поднесла яблоко к губам. Солнечный аромат стал сильнее, когда она откусила кусочек. Яблоко с дерева в ее собственном саду, дерева, посаженного много лет назад, но все еще плодоносящего. Из года в год. Как сладко... яблоки всегда так сладки?

Кассандра зевнула. Ее разморило на солнце. Она посидит еще чуть-чуть, пока не придет садовник. Она откусила еще кусочек. В комнате словно потеплело. Как будто внезапно заработала плита, как будто кто-то пришел и начал готовить обед. Веки Кассандры отяжелели, она закрыла глаза. Где-то пела птица чудесную одинокую песню, ветерок шевелил листья, стучал ими в окно, а вдалеке размеренно дышал океан: вдох и выдох, вдох и выдох, вдох и выдох...

...вдох и выдох у нее в голове целый день. Кассандра мерила шагами кухню, останавливалась у окна, но запрещала себе бросать взгляд наружу. Вместо этого она смотрела на небольшие часы на камине. Он опаздывал. Он сказал, что придет в половине второго. Интересно, его опоздание что-нибудь значит? Возможно, он передумал? Интересно, он вообще собирается прийти?

Щеки Кассандры пылали. В комнате было очень жарко. Она подошла к плите и повернула ручку, чтобы убавить огонь. Может, что-нибудь приготовить?

Снаружи послышался шум.

Слой ее самообладания растаял. Он пришел.

Кассандра открыла дверь, и он молча вошел внутрь.

Он казался таким большим в узкой прихожей, что, хотя Кассандра хорошо его знала, она смутилась и отвела взгляд.

Он тоже волновался, Кассандра видела это, хотя изо всех сил пытался скрыть волнение.

Они расположились напротив друг друга за кухонным столом, свет лампы задрожал между ними. Не лучшее место для такой ночи, и все же... Кассандра посмотрела на свои руки, гадая, что делать дальше. Поначалу все казалось очень простым. Но сейчас между ними словно протянулись

нити, выжидая, когда же о них споткнутся. Возможно, подобные встречи всегда такие?

Он протянул руку.

Кассандра затаила дыхание, когда он двумя пальцами поймал длинную прядь ее волос. Он смотрел на нее, казалось, вечность. Словно рассматривал не сами волосы, а тот факт что это ее волосы в его пальцах.

Наконец он поднял взгляд, посмотрел Кассандре в глаза, протянул руку и легонько коснулся ее щеки. Потом улыбнулся, она тоже. Вздохнул от облегчения и чего-то еще. Открыл рот и произнес...

— Эй! — Раздался громкий стук. — Эй! Есть кто-нибудь?

Кассандра открыла глаза. Яблоко выпало из ее руки на пол.

Послышались тяжелые шаги, и в дверях возник мужчина, высокий, крепко сбитый, лет сорока пяти. Темные волосы, темные глаза, широкая улыбка.

— Привет, — сказал мужчина, поднимая руки, словно сдаваясь. — Вы точно привидение увидели.

— Вы меня напугали, — пояснила Кассандра, выбираясь из кресла.

— Извините. — Он шагнул вперед. — Дверь была открыта. Я не знал, что вы решили вздремнуть.

— Я не решила, в смысле, я не собиралась. Я только присела на минутку, но...

Кассандра умолкла, когда вспомнила сон. Так много времени прошло с тех пор, как ей снилось что-нибудь, хоть отдаленно эротическое, так много времени прошло с тех пор, как она делала что-нибудь, хоть отдаленно эротическое. Ничего после Ника. Ничего стоящего, ничего, о чем хотелось бы помнить. Почему вдруг ей приснилось подобное?

Мужчина усмехнулся и протянул руку.

— Я — Майкл Блейк, лучший в мире ландшафтный дизайнер. А вы, полагаю, Кассандра.

— Да.

Она покраснела, когда он обхватил ее ладонь своей, большой и теплой.

Мужчина чуть покачал головой и улыбнулся.

— Приятель говорил мне, что австралийские девушки — самые хорошенькие, но я ему не верил. Теперь вижу, что он не врал.

Кассандра не знала, куда смотреть, и выбрала точку за его левым плечом. От такого откровенного заигрывания ей становилось не по себе и в лучшие времена, а после этого сна она была тем более выбита из колеи. Она все еще чувствовала этот сон, он задержался в углах комнаты.

— Слышал, у вас проблемы с деревом?

— Да. — Кассандра моргнула и кивнула, отогнав сон. — Да, точно. Спасибо, что пришли.

— Никогда не мог устоять перед девушкой, попавшей в беду.

Майкл снова улыбнулся, широко и легко.

Кассандра чуть плотнее запахнула кардиган на талии и попыталась улыбнуться в ответ, но лишь почувствовала себя чопорной хозяйкой.

— Дерево вон там. На лестнице.

Майкл пошел за ней по коридору. Он наклонился посмотреть, что находится за поворотом лестницы, и присвистнул.

— Одна из старых сосен. Похоже, лежит тут уже давно. Наверное, упала в большую бурю в девяносто пятом.

— Можете убрать ее?

— Конечно можем. — Майкл обернулся через плечо, глянул мимо Кассандры. — Захватил цепную пилу, Крис?

Кассандра повернулась. Она не заметила, что они не одни в комнате. Второй мужчина стоял за спиной. Он был ниже первого и чуть моложе. Песочного цвета волосы небрежно вились вокруг его шеи. Оливковая кожа, карие глаза.

— Кристиан, — произнес он с легким кивком.

Мужчина протянул руку, но помедлил, вытер о джинсы, снова протянул.

Кассандра пожала ее.

— Цепная пила, Крис, — повторил Майкл. — Давай поторопись.

Когда Кристиан вышел, Майкл поднял брови, глядя на Кассандру.

— Меня ждут в гостинице примерно через полчаса, но не волнуйтесь, я сделаю всю основную работу и оставлю своего верного напарника заканчивать. — Он улыбнулся Кассандре, глядя ей прямо в глаза, чего она не в силах была вынести. — Так это ваш дом? Я всю жизнь прожил в деревне, но не думал, что он кому-нибудь принадлежит.

— Я и сама еще не привыкла.

Майкл обвел удивленным взглядом запущенную комнату.

— И что же прелестная австралийка делает в подобном месте?

— Я его унаследовала. От бабушки.

— Ваша бабушка была англичанка?

— Австралийка. Она купила его в семидесятых, когда была здесь в отпуске.

— Как сувенир, потому что чайные полотенца ей не понравились?

Послышался шум у двери, вернулся Кристиан с большой цепной

пилой.

— Ты это просил?

— Хм, пила с цепью? — Майкл подмигнул Кассандре. — Да, думаю, это та самая пила.

Коридор был узким, и Кассандра повернулась боком, чтобы пропустить Кристиана. Она не смотрела ему в глаза, изображала интерес к расшатанному плинтусу. Что-то смущало ее в том, как Майкл говорил с Кристианом.

— Крис — новичок в нашем деле, — сказал Майкл, явно замечая смятения Кассандры. — Пока не может отличить цепную пилу от рычажной. Ничего, мы превратим салагу в лесоруба. — Он усмехнулся. — Он — Блейк, и это у него в крови.

Майкл весело пихнул брата, и оба приступили к работе.

Кассандре стало легче, когда завели цепную пилу. Наконец-то она освободилась и смогла ускользнуть обратно в сад. Хотя она знала, что лучше бы убрать лозу внутри дома, любопытство не давало ей покоя. Она решила найти дорогу за ту стену, даже если это займет весь день.

Солнце стояло уже высоко, и тень была как нельзя кстати. Кассандра сняла кардиган и положила на соседний камень. Солнечные крошечные зайчики танцевали на ее руках, и макушка скоро стала горячей. Жаль, она не захватила шляпу.

Пока Кассандра обыскивала колючки, осторожно совала голову в один промежуток за другим, избегая шипов, ее мысли вновь и вновь возвращались ко сну. Он был особенно ярок, Кассандра помнила все детали — образы, запахи, даже всепоглощающее настроение сна. Несомненно, эротическое, пронизанное запретным желанием.

Кассандра чуть покачала головой, отгоняя вихри неловких и нежелательных эмоций. Взамен она обратилась мыслями к загадке Нелл. Прошлой ночью Кассандра сидела допоздна, читая тетрадь. Говорить об этом проще, чем делать. Будто россыпи плесени было недостаточно, Нелл, когда приехала в Корнуолл, стала заполнять тетрадь еще хуже. Почерк стал более длинным, петлистым, небрежным, и Кассандра могла бы поспорить, что бабушка здесь писала быстрее.

И все же Кассандра справилась. Она была зачарована тем, что к бабушке вернулись воспоминания, уверенностью Нелл, что она еще крошкой побывала в коттедже. Кассандре не терпелось увидеть альбомы, которые нашла Джулия, дневники, которые когда-то мама Нелл наполняла своими самыми потаенными мыслями. Несомненно, они прольют новый

свет на детство Нелл, возможно, в них даже найдутся важные ключи к ее исчезновению с Элизой Мейкпис.

Послышался громкий и пронзительный свист. Кассандра подняла глаза, ожидая увидеть какую-нибудь птицу.

Майкл стоял на углу дома и смотрел, как она работает. Он указал на колючки:

— Неплохо они у вас уродились.

— Ничего, прополка поможет, — ответила Кассандра, неуклюже вставая. Интересно, давно ли он смотрит?

— Тут целый год придется полоть и пилить. — Он усмехнулся. — Мне пора в гостиницу. — Майкл кивнул в сторону дома. — Мы неплохо продвинулись. Я оставлю Криса подчищать остатки. Он должен справиться, только проверьте перед его уходом, все ли в порядке. — Он умолк, затем снова улыбнулся, как всегда, бесхитростно. — У вас ведь есть мой телефон? Позвоните, я покажу вам пару местных видов, пока вы в городе.

Майкл не сомневался, что она согласится. Кассандра слабо улыбнулась и тут же пожалела об этом. Она подозревала, что Майкл из тех, кто любой ответ считает утвердительным. Он явно подмигнул ей, прежде чем направиться к выходу.

Со вздохом Кассандра вернулась к стене. Кристиан уже пролез в дыру, сделанную деревом, и сидел на крыше, распиливая ножовкой ветки на кусочки. Майкл был беззаботен, во все, что делал или трогал Кристиан, словно просачивалось напряжение. Он сменил позу, и Кассандра быстро отвела глаза, изобразив живой интерес к стене.

Они продолжали работать, молчание, повисшее между ними, словно умножало все звуки: скрежет пилы Кристиана — щебет птиц на черепице крыши, тихий звук бегущей где-то воды. Обычно Кассандра любила работать в тишине, привыкла к этому, даже предпочитала одиночество. Но сейчас она была не одна, и чем больше притворялась, что это так, тем напряженнее становилась тишина.

Наконец она не сдержалась.

— Здесь стена, — сообщила Кассандра громко и несколько более резко, чем собиралась. — Я нашла ее перед вашим приходом.

Кристиан оторвался от кучи веток и посмотрел на Кассандру так, словно она принялась цитировать таблицу Менделеева.

— Я не знаю, что с другой стороны, — не унималась она. — Я не могу найти вход, а в плане, который бабушка получила при покупке, ничего нет. Я понимаю, что все заросло лозой и ветками, но, может быть, вам сверху

видно?

Кристиан взглянул на свои ладони, собираясь заговорить.

В голове у Кассандры вспыхнуло: «У него красивые руки», но она отогнала мысль прочь.

— Вы видите, что за стеной?

Он сжал губы, вытер руки о джинсы и чуть кивнул.

— Видите? — На самом деле она и не надеялась. — Что там? Расскажите мне?

— У меня есть идея получше, — ответил Кристиан. Затем он ухватился за отвес крыши и прыгнул на землю. — Идемте, я покажу вам.

Лаз был очень маленьким, в самом низу стены, и настолько хорошо укрытым, что Кассандра могла бы год проискать и ничего не найти. Кристиан встал на четвереньки, раздвинул заросли и отполз в сторону.

— Только после вас.

Кассандра взглянула на него.

— Я думала, есть калитка.

— Есть, и я вам ее покажу.

— Вы хотите, чтобы я... — Она взглянула на лаз. — Не знаю, смогу ли я, даже если бы знала, как...

— На животе. Там не так узко, как кажется.

На сей счет у Кассандры имелись сомнения. Проход казался очень узким. Что ж, бесплодные поиски лишь укрепили решимость: она должна узнать, что на другой стороне. Кассандра упала на колени, так, что глаза оказались на одном уровне с лазом, и покосилась на Кристиана.

— Вы уверены, что это безопасно? Вы уже проделывали это прежде?

— Сотню раз, не меньше. — Он почесал шею. — Конечно, я тогда был моложе и меньше, но... — Его губы дернулись. — Я пошутил. Извините. Все будет в порядке.

Ей стало легче, когда голова оказалась на свободе. Кассандра поняла: она не погибнет оттого, что ее шею заклинит под кирпичной стеной. По крайней мере, не раньше, чем полезет обратно. Извиваясь, она поспешно протаскала через лаз все тело, встала, отряхнула руки и огляделась широко распахнутыми глазами.

Перед ней лежал сад, обнесенный стеной. Он сильно зарос, но прекрасный остов еще просматривался. Кто-то некогда заботился об этом саде. Остатки двух дорожек извивались вдоль и поперек, переплетаясь, как шнуровка на ирландских танцевальных туфлях. По бокам стояли шпалеры из фруктовых деревьев, и проволока зигзагом тянулась от верха одной

стены до верха другой. Жадные лозы глицинии переплелись и образовали что-то вроде полога.

Напротив южной стены росло старое дерево. Кассандра подошла ближе. Яблоня, та самая, сук которой свесился через стену. Она протянула руку и прикоснулась к одному из золотистых плодов. Дерево было метров пять высотой и формой напоминало японское растение бонсай, которое Нелл подарила Кассандре на двенадцать лет. За десятилетия короткий ствол покосился, и кто-то не поленился подбавить опору под большую ветвь, чтобы снять часть веса. Подпалина посередине напоминала об ударе молнии многолетней давности. Кассандра провела пальцами по ожогу.

— Волшебное место, правда? — Кристиан стоял в центре сада, рядом с ржавой железной скамейкой. — Даже ребенком я чувствовал это.

— Вы часто приходили сюда?

— Постоянно, здесь было мое тайное укрытие. Никто не знал про него. — Он пожал плечами. — Ну, наверное, никто.

Кассандра заметила, что за спиной Кристиана, на другой стороне сада, что-то мерцает на фоне стены, увитой лозой. Она подошла ближе. Металл сверкал на солнце. Калитка. Толстые, как канаты, плети лозы пересекали ее, гигантская паутина преграждала вход в логово паука. Или выход из него?

Кристиан подошел к Кассандре, вместе они убрали часть колючек. Им открылась латунная ручка, почерневшая от времени. Кассандра подергала ее. Закрыто.

— Интересно, что за ней?

— С другой стороны — лабиринт, который идет через все поместье, — пояснил Кристиан. — Он заканчивается рядом с гостиницей. В последние месяцы Майкл пытается восстановить его.

Лабиринт, ну конечно! Кассандра знала о нем. Где она прочла о лабиринте? В тетради Нелл? Или в одном из туристических проспектов, лежащих в гостинице?

Дрожащая стрекоза зависла поблизости, затем метнулась прочь. Они вернулись в центр сада.

— Почему ваша бабушка купила коттедж? — спросил Кристиан, смахивая с плеча упавший лист.

— Она родилась неподалеку.

— В деревне?

Кассандра помедлила, не зная, стоит ли рассказывать.

— Вообще-то в поместье. В Чёренгорбе. Она не знала, пока не умер ее приемный отец, ей тогда уже седьмой десяток пошел. Оказалось, что ее

родителями были Роза Мунтраше и Натаниэль Уокер. Он был...

— Художником, я знаю. — Кристиан подобрал с земли веточку. — У меня есть книга волшебных сказок с его иллюстрациями.

— «Волшебные сказки для девочек и мальчиков»?

— Да. — Он удивленно посмотрел на нее.

— У меня она тоже есть.

Кристиан поднял брови.

— А ведь по современным меркам их мало напечатали. Вы знаете, что Элиза Мейкпис жила здесь, в коттедже?

Кассандра покачала головой.

— Я знала, что она выросла в поместье...

— Большинство ее историй было написано в этом самом саду.

— Вы многое о ней знаете.

— Я недавно перечитывал волшебные сказки. Я любил их, когда был ребенком, с тех самых пор, как нашел старую книгу в местном благотворительном магазине. В ее историях было что-то чарующее, большее, чем видно глазу. — Он соскреб грязь с ботинка. — Наверное, взрослый мужчина, который читает детские волшебные сказки, выглядит довольно забавно.

— Мне так не кажется. — Кассандра заметила, что он поднимает и опускает плечи, не вынимая рук из карманов, как будто нервничает. — Какую сказку вы любите больше всего?

Кристиан наклонил голову и чуть сощурился, глядя на солнце.

— «Глаза старухи».

— Серьезно? Почему?

— Она всегда казалась отличной от других, более глубокой, что ли. К тому же в восемь лет я до смерти влюбился в принцессу. — Кристиан робко улыбнулся. — Кому бы не понравилась девочка, чей замок разрушен, подданные перебиты, а она мужественно отправляется на поиски и находит пропавшие глаза старухи?

Кассандра тоже улыбнулась. Сказка о смелой принцессе, которая не знала, что она принцесса, была первой волшебной сказкой Элизы, которую прочла Кассандра. Было это в тот жаркий брисбенский день, ей было десять, она не подчинилась указаниям бабушки и нашла чемодан под кроватью.

Кристиан разломил пополам веточку и отбросил в сторону.

— Полагаю, вы намерены попробовать продать коттедж?

— А что? Хотите его купить?

— На зарплату, которую мне платит Майк? — На мгновение их глаза

встретились. — Как же, ждите.

— Не знаю, как мне привести коттедж в порядок, — сказала Кассандра. — Я не представляла, сколько здесь работы. Сад, дом, — она указала вверх южной стены, — дыра в чертовой крыше.

— Вы надолго приехали?

— Я заказала номер в гостинице еще на три недели.

Кристиан кивнул.

— Времени должно хватить.

— Вы так считаете?

— Конечно.

— Вот это уверенность! Вы ведь даже не видели, как я орудую молотком.

Он взял свободный стебель глицинии и переплел его с другим.

— Я помогу вам.

Кассандра покраснела от смущения: он решил, что она намекает.

— Я не имела... У меня нет... — Она выдохнула. — У меня нет денег на реставрацию, вообще нет.

Кристиан улыбнулся — впервые она увидела его нормальную улыбку.

— Я уже работаю за гроши. Могу с тем же успехом работать даром в том месте, которое люблю.

Глава 33

Тредженна, Корнуолл, 1975 год

Нелл смотрела на волнующееся море. Это был ее первый хмурый день в Корнуолле, и весь пейзаж словно подрагивал: белые домики, которые цеплялись за холодные скалы, серебристые чайки, серое небо — отражение разбухшего моря.

— Лучший вид во всем Корнуолле, — сказала агент по недвижимости.

Нелл не удостоила ее глупость ответом, а продолжила наблюдать через слуховое оконце за перекатами волн.

— Рядом есть еще одна спальня. Поменьше, но все же спальня.

— Мне нужно больше времени на осмотр, — сказала Нелл. — Я присоединюсь к вам внизу, когда закончу.

Агент, похоже, рада была вырваться на волю, и через минуту Нелл увидела, как она вышла из передней калитки, кутаясь в пальто.

Нелл понаблюдала, как женщина сражается с ветром, пытаясь прикурить, затем позволила взгляду скользнуть в сад. Из окна было плохо видно, мешал потрепанный гобелен из лоз, но каменную голову мальчика вполне можно было различить.

Нелл облокотилась на пыльную оконную раму и погладила ладонями загрубелое от соли дерево. Теперь она точно знала, что уже бывала в этом доме ребенком, стояла на этом же самом месте, в этой же комнате, смотрела на это же море. Она закрыла глаза и позволила памяти резче очертить детали.

Там, где она сейчас стояла, была кровать, односпальная простая, с латунными спинками и тусклыми шишечками, которые нуждались в полировке. С потолка свисал опрокинутый конус сети, точно белая дымка, что висела на горизонте, когда бури волновали море. Лоскутное одеяло, прохладное под коленями; рыбацкие лодки качаются на волнах; цветочные лепестки плавают в пруду под окнами.

Сидеть на окне, выступающем из стен коттеджа, было все равно, что висеть на вершине утеса, подобно принцессе в одной из ее любимых сказок, принцессе, которую превратили в птицу и оставили раскачиваться в золотой клетке...

Громкие голоса внизу, папин и Сочинительницы.

Ее имя — Айвори, резкое и зазубренное, как звезда, вырезанная из картона острыми ножницами. Ее имя — оружие.

Полетели очередные злые слова. Почему папа кричит на Сочинительницу? Папа, который никогда не повышает голос.

Девочка испугалась, она не хотела слушать.

Нелл покрепче закрыла глаза, пытаясь услышать.

Девочка заткнула уши, она мысленно пела песенки, рассказывала истории, думала о золотой клетке, о принцессе-птице, которая раскачивается и ждет.

Нелл попыталась отогнать детскую песенку, образ золотой клетки. В холодных глубинах ее сознания крылась истина, ждала, когда же Нелл схватит ее и вытащит на поверхность...

Но не сейчас. Женщина открыла глаза. Вихри воспоминаний были слишком скользкие, вода вокруг них — слишком мутной.

Нелл спустилась по узкой лестнице.

Агент заперла ворота, и они молча отправились по тропинке туда, где была припаркована машина.

— Так что вы думаете? — спросила агент небрежным тоном человека, который полагает, будто знает ответ.

— Я покупаю его.

— Возможно, я могла бы предложить вам... — Агент оторвала взгляд от дверцы машины. — Вы покупаете его?

Нелл снова взглянула на бурное море и туманный горизонт. Она любила ненастье. Когда облака висели низко, когда грозил пойти дождь, она словно возрождалась. Дышала глубже, думала яснее.

Нелл не представляла, как заплатит за дом, что продаст ради этого. Но она знала, что должна обладать коттеджем, и это было так же верно, как то, что дважды два — четыре. Знала с того самого мгновения, когда вспомнила маленькую девочку у рыбного пруда, девочку, которая была ею.

Всю обратную дорогу до «Тредженна-инн» агент, задыхаясь, обещала заключить контракт, как только его напечатает. У нее есть на примете хороший солиситор, Нелл тоже может к нему обратиться. Нелл закрыла дверцу машины и поднялась по ступеням в фойе. Она так старательно

пыталась вычислить разницу во времени — кажется, плюс три часа, и не утро, а вечер? — чтобы позвонить своему банковскому управляющему и попытаться объяснить внезапное приобретение корнуоллского коттеджа, что не увидела женщину, идущую навстречу, и они едва не столкнулись.

— Простите.

Нелл встала как вкопанная.

Робин Мартин быстро моргала, глядя на нее из-под очков.

— Вы меня ждали? — спросила Нелл.

— Я вам кое-что принесла. — Робин протянула Нелл стопку скрепленных бумаг. — Это исследование для статьи, посвященной семье Мунтраше, которую я пишу. — Она неуклюже посторонилась. — Я слышала, вы спрашивали об этом Гампа, и знаю, что он не мог... Что проку от него было мало. — Робин пригладила и без того гладкие волосы. — Вообще-то тут собрано все подряд, но я подумала, вдруг вам будет интересно.

— Спасибо, — искренне поблагодарила Нелл. — И простите, если я...

Робин кивнула.

— Как ваш дедушка?

— Намного лучше. Вообще-то я хотела спросить, не придете ли вы еще раз на ужин, как-нибудь на следующей неделе, в дом Гампа.

— Мне лестно, — сказала Нелл, — но, боюсь, ваш дедушка будет против.

Робин помотала головой, ее волосы аккуратно качнулись.

— Нет-нет, вы неправильно поняли.

Нелл подняла брови.

— Это его идея, — пояснила Робин. — Он сказал, что должен вам кое-что рассказать. О коттедже и Элизе Мейкпис.

Глава 34

«Кунард»,^[34] лайнер «Лузитания»

Мисс Элизе Мунтраше,
Чёренгорб-мэнор,
Корнуолл, Англия

9 сентября 1907 года

Дорогая Элиза!

Что за чудо эта «Лузитания»! Кузина, пока я пишу тебе письмо, сидя на верхней палубе за изящным столиком в кофейной веранде и любясь широкой голубой Атлантикой, гигантский «плавающий отель» стремительно несет меня к Нью-Йорку.

На борту царит атмосфера чудесного праздника, все преисполнено надеждой, что «Лузитания» отнимет у Германии «Голубую ленту Атлантики».^[35] На пристани в Ливерпуле, когда огромный корабль уже отшвартовался и начал свой первый рейс, толпа еще распевала «Британцы никогда, никогда не сдадутся»^[36] и размахивала флагами так щедро и быстро, что, даже когда мы отплыли и люди на берегу превратились в крошечные точки, я видела развевающиеся флаги. Когда корабли загудели на прощание, признаюсь, у меня по рукам побежали мурашки, а в сердце закипела гордость. Как чудесно быть частью столь значительных событий! Интересно, запомнит ли нас история? Я надеюсь! Подумать только, что возможно коснуться исторического момента и тем самым преодолеть границы человеческой жизни!

Я знаю, что ты скажешь о «Голубой ленте Атлантики» —

что это примитивная гонка, которую выдумали глупцы, лишь бы доказать, что их корабль может обогнать другой, принадлежащий еще большим глупцам! Как чудесно, дорогая Элиза, находиться здесь, дышать воздухом волнения и состязания! Ах, могу лишь сказать, что это бодрит. Я никогда еще не ощущала себя настолько живой, и хотя я знаю, что ты закатишь глаза, позволь все же доверить тебе мое самое сердечное желание — совершить наше путешествие в рекордные сроки и вернуть Британии ее законное место.

Весь корабль удобно устроен, и порой трудно вспомнить, что мы в море. Мы с мамой расположились в одном из двух «королевских люксов» — в него входят пара спален, гостиная, столовая, личная ванная комната, уборная и кладовка. Номер прелестно декорирован, немного напоминает изображения Версаля из книги мисс Трантон, той, что она приносила летом в классную комнату.

Я слышала, как одна прекрасно одетая дама заметила, что «Лузитания» больше похожа на отель, чем все прочие корабли, на которых она до сих пор путешествовала за границу. Я не знаю, кто была та дама, но совершенно уверена, что она — очень важная особа, поскольку мамой овладел редкий приступ немоты, когда мы оказались рядом с ней. Не бойся, он продлился недолго — маму невозможно надолго смутить. Она быстро обрела дар речи и с тех пор стала наверстывать упущенное время. Наши соседи — настоящие сливки лондонского общества, если верить маме, и потому должны быть «очарованы» нами. Мне четко и ясно приказано появляться только в лучшем виде — слава богу, у меня целых два гардероба и я пребываю во всеоружии! В кои-то веки мы с мамой сошлись во мнениях, хотя, конечно, не во вкусах! Она без конца указывает на джентльменов, которых почитает прекрасными партиями, а я часто прихожу от них в ужас. Но довольно, боюсь утратить расположение своей дражайшей кузины, если слишком долго задержусь на подобных предметах.

Итак, вернемся к кораблю — я провела определенные исследования, разумеется, затем, чтобы моя Элиза гордилась мной. Вчера утром я сумела ненадолго сбежать от мамы и провести чудесный час в саду на верхней палубе. Я думала о тебе, дорогая, о том, как бы ты удивилась, увидев, что подобную

растительность можно развести на борту корабля. Там повсюду кадки, полные зеленых деревьев и самых замечательных цветов. Мне было радостно сидеть среди них (никто лучше меня не знает целительных способностей сада), и я предалась всевозможным глупым грезам. (Ты, думаю, легко вообразишь, какими тропами скитались мои фантазии...)

Ах! Но до чего жаль, что ты не смягчилась и не поехала с нами, Элиза. Я найду время для краткого и кроткого упрека, ведь я попросту не понимаю тебя. В конце концов, именно ты впервые заметила, что хорошо бы когда-нибудь вдвоем отправиться в Америку, собственными глазами увидеть небоскребы Нью-Йорка и великую статую Свободы. Не представляю, что заставило тебя отвергнуть подходящую возможность и остаться в Чёренгорбе в компании одного лишь отца. Ты неизменно представляешь для меня загадку, дорогая, хоть я и знаю, что бессмысленно с тобой спорить, когда ты что-то решила, моя милая упрямая Элиза. Скажу лишь, что уже скучаю по тебе и часто представляю, каким проказам мы предавались бы, если бы ты была здесь со мной. (Как бы мы поиграли на бедных маминых нервах!) Странно думать о том времени, когда я тебя не знала, мне кажется мы всегда были вместе, а годы, проведенные в Чёренгорбе до твоего приезда, — лишь ужасный период ожидания.

Все, мама зовет. Похоже, нас опять ждут в столовой. (Еда, Элиза! Мне приходится прогуливаться по палубе между приемами пищи, чтобы существовала призрачная надежда в следующий раз съесть из вежливости хоть что-нибудь!) Несомненно, мама подцепила какого-нибудь графа или сына богатого промышленника, чтобы составить компанию за столом. Дочерям не следует опускать руки, мама права: я никогда не встречу своего суженого, если буду сидеть взаперти.

Итак, я прощаюсь с тобой, дорогая Элиза. Скажу напоследок, что, хоть тебя и нет со мной, твой дух, несомненно, рядом. Я знаю, что когда впервые увижу прославленную даму, воспевающую свободу, что вечно бдит над портом, то услышу голос своей кузины Элизы, произносящий: «Ты только посмотри на нее и представь, сколько она повидала».

Твоя навеки, любимая кузина

Роза.

Элиза крепче сжала пальцами обернутый коричневой бумагой сверток. Стоя в дверях универсального магазина Тредженны, она смотрела, как темно-серое облако-одеяло висит над зеркальным морем. Дымка на горизонте предупреждала о морских бурях, в воздухе дрожали беспокойные капельки воды. Элиза не взяла сумку, потому что, выходя из дома, не собиралась в деревню. Но в какой-то миг ее так пленила начатая история, что потребовалось немедленно ее запечатлеть. Пяти последних страниц тетради категорически не хватало, Элиза настоятельно нуждалась в новой и потому, не подготовившись, отправилась за покупками.

Элиза еще раз глянула на хмурое небо и быстро зашагала вдоль гавани. Когда она достигла развилки, то вместо главной дороги пошла по узкой тропе вдоль утеса. Она никогда еще не ходила по ней, лишь Дэвис как-то упомянул, что короткий путь от поместья до деревни пролегает вдоль края утеса.

Подъем был крутым, а трава — высокой, но Элиза шла быстро. Она остановилась лишь раз, чтобы взглянуть на плоское гранитное море, по которому возвращалась на ночлег флотилия белых рыбацких лодочек. Элиза улыбнулась — точно молодые воробушки летят в гнездо, спешат после дня, проведенного за исследованием границ огромного мира.

Однажды она пересечет море, все целиком, совсем как ее отец. Так много миров ждет за горизонтом: Африка, Индия, Ближний Восток, страны противоположного полушария! В далеких краях она найдет новые истории, старинные волшебные сказки.

Дэвис посоветовал ей записывать свои собственные сказки, и Элиза послушалась. Она исписала двенадцать тетрадей, но до сих пор не остановилась. Напротив, чем больше она писала, тем громче становились истории, они кружились у нее в голове, давили, стремились вырваться на свободу. Элиза не знала, хороши ли ее сказки, и, по правде говоря, ей было все равно. Истории принадлежали ей, и оттого, что были записаны, казалось, происходили в реальности. Герои, которые танцевали у нее в голове, и на бумаге становились ярче, приобретали те черты, которых Элиза не придумывала, говорили то, о чем она и не подозревала, начинали вести себя непредсказуемо.

У ее историй была небольшая, но благодарная аудитория. Каждую ночь после ужина Элиза прокрадывалась к Розе в постель, совсем как в детстве, и начинала читать свою новую сказку. Роза слушала, распахнув

глаза, ахая и вздыхая именно там, где нужно, и радостно смеясь в страшных местах.

Именно Роза уговорила Элизу послать одну из сказок в лондонский офис журнала «Время детских историй».

— Разве ты не хочешь увидеть их напечатанными? Тогда они станут настоящими историями, а ты — настоящей писательницей.

— Они и так уже настоящие истории.

Роза приняла лукавый вид.

— Но если их напечатают, ты приобретешь небольшой доход.

Собственный доход интересовал Элизу, о чем Роза прекрасно знала. До сих пор Элиза всецело зависела от тети и дяди, но в последнее время ее начал волновать вопрос, где найти деньги на путешествия и приключения, которые, как она знала, таились в ее будущем.

— И уж конечно, маме это не понравится, — сказала Роза, сжав руки под подбородком и прикусив губу, чтобы не улыбнуться. — Леди Мунтраше зарабатывает на жизнь!

Реакция тети Аделины, как всегда, мало значила для Элизы, но то, что другие люди прочтут ее истории... С тех самых пор, как Элиза обнаружила книгу сказок в тряпичной лавке миссис Суинделл и растворилась в поблекших страницах, она поняла власть историй, их волшебную способность затягивать раны в душах людей.

Морось превратилась в легкий дождь, и Элиза побежала, прижимая тетрадь к груди. Сырые пряди травы хлестали ее мокрую юбку. Что скажет Роза, когда узнает, что детский журнал собирается напечатать «Подменыша»? Что Элизу попросили показать и другие сказки? Она улыбалась на бегу сама себе.

Еще две недели, и Роза наконец вернется домой. Элиза уже едва могла ждать. Как она скучала по кухне! Роза весьма небрежно отнеслась к написанию писем — от нее пришла одна весточка, составленная по дороге в Америку, и ничего больше, так что Элиза с нетерпением ожидала новостей о великом городе. Она хотела бы сама увидеть Нью-Йорк, но тетя Аделина не оставила надежды.

— Губи свои собственные перспективы, ради бога, — сказала она как-то вечером, когда Роза ушла спать. — Но я не позволю разрушить будущее Розы твоими варварскими манерами. Она никогда не встретит своего суженого, если не будет блистать. — Тетя Аделина выпрямилась во весь рост. — Я заказала два билета до Нью-Йорка. Один для Розы и один для меня. Хотелось бы избежать недоразумений, и потому лучше, если моя дочь будет считать, что решение приняла ты.

— Зачем мне лгать Розе?

Тетя Аделина вздохнула, ее щеки провалились.

— Чтобы она была счастлива, разумеется. Разве ты не желаешь ей счастья?

Когда Элиза достигла вершины холма, раскат грома эхом отразился от стен утеса. Небо темнело, дождь становился все сильнее. На поляне стоял дом. Элиза поняла, что это тот самый домик, который притулился по другую сторону огороженного сада, подаренного ей дядей Лайнусом. Она укрылась на крыльце и прижалась к двери, но дождь лил с крыши все сильнее.

Прошло два месяца с тех пор, как Роза и тетя Аделина уехали в Нью-Йорк, и, хотя время стало тянуться медленнее, первый месяц в вихре прекрасной погоды и замечательных историй пролетел незаметно. Элиза все дни проводила между двумя любимыми местами в поместье: черной скалой в бухте, на вершине которой тысячелетия приливов и отливов выдолбили место для сидения, и тайным садом в конце лабиринта, ее личным садом. Как чудесно обладать своим собственным местом, целым садом, в котором можно проводить время! Иногда Элиза сидела на железной скамейке совершенно неподвижно и только слушала, как ветер срывает листья и кидает их в стены, как негромко дышит океан, как птицы поют о своем. Когда Элиза сидела особенно тихо, ей казалось, что она почти слышит, как цветы благодарно вздыхают на солнце.

Но в тот день солнце ушло, а небо и море слились в сером волнении за краем утеса. Дождь продолжал лить, и Элиза вздохнула. Нечего и пытаться пройти в сад, а затем через лабиринт, если, конечно, она не хочет насквозь промокнуть и намочить новую тетрадь. Вот бы найти дерево с дуплом и в нем укрыться! На краешке фантазии Элизы затрепетала идея рассказа, она ухватила за нее и не отпускала, пока та отращивала руки, ноги и ясные очертания.

Элиза достала простой карандаш, который всегда носила под корсажем, положила тетрадь на согнутое колено и принялась писать.

Здесь, в царстве птиц, ветер был сильнее и начал задувать дождь в ее укрытие, роняя кляксы на нетронутые страницы. Элиза прижалась к двери, но дождь все равно нашел ее.

Так дело не пойдет! Где же ей писать, если надолго установится плохая погода? И бухта, и сад перестанут быть хорошим укрытием. Конечно, есть дядин дом с сотней комнат, но Элиза обнаружила, что сложно писать, когда кто-нибудь все время находится рядом. Думаешь, что одна, — и вдруг видишь, что горничная стоит на коленях у огня и ворошит

угли или дядя молча сидит в тусклом, темном углу.

Целое ведро воды приземлилось у ног Элизы, намочив крыльцо. Она закрыла тетрадь и нетерпеливо застучала пятками по каменному полу. Ей нужно укрытие получше. Вдруг Элиза увидела красную дверь за спиной. Как она ее раньше не заметила? Из замка торчала богато украшенная головка большого латунного ключа. Ни секунды не медля, Элиза повернула ее влево. Механизм поддался с глухим лязгом. Она положила ладонь на дверную ручку, гладкую и необъяснимо теплую, и повернула ее. Послышался щелчок, и дверь отворилась, точно по волшебству.

Элиза шагнула через порог, словно в темную сухую пещеру.

Лайнус сидел под черным зонтом и ждал. Он не видел Элизу весь день, и беспокойство сквозило во всех его движениях. Она придет, он знал это, Дэвис сказал, что девочка собиралась навестить сад, а другого пути оттуда нет. Лайнус позволил векам опуститься, и его сознание скользнуло в прошлое, сквозь годы, в те дни, когда Джорджиана каждый день пропадала в саду. Она вновь и вновь предлагала ему прийти посмотреть, какие растения она посадила, но Лайнус неизменно отказывался. Однако он ждал ее, не ложился спать, пока его *baaigneur* опять и опять не возникала меж изгородей. Иногда Лайнус вспоминал, как много лет назад лабиринт пленил его. Что за изысканное чувство он испытывал — любопытную смесь детского стыда и радости, возникающей при появлении сестры!

Он открыл глаза и затаил дыхание. Сначала Лайнус решил, что пал жертвой собственных фантазий и желаний, но нет, то была Элиза, она шла, глубоко погруженная в свои мысли, и не видела его. Пересохшие губы Лайнуса проглотили слова, которые он хотел произнести.

— Дитя, — окликнул он.

Элиза удивленно подняла глаза.

— Дядя, — медленно улыбнулась она и развела руки в стороны, в одной из них был коричневый пакет. — До чего внезапный дождь!

Ее юбка промокла, прозрачный подол лип к ногам. Лайнус не мог отвести глаз.

— Я... я боялся, что тебя может настигнуть непогода.

— Чуть не настигла. Но я нашла укрытие в коттедже, в маленьком домике по ту сторону лабиринта.

Мокрые волосы, мокрый подол, мокрые лодыжки. Лайнус сглотнул, воткнул трость в сырую землю и с усилием встал.

— Тот коттедж кому-нибудь нужен, дядя? — Элиза подошла ближе. — Похоже, в нем никто не бывает.

Ее запах — дождя, соли, земли. Он оперся о трость и чуть не упал. Элиза подхватила его.

— Сад, дитя, расскажи мне о саде.

— Ах, дядя, как он растет! Обязательно придите как-нибудь и посидите среди цветов. Сами увидите, что я посадила.

Ее руки на его плечах были теплыми, а хватка — крепкой. Он отдал бы весь остаток жизни, чтобы остановить время и навсегда остаться в этом мгновении, он и его Джорджиана...

— Лорд Мунтраше! — Томас в смятении бежал к ним от дома. — Вашей светлости следовало попросить о помощи.

Элиза больше не держала его, Томас сменил ее. Лайнусу осталось лишь смотреть, как она поднимается по лестнице и исчезает в вестибюле. Элиза на мгновение остановилась, чтобы забрать утреннюю почту, и его дом окончательно поглотил ее.

*Мисс Роза Мунтраше,
«Кунард», лайнер «Лузитания»*

*Мисс Элизе Мунтраше,
Чёренгорб-мэнор,
Корнуолл, Англия*

14 ноября 1907 года

Дорогая Элиза!

Что за время! Столько всего произошло с последней нашей встречи, и я даже не знаю, с чего начать. Во-первых, я должна извиниться, что не писала писем на прошлой неделе. Наш последний месяц в Нью-Йорке стал настоящим вихрем. Я в первый раз села, чтобы написать тебе, когда мы покинули великий американский порт, но налетел такой ужасный шторм, что я почти поверила, будто вернулась в Корнуолл. Как гремел гром! А шквалистый ветер! Я целых два дня пролежала в каюте, а бедняжка мама довольно сильно позеленела и требовала постоянной заботы — какой поворот событий, мама заболела, и болезненная Роза стала ее сиделкой!

Шторм, наконец утих, а туман держался еще много дней и реял вокруг судна, точно огромное морское чудовище. Он

напомнил мне о тех историях, дорогая Элиза, которые ты сочиняла, когда мы были девочками, о русалках и кораблях, пропавших в море.

Сейчас небо совсем очистилось, и мы все ближе и ближе к Англии...

Постой, зачем я рассказываю тебе о погоде, когда мне столько надо поведать? Я знаю ответ: чтобы не выдать своих подлинных намерений, прежде чем озвучить свои настоящие новости, ведь... Ах! С чего начать...

Ты помнишь, Элиза, дорогая, я рассказывала в моем последнем письме, как мы с мамой познакомились с некими знатными людьми? Одна из них, леди Дадмор, оказалась весьма важной особой, более того, похоже, она прониклась ко мне симпатией, поскольку мы с мамой получили множество рекомендаций и были таким образом введены в высшие круги нью-йоркского общества. Какими сверкающими бабочками мы порхали с одного бала на другой!..

Но я опять тяну время, ведь тебе незачем знать о каждом званом вечере, каждой партии в бридж! Дразжайшая Элиза, более не медля, я задержу дыхание и напишу прямо — я обручена! Обручена и выхожу замуж! Дорогая Элиза, я так переполнена радостью и изумлением, что едва осмеливаюсь размыкать уста из опасения, что начну безудержно сливать свои чувства к любимому. Этого я делать не стану — не здесь, не сейчас. Я отказываюсь принижать свои высокие чувства беспомощной попыткой облечь их в слова. Вместо этого я подожду, пока мы снова встретимся, и тогда я все тебе расскажу. А пока, моя кузина, довольствуйся тем, что я парю в огромном и сверкающем облаке счастья.

Мне никогда еще не было так хорошо, и я должна поблагодарить тебя, моя дорогая Элиза, — ты в Корнуолле взмахнула своей волшебной палочкой и исполнила мою заветную мечту. Ведь мой жених (ах, как восхитительно писать эти два слова — мой жених!) совсем не то, что ты, возможно представляешь. Хотя почти во всем он само совершенство — красивый, умный и добрый, — в финансовом отношении он настоящий бедняк! (Ты, верно, уже начала догадываться отчего я подозреваю тебя в пророческом даре...) Он в точности такая пара для меня, какую ты придумала в «Подменьше»! Откуда же

ты знала, дорогая, что мне вскружит голову подобный человек?

Бедная мама находится в состоянии крайнего изумления (хотя ей уже стало немного легче). Разумеется, она почти не разговаривала со мной несколько дней после того, как я сообщила о своей помолвке. Она, конечно, всей душой мечтала о более выгодной партии и не замечала, что меня ничуть не интересуют ни деньги, ни титул. То были ее желания, и хотя, должна признать, некогда я разделяла их, ныне все изменилось... Как можно, когда мой принц пришел за мной и отпер дверь золотой клетки?

Безумно хочу вновь тебя увидеть, Элиза, и разделить с тобой свою радость. Я ужасно скучаю по тебе.

Остаюсь твоей любящей, сейчас и вовеки, кузиной

Розой.

Если честно, Аделина винила себя. Разве она, в конце концов, не сопровождала Розу на каждое блистательное мероприятие во время визита в Нью-Йорк? Разве не назначала себя дуэньей на бал, который мистер и миссис Ирвинг давали в роскошном доме на Пятой авеню? Хуже того, разве она не кивала Розе одобрительно, когда лихой молодой человек с темными волосами и полными губами подошел с приглашением на танец?

— Ваша дочь — красавица, — шепотом сказала миссис Фрэнк Гастингс, наклонившись к уху Аделины, когда яркая молодая пара отправилась танцевать. — Сегодня она затмила всех.

Аделина заерзала — о да, самодовольно — на сиденье. (Не в тот ли миг началась ее гибель? Господь заметил ее гордыню?)

— Красота моей дочери равна чистоте ее души.

— А Натаниэль Уокер, несомненно, хорош.

Натаниэль Уокер. Она впервые услышала его имя.

— Уокер, — задумчиво произнесла она.

В имени звенела нотка надежности. Кажется, она слышала о семействе Уокер, которое сделало состояние на нефти. Нувориши, но времена меняются, и более не постыдно сводить титул с богатством.

— Кто он?

Возможно, Аделине лишь показалось, что плохо скрываемая радость на мгновение оживила унылые черты миссис Гастингс.

— О, да никто, в общем-то. — Она приподняла выщипанную бровь. —

Художник, видите ли, которого, бог знает почему, поддерживает один из младших мальчиков Ирвингов.

Улыбка Аделины потухла, но сама она держалась. Еще не все потеряно, в конце концов, живопись — весьма благородное хобби...

— Ходят слухи, — миссис Гастингс нанесла сокрушительный удар, — что мальчик Ирвингов встретил его на улице! Сын иммигрантов, и притом поляков. Может, он и называет себя Уокером, но сомневаюсь, что это написано в его иммиграционных бумагах. Я слышала, что он зарабатывает на жизнь рисованием!

— Масляных портретов?

— О нет, ничего значительного. Какие-то каракули углем, насколько я поняла. — Она прикусила губу, пытаясь скрыть веселье. — Конечно, он высоко вознесся. Родители — католики, отец работал в порту.

Аделина подавила желание завопить, когда миссис Гастингс откинулась обратно на спинку позолоченного кресла и губы ее искривились в злорадной усмешке.

— Однако какой вред в том, чтобы юная девушка потанцевала с красивым мужчиной?

Аделина, чтобы скрыть панику, изобразила приторную улыбку.

— Никакого вреда, — согласилась она.

Но как она могла в это поверить, когда в ее голове уже вспыхнул образ молоденькой девушки, которая стояла на вершине корнуоллского утеса с распахнутыми глазами и открытым сердцем и смотрела на красивого мужчину, обещавшего, казалось, так много? Нет, ничего хорошего не ждет юную даму, которую увлекут мимолетные знаки внимания красивого мужчины.

Прошла неделя — вот, собственно, и все, что можно было сказать. Аделина показывала Розу достойным молодым джентльменам. Она ждала и надеялась, мечтала, что искра интереса озарит лицо дочери. Но каждый вечер испытывала разочарование. Розе не было дела ни до кого, кроме Натаниэля, а его, похоже, интересовала только она. Словно пленница опасной одержимости, Роза попала в ловушку, и достучаться до нее не получалось. Аделине приходилось бороться с желанием отхлестать дочь по щекам, которые горели ярче, чем имеют право гореть щеки утонченной молодой особы.

Аделину тоже преследовало лицо Натаниэля Уокера. На каждом ужине, танцах или чтении, которые они посещали, она осматривала комнату, выискивая его. Страх создал навязчивый образ у нее в голове, все остальные лица расплылись, четкими остались лишь его черты. Она начала

видеть Уокера, даже когда его не было. Аделине снились порты, лодки и бедные семьи. Иногда действие в ее снах происходило в Йоркшире, и тогда ее собственные родители играли роль семьи Натаниэля. Ах, ее бедный одурманенный рассудок, подумать только, до чего она дошла!

А потом, однажды вечером, все же произошло худшее. Они побывали на балу, всю обратную дорогу, сидя в экипаже, Роза не проронила ни слова. Это было то самое молчание, которое знаменует сердечную решимость и прозрение. Как если бы кто-то хранил тайну и бережно ее лелеял, перед тем как выдать себе на погибель.

Ужасный миг наступил, когда Роза переодевалась ко сну.

— Мама, — сказала она, расчесывая волосы, — я хочу тебе кое-что рассказать...

А потом слова, слова, которых Аделина так боялась. Любовь... судьба... навсегда...

— Ты молода, — быстро сказала леди Мунтраше, перебивая Розу. — Вполне понятно, что ты можешь перепутать дружбу с любовью иного рода.

— Мои чувства — не только дружеские, мама.

В душе Аделины разгоралось пламя.

— Это было бы катастрофой. У него ничего нет...

— У него есть он сам, а большего мне не надо.

Какая настойчивость, какая невыносимая уверенность!

— Это говорит о твоей наивности, Роза, о твоей юности.

— Я не настолько юна, чтобы не знать, чего хочу, мама. Мне уже девятнадцать. Разве ты привезла меня в Нью-Йорк не для того, чтобы я встретила своего суженого?

— Этот мужчина — не твой суженый, — еле слышно произнесла Аделина.

— Откуда ты знаешь?

— Я — твоя мать. — Как жалки ее возражения. — Ты красива, из влиятельной семьи и все же готова довольствоваться столь малым?

Роза тихо вздохнула, как бы призывая закончить разговор.

— Я люблю его, мама.

Аделина закрыла глаза. Молодость! Чего стоят самые разумные аргументы по сравнению с надменной силой этих трех слов? Ее дочь, ее бесценное сокровище, произносит их так легко и говорит при этом о таком мужчине, как Уокер!

— И он любит меня, мама, он сам мне сказал.

Сердце Аделины сжалось от страха. Милая девочка ослеплена глупыми мыслями о любви. Как объяснить ей, что сердцем мужчины

завладеть не так просто и, даже завладев, редко удастся удержать?

— Ты поймешь меня, — сказала Роза. — Я буду жить долго и счастливо, совсем как в сказке Элизы. Знаешь, она написала ее, как будто предчувствуя, что произойдет!

Элиза! Аделина вскипела. Даже здесь, в такой дали, девчонка представляла угрозу. Ее влияние преодолело океан, ее гадкие нащептывания уничтожили будущее Розы, заставили ее совершить самую большую ошибку в жизни.

Аделина плотно сжала губы. Выходит, Роза поборола бесчисленные болезни и недомогания лишь затем, чтобы погубить себя в неравном браке.

— Ты должна разорвать помолвку. Он поймет. Он должен был знать, что тебе никогда не позволят...

— Мы помолвлены, мама. Он просил моей руки, и я согласилась.

— Разорви помолвку.

— Ни за что.

Аделина прижалась спиной к стене.

— Тебя будут избегать в обществе, выгонят из родного дома.

— Тогда я останусь там, где меня любят. В доме Натаниэля.

Как до этого дошло? Ее Роза говорит такое! Хотя знает, что разбивает материнское сердце. Голова у Аделины кружилась, ей надо было присесть, не говоря уже о Розе в роли жены, он просто не сможет не преуспеть.

— Прости, мама, — тихо сказала Роза, — но я не передумаю, я не могу. Не проси меня.

После этого они несколько дней не разговаривали, за исключением, конечно же, банальных светских любезностей, пренебречь которыми не смогла бы ни одна из них. Роза решила, что мама обиделась, но ошиблась. Та погрузилась в раздумья. Аделина всегда умела подчинить страсть логике.

Настоящее уравнение было невозможно принять, следовательно, необходимо изменить одну из переменных. Если не решимость Розы, значит, самого жениха. Он должен стать человеком, достойным руки ее дочери, человеком, о котором люди говорят с благоговением и завистью. И Аделине показалось, что она знает, как именно вызвать подобную переменную.

В сердце каждого человека таится пропасть. Темная бездна некой потребности, удовлетворение которой важнее всего прочего. Аделина подозревала, что пропасть Натаниэля Уокера — это самый опасный род гордости — гордость бедняка. Жажда показать себя, возвыситься над низким происхождением и превзойти отца. Чем больше Аделина

наблюдала за Натаниэлем Уокером, тем больше сознавала, что права, даже без биографии, столь охотно предоставленной миссис Гастингс. Она подмечала в его походке, старательном блеске обуви, живости улыбки и громкости смеха черты человека, который выбрался из грязи и увидел блистательный мир, высоко парящий над его собственным. Человека, чей пышный наряд красовался на теле бедняка.

Аделина прекрасно сознавала его слабость, поскольку то была и ее слабость тоже. Она прекрасно понимала, что делать. Она должна увериться, что Уокер получит все преимущества, должна стать главным его сторонником, рекомендовать его творения сливкам общества, добиться, чтобы его имя стало синонимом элитных портретов. С ее громким одобрением, с его приятной внешностью и обаянием.

И Аделина постарается, чтобы он никогда не забыл, чьи руки дергают за ниточки его благополучия.

Элиза уронила письмо на постель. Роза помолвлена и выходит замуж. Новость не должна была стать такой неожиданностью. Кузина часто говорила о своих надеждах на будущее, желании иметь мужа и семью, большой дом и собственный выезд. И все же Элизе было не по себе.

Она открыла новую тетрадь и легонько провела пальцами по первой странице с пятнами от дождя. Затем нарисовала линию, рассеянно наблюдая, как она становится то темнее, то светлее в зависимости от того, по мокрому или по сухому идет. Элиза начала сочинять историю, какое-то время царапая карандашом по бумаге, но вскоре отложила тетрадь.

Наконец она откинулась на подушку. Что толку отрицать: ей не по себе, что-то застряло в животе, круглое и одновременно острое, тяжелое и горькое. Уж не заболела ли она? Возможно, от дождя? Мэри часто предупреждала, что в такую погоду не стоит выходить на улицу.

Элиза повернула голову и посмотрела на стену, как в пустоту. Роза, ее союзник, ее кузина, которую так приятно развлекать, выходит замуж. С кем разделит Элиза свой тайный сад? Свои истории? Свою жизнь? Как так вышло, что будущее, увиденное столь ярко — впереди простирались годы, полные путешествий, приключений и сочинительства, — так внезапно, так безнадежно оказалось химерой?

Ее взгляд скользнул в сторону, на холодное стекло туалетного столика. Элиза редко смотрелась в зеркало, и за время, прошедшее с последней встречи с собственным отражением, что-то в ней исчезло. Она села и придвинулась ближе, изучая себя.

Понимание не заставило ждать. Она увидела, что именно потеряла.

Отражение принадлежало взрослой женщине, в нем негде было спрятаться лицу Сэмми. Брат покинул ее.

А теперь покидает и Роза. Кто он, тот мужчина, который в мгновение ока украл у нее самую дорогую подругу?

Элизе не было бы так плохо, проглоти она одно из рождественских украшений Мэри, какой-нибудь апельсин, украшенный гвоздикой.

Зависть — вот как называется комок у нее в животе. Она завидует мужчине, который исцелил Розу, который так легко проделал то, к чему стремилась Элиза, который заставил привязанности кузины измениться столь стремительно и полно. Зависть. Элиза прошептала колючее слово и ощутила, как его отравленные шипы жалят изнутри.

Она отвернулась от зеркала и закрыла глаза, приказывая себе забыть письмо и ужасную новость. Она не хотела завидовать и лелеять колючий комок. Ведь Элиза знала из собственных сказок, какая участь ждет злых сестер, поддавшихся зависти.

Глава 35

Отель «Чёренгорб», Корнуолл, 2005 год

Квартира Джулии располагалась на самом верху, к ней вела невероятно узкая лестница на третьем этаже в конце коридора. Когда Кассандра вышла из номера, солнце уже начало таять на горизонте, и в коридоре было почти темно. Она постучала и подождала, крепче сжимая горлышко бутылки, которую купила в последний момент, когда шла с Кристианом домой через деревню.

Дверь отворилась, и появилась Джулия, завернутая в блестящее розовое кимоно.

— Входи-входи, — сказала она и заскользила по комнате, жестом приглашая Кассандру следовать за ней. — Я как раз заканчиваю готовить ужин. Надеюсь, ты любишь итальянскую кухню!

— Обожаю, — сообщила Кассандра, спеша следом.

Все, что некогда было лабиринтом крошечных спален и приютом армии горничных, вскрыли и перестроили, создав большие чердачные апартаменты. Мансардные окна бежали по обе стороны, должно быть, в дневное время из них открывались невероятные виды на поместье.

Кассандра остановилась у входа в кухню. Все поверхности были уставлены мисками и мерными чашками, банками томатов с отогнутыми крышками, блестящими лужицами оливкового масла и лимонного сока, разными загадочными приправами. Надеюсь, что для вина найдется местечко, она протянула принесенную бутылку.

— Ну разве ты не прелесть?

Джулия выдернула пробку, схватила бокал с полки над стойкой, и вино, булькая, полилось в него с высоты. Она слизнула капельку «Шираза»^[37] с пальца.

— Лично я не пью ничего, кроме джина, — подмигнула Джулия. — Он чистый, знаешь ли, сохраняет молодость. — Она протянула Кассандре

бокал с красной жидкостью и испарилась из кухни. — Идем, устраивайся поудобнее.

Хозяйка указала на кресло в центре комнаты, и Кассандра села. Перед ней стоял деревянный матросский сундучок, он же журнальный столик, на середине которого лежала стопка старых альбомов в обложках из выцветшей коричневой кожи.

Волна возбуждения мгновенно прокатилась по телу Кассандры, и кончики пальцев закололо от нетерпения. Она вот-вот коснется альбомов прабабушки, дневников матери Нелл, в которых та изливала свои юные мысли и чувства.

— Посиди полистай, пока я занимаюсь последними приготовлениями к ужину.

Кассандру не надо было просить дважды. Она потянулась к верхнему альбому и легонько провела по нему ладонью. Кожа утратила всякие следы зернистости, была гладкой и мягкой, как бархат.

Вздохнув от предвкушения, Кассандра открыла обложку и прочла слова, написанные красивым аккуратным почерком: «Роза Элизабет Мунтраше Уокер, 1909». Она провела по ним кончиком пальца, ощутила едва заметные царапины на бумаге и представила заостренное перо, которое оставило их. Кассандра осторожно переворачивала страницы, пока не добралась до первой записи.

Новый год. Тот самый, в который ожидают столь грандиозные события. Я едва могу сосредоточиться с тех пор как приехал доктор Мэтьюс и вынес свой вердикт. Признаюсь, приступы слабости в последнее время изрядно меня волновали, и не только меня. Довольно было лишь взглянуть на мамино лицо, чтобы увидеть беспокойство, начертанное на нем большими буквами. Пока доктор Мэтьюс осматривал меня, я тихо лежала, глядела в потолок и прогоняла страхи нарочно вспоминая самые счастливые мгновения своей жизни: день свадьбы, путешествие в Нью-Йорк, лето, когда Элиза появилась в Чёренгорбе... Какими яркими кажутся подобные воспоминания, когда жизнь, которой они принадлежат, находится под угрозой!

После, когда мы с мамой бок о бок сидели на диване и ждали диагноза, она взяла меня за руку. Ее ладонь была холодна. Я взглянула на маму, но она отвела глаза. И тогда я начала беспокоиться по-настоящему. Во время всех моих детских

недомоганий мама была единственной, кто сохранял оптимизм. Почему же теперь уверенность оставила ее? Что она почувствовала, отчего так встревожилась? Когда доктор Мэтьюс откашлялся, я сжала мамину руку и приготовилась. Но то, что он сказал, оказалось куда более удивительно, чем все, что я воображала.

— Вы ждете ребенка. Уже два месяца, полагаю. Бог даст, вы разрешитесь в августе.

Ах, существуют ли слова, чтобы выразить, какую радость вызвал этот диагноз? После стольких надежд, долгих страшных месяцев разочарования! Возлюбленное дитя. Наследник Натаниэля, внук мамы, крестник Элизы.

Глаза Кассандры защипало. Подумать только, дитя, зачатие которого праздновала Роза, — это Нелл. Долгожданный будущий ребенок — похищенная любимая бабушка Кассандры. Надежды и мечты Розы были особенно трогательны, ведь она изливала их, не подозревая, что последует дальше.

Кассандра быстро пролистала страницы дневника, отрезки кружев и лент, короткие записи о визитах врача, приглашения на ужины и танцы по всему графству, пока наконец в ноябре тысяча девятьсот девятого не нашла, что искала.

Она со мной — я пишу чуть позже, чем собиралась! Последние месяцы оказались тяжелее, чем ожидалось, и у меня не было ни времени, ни сил, чтобы писать. Но оно того стоило. После стольких лет надежды, стольких месяцев болезней, тревог и ограничений я держу на руках свое драгоценное дитя. Все остальное блекнет по сравнению с ней. Она совершенна. Ее кожа бела, как сливки, а губки розовые и пухлые. Глаза у нее темно-голубые, но врач говорит, что так всегда бывает и со временем они могут потемнеть. Втайне я надеюсь, что он ошибается. Я хочу, чтобы она была как все Мунтраше, как отец и Элиза: с голубыми глазами и рыжевато-золотистыми волосами. Я решила назвать ее Айвори, что означает «слоновая кость». Это цвет ее кожи и, что, несомненно, покажет время, цвет ее души.

— А вот и я. — Джулия жонглировала двумя исходящими паром тарелками пасты, под мышкой у нее была зажата огромная мельничка для перца. — Равиоли с кедровыми орешками и горгонзолой. — Она протянула тарелку Кассандре. — Осторожнее, она довольно горячая.

Кассандра взяла предложенное блюдо и отложила альбом.

— Если бы я не стала сначала писателем, потом реставратором, потом гостиничным управляющим, я бы стала шеф-поваром. Твое здоровье. — Джулия подняла бокал с джином, отпила немного и вздохнула. — Иногда мне кажется, что вся моя жизнь — вереница случайностей и неиспользованных возможностей... но я не жалею, можно быть очень счастливой, если оставить все надежды и управлять своей жизнью. — Она наколола на вилку квадратик равиоли. — Но хватит обо мне. Как дела в коттедже?

— Довольно хорошо, — ответила Кассандра. — Не считая того, что чем больше я делаю, тем больше, оказывается, надо сделать. Сад совсем зарос, в доме беспорядок, я даже не уверена, что он еще не разваливается. Наверное, надо, чтобы строитель посмотрел, но времени нет, столько навалилось хлопот. Все это очень...

— Подавляет?

— Да, определенно подавляет, но не только. Это... — Кассандра умолкла в поисках нужного слова и сама удивилась, когда подобрала его: — Возбуждает. Я кое-что нашла в коттедже, Джулия.

— Кое-что нашла? — Ее брови взлетели. — Какое-нибудь спрятанное сокровище?

— Для тех, кто любит зеленые и плодородные сокровища. — Кассандра прикусила нижнюю губу. — Это тайный огороженный сад в глубине участка. По-моему, там десятилетиями никого не было, и неудивительно, очень высокие стены полностью заросли колючей лозой. Невозможно догадаться, что за ними находится.

— И как же ты его нашла?

— Случайно, если честно.

Джулия покачала головой.

— Случайностей не существует.

— Я, правда, понятия не имела, что он там.

— Я и не говорю, что имела. Я просто подумала, может, сад прятался от тех, кого не хотел видеть?

— Что ж, я определенно рада, что он показался мне. Сад потрясающий. Он совершенно зарос, но под колючками выжили самые

разные растения. Там есть дорожки, садовые скамейки, кормушки для птиц.

— Как Спящая красавица, он сладко дремал, пока не развеялись чары.

— Возможно, но только он не спал. Деревья росли, плодоносили, хотя некому было оценить их усилия. Обязательно посмотри на яблоню, ей на вид лет сто.

— Так и есть, — внезапно сказала Джулия, она выпрямись и отодвинула тарелку. — Или почти сто. — Она просмотрела альбомы, водя пальцем по страницам, листая туда-сюда. — Ага — постучала она по записи. — Нашла. Сразу после восемнадцатого дня рождения Розы, перед тем как она отправилась в Нью-Йорк и встретила Натаниэля.

Джулия водрузила на кончик носа бирюзово-перламутровые очки и начала читать.

Двадцать первое апреля, 1906. Чудесный день! Подумать только, когда он начался, я полагала, что мне предстоит вытерпеть очередной нескончаемый день в доме. (После того как доктор Мэтьюс упомянул пару случаев насморка в деревне, мама испугалась, что я заболею и подвергну опасности уик-энд на природе, который предстоит нам в следующем месяце.) У Элизы, как всегда, нашлись другие дела. Как только мама в карете уехала на обед к леди Филлимор, кузина с раскрасневшимися щеками возникла у меня в дверях (как я завидую времени, которое она проводит на улице!) и настояла, чтобы я отложила альбом для вырезок (ведь я работала над тобой, дорогой дневник!) и отправилась вместе с ней через лабиринт — я непременно должна кое-что увидеть.

Моим первым порывом было возразить, я боялась, что кто-нибудь из слуг доложит маме, а я стремлюсь избегать споров, в особенности в предвкушении поездки в Нью-Йорк. Но затем я увидела огонек в глазах Элизы, тот самый, который загорается в них, когда она что-то задумает и не знает сомнений, огонек, который стоил мне стольких неприятностей в последние шесть лет, что трудно все упомянуть.

Моя любимая кузина была так взволнована, что невозможно было не заразиться ее энтузиазмом. Иногда мне кажется, что ее живости хватило бы на нас обеих, и это очевидно, ведь я слишком часто пребываю в унынии. Не успела я опомниться, как

мы вместе поспешили из комнаты, смеясь и сцепив руки. Дэвис ждал нас у ворот в лабиринт, пошатываясь под весом огромного растения в кадке. Всю дорогу через лабиринт Элиза подбегала к нему, предлагала помощь (которую он неизменно отклонял), затем вновь неслась ко мне, хватала за руку и тащила вперед. Так мы продвигались через лабиринт, закоулки которого досконально знакомы Элизе. Мы прошли центральную площадку для отдыха, латунное кольцо, которое, по словам кузины, отмечает начало подземного хода, и наконец достигли металлической двери с большим латунным замком. Сияя, Элиза вытащила ключ из кармана юбки и, прежде чем я успела спросить, где, во имя всего святого, она его раздобыла, вставила ключ в замок. Она повернула его, толкнула дверь, и та медленно отворилась.

Внутри был сад. Он походил на другие сады поместья и все же чем-то отличался от них. Прежде всего, он был полностью огорожен со всех четырех сторон высокими каменными стенами, нарушаемыми лишь двумя металлическими дверями, расположенными друг против друга, одна на северной и одна на южной стене...

— Так значит, есть и другая дверь, — сказала Кассандра. — Я ее не видела.

Джулия взглянула поверх очков.

— В поместье проводились работы, году в тысяча девятьсот двенадцатом... тринадцатом... К примеру, кирпичная стена снаружи. Может быть, дверь тогда убрали? Но погоди. Послушай.

Сам сад был опрятен и довольно гол. Он походил на невспаханное поле, которое ждет возрождения после зимних месяцев. Посередине, рядом с каменной купальней для птиц располагалась узорчатая металлическая скамейка, а на земле стояли деревянные ящики с небольшими растениями, посаженными в кадки.

Элиза вбежала в сад с грацией мальчишки-подростка.

— Что это за место? — удивленно спросила я.

— Это сад, я ухаживаю за ним. Видела бы ты, сколько в нем

было сорняков, когда я только начала! Мы были ужасно заняты, правда, Дэвис?

— Определенно, мисс Элиза.

Он поставил кадку с растением рядом с южной стеной.

— Он будет нашим, Роза, твоим и моим тайным убежищем, где мы сможем быть вместе, только вдвоем, точно так, как воображали, когда были девочками. Четыре стены, запертые ворота, наш личный рай. Даже когда тебе будет нездоровиться, ты сможешь приходить сюда. Стены укроют тебя от суровых морских ветров, так что ты будешь слушать птиц, вдыхать ароматы цветов, греться под лучами солнца.

От ее энтузиазма, пылкости чувств я и сама загорелась мечтой о подобном саде. Я взглянула на укрощенные клумбы, на цветы в кадках, которые только начали распускаться, и легко смогла представить рай, который она описала.

— Я слышала разговоры об огороженном саде, спрятанном в поместье, когда была совсем крошкой, но считала, что это просто легенда.

— О нет. — Глаза Элизы сияли. — Он существует, и теперь мы возрождаем его.

Они явно поработали на совесть. Если сад все это время был запущен, с тех самых пор, как... Я нахмурилась, разговор, который я слышала девочкой, зазвучал у меня в голове. Нахлынули воспоминания: я отчетливо поняла, чей это был сад...

— Ах, Лиза, — быстро сказала я. — Ты должна быть осторожна, мы должны быть осторожны. Мы должны немедленно покинуть это место и никогда не возвращаться сюда, если отец узнает...

— Он уже знает.

Я строго посмотрела на нее, строже, чем собиралась.

— Что ты имеешь в виду?

— Именно дядя Лайнус сказал Дэвису, что сад должен принадлежать мне. Он велел Дэвису расчистить последний участок лабиринта и сказал ему, что мы должны вдохнуть в сад новую жизнь.

— Но отец всем запретил ходить в огороженный сад.

Элиза пожала плечами — любимый ее жест, который мама терпеть не может.

— Наверное, у него отлегло от сердца.

Отлегло от сердца. Как не похоже на отца! Наверное, из-за слова «сердце». Не считая единственного раза, когда я пряталась в его кабинете под столом и слышала, как он оплакивает свою сестру, свою *baigneur*, я никогда не видела, чтобы отец вел себя так, будто у него есть сердце. Внезапно я поняла и ощутила странную тяжесть внизу живота.

— Все потому, что ты ее дочь.

Но Элиза уже не слушала. Она отошла в сторонку, взяла горшок с растением и потащила к большой яме у стены.

— Это наше первое новое дерево, — крикнула она. — Мы устроим церемонию. Вот почему так важно было, чтобы ты пришла сегодня. Это дерево будет расти, невзирая на то, куда жизнь занесет нас, оно всегда будет помнить нас: Розу и Элизу.

Дэвис уже стоял рядом со мной и протягивал маленькую лопату.

— Мисс Элиза хочет, чтобы вы первая бросили землю на корни дерева, мисс Роза.

Мисс Элиза хочет. Кто я такая, чтобы противостоять столь властной силе?

— Что это за дерево? — спросила я.

— Яблоня.

Могла бы и догадаться. Элиза всегда питала склонность к символизму, а яблоки, в конце концов, первые фрукты...

Джулия оторвала взгляд от альбома, слезинка скатилась из ее влажных глаз. Она шмыгнула носом и улыбнулась.

— Просто я ужасно люблю Розу! Разве ты не чувствуешь, что она здесь, с нами?

Кассандра улыбнулась в ответ. Она съела яблоко с дерева, которое почти сто лет назад помогала сажать ее прабабушка. Кассандра чуть покраснела — воспоминание о яблоке напомнило о странном сне. За неделю работы рядом с Кристианом она сумела забыть о нем и думала, что навсегда.

— А теперь ты снова расчищаешь тот сад. Прелестная симметрия. Что бы сказала Роза, если б узнала? — Джулия достала салфетку из соседней коробки и высморкалась. — Извини, — сказала она, промокая потекшую под глазами тушь. — Это так романтично. — Она засмеялась. — Жаль

только, Дэвис тебе не помогает.

— Кое-кто мне помогает, хоть и не Дэвис, — призналась Кассандра. — Он приходил каждый день на этой неделе. Я познакомилась с ним и его братом Майклом, когда они пришли убрать из коттеджа поваленное дерево. Я думаю, ты их знаешь. Робин Джеймсон сказала, они и в поместье ухаживают за садами.

— Сыновья Блейков. Еще как ухаживают, и, признаюсь, мне нравится смотреть на них. Майкл довольно хорош собой, верно? Очарования ему тоже не занимать. Если бы я продолжила писать, я бы представила Майкла Блейка в роли героя.

— А Кристиана?

Кассандра изо всех сил старалась сохранять безразличие. Но ее щеки порозовели.

— Он, несомненно, был бы умным, молодым и тихим братом, который всех удивил бы тем, что спас положение и завоевал сердце героини.

Кассандра улыбнулась.

— Я даже не спрашиваю, кем была бы я.

— Зато насчет себя я не сомневаюсь, — вздохнула Джулия. — Стареющая красотка, у которой нет ни единого шанса с героем, и потому она все силы бросает на то, чтобы помочь героине найти свою судьбу.

— Жизнь была бы намного проще, если бы походила на волшебную сказку, — сказала Кассандра, — если бы людей можно было разложить по полочкам.

— Но ведь их можно разложить по полочкам, это они сами придумали, что нет. Часто тот, кто настаивает, что нельзя, сам подобен шаблону: например, унылый педант, который уверен в своей уникальности!

Кассандра отпила вина.

— Ты же не считаешь, что уникальности не существует?

— Все мы уникальны, но только не в том, в чем сами считаем. — Джулия улыбнулась и махнула рукой так, что забренчали браслеты. — Послушай, я ужасный деспот. Конечно, все мы разные по характеру. Возьмем, к примеру, твоего Кристиана Блейка, он не садовник по профессии, как ты знаешь. Он работает в Оксфорде в больнице. То есть работал. Какой-то врач, я забыла точное название, ужасно длинное и сложное слово.

Кассандра села прямее.

— Зачем же врач обрезает деревья?

— Зачем же врач обрезает деревья? — выразительно повторила Джулия. — В самую точку. Когда Майкл сказал мне, что его брат будет

работать с ним, я промолчала, но с тех пор меня гложет любопытство. С чего бы мужчине менять призвание подобным образом?

Кассандра покачала головой.

— Просто передумал?

— Весьма непросто, я бы сказала.

— Может быть, он понял, что ему не нравится медицина.

— Возможно, но что ему мешало догадаться об этом за долгие годы учебы? — Джулия загадочно улыбнулась. — Мне кажется, что все намного интереснее, я же была писательницей, а старые привычки не умирают. Я не могу сдерживать свои фантазии. — Не выпуская бокал с джином, она указала пальцем на Кассандру. — Именно тайны, дорогая, и делают персонажей интересными.

Кассандра подумала о Нелл и тайнах, которые та хранила. Как она сумела наконец узнать, кем является на самом деле? И при этом не сказать ни единой живой душе?

— Жаль, моя бабушка не увидела альбомов. Они бы очень многое для нее значили, прочесть их — все равно что услышать материнский голос.

— Я думала о твоей бабушке всю неделю, — откликнулась Джулия. — Как только ты мне рассказала, что случилось, я принялась гадать, почему Элиза забрала ее.

— И? К чему ты пришла?

— Зависть, — сказала Джулия. — Я вновь и вновь возвращаюсь к ней. Это чертовски мощный мотив. Роза легко могла вызвать зависть, у нее были красота, талантливый муж, наследные привилегии. Должно быть, все детство Элиза сознавала, что у Розы есть все то, чего нет у нее самой: богатые родители, прекрасный дом, добрый нрав, которым восхищались люди. Потом, повзрослев, Элиза увидела, как молниеносно Роза вышла замуж, причем весьма успешно, затем зачала ребенка, родила прелестную девочку... Черт, даже я завидую Розе! Представь, каково было Элизе, которую все считали белой вороной. — Джулия осушила бокал и решительно поставила его. — Я не оправдываю то, что она совершила, вовсе нет, я только говорю, что это меня не удивляет.

— Это самый очевидный ответ.

— А самый очевидный ответ обычно и есть правильный. Все есть в альбомах — конечно, если знаешь, что ищешь. Как только Роза узнала, что ждет ребенка, Элиза отдалилась от нее. После рождения Айвори об Элизе почти не упоминается. Должно быть, Роза страдала — Элиза была ей все равно что сестра, но внезапно, в такое важное время, покинула ее. Собрала вещи и уехала из Чёренгорба.

— Куда она отправилась? — удивленно спросила Кассандра.

— Куда-то за море, наверное. — Джулия нахмурилась. — Хотя я не уверена, что Роза говорит прямо... — Она махнула рукой. — Впрочем, это к делу не относится. Суть в том, что она уехала, когда Роза была беременна, и не возвращалась до рождения Айвори. Их дружба так и не стала прежней.

Кассандра зевнула и поправила подушку. Ее глаза устали, но она почти закончила тысяча девятьсот седьмой год, и было бы стыдно отложить альбом, когда осталось всего несколько страниц. К тому же чем скорее она их прочтет, тем лучше. Хотя Джулия любезно согласилась одолжить альбомы, Кассандра подозревала, что та не сможет надолго с ними расстаться. К счастью, в отличие от неразборчивого почерка Нелл рука Розы была твердой и уверенной. Кассандра отпила еле теплого чая и пролистала страницы, полные тканей, образцов лент, подвенечного тюля и витиеватых подписей, гласивших: «миссис Роза Мунтраше Уокер, миссис Уокер, миссис Роза Уокер». Она улыбнулась — кое-что никогда не меняется — и обратилась к последней странице.

Я только что закончила перечитывать «Тэсс из рода д'Эрбервиллей».^[38] Роман непростой, и не могу сказать, что он мне особенно понравился. В прозе Харди слишком много жестокости. Полагаю, она чрезмерна для моих вкусов. В конце концов, я всего лишь дочь своей матери, как бы ни желала обратного. Обращение Энджела в христианство, его брак с Лизой Лу, смерть бедного малыша Горя — все это беспокоит меня. Отчего Горе был лишен христианского погребения, ведь дети не должны нести наказание за грехи родителей? Харди одобряет обращение Энджела или относится скептически? И как мог Энджел так легко перенести свою привязанность с Тэсс на ее сестру?

Что ж, подобные вопросы занимали более великие умы, чем мой, и целью моего возвращения к печальной истории бедной трагичной Тэсс была вовсе не литературная критика. Признаюсь, я обратилась к мистеру Томасу Харди в надежде, что он сможет пролить некоторый свет на то, чего мне ждать, когда мы с Натаниэлем поженимся. В особенности чего будут ждать от меня. Ах! Как пылают мои щеки, когда я мысленно задаюсь подобными вопросами! Несомненно, мне

*никогда не набраться смелости, чтобы произнести их вслух.
(Представляю мамино лицо!)*

Увы, у мистера Харди не нашлось ответов, которые я с такой надеждой искала. Память меня подвела, падение Тэсс описано не слишком подробно. Ничего не поделаешь. Если я не вспомню, к кому еще можно обратиться (не к мистеру Джеймсу, полагаю, и не к мистеру Диккенсу), мне останется лишь слепо броситься в темную пучину. Более всего меня страшит, что Натаниэлю выпадет случай увидеть мой живот. Хотя вряд ли. Разумеется, чрезмерное самолюбие — тяжелый грех, но, увы, я ничего не могу с собой поделать. Ведь отметины невероятно уродливы, а ему так нравилась моя белая кожа!

Кассандра перечитала несколько последних строк. О каких отметинах говорит Роза? О родимых пятнах? О шрамах? Есть ли в альбомах что-то, что сумеет пролить свет на запись? Но вспомнить не получалось, сколько она ни старалась. Было поздно, Кассандра слишком устала, и ее мысли расплывались так же, как страницы перед глазами.

Она снова зевнула, потерла глаза и закрыла альбом. Возможно, она никогда не узнает, да и вряд ли это важно. Кассандра снова пробежала пальцами по вытертой обложке, как, возможно, много раз делала Роза, положила книгу на прикроватный столик и выключила свет. Потом закрыла глаза и скользнула в знакомый сон о высокой траве, бескрайнем поле и, неожиданно, о домике на краю морского утеса.

Глава 36

Пилчард-коттедж, Тредженна, 1975 год

Нелл ждала у двери, сомневаясь, не стоит ли постучать еще раз. Она стояла на крыльце уже больше пяти минут и начинала подозревать, что Уильям Мартин понятия не имеет о грядущем появлении Нелл за его обеденным столом и приглашение было не более чем уловкой Робин, желавшей сгладить углы их предыдущей встречи. Робин, похоже, из тех, для кого ссоры между людьми невыносимы вне зависимости от их причин.

Она снова постучала, изображая жизнерадостное достоинство для соседей Уильяма, которые могли задуматься, что за странная женщина возникла у него на пороге с явным намерением стучать всю ночь.

Наконец дверь открыл сам Уильям, с чайным полотенцем на плече и деревянной ложкой в руке.

— Говорят, ты купила тот коттедж, — произнес он.

— На чужой роток не накинешь платок.

Он сжал губы, разглядывая ее.

— А ты чертовски вредная девчонка, за милую видно.

— Боюсь, я от рождения такая.

Старик кивнул и негромко фыркнул.

— Ладно, заходи, не то околеешь до смерти.

Нелл стащила водонепроницаемую куртку и отыскала крючок, чтобы ее повесить, затем прошла за Уильямом в гостиную через главную дверь.

Воздух был тяжелым, сырым от пара, пахло чем-то вкусным и дурманящим. Рыбой, солью и чем-то еще.

— Поставил рыбную похлебку на плиту, — пояснил Уильям и зашаркал на кухню. — Не слышал, как ты стучала, так она шипела на огне. — Послышались грохот кастрюль, сковородок, хриплое ругательство. — Робин скоро придет. — Снова лязг. — Застряла у своего ухажера.

Последние слова он пробормотал с неприязнью. Нелл, проследовав за стариком на кухню, смотрела, как он помещивает комковатую похлебку.

— Вы не одобряете жениха Робин?

Уильям опустил черпак на стол, снял крышку с кастрюли, поднял трубку и отщипнул длинную травинку табака с краю.

— Да нет, нормальный парень, хоть и не идеальный. — Он подпер рукой поясницу и направился в гостиную. — У тебя есть дети? Внуки? — спросил он, проходя мимо Нелл.

— Дочь и внучка.

— Тогда ты знаешь, о чем я говорю.

Нелл мрачно улыбнулась. Двенадцать дней прошло с ее отъезда из Австралии. Интересно, заметила ли Лесли ее отсутствие? Вряд ли. И все же Нелл неожиданно сообразила, что можно послать открытку. Внучке, Кассандре, понравится. Ведь дети такое любят?

— Девчонка, иди сюда, — донесся голос Уильяма из гостиной. — Составь компанию старику.

Нелл, человек привычки, выбрала то же бархатное кресло, что и в прошлый раз. Она кивнула Уильяму — он кивнул в ответ.

Изображая молчаливое общение, они сидели около минуты. Снаружи поднялся ветер, и оконные стекла время от времени дребезжали, подчеркивая тишину в комнате.

Нелл указала на картину над камином — рыбацкую лодку с красно-белым полосатым корпусом и черным названием на боку.

— Ваша? «Королева фей»?

— А то, — признал Уильям. — Любовь всей моей жизни, как иногда мне кажется. Мы с ней не одну бурю повидали.

— Она все еще принадлежит вам?

— Последние несколько лет — уже нет.

Между ними вновь повисло молчание. Уильям похлопал себя по нагрудному карману, достал кисет с табаком и начал заново набивать трубку.

— Мой отец был начальником порта, — сказала Нелл. — Я выросла среди кораблей.

Она внезапно представила, как Хейм, уже после войны, стоит в брисбенской гавани, солнце светит из-за его спины, сам он в тени, представила его длинные ирландские ноги и большие сильные руки.

— Море навсегда входит в плоть и кровь, верно?

— Да, — ответил старик.

Оконные стекла снова задребезжали, и Нелл выдохнула. Хорошего

понемногу, сейчас или никогда, прочь шаблонные фразы: кто-то должен разогнать тишину, и это будет Нелл. Она совершенно не подготовилась к светской беседе.

— Уильям. — Нелл наклонилась к старику и оперлась на колени. — Насчет прошлой ночи, того, что я сказала. Я не имела в виду...

Старик поднял загрубелую от работы ладонь, которая чуть дрожала.

— Не важно.

— Но я не должна была...

— Чепуха. — Уильям зажал трубку зубами, тем самым закрывая вопрос, и чиркнул спичкой.

Нелл откинулась обратно на спинку кресла: если он так хочет, пусть будет так, но на этот раз она полна решимости уйти отсюда с очередным фрагментом мозаики.

— Робин сказала, вы хотите мне что-то сообщить.

Сладкий запах свежего табака разнесся по комнате. Уильям пару раз затянулся и пыхнул, чтобы раскурить трубку, затем чуть заметно кивнул.

— Надо было в прошлый раз рассказать, да только... — он сосредоточился на чем-то за ее спиной, и Нелл испытала нестерпимое желание обернуться и посмотреть, что он там увидел. — ...да только ты застала меня врасплох. Я уже так давно не слышал ее имени.

Элиза Мейкпис. Непроизнесенные слова развернули между ними сверкающие серебряные крылья.

— Прошло уже более шестидесяти лет, как мы с ней последний раз встретились, но я вижу ее как живую. Она спускается с утеса, идет в деревню, распущенные волосы летят ей вслед. — Уильям сказал это с закрытыми глазами, потом открыл их и посмотрел на Нелл. — Полагаю, тебе это ни о чем не говорит, но тогда... Да, тогда мало кто из злобных господ большого дома опускался до того, чтобы якшаться с деревенскими. Хотя Элиза, — старик слегка прочистил горло, повторяя имя, — Элиза вела себя, будто так и надо. Она была не такой, как они.

— Вы были с ней знакомы?

— Хорошо ее знал, насколько вообще можно знать таких, как она. Познакомился, когда ей было всего семнадцать. Моя младшая сестренка, Мэри, работала в большом доме и как-то раз, в выходной, привела Элизу с собой.

Нелл изо всех сил старалась сдержать волнение. Наконец-то она говорит с тем, кто знал Элизу! Более того, его описание подтвердило чувство запретного, которое дрожало на краю ее собственных обрывочных воспоминаний.

— Какой она была, Уильям?

Он сжал губы и поскреб подбородок, звук застал Нелл врасплох. На мгновение ей снова стало пять лет, она сидела на коленях у Хейма, прислонившись головкой к его колючей щеке. Уильям широко улыбнулся, показав большие зубы с коричневой табачной каймой.

— Особенной, ни на кого не похожей. Все мы тут любим рассказывать истории, но ее сказки были чем-то невероятным. Она была забавной, отважной, непредсказуемой.

— Прекрасной?

— Да, и прекрасной. — Их взгляды на мгновение встретились. — У нее были рыжие волосы. Длинные, до самой талии. — Уильям показал трубкой на себе. — Элиза любила сидеть на черной скале в бухте и смотреть на море. В ясные дни мы видели ее, когда возвращались в порт. Она махала нам рукой и выглядела в точности как королева фей.

Нелл улыбнулась. «Королева фей».

— Как ваша лодка.

Уильям притворился, будто крайне заинтересован бороздками вельвета на брюках, и что-то проворчал себе под нос.

Ну конечно, это не совпадение!

— Робин скоро придет. — Старик не глядел на дверь. — Надо выпить чаю.

— Вы назвали в честь нее лодку?

Губы Уильяма разошлись и снова сжались. Он вздохнул, совсем как юноша.

— Вы любили ее.

Плечи старика поникли.

— Конечно любил, — признал он. — Как и все парни, что хоть раз ее видели. Говорю тебе, Элиза была не такой, как другие. То, что было главным для нас, ни черта для нее не значило. Она делала то, что чувствовала, а чувствовала она очень многое.

— А она... вы с ней когда-нибудь...

— Я был помолвлен с другой. — Уильям взглянул на фотографию на стене — молодая пара в подвенечных нарядах, она сидит, он стоит за ее спиной. — Мы с Сесили к тому времени уже много лет были парой. В деревнях вроде нашей всегда так бывает. Растешь с соседской девчонкой, еще вчера вы вместе катали камни с утеса, но оглянуться не успеешь, как уже три года женаты и очередной малыш на подходе. — Старик вздохнул, его плечи поникли, а свитер с рисунком из ромбов словно стал слишком большим. — Когда я встретил Элизу, мир сдвинулся. Не могу описать

лучше. Словно волшебное заклинание, она была всем, что я мог вообразить. — Он покачал головой. — Я был привязан к Сес, любил ее, но я бы оставил ее не раздумывая. — Уильям встретился глазами с Нелл и быстро отвел их в сторону. — Мне неприятно это говорить, звучит чертовски подло. Но что было, то было. — Он взглянул на Нелл. — Ты же не станешь винить молодого человека за искренние чувства?

Старик нашел ее глаза, и что-то внутри Нелл откликнулось. Она поняла: он уже давно мечтает о прощении.

— Нет, — сказала она. — Нет, не стану.

Уильям вздохнул и заговорил очень тихо, Нелл пришлось повернуть голову, чтобы расслышать:

— Иногда тело хочет того, чего разум не в силах объяснить, не в силах даже оправдать. Все мои глупые мысли были об Элизе, я ничего не мог с собой поделать. Это было все равно что...

— Зависимость?

— Да, именно. Я решил, что никогда не смогу быть счастлив без нее.

— А она чувствовала то же?

Уильям поднял брови и печально улыбнулся.

— Знаешь, одно время мне казалось, что да. В Элизе были обаяние, живость. Она умела дать понять, что больше всего на свете хочет быть здесь и с тобой. — Он горько засмеялся. — Но я недолго заблуждался.

— Что же случилось?

Старик сжал губы, и Нелл в ужасе подумала, что история подошла к концу. Когда Уильям продолжил, она облегченно вздохнула.

— Дело было зимней ночью. Вроде в тысяча девятьсот восьмом или тысяча девятьсот девятом. У меня выдался удачный день, я привез большой улов и отпраздновал это с парнями. Я набрался хмельной удали и, вместо того чтобы пойти домой, отправился вдоль края обрыва. Глупость несусветная — в то время там вилась лишь узкая тропинка, дорогу еще не построили, горный козел и тот едва бы поместился, но мне было море по колено. Я вбил себе в голову, что должен попросить руки Элизы. — Его голос дрожал. — Но когда я подошел к дому, то увидел через окно...

Нелл наклонилась к нему.

Уильям откинулся на спинку кресла.

— Впрочем, история стара как мир.

— Она была с кем-то другим?

— Не просто с кем-то другим. — Его губы дрогнули, когда произносили слова. — А со своим родственником. — Уильям потер краешек глаза и осмотрел палец в поисках призрачной соринки. —

Они... — Он посмотрел на Нелл. — Полагаю, ты легко вообразишь.

Шум снаружи, порыв холодного воздуха — голос Робин донесся от входа.

— На улице холодает. — Она вошла в гостиную. — Извините, что опоздала. — Робин с надеждой посмотрела на них и провела руками по влажным от тумана волосам. — У вас все в порядке?

— Лучше не бывает, девочка, — заверил Уильям, быстро глянув на Нелл.

Нелл вяло кивнула. Она не собиралась выдавать секрет старика.

— Как раз собирался разлить похлебку, — объявил Уильям. — Заходи и дай больным глазам старого Гампа взглянуть на тебя.

— Гамп! Я же сказала тебе, что приготовлю чай. Я все с собой принесла.

— Гм, — хмыкнул он, выбираясь из кресла и стараясь удержаться на ногах. — Если ты вертишься вокруг того парня, один бог знает, когда ты вспомнишь о старом Гампе и вспомнишь ли вообще. Я решил, что если не позабочусь о себе, то запросто могу остаться голодным.

— Гамп, ну как тебе не стыдно, — упрекнула Робин, неся на кухню пакет с покупками. — Я хоть раз о тебе забыла?

— Дело не в тебе, дорогая, — ответил он, последовав за ней, — а в твоём парне. Пустозвон, как и все юристы.

Пока они привычно спорили, годится ли Генри в женихи Робин и не надорвется ли Уильям, если приготовит и разольет по тарелкам похлебку, Нелл мысленно перебирала все, что рассказал ей Уильям. Теперь она понимает, почему он говорил о том, что коттедж не очистить от зла, — несомненно, для него это так. Но Уильяма отвлекло его же собственное признание, и дело Нелл — вернуть мысли старика в нужное русло. Неважно, что ей интересно, с кем Элиза была в ту ночь, это не относится к делу, но если на Уильяма надавить, он только замкнется. Она не может рисковать, по крайней мере перед тем, как вот-вот узнает правду. Узнает, почему Элиза забрала ее у Розы и Натаниэля Уокера, почему отправила ее в Австралию, в совершенно новую жизнь.

— А вот и мы.

Появилась Робин с подносом, на котором стояли три дымящиеся миски.

Уильям, несколько робко, вошел следом и опустился в кресло.

— Я все еще готовлю лучшую рыбную похлебку по эту сторону Полперро.^[39]

Робин подняла брови, глядя на Нелл.

— Никто этого и не оспаривает, Гамп, — сказала она, протягивая миску через журнальный столик.

— Только мою способность донести ее от кухни до стола.

Робин театрально вздохнула.

— Мы только хотим тебе помочь, вот и все.

Нелл заскрипела зубами. Надо погасить ссору в зачатке. Не то Уильям опять обидится.

— Как вкусно, — громко сообщила она, попробовав похлебку. — Вустерширского соуса в точности столько, сколько надо.

Уильям и Робин уставились на нее, их ложки зависли на полпути ко рту.

— Что? — Нелл взглянула на них. — В чем дело?

Робин открыла рот и снова закрыла, точно рыба.

— В вустерширском соусе.

— Это наш секретный ингредиент, — сказал Уильям. — Наша семья хранила его поколениями.

Нелл виновато пожала плечами.

— Мама клала его в рыбную похлебку, и бабушка тоже. Они всегда клали вустерширский соус. Наверное, он был и нашим секретным ингредиентом.

Уильям медленно втянул воздух раздувшимися ноздрями, а Робин прикусила губу.

— Очень вкусно. — Нелл отхлебнула еще немного. — Главное, положить столько, сколько надо, в этом весь фокус.

— Скажите, Нелл, — Робин прочистила горло, старательно избегая взгляда Нелл, — вы нашли что-нибудь полезное в бумагах, которые я вам дала?

Нелл благодарно улыбнулась. Робин спасла ее.

— Они очень интересные. Мне понравилась газетная статья о спуске «Лузитании».

Робин просияла.

— Должно быть, все было очень волнующе, настоящее историческое событие. Страшно подумать, что случилось с этим прекрасным кораблем.

— Немцы, — сказал Балда с полным ртом похлебки. — Кошунство, вот что это было, настоящая дикость.

Нелл полагала, что немцы точно так же относятся к бомбардировке Дрездена, но сейчас было не время и не место спорить, да и Уильям не подходил на роль оппонента. Так что она прикусила язык и продолжила приятную и бесполезную беседу об истории деревни и усадьбы Чёренгорб,

пока наконец Робин не встала, чтобы убрать тарелки и принести пудинг.

Нелл проследила, как та упорхнула из комнаты, а затем, сознавая, что, быть может, это последний шанс поговорить с Уильямом наедине, ухватила за представившуюся возможность.

— Уильям, — сказала она, — я хочу кое о чем спросить.

— Валяй.

— Вы знали Элизу...

Старик затянулся трубкой и кивнул.

— ...как вы думаете, почему она забрала меня? Как по-вашему, она хотела ребенка?

Уильям выдохнул струйку дыма. Он сжал трубку зубами и заговорил, не разжимая их.

— Как мне кажется, нет, она была вольной душой. Не из тех, кто ищет домашней ответственности, не говоря уже о том, чтобы красть ее.

— В деревне ходили разговоры? У кого-нибудь возникли предположения?

— Все мы верили, что ребенок... что ты умерла от скарлатины. По этой части ни у кого не возникло сомнений. — Старик пожал плечами. — Что до исчезновения Элизы, о нем тоже особо не думали. Это было уже не в первый раз.

— Неужели?

— Она проделала то же самое на несколько лет раньше. — Он быстро глянул в сторону кухни и понизил голос, избегая взгляда Нелл. — Я всегда немного винил себя за это. Случилось это вскоре после... вскоре после той истории, что я тебе рассказал. Я с ней встретился, сообщил, что все видел, обозвал непотребными словами. Элиза заставила меня пообещать, что я никому не скажу, притворилась, что я не понял, что мне неправильно показалось. — Уильям горько засмеялся. — В общем, обычные отговорки женщины, застигнутой в подобной ситуации.

Нелл кивнула.

— Но я исполнил обещание и сохранил секрет. Вскоре после того я узнал, что она уехала.

— Куда?

Он покачал головой.

— Когда Элиза наконец вернулась — примерно через год, — я спрашивал ее вновь и вновь, но она мне так и не ответила.

— Пудинг готов, — донесся голос Робин из кухни.

Уильям наклонился, вынул трубку изо рта и ткнул ею в сторону Нелл.

— Вот почему я попросил Робин позвать тебя сегодня, вот что я хотел

тебе сказать: узнай, куда уехала Элиза, и, думаю, ты разгадаешь часть своей загадки. Потому как, где бы она ни была, вернулась она другой.

— Другой?

Старик покачал головой, подбирая слова.

— Изменившейся, непохожей на себя. — Он выдохнул и сжал трубку зубами. — Что-то в ней сломалось, Элиза так никогда и не стала прежней.

Часть третья

Глава 37

Чёренгорб-мэнор, Корнуолл, 1907–1908 годы

В утро, назначенное для возвращения Розы из Нью-Йорка, Элиза пораньше отправилась в тайный сад. Ноябрьское солнце еще стряхивало сон, и тусклого света хватало лишь, чтобы различать траву, серебряную от росы. Девушка шла быстро, скрестив на груди руки, чтобы согреться. Ночью был дождь, и повсюду стояли лужи. Она, как сумела, обогнула их, затем открыла скрипящие ворота лабиринта и вошла внутрь. Среди плотных живых изгородей было еще темнее, но Элиза смогла бы пройти через лабиринт даже во сне.

Обычно она любила краткий миг сумерек, когда заря сменяет ночь, но в то утро была слишком занята, чтобы обращать на них внимание. Элиза боролась со своими чувствами с тех самых пор, как получила письмо Розы с объявлением о помолвке. Острый шип зависти поселился в ней, отказываясь оставить в покое. Каждый день, обращаясь мыслями к Розе, она перечитывала письмо и воображала будущее. Страх покалывал ее изнутри, наполняя своим смертельным ядом.

Письмо Розы изменило для Элизы цвет мира. Как калейдоскоп из детской, который так восхитил ее в первый приезд в Чёренгорб, один поворот — и те же самые стеклышки выстроились в совершенно новую картину. Всего неделю назад она была в безопасности, уверенная, что они с Розой неразрывно связаны, а сейчас вновь осталась одна.

Когда она вошла в тайный сад, первый свет сочился сквозь редкий осенний полог. Элиза набрала воздуха в грудь. Она пришла в сад, потому что больше, чем когда-либо, нуждалась в его магии — здесь ей всегда становилось спокойнее.

Элиза провела рукой по маленькой железной скамейке с бусинками дождя, присела на мокром краешке. На яблоне висели блестящие желтые и розоватые яблоки. Может собрать немного для поварихи, или почистить

бордюры, или подстричь жимолость? Заняться чем-нибудь, что отвлечет от приезда Розы, от неумолимого страха, что по возвращении кузина окажется другой.

После письма Розы, борясь с завистью, Элиза осознала, что боится не мужчины, Натаниэля Уокера, — она боится Розиной любви к нему. С браком она бы смирилась, но не с переменой чувств Розы. Элизу сильнее всего тревожило, что Роза, которая всегда любила свою кузину больше всех, нашла замену и больше не нуждается в ней так, как прежде.

Элиза заставила себя небрежно бродить и разглядывать растения. Глициния сбрасывала листья, жасмин отцвел, но осень выдалась мягкой, и розовые розы еще цвели. Элиза подошла ближе, обхватила пальцами полураскрытый бутон и улыбнулась: круглая капля дождя застряла меж его внутренних лепестков.

Мысль была внезапной и захватывающей. Надо собрать букет — приветственный подарок для Розы. Ее кузина любит цветы. Более того, Элиза выберет те, которые олицетворяют их связь. Дуболистная герань в знак дружбы, розовые розы — счастье, незабудки — воспоминания...

Элиза тщательно выбирала цветы, стараясь срывать лишь самые ровные стебли, самые красивые бутоны, затем перевязала букет розовой атласной ленточкой, которую оторвала от подола. Элиза затягивала бант, когда услышала знакомый перезвон металлических колес по далекой каменной дороге.

Они вернулись. Роза дома.

С сердцем, рвущимся из груди, Элиза подобрала мокрый подол юбки, схватила букет и пустилась зигзагами бежать по лабиринту. В спешке она шлепала по лужам, пульс бился быстро-быстро, в такт копытам коней.

Она выскочила из ворот как раз вовремя, чтобы увидеть, как карета замирает на разворотной площадке. На мгновение она остановилась перевести дыхание. Дядя Лайнус, как обычно, сидел на садовой скамейке у ворот лабиринта, рядом с ним лежала маленькая коричневая камера. Но когда он окликнул ее, Элиза притворилась, что не слышит.

Она подбежала к разворотной площадке, когда Ньютон открывал дверцу кареты. Он подмигнул, Элиза помахала в ответ, сжимая губы в ожидании.

После получения письма Розы долгие дни сменялись еще более долгими ночами, и вот настал миг встречи. Время словно замедлило ход. Элиза сознавала, что дышит очень быстро, кровь лихорадочно стучала в ушах.

Возможно, она вообразила перемену в лице Розы, в ее поведении?

Букет выскользнул из пальцев Элизы, и она подобрала его с мокрой лужайки.

Роза и тетя Аделина, верно, обе уловили движение и повернулись. Одна улыбалась, другая нет.

Элиза медленно подняла руку, помахала, затем снова опустила.

Роза удивленно подняла брови.

— Ты не рада моему возвращению, кузина?

Элизу мгновенно охватило облегчение. Ее Роза вернулась, и все, несомненно, будет хорошо. Она подалась вперед, побежала, раскинула руки и заключила Розу в объятия.

— Отойди, девчонка, — сказала тетя Аделина. — Ты вся в грязи. Еще запачкаешь платье Розы.

Роза улыбнулась, и Элиза вновь ощутила ее беспокойно. Конечно, Роза не изменилась. Ее всего два с половиной месяца не было. Элиза позволила страху и разлуке создать впечатление перемены там, где ее не было.

— Кузина Элиза. Как я рада тебя видеть!

— И я тебя, Роза. — Элиза протянула букет.

— Как мило! — Роза поднесла его к носу. — Из твоего сада?

— Это незабудки в знак воспоминаний, дуболистная герань в знак дружбы...

— Да-да, и розы, я вижу. Как мило с твоей стороны, Элиза. — Роза протянула букет Ньютону. — Попроси миссис Хопкинс найти вазу.

— Мне столько надо тебе рассказать, Роза, — сказала Элиза. — Ты никогда не угадаешь, что случилось. Один из моих рассказов...

— Боже праведный! — засмеялась Роза. — Я даже до входной двери не успела дойти, а моя Элиза уже начала рассказывать волшебные сказки.

— Перестань утомлять кузину, — резко сказала тетя Аделина. — Розе надо отдохнуть. — Она взглянула на дочь, и ее голос неуверенно дрогнул. — Подумай, не прилечь ли тебе.

— Конечно, мама. Я собираюсь сразу же лечь спать.

Перемена была едва заметной, и все же Элиза ощутила ее. Было что-то непривычно робкое в предложении тети Аделины, а ответ Розы, казалось, прозвучал не так кротко, как обычно.

Элиза все еще размышляла об этой еле уловимой перемене, когда тетя Аделина направилась в дом, а Роза наклонилась и прошептала на ухо Элизе:

— Поднимайся наверх, дорогая. Мне так много надо тебе рассказать.

И Роза рассказала. Она живо описала каждый миг, проведенный в

обществе Натаниэля Уокера, и, более нудно муки каждого мига, проведенного без него. Эпическое повествование, начавшись утром, продолжалось день и ночь. Вначале Элиза смогла изобразить интерес — разумеется, ей и было интересно, поскольку чувств, которые описывала Роза, сама она никогда не испытывала, — но по мере того, как дни в рассказе Розы шли и сливались в недели, Элиза заскучала. Она пыталась заинтересовать Розу чем-нибудь еще — визитом в сад, историей, которую только что написала, и даже походом в бухту, — но Роза готова была слушать лишь рассказы о любви и терпении. Особенно свои собственные...

Так и вышло, что, пока время двигалось к середине зимы, Элиза все чаще стремилась в бухту, тайный сад, коттедж. В те места, где она могла исчезнуть, где слуги дважды подумали бы, прежде чем побеспокоить ее своими надоевшими известиями, постоянно одними и теми же: мисс Роза требует немедленного присутствия Элизы в связи с вопросом крайней важности. Элиза притворялась, что не видит преимуществ одного подвенечного платья перед другим, но Роза, похоже, не уставала мучить ее.

Элиза говорила себе, что все уладится, что Роза просто очень возбуждена: она всегда любила моду и украшения, а сейчас ей выпал шанс сыграть сказочную принцессу. Элизе надо потерпеть, и все между ними станет по-прежнему.

Вновь начался новый год, настала весна, птицы вернулись из теплых краев. Натаниэль приехал из Нью-Йорка, сыграли свадьбу, и, не успела Элиза опомниться, как уже махала рукой вслед карете, на которой Ньютон увозил счастливую пару в Лондон, к кораблю в Европу.

Позже, той же ночью, лежа в своей постели в унылом доме, Элиза остро ощутила отсутствие Розы. Знание пришло ясно и просто: Роза никогда больше не придет к ней в комнату ночью, а Элиза не придет к Розе. Они больше не будут лежать рядом, хихикать и рассказывать истории, пока весь дом спит. Для новобрачных приготовили особую комнату в дальнем крыле дома, большую, с видом на бухту, куда более подходящую для женатой пары. Элиза повернулась на бок. В темноте она наконец осознала, как невыносимо будет понимать, что Роза находится под одной с ней крышей, и все же не иметь возможности отправиться к ней.

На следующий день Элиза пошла на поиски тети и нашла ее в утреннем салоне, где та сидела за узким столом и писала письма. Тетя Аделина сделала вид, что не замечает племянницу, но Элиза тем не менее заговорила:

— Тетя, можно, я кое-что достану с чердака?

— Кое-что?

Тетя Аделина была по-прежнему поглощена письмом, которое сочиняла.

— Мне нужны только стол и стул, и еще кровать...

— Кровать?

Темные глаза сузились, скользнули в сторону и встретились с глазами Элизы.

В ночной тиши Элиза ясно поняла, что лучше изменить себя, чем пытаться латать дыры, порожденные решениями других.

— Теперь, когда Роза замужем, мне кажется, что я не так уже нужна в доме. Я могла бы переехать в коттедж.

Элиза не слишком-то надеялась: от отказов тетя Аделина получала особое удовольствие. Она смотрела, как тетя старательно подписывает письмо, чешет острыми ногтями голову пса. Губы Аделины растянулись в гримасе, которую Элиза приняла за улыбку, хоть и слабую, затем тетя встала и позвонила в колокольчик.

В первую ночь на новом месте Элиза сидела у окна наверху и смотрела, как океан набухает и опадает под искрящимся светом луны, точно огромная капля ртути. Роза за морем где-то по другую его сторону. Ее кухня вновь отправилась в путешествие, а Элиза осталась дома. И все же когда-нибудь и она отправится в собственное странствие. Журнал не много заплатил за ее волшебные сказки, но если она продолжит писать и будет копить, скажем, год, то определенно сможет позволить себе путешествие. И конечно, есть еще брошь с цветными камнями. Элиза никогда не забывала мамину брошь, спрятанную в камине Суинделлов. Когда-нибудь, как-нибудь она непременно ее вернет.

Элиза вспомнила о рекламе, которую видела в газете неделю назад. «Люди стремятся в Квинсленд, — гласила заметка, — начните новую жизнь». Мэри часто рассказывала байки о приключениях ее брата в городке Мэриборо. Послушать ее, так Австралия — это край открытых пространств и слепящего солнца, где почти все презирают общественные правила и полно возможностей начать жизнь сначала. Элиза всегда мечтала, как они с Розой будут путешествовать вместе, они много раз говорили об этом. Говорили ли? Оглядываясь в прошлое, она понимала, что голос Розы был тих, когда речь заходила о подобных воображаемых приключениях.

Элиза ночевала в коттедже. Она покупала продукты на рынке в деревне, друг Уильям, молодой рыбак, усердно снабжал ее свежим хеком, а Мэри забегала почти каждый день по дороге домой из Чёренгорба,

приносила горшочек супа, холодную лопатку из обеденного жаркого и новости из поместья.

Не считая подобных визитов, впервые в жизни Элиза была по-настоящему одна. Вначале незнакомые ночные звуки тревожили ее, но шли дни, и она научилась различать их: мягкие лапы животных на крыше, гудение нагревающейся плиты, дрожь половиц прохладными ночами. Нашлись и неожиданные выгоды одинокой жизни: оставшись в коттедже одна, Элиза обнаружила, что персонажи ее волшебных сказок стали ярче. Она находила фей, которые играли в паутине, насекомых, которые шептали заклинания на подоконнике, духов огня, которые шипели и плевались в плите. Иногда днем Элиза сидела в кресле-качалке и слушала их. А позже, ночью, когда они все спали, плела из историй собственные сказки.

Однажды утром, на четвертую неделю одиночества, Элиза отнесла тетрадь в сад и уселась под яблоней на своей любимой кочке из мягкой травы. Пришедший в голову сюжет пленил ее, и она принялась записывать: отважная принцесса отказалась от наследственных привилегий и отправилась со своим советником в долгое путешествие по дикой и гибельной земле, полной опасностей. Элиза как раз собиралась послать героиню в затянутую паутиной пещеру, принадлежащую особенно злой фее, когда на ветку, что росла над ней, взлетела птица и запела.

— Да неужели? — Элиза отложила перо.

Птица запела вновь.

— Пожалуй, я и сама изрядно проголодалась. — Она протянула руку, сорвала яблоко с нижней ветки, обтерла его о платье и откусила кусочек. — Ужасно вкусно, — сказала она, когда птица улетела. — Можешь сорвать одно, мне не жалко.

— Ловлю вас на слове.

Элиза замерла, вонзив зубы в яблоко, глядя туда, где скрылась птица.

— Надо было свое захватить, но кто ж знал, что я пробуду здесь так долго.

Она обвела взглядом сад и заморгала, увидев мужчину на железной скамейке. Его присутствие было настолько неожиданным, что она не сразу его узнала, хоть и была с ним знакома. Темные волосы и глаза, непринужденная улыбка, Элиза задержала дыхание. Натаниэль Уокер, муж Розы, сидит в ее саду.

— Вижу, яблоко вам по вкусу, — сказал он. — Смотреть на вас почти так же приятно, как есть самому.

— Я не люблю, когда за мной наблюдают.

Он улыбнулся.

— Тогда я отвернусь.

— Что вы здесь делаете?

Натаниэль поднял новехонький томик.

— «Маленький лорд Фаунтлерой». ^[40] Читали?

Она покачала головой.

— Я тоже, хотя пытаюсь несколько часов. И отчасти в этом виноваты вы, кузина Элиза. Ваш сад чрезмерно отвлекает. Я просидел здесь все утро, но не продвинулся дальше первой главы.

— Я думала, вы в Италии.

— Я был там. Мы вернулись на неделю раньше срока.

Холодная тень мгновенно упала на лицо Элизы.

— Роза дома?

— Конечно. — Он открыто улыбнулся. — Надеюсь, вы не думаете, что я мог оставить свою жену итальянцам!

— Но когда она... — Элиза убрала непокорные пряди волос со лба, пытаясь понять. — Когда вы вернулись?

— В понедельник днем. На море наш корабль здорово потрепало.

Три дня. Они вернулись три дня назад, и Роза не послала ей весточки. Желудок Элизы сжался.

— Роза... С Розой все хорошо?

— Лучше не бывает. Средиземноморский климат пошел ей на пользу. Мы бы еще на неделю остались, но ей хотелось принять участие в подготовке приема в саду. — Он подчеркнул поднял брови. — Послушать их с маменькой разговоры, так это будет нечто феерическое.

Элиза скрыла смутение, она откусила еще кусочек яблока и выбросила огрызок. Элиза слышала краем уха о приеме в саду, но решила, что это очередное светское мероприятие Аделины, а Роза тут ни при чем.

Натаниэль снова поднял книгу.

— Потому я и выбрал ее для чтения. Миссис Ходжсон Бернетт появится на приеме. — Он широко распахнул глаза. — Полагаю, вам не терпится с ней познакомиться? Должно быть, весьма приятно побеседовать с другой сочинительницей.

Элиза, пряча глаза, зажала уголок листа, на котором писала, между большим и указательным пальцами.

— Да... полагаю, да.

Виноватая нотка проскользнула в его голосе.

— Вы, конечно, придете? Роза говорила, что придете. Прием состоится на овальной лужайке, в субботу, в десять утра.

Элиза нарисовала лозу вдоль края страницы. Роза знает, что ее кузина

не любит приемы, вот и все. Заботливая Роза избавила Элизу от мучительного общества тети Аделины.

Голос Натаниэля был нежен.

— Роза часто говорит о вас, кузина Элиза. Мне кажется, что я и сам вас знаю. — Он махнул рукой. — Она рассказала мне о вашем саде, вот почему я пришел сегодня. Мне надо было самому увидеть, так ли он прекрасен, как она описала.

Элиза на мгновение встретила с ним глазами.

— И?

— Все правда, до последнего слова, и даже более того. Как я уже сказал, я виню сад за то, что он отвлек меня от чтения. Свет падает так, что мне хочется перенести его на бумагу. Я изрисовал весь фронтиспис книги. — Он улыбнулся. — Только не говорите миссис Ходжсон Бернетт.

— Я возродила сад для нас с Розой. — Собственный голос казался Элизе странным, она привыкла быть одна. К тому же она стыдилась слишком явного выражения своих чувств и все же была не в силах умолчать о них. — Чтобы у нас было тайное убежище, где никто нас не найдет, где Роза могла бы сидеть на воздухе, даже если ей нездоровится.

— Розе на редкость повезло иметь кухню, которая так о ней заботится. Я безгранично благодарен за то, что вы сберегли ее для меня. Мы в некотором роде команда, верно?

«Нет, — подумала Элиза. — Мы с Розой — пара, команда. Ты — лишний, временный».

Уокер встал, отряхнул брюки и прижал книгу к груди.

— А теперь я должен с вами сердечно попрощаться. Мать Розы строго следит за соблюдением правил, сомневаюсь, что ей понравится, если я опоздаю к обеду.

Элиза проводила его, посмотрела, как он уходит. Она закрыла ворота и села на краешек скамейки, затем отодвинулась, чтобы не сидеть на еще теплом после него металле. В Натаниэле все было достойно любви, и оттого она его невлюбила. Их встреча оставила тяжесть у нее на душе. А все из-за упоминания о приеме в саду и о Розе, его уверенности в нежности чувств супруги. Благодарность, которую он выразил Элизе, хоть и весьма мило, не оставила у нее сомнений, что он считает Элизу лишь помощницей. Да к тому же проник в ее сад, так легко найдя дорогу через лабиринт...

Элиза отогнала подобные мысли. Она вернется к своей сказке. Так она сможет забыть неприятную встречу. Принцесса как раз собиралась последовать за верной служанкой в пещеру феи.

Но как Элиза ни старалась, живость покинула ее и забрала с собой вдохновение. Сюжет, который вначале наполнял ее радостью, показался неубедительным и ветхим. Элиза зачеркнула все, что написала. Так не пойдет. И все же как она ни крутила, ничего не получалось: слыханное ли дело, чтобы сказочная принцесса предпочла советника принцу?

Солнце светило так ярко, словно Аделина заказала у Бога хорошую погоду. Новые лилии прибыли вовремя, да еще Дэвис совершил набег на сады в поисках экзотических цветов для украшения. Ночной ливень, из-за которого Аделину мучили бессонница и тревога, лишь добавил блеска саду, и каждый лист выглядел так, словно его отполировали. На свежепримятой лужайке были искусно расставлены кресла с подушками. Наемные официанты выстроились вдоль лестницы образцами спокойствия и уверенности, а на кухне, вдали от взглядов и мнений, не покладая рук трудились повариха и ее команда.

Всю последнюю четверть часа гости прибывали на разворотную площадку, где Аделина их приветствовала и провожала к лужайке. Как великолепно они смотрелись в своих изысканных шляпах! Но самой изысканной была шляпа Розы, специально привезенная из Милана.

Аделина стояла в тени огромного рододендрона и изучала гостей: лорд и леди Эшфилд сидят с лордом Ирвингом-Брауном, сэр Морнингтон пьет чай, наблюдая за партией в крокет, юные Черчилли играют и смеются, леди Сьюзен Хьюзер ведет приватную беседу с леди Каролиной Эспли.

Аделина улыбнулась себе. Она хорошо справилась. Прием в саду — не просто уместный способ поприветствовать вернувшихся молодоженов. Старательно подобранные Аделиной знатоки, сплетники и честолюбцы помогут пустить слух о портретах Натаниэля. Она приказала Томасу развесить на стенах вестибюля работы, которые считала лучшими, и собиралась позже, когда подадут чай, показать их избранным гостям. Так ее зять окажется на кончиках перьев художественных критиков и острых языков светских законодателей мод.

Натаниэлю достаточно очаровать гостей хотя бы вполовину так же сильно, как Розу. Аделина обвела взглядом толпу и отыскала дочь, которая сидела с Натаниэлем и американкой, миссис Ходжсон Бернетт. Аделина сомневалась, приглашать ли миссис Ходжсон Бернетт. Ведь если один развод — несчастье, то два — уже почти безбожие. Но писательница явно имела хорошие связи в Европе, и потому Аделина решила, что ее возможная поддержка перевешивает ее дурную славу.

Роза засмеялась чему-то, что сказала женщина, и теплые волны

удовлетворения окатили Аделину. Роза была невероятно красива, сияла ничуть не меньше стены роз, которая служила для нее восхитительным фоном. Аделина подумала, что дочь выглядит радостной, как и положено женщине, которая совсем недавно вышла замуж, с чьих губ едва слетели клятвы верности.

Роза снова засмеялась, и Натаниэль указал в сторону лабиринта. Аделина надеялась, что они не тратят драгоценную возможность на обсуждение огороженного сада или еще какую-нибудь Элизину чепуху, когда должны беседовать о портретах Натаниэля. Ах, каким неожиданным даром провидения стал переезд Элизы! Готовясь к приему, Аделина бодрствовала ночь за ночью, неделями придумывая, как не дать девчонке все испортить.

Каким благословенным сюрпризом стало то утро, когда Элиза появилась у письменного стола Аделины и попросила о переезде в далекий коттедж. Следует признать, что Аделине удалось скрыть радость. Элиза, надежно упрятанная в коттедже, во много раз превосходила все варианты, изобретенные Аделиной, и переезд был одобрен бесповоротно. С тех пор и духу девчонки рядом с Аделиной не было, дом словно стал светлее и просторнее. Наконец-то, через восемь долгих лет, Аделина освободилась от ее удушливой тяжести.

Сложнее всего было убедить Розу, что отсутствие кухни лишь во благо самой Элизе. Бедная Роза всегда была слепа, когда дело касалось Элизы, никогда не видела в ней угрозы, о которой знала Аделина. Конечно, сразу же после медового месяца милая девочка спросила, где ее кухня. Когда Аделина благоразумно объяснила переезд Элизы в коттедж, Роза нахмурилась — не слишком ли внезапно? — и решила завтра же утром позвать Элизу.

Если маленькая хитрость Аделины подействует, о подобном визите можно будет забыть. Так что на следующее утро, сразу после завтрака, Аделина разыскала дочь в ее новой комнате, где та составляла изысканную цветочную композицию. Пока Роза выдергивала цветок из охапки кремовых клематисов, Аделина небрежно и спокойно спросила:

— Как по-твоему, пригласить Элизу на прием в саду?

Роза повернулась, со стебля клематиса закапала вода.

— Ну конечно, мама. Элиза — моя лучшая подруга.

Аделина сжала губы, она ожидала такого ответа и подготовилась. Притворная капитуляция — всегда обдуманый риск, и Аделина пошла на него со знанием дела. Она заранее подготовила несколько фраз, еле слышно повторяя их снова и снова, чтобы они совершенно естественно слетали с

губ.

— Конечно, дорогая. Если ты хочешь, чтобы она была на приеме, так тому и быть. Мы больше не вернемся к этому вопросу.

Лишь после столь поспешной и щедрой уступки она позволила себе чуть слышно и задумчиво вздохнуть.

Роза стояла к ней спиной и держала в руке пышную веточку жасмина.

— В чем дело, мам?

— Нет-нет, ничего, дорогая.

— Мама?

Нужно быть осторожной.

— Я просто подумала о Натаниэле.

На щеках Розы вспыхнул румянец, она подняла глаза.

— Натаниэле, мама?

Аделина встала, разглаживая юбку, и широко улыбнулась Розе.

— Не важно. Уверена, для него все пройдет хорошо, даже если Элиза будет рядом.

— Ну конечно хорошо.

Роза помедлила, прежде чем вернуть жасмин в композицию. Она больше не смотрела на Аделину, но этого и не требовалось. Аделина могла вообразить неуверенность, исказившую ее хорошенькое личико. Разумеется, последовал осторожный вопрос:

— И почему же Натаниэль выиграет от отсутствия Элизы?

— Просто я надеялась привлечь определенное внимание к Натаниэлю и его работам. Элиза же непременно притянет все взоры. Я надеялась, что день будет принадлежать Натаниэлю и тебе, дорогая. Но конечно, надо пригласить Элизу, если ты считаешь, что стоит. — Она засмеялась легким, радостным, отточенным до совершенства смехом. — К тому же, уверена, как только Элиза узнает, что ты вернулась домой раньше, она примчится сюда и кто-нибудь из слуг непременно обмолвится о приеме. Она терпеть не может общество, но так привязана к тебе, дорогая, что обязательно придет.

И Аделина покинула Розу, улыбнувшись, когда заметила, что плечи дочери напряглись. Верный знак, что выстрел попал в цель.

Разумеется, в тот же день Роза появилась в будуаре Аделины и сама предложила избавить Элизу от необходимости посетить прием, раз она их не любит. Чуть тише Роза добавила, что передумала звать кузину немедленно, что лучше подождать до приема в саду. Когда все успокоится, они смогут провести больше времени вместе.

— Конечно, дорогая, — сказала Аделина. — Весьма заботливо с твоей

стороны. Решение доброй и преданной жены. Так всем будет намного лучше.

Взрыв смеха на крокетной площадке привлек внимание Аделины. Она похлопала в ладоши, изобразила открытую улыбку и пошла обратно через лужайку. Когда она приблизилась к дивану, миссис Ходжсон Бернетт встала, раскрыла белый зонтик от солнца, кивнула Розе и Натаниэлю и направилась в сторону лабиринта. Аделина надеялась, что писательница не собирается в него входить, ворота лабиринта были заранее закрыты, явно преграждая путь, но американка вполне могла иметь собственное мнение на этот счет. Аделина зашагала чуть быстрее — поиски заблудившегося гостя не входили в ее планы на день — и перехватила миссис Ходжсон Бернетт, прежде чем та успела далеко уйти. Она одарила гостью любезнейшей улыбкой.

— Добрый день, миссис Ходжсон Бернетт.

— Добрый день, леди Мунтраше. Денек и впрямь добрый.

Что за акцент! Аделина снисходительно улыбнулась.

— Лучшего нельзя было и ожидать. Смотрю, вы уже познакомились со счастливой парой?

— Скорее, украла ее у прочих. Ваша дочь — прелестное создание.

— Благодарю. Я к ней тоже весьма неравнодушна.

Дружный вежливый смех.

— И муж явно души в ней не чает, — заметила миссис Ходжсон Бернетт. — Ну разве юная любовь не прекрасна?

Аделина улыбнулась.

— Я рада ее выбору. Такой талантливый джентльмен. Полагаю, Натаниэль упомянул о своих портретах?

— Нет. Боюсь, я не дала ему шанса. Слишком настойчиво расспрашивала о тайном саде, который, по их словам, расположен где-то в вашем обширном поместье.

— Так, чепуха, — натянуто улыбнулась Аделина. — Немного цветов и стена вокруг. Такой есть в каждом английском поместье.

— Уверена, что ни один из них не оваян таким романтическим ореолом! Сад, возрожденный из руин, чтобы вернуть здоровье хрупкой юной дамы!

Аделина прерывисто рассмеялась.

— Боже правый! Похоже, дочь и зять рассказали вам какую-то сказку! Роза обязана здоровьем усилиям хорошего врача, и, должна вас заверить, сад решительно ничем не примечателен. А вот портреты Натаниэля...

— И все же мне хотелось бы его увидеть. В смысле, сад. Мне очень интересно.

— Боюсь, это невозможно. — Аделину покинули остатки веселья. — Единственная дорога ведет через лабиринт, а муж настоял, чтобы мы закрыли его от гостей в связи с некоторой запущенностью.

— Какая жалость, — огорчилась миссис Ходжсон Бернетт. — Можно, я хотя бы взгляну через решетку?

На это Аделина ничего не могла возразить. Она кивнула, сколь могла любезно, и мысленно выругалась.

Аделина собиралась сделать Натаниэлю и Розе строгий выговор, когда краешком глаза заметила вихрь белых юбок, который несся к воротам лабиринта. Она обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как Элиза открывает ворота для миссис Ходжсон Бернетт.

Рука Аделины метнулась ко рту и заглушила крик. Именно сегодня, именно сейчас! Гадкая девчонка: вечно куда-то спешит, отвратительно одевается, лезет, куда ее не звали. Неприлично здоровая, с красными щеками, спутанными волосами, в несуразной шляпке и, с ужасом заметила Аделина, с голыми руками. Хорошо хоть туфли надеть не забыла.

Рот Аделины сжался, как у деревянной марионетки. Она огляделась вокруг, стараясь оценить масштаб нанесенного ущерба. Слуга крутился возле миссис Ходжсон Бернетт, провожая ее к ближайшему стулу. Все остальные казались спокойными, значит, день еще не совсем потерян. Видимо, только Лайнус, который сидел под кленом и не обращал внимания на речи старого лорда Эпплби, уделил внимание случившемуся и наставил на Элизу свою хитроумную фотографическую коробочку. Элиза, в свою очередь, растерянно смотрела на Розу. Несомненно, удивлена, что кухня так скоро вернулась из Европы.

Аделина быстро повернулась, собираясь уберечь дочь от неприятностей. Но Роза и Натаниэль явно не заметили вторжения, потому что были увлечены друг другом. Натаниэль съехал на краешек стула, и теперь его колени почти касались (или все же слегка касались, Аделина не была уверена) коленей Розы. Он держал двумя пальцами стебелек клубничины и крутил ягоду то так, то эдак, поднося ее к губам Розы и вновь отдергивая. Каждый раз Роза смеялась, вздернув подбородок, солнечный свет ложился пятнами на ее горло.

Аделина покраснела и подняла веер, чтобы загородиться от зрелища. Какое непристойное поведение! Что подумают люди? Аделина уже видела, как сплетница Каролина Эпли марает бумагу, едва вернувшись домой.

Аделина знала, что ее долг — воспрепятствовать подобному распутному поведению, и все же... Она снова опустила веер, поглядывая поверх него. Как ни старалась, она не могла отвернуться. Какая спелость! Свежесть образа была магнетической. Пусть Элиза творит за ее спиной, что хочет, пусть ее собственный муж совершенно не заботится о пристойности... словно весь мир замедлил ход, и Аделина оказалась одна посередине него, сознавая лишь биение сердца. По коже побежали мурашки, ноги подогнулись, дыхание стало неглубоким. Мысль явилась прежде, чем она успела ее остановить: каково это, быть столь горячо любимой?

Запах ртути наполнил ноздри, и Лайнус глубоко вдохнул. Он задержал воздух, прежде чем наконец выдохнуть, и почувствовал, как расширяется сознание, как горят барабанные перепонки. В уединении темной комнаты Лайнус становился шести футов ростом, с совершенно прямыми и одинаково сильными ногами. Серебряными щипчиками он пошевелил фотографическую бумагу, пристально глядя, как изображение начинает материализоваться.

Элиза ни разу не согласилась позировать. Вначале он настаивал, молил, но со временем разгадал природу ее игры. Она наслаждалась погоней, и Лайнусу следовало пересмотреть свою тактику.

И он пересмотрел — послал Мэнселла в Лондон за «Кодак-Истман Брауни»,^[41] уродливой маленькой коробочкой, отрадой неумелых любителей, качество снимков которой ни шло ни в какое сравнение с его камерой-обскурой. Зато она была легкой и портативной, а это главное. Лайнус знал, что, пока Элиза продолжает его дразнить, у него нет другого способа поймать девушку.

Переезд в коттедж был смелым ходом, за который Лайнус отдавал ей должное. Он подарил ей сад, и она полюбила его, как любила ее мать — ничто не радовало его *baïgneur* больше огороженного сада, — но Лайнус не предвидел подобного бегства. Элиза неделями не показывалась в усадьбе. День за днем Лайнус ждал у ворот лабиринта, но она продолжала терзать его своим отсутствием.

Все еще больше осложнилось, когда Лайнус обнаружил, что у него есть соперник. Три месяца назад, стоя на своем посту, он застал крайне неприятное зрелище. Он ждал Элизу, но увидел, что вместо нее из ворот лабиринта выходит зять-художник. Лайнус был поражен. Да как Уокер смеет дерзко ступать туда, куда сам Лайнус не отваживается зайти? Лайнус кипел от вопросов: он видел ее? говорил с ней? смотрел ей в глаза? Мысль

о том, что художник рыщет вокруг его сокровища, была невыносима.

В конце концов, Лайнус победит. Его терпение будет вознаграждено.

Он вздохнул и наклонился, чтобы лучше разглядеть в тусклом красном свете возникающий образ. Темные края — изгороди лабиринта, а посередине светлое пятно, где она попала в кадр. Элиза сразу же заметила его, и шее Лайнуса стало жарко от удовольствия. Ее широкие глаза, полуоткрытые губы, как у зверька, пойманного врасплох.

Лайнус покосился на бачок с проявителем. Вот она. Белое платье, узкая талия — о, как он желал обхватить ее пальцами, ощутить, как невесомые вздохи испуганно дрожат в груди! А ее белая шея с жилкой пульса, совсем как у ее матери когда-то! Лайнус на мгновение закрыл глаза и представил алую полосу на горле своей *baigneur*. Она тоже пыталась покинуть его.

Лайнус был в темной комнате, когда она пришла в последний раз, резал картонную подложку для новой серии: кузнечики западных графств. Он был в восторге от фотографий и даже думал, не попросить ли у отца позволения устроить небольшую выставку. Лайнус не терпел, когда его прерывали. Но Джорджиана была исключением из большинства правил.

Какой неземной, какой совершенной она выглядела в раме дверного проема, когда свет лампы оживил ее черты. Она поднесла палец к губам, повелевая хранить молчание, и закрыла за собой дверь. Он смотрел, как она медленно идет к нему, легкая улыбка играла на ее губах. Таинственность сестры была одной из излюбленных им черт, наедине со своей *baigneur* он ощущал соблазнительный привкус сговора, не свойственный его жизни. Ведь у Лайнуса редко находилось время для других. А у других редко находилось время для него.

— Ты ведь поможешь мне, Лайнус? — спросила сестра, широко распахнув ясные глаза.

Она начала рассказывать о мужчине, которого встретила, о моряке. Они полюбили друг друга и будут вместе, мама и папа ничего не должны знать, он ведь поможет ей? Ее глаза умоляли, не создавая боли Лайнуса. Время словно растянулось, ее слова кружились у него в голове, разбухали и сдувались, то громче, то тише, целая жизнь из одиночества собралась в одном миге.

Не размышляя, он поднял руку, которая все еще сжимала перочинный нож, и быстро провел им по молочной коже сестры, передавая свою боль...

Лайнус щипчиками поднес отпечаток к свету, сощурился и моргнул. Черт побери! Вместо лица Элизы было белое пятно с серыми крапинками.

Она пошевелилась в тот самый миг, когда он нажал на спуск. Он оказался недостаточно быстр, и Элиза ускользнула от него. Лайнус сжал кулак, вспоминая, как всегда в минуты досады, маленькую девочку, которая сидела рядом с ним на полу библиотеки и протягивала ему куклу, а вместе с ней — себя. До того, как она его разочаровала...

Не важно. Просто неудача, вот и все, временный поворот в игре, в которую они с Элизой играют, в которую он играл с ее матерью. Лайнус проиграл в тот раз: после случая с перочинным ножом его Джорджиана исчезла и больше не вернулась. Но на этот раз он будет более осторожен.

Что бы ни потребовалось, как бы долго ни пришлось ждать, Лайнус восторжествует.

Роза обрывала лепестки с ромашки до тех пор, пока ни одного не осталось: мальчик, девочка, мальчик, девочка, мальчик, девочка. Она улыбнулась и обхватила пальцами золотистую сердцевину цветка. Маленькая дочка для них с Натаниэлем, а потом, быть может, сын, а потом еще дочка и еще сын.

Сколько Роза себя помнила, она всегда мечтала о семье. Не такой, как холодное и одинокое соглашение, которое она знала малышкой, до приезда Элизы в Чёренгорб. В ее семье будут близость и любовь между родителями и много детей, братьев и сестер, которые всегда будут заботиться друг о друге.

Несмотря на подобное желание, из некоторых разговоров взрослых женщин Роза заключила, что, хотя дети — благословение Божье, акт, приводящий к их появлению — испытание. И потому в ночь свадьбы ожидала самого худшего. Когда Натаниэль расстегнул ее платье и распустил шнуровку, которую мама специально заказала, Роза затаила дыхание и внимательно посмотрела на него. Она очень переживала. Страх неизвестности наложился на беспокойство из-за отметин, и она сидела, затаив дыхание, ожидая что он заговорит, и боясь того же. Он отбросил ее платье и молча отодвинулся, не смотря ей в глаза. Медленно и пристально муж разглядывал ее, точно предмет искусства, который давно мечтал увидеть. Его темные глаза замерли, а губы чуть разошлись. Он поднял руку, и Роза задрожала от предвкушения, он легонько провел пальцем по самой большой отметине. От его прикосновения у Розы побежали мурашки по животу и внутренней поверхности бедер.

Потом они занялись любовью, и Роза обнаружила, что дамы не ошиблись: это было болезненно. Но Розе было не привыкать к боли, она прекрасно умела отстраняться, так что скорее наблюдала за происходящим,

чем чувствовала его. Вместо этого она сосредоточилась на том, как непривычно близко оказалось лицо мужа, его закрытые глаза, гладкие темные веки, полные губы — подобный изгиб она редко видела когда-либо. Слушая все более быстрое и тяжелое дыхание, Роза осознала, что могущественна. За долгие годы нездоровья она никогда не думала, будто обладает силой. Она была бедной Розой, хрупкой Розой, слабой Розой. Но на лице Натаниэля Роза прочла желание, и оно сделало ее сильной.

В медовый месяц время словно пустилось вскачь. Где раньше были часы и минуты, остались только дни и ночи, солнце и луна. Как странно было вернуться в Англию и обнаружить, что их ждет прежнее медлительное время! Так же странно, как снова жить в Чёренгорбе. В Италии Роза привыкла к уединению и, вернувшись, обнаружила, что ей несносно присутствие других. Слуги, мама и даже Элиза, кто-нибудь вечно таился в углах и пытался украсть ее внимание у Натаниэля. Роза хотела бы жить в собственном доме, где никто и никогда их не побеспокоит, но знала, что еще успеет. — Она понимала, что мама права: Натаниэлю легче встретить нужных людей в Чёренгорбе, а сам дом достаточно велик, чтобы свободно вместить двадцать человек.

Тем лучше. Роза нежно положила руку на живот. Она подозревала, что скоро им понадобится детская. Все утро Роза чувствовала себя странно, точно обладала особым секретом. Она не сомневалась, что столь важное событие именно так и должно ощущаться — женщина внезапно осознает появление чуда новой жизни в своем теле. Сжимая золотистую серединку ромашки, Роза направилась обратно к дому, солнце грело ее спину. Она задумалась, когда лучше поведать секрет Натаниэлю, и улыбнулась своим мыслям. Как он будет взволнован! Ведь когда у них появится ребенок, их семья станет совершенной.

Глава 38

Клифф-коттедж, Корнуолл, 2005 год

Похоже, природа наконец поняла, что наступил сентябрь. Последние задержавшиеся летние деньки сошли со сцены, и в тайном саду длинные тени потянулись к зиме. Земля была усыпана опавшими листьями, оранжевыми и бледно-зелеными, каштаны в колючих шубках гордо восседали на кончиках холодных ветвей.

Кассандра и Кристиан всю неделю работали в коттедже — распутывали лозы, отскребали стены от плесени, чинили сгнившие деревянные половицы. Наступила пятница, оба горели от нетерпения и сошлись на том, что надо уделить внимание тайному саду.

Кристиан копал яму возле запертых южных ворот, стараясь добраться до основания на редкость больших опор из песчаника, а Кассандра, скорчившись у северной стены, два часа рвала орляк из бывшей клумбы. Это напомнило ей детство, когда она по выходным помогала Нелл пропалывать сад в Паддингтоне. На Кассандру нахлынуло приятное чувство близости. Она уже собрала за спиной приличную кучу листьев и корней, но продвигалась все медленнее. В тайном саду сложно было не отвлекаться. Проскальзывая под стену, она словно попадала в место вне времени. Кассандра предположила, что все дело в стенах, хотя ощущение обособленности было не только физическим. Здесь звуки были ярче — громко пели птицы, листья шептали на ветру. Запахи были сильнее — влажное изобилие, сладкие яблоки. Воздух был чище. Чем дольше Кассандра оставалась в саду, тем сильнее верила, что была права. Сад не спит, он бодрствует.

Солнце чуть сдвинулось, пронзив копьями полосатого света лозы над головой, и дождь из крошечных желтых листьев-конфетти пролился с соседнего дерева. Глядя, как они порхают в лентах света, Кассандра ощутила неодолимое желание зарисовать, запечатлеть на бумаге

волшебный контраст между светом и тьмой. Ее пальцы дернулись, мысленно рисуя копыя света прямыми линиями, нанося штриховку, чтобы сохранить прозрачность. Желание рисовать застало ее врасплох.

— Чаю?

На другой стороне сада Кристиан кинул к стене лопату, задрал выцветшую футболку и вытер пот со лба.

— Звучит неплохо.

Кассандра похлопала руками в перчатках по джинсам, чтобы стряхнуть грязь и остатки папоротника, стараясь не глядеть на голый живот напарника.

— Ты вскипятишь или я?

— Я.

Он опустился на колени посередине сада, на участке, который они расчистили, и вылил в кастрюлю остатки воды из бутылки.

Кассандра осторожно села. После недели уборки ее икры окаменели, а бедра ныли. Но она не переживала. Усталость была приятной. Боль — неоспоримое доказательство телесности. Кассандра больше не ощущала себя невидимой или хрупкой, она стала тяжелее, уже не казалось, что ее вот-вот сдует ветерок. По ночам Кассандра быстро проваливалась сквозь густые слои сна и просыпалась, чтобы обнаружить, что ночь осталась за плечами единым слитным полотном без сновидений.

— Как дела в лабиринте? — спросила она, когда Кристиан поставил кастрюлю на маленькую походную плитку которую принес с собой. — Рядом с гостиницей?

— Неплохо. Майк считает, мы расчистим его к зиме.

— Несмотря на то, что ты столько времени проводишь здесь?

Кристиан улыбнулся.

— Как и ожидалось, Майк нашел что сказать по этому поводу. — Он выбросил из кружек остатки утреннего чая и положил в каждую по новому пакету.

— Надеюсь, у тебя не будет неприятностей из-за того, что ты мне помогаешь?

— Ничего страшного.

— Я правда ценю твою помощь.

— Ерунда. Я же обещал помочь и говорил это всерьез.

— Я знаю и очень рада. — Она медленно стянула перчатки. — И все же я пойму, если ты будешь занят другими делами.

— В смысле, своей настоящей работой? — Он засмеялся. — Не беспокойся, Майк не останется без своего куска хлеба.

Его настоящая работа. Вот она, та тема, которая волновала Кассандру, но которую она до сих пор не смела поднять. День, проведенный в саду, словно наполнил ее непривычным духом «будь что будет», похожим на дух Нелл. Она начертила каблуком дугу на земле.

— Кристиан?

— Кассандра?

— Я только хотела узнать. — Она обвела дугу, добавила под ней вторую. — Я кое-что хотела спросить. Об этом упомянула Джулия Беннет. — Кассандра встретила с ним глазами, но быстро отвела взгляд. — Почему ты работаешь на Майка в Тредженне, а не трудишься врачом в Оксфорде?

Кристиан не ответил, и она осмелилась вновь на него посмотреть. Выражение его лица сложно было понять. Он слегка пожал плечами и чуть улыбнулся.

— Почему ты одна, без мужа, ремонтируешь свой новый дом в Тредженне?

Кассандра резко вдохнула, в том числе и от удивления. Не раздумывая, она принялась, как обычно, тереть обручальное кольцо.

— Я... Я... — Множество уклончивых ответов лопалось пузырями на кончике языка, и она услышала какой-то чужой голос. — У меня нет мужа. Когда-то был, но... несчастный случай, Ник был...

— Извини. Слушай, не надо, я не хотел...

— Все в порядке, я...

— Нет. Не в порядке. — Кристиан взъерошил волосы, и протянул ладонь. — Мне не следовало спрашивать.

— Ничего. Я первая спросила.

Кассандра не могла объяснить это даже себе самой, но отчасти она была рада, что произнесла эти слова. Произнести имя Ника было облегчением, ее вина, что она сейчас здесь, а он — нет, словно стала чуть меньше. Что она сейчас здесь, с Кристианом.

Кастрюля начала подпрыгивать на плитке, вода выплескивалась. Кристиан наклонил ее, чтобы наполнить кружки, затем бросил в каждую по ложке сахара, быстро перемешал, протянул кружку Кассандре.

— Спасибо.

Она обхватила пальцами теплое олово и нежно подула на поверхность.

Кристиан сделал глоток и поморщился, когда обжег язык.

Тревожная тишина повисла между ними, и Кассандра принялась перебирать темы для разговора, чтобы продолжить беседу. Но ни одна не подходила.

Наконец Кристиан заговорил.

— Думаю, твоей бабушке повезло, что она не знала своего прошлого.

Кассандра кончиком мизинца достала из чая кусочек упавшего листа.

— Разве не дар Божий — иметь возможность смотреть вперед и не оглядываться? — продолжил он.

Кассандра изобразила интерес к спасенному листу.

— Иногда, — ответила она.

— Всегда.

— И все же страшно забыть прошлое целиком.

— Почему? — удивился Кристиан.

Она покосилась на него, чтобы выяснить, серьезен он или нет. В выражении его лица не было и намека на веселье.

— Потому что так его словно и не было.

— Но оно было, ничто не может это изменить, — сказал Кристиан.

— Да, но ты его не помнишь, — парировала Кассандра.

— И?

— И... — Она отбросила лист и слегка пожала плечами. — Воспоминания нужны, чтобы прошлое жило.

— И я о том же. Без воспоминаний с ним можно справиться и жить дальше.

Щеки Кассандры вспыхнули, она ушла от разговора, сделав глоток чая, потом еще один. Кристиан убеждал ее в необходимости предать прошлое забвению. Когда-то она ожидала этого от Нелл и Бена, приучила себя мрачно кивать, если одна из теток выражала подобное мнение, но сейчас все было по-другому. Она ощущала себя намного яснее, намного легче, чем обычно, ее контуры словно стали четче там, где обычно были стерты. Она наслаждалась собой. Интересно, когда именно он классифицировал ее как заблудшую душу, нуждающуюся в помощи? Она была смущена, и даже более того, отчего-то разочарована.

Она отпила еще чая и искоса взглянула на Кристиана. Его внимание было полностью поглощено веточкой, на которую он нанизывал сухие осенние листья, выражение его лица сложно было прочесть. Несомненно, растерянное, но не только, еще расстроенное, отстраненное, одинокое.

— Кристиан...

— Знаешь, я однажды видел Нелл.

Признание застало ее врасплох.

— Мою бабушку, Нелл?

— Полагаю, ее. Кто бы еще это мог быть? И даты совпадают. Мне было одиннадцать лет, так что на дворе, должно быть, стоял тысяча

девятьсот семьдесят пятый. Я пришел сюда в поисках уединения и как раз норовил скользнуть под стену, когда кто-то схватил меня за ногу. Я сперва не понял, что это человек. На мгновение я подумал, что братья не вдали, когда говорили, будто в коттедже обитают призраки, что привидение или ведьма превратит меня в поганку. — Его губы изогнулись в полуулыбке, он размял лист в кулаке и бросил частички на землю. — Но это был не призрак, а старая женщина со странным акцентом и печальным лицом.

Кассандра представила лицо Нелл. Было ли оно печальным? Грозным — да, не привыкшим к излишней теплоте. Но печальным? Она не знала, близость с бабушкой делала подобное суждение невозможным.

— У нее были седые волосы, — добавил он, — высоко забранные.

— В узел.

Он кивнул, чуть улыбнулся, перевернул чашку, чтобы выплеснуть остатки, и отбросил в сторону веточку с нанизанными листьями.

— Ты приблизилась к разгадке ее тайны?

Кассандра медленно выдохнула. Кристиан явно был не в своей тарелке. Его настроение напоминало ей копыя света, которые пронзали лозы. Оно было неувловимым, мерцающим, изменчивым.

— Не слишком. В альбомах Розы не нашлось откровения, на которое я надеялась.

— Записи, озаглавленной «Почему Элиза может однажды забрать мое дитя?» — Он улыбнулся.

— Увы, нет.

— По крайней мере, тебе было что почитать на ночь.

— Если бы только я не засыпала, едва коснувшись головой подушки.

— Все дело в морском воздухе. — Кристиан встал и сходил за лопатой. — Он благодетель для души.

Похоже на правду. Кассандра тоже встала.

— Кристиан, — сказала она, отряхивая перчатки, — насчет альбомов.

— Да?

— Я надеялась, может, ты сумеешь мне помочь. Это вроде загадки.

— Серьезно?

Она взглянула на него, немного тревожась из-за его бывшего нежелания разговаривать на эту тему.

— Это медицинский вопрос.

— Хорошо.

Кассандра выдохнула.

— Роза упоминает о каких-то отметинах на своем животе. Насколько я поняла, они довольно крупные, достаточно заметные, чтобы смущать ее, и

она пару раз уже беседовала о них со своим врачом, Эбенизером Мэтьюсом.

Он виновато пожал плечами.

— Вообще-то я специализировался не на коже.

— А на чем?

— На онкологии. Роза дает еще какие-то зацепки? Цвет, размер, тип, количество?

Кассандра покачала головой.

— В основном она пишет эвфемизмами.

— Типичное викторианское ханжество. — Он водил лопатой по земле, размышляя. — Они могут быть чем угодно. Шрамами, пигментными пятнами... она не упоминает о какой-нибудь операции?

— Насколько я помню, нет. Какой именно операции?

Он упер в бок одну руку.

— Ну, навскидку, это мог быть аппендицит, возможно, почки либо легкие потребовали хирургического вмешательства. — Он поднял брови. — Эхинококки, может? Она бывала на фермах?

— В поместье не было ферм.

— Это самая распространенная причина, по которой викторианский ребенок мог нуждаться в операции в области живота.

— А что такое эхинококки?

— Паразиты, ленточные черви. Они обитают в собаках, но часть жизненного цикла проводят в людях или овцах. Обычно они поражают почки или печень, но иногда добираются и до легких. — Он посмотрел на нее. — Подходит, но, боюсь, если не спросить ее саму или не найти еще чего-то в альбомах, ты никогда точно не узнаешь.

— Я еще раз сегодня посмотрю, может, что-нибудь пропустила.

— А я еще подумаю.

— Спасибо. Но особо не старайся, мне просто любопытно.

Кассандра надела перчатки, соединяя пальцы, чтобы посильнее их натянуть.

Кристиан пару раз копнул лопатой землю.

— В ней было слишком много смертей.

Кассандра взглянула на него.

— В моей работе, в онкологии. Она была слишком безжалостна. Пациенты, семьи, утраты. Я думал, что смогу вынести, но, знаешь, это накапливается со временем.

Кассандра подумала о последних днях Нелл, жутком стерильном запахе больницы, холодном, бездушном взгляде стен.

— По правде говоря, я никогда не подходил для нее. Я понял это еще в университете.

— Ты не думал сменить дисциплину?

— Я не хотел расстраивать маму.

— Она мечтала, чтобы ты стал врачом?

— Не знаю. — Их взгляды встретились. — Она умерла, когда я был ребенком.

И тогда Кассандра поняла.

— Рак.

Поняла и то, почему он так стремился забыть прошлое.

— Ради бога, прости меня, Кристиан.

Он кивнул, глядя на низкий полет черной птицы.

— Похоже, дождь собирается. Когда грачи так пикируют, жди дождя. — Он робко улыбнулся, как бы извиняясь за резкую смену темы. — Синоптикам далеко до корнуоллских примет.

Кассандра подобрала садовые вилы.

— Давай поработаем еще полчаса, и хватит на сегодня.

Кристиан посмотрел вниз и пнул земляной ком ботинком.

— Знаешь, я собирался выпить в пабе по дороге домой. — Он взглянул на нее. — Ты, наверное, не... то есть, может, составишь мне компанию?

— Конечно, — услышала Кассандра собственный голос. — Почему нет?

Кристиан улыбнулся, и его лицо словно расслабилось.

— Отлично. Просто отлично.

Свежий, влажный порыв соленого бриза бросил на голову Кассандры большой кленовый лист. Она смахнула его и вернулась к заросли орляка, вонзая маленькие садовые вилы под длинный тонкий корень и пытаясь вырвать его. Она улыбалась сама себе, толком не понимая причины.

В пабе выступала группа, поэтому они остались и заказали пироги и жареную картошку. Кристиан рассказывал самоуничижительные истории о том, как жил дома с отцом и мачехой. Кассандра поведала о некоторых странностях Нелл: ее отказе пользоваться картофелечисткой, потому что та чистит не так экономно, как она сама ножом, ее привычке подбирать чужих кошек, о том, как она оправила зуб мудрости Кассандры в серебро и повесила на цепочку. Кристиан смеялся, и звук его смеха так нравился Кассандре, что она смеялась в ответ.

Было уже темно, когда он наконец довез ее до отеля, в густом сыром воздухе фары машины мерцали желтым.

— Спасибо, — сказала Кассандра, выпрыгивая наружу. — Я чудесно провела время.

То была чистая правда. Она провела время неожиданно хорошо. Призраки, как всегда, были с ней, но держались поодаль.

— Рад, что ты пошла со мной.

— Да. Я тоже.

Кассандра улыбнулась через плечо, секунду подождала и закрыла дверцу. Она помахала вслед машине, исчезающей в тумане.

— Телефонное сообщение. — Саманта потрясла кусочком бумаги, когда Кассандра вошла в фойе. — Вы выходили?

— В паб.

Кассандра взяла листок, не обращая внимания на поднятые брови Саманты. «Телефонный звонок от Руби Дэвис, — было написано на листке. — Приезжает в Корнуолл в понедельник. Забронировала номер в отеле „Чёренгорб“. Ожидает отчета об успехах!»

Кассандру окатило волной искренней радости. Она сможет показать Руби и коттедж, и альбомы, и тайный сад. Она знала, что Руби поймет, какие они особенные. И Кристиан ей тоже понравится.

— Вас кто-то подвез? Похоже на машину Кристиана Блейка.

— Спасибо за сообщение, — улыбнулась Кассандра.

— Я случайно увидела, — крикнула Саманта, когда Кассандра исчезла на лестнице. — Не думайте, будто я шпионила за вами!

Вернувшись в номер, Кассандра набрала полную ванну горячей воды и кинула в нее немного лавандовой соли, которую Джулия разыскала для ее больных мышц. Она взяла с собой альбомы и положила их на сухое полотенце, разостланное на кафельном полу. Стараясь не мочить левую руку, чтобы переворачивать его страницы, Кассандра забралась в ванну и вздохнула от удовольствия, когда шелковистая вода сомкнулась вокруг, затем откинулась на фарфоровый край и открыла первый альбом, надеясь, что какая-нибудь пропущенная подробность об отметинах Розы бросится в глаза.

Вода остыла, ступни Кассандры сморщились, но она так и не нашла ничего полезного. Только то же самое завуалированное упоминание об отметинах, которые смущали Розу.

Зато нашла кое-что другое, не связанное с отметинами, однако любопытное. Не столько слова, сколько сам тон записи поразил Кассандру. Она не могла избавиться от ощущения, что записка значит больше, чем кажется на первый взгляд.

Март 1909 года. Начались работы над стеной коттеджа. Мама считает, и правильно, что лучше пока ей заняться этим, ведь Элиза не может. Коттедж слишком уязвим. Он мог оставаться открытым прежде, когда использовался нечестиво, но сейчас незачем подавать сигналы в море. Совсем наоборот, никто из нас не желает открытости. И никакие предосторожности не будут чрезмерными, ведь, хоть мы можем многое приобрести, потерять можем еще больше.

Глава 39

Чёренгорб-мэнор, Корнуолл, 1909 год

Роза плакала. Ее щека была теплой, а подушка мокрой, но она продолжала плакать. Она зажмурила веки от коварного зимнего света и плакала так, как не плакала с раннего детства. Гадкое, гадкое утро! Как смеет солнце так спокойно вставать, чтобы посмеяться над ее горем? Как смеют люди так уверенно заниматься своими делами, когда Роза вновь просыпается, чтобы обнаружить, что конец всем ее надеждам написан кровью? Она гадала, сколько еще ей терпеть это ежемесячное отчаяние?

В каком-то жутком смысле лучше было знать правду, поскольку, несомненно, самые тяжелые дни лежали посередине — длинные дни, когда Роза позволяла себе воображать, мечтать и надеяться. Надежда — как же она возненавидела это слово! Коварное семя, посеянное в людской душе, тайно растущее без малейшего ухода и вдруг расцветающее столь волшебным, что просто невозможно не лелеять его. Именно надежда мешает человеку делать выводы из опыта. Ведь каждый месяц, по окончании недельного кровотечения, Роза ощущала возрождение предательской надежды, и грифельная доска ее опыта становилась чиста. Она забывала собственные обещания, что на этот раз не станет подыгрывать, что больше не падет жертвой жестокого и благодушного внутреннего шепота, как прежде. Ведь отчаявшиеся люди цепляются за надежду, точно моряки за обломки корабля.

В течение года была одна небольшая передышка от ужасного цикла. Месяц, когда кровотечение не пришло. Разумеется, доктор Мэтьюс был вызван, провел осмотр и произнес благословенные слова: она ждет ребенка. Какое счастье слышать, как твою заветную мечту озвучивают столь спокойно, без малейшей мысли о предшествовавших месяцах разочарования, с твердостью и уверенностью, что все пойдет своим чередом. Ее живот разбухнет, и ребенок родится. Восемь дней она лелеяла

драгоценные новости, шептала слова любви своему плоскому животу, ходила, говорила и мечтала по-иному. А потом, на девятый день...

Роза услышала стук в дверь, но не пошевелилась. «Уходи, — подумала она, — уходи и оставь меня в покое».

Дверь скрипнула, и кто-то вошел, раздражая уже тем, что пытался не шуметь. Что-то поставили на прикроватный столик, затем раздался тихий голос над ухом.

— Я принесла вам завтрак.

Снова Мэри. Как будто мало, что она видела простыни, отмеченные темным укором.

— Бодритесь, миссис Уокер.

Миссис Уокер. От этих слов у Розы сжался желудок. Как она хотела стать миссис Уокер! После того как встретила Натаниэля в Нью-Йорке, танцевала с ним танец за танцем и сердце билось в груди, осматривала залу, пока не находила его, задерживала дыхание, пока их взгляды не встречались и его губы не растягивались в улыбке, предназначенной ей одной.

А теперь это имя — ее, и все же она оказалась недостойной Натаниэля. Жена, которая не может выполнить главную задачу замужней женщины. Не может дать своему мужу то, что обязана дать хорошая жена. Детей. Здоровых, счастливых детей, которые будут носиться по поместью, гонять тележные колеса по песку, прятаться от гувернантки.

— Не надо плакать, миссис Уокер. Рано или поздно это обязательно случится.

Каждое исполненное добрых намерений слово вонзалось ядовитым шипом.

— Неужели, Мэри?

— Обязательно, мадам.

— Почему ты так уверена?

— Так всегда бывает. Женщине этого не миновать, даже если она сама хочет. По крайней мере, не задержать надолго. Я знаю многих, кто с радостью бы этого избежал, был бы способ.

— Неблагодарные негодницы, — сказала Роза с горячим мокрым лицом. — Подобные женщины не заслуживают благословения детьми.

Глаза Мэри затуманились, Роза решила, что от жалости. Но вместо того чтобы отшлепать служанку по пухлым здоровым щекам, она лишь отвернулась и скорчилась клубком под одеялом, баюкая свое горе глубоко в животе, окружая себя темным и пустым облаком утраты.

— Наверное, вы правы, миссис Уокер. — Мэри помедлила. — А

теперь хоть немного поешьте, мадам. Вам надо подкрепиться.

Натаниэль написал бы его и во сне. Лицо жены стало так знакомо, что иногда ему казалось, он знает его лучше, чем собственную ладонь. Он довел до конца линию, которую рисовал, чуть размазал ее большим пальцем, прищурился и наклонил голову. Она была прекрасна, он не ошибся. Темные волосы и бледная кожа, прелестный рот. И все же портрет не доставил ему удовольствия.

Он убрал набросок в папку. Роза обрадуется, получив его, как всегда. Ее просьбы о портретах были такими отчаянными, что он не в силах был отказать. Если Натаниэль не дарил ей нового каждые несколько дней, она начинала рыдать и умолять его о заверениях в любви. Сейчас он рисовал жену чаще по памяти, чем с натуры. Последнее было слишком болезненно. Его Роза растворилась в собственном горе. Молодая женщина, которую он встретил в Нью-Йорке погибла, оставив собственную тень с глазами, потемневшими от недосыпания, поблекшей от беспокойства кожей, нервными руками. Описал ли хоть один поэт жалкое уродство возлюбленной, вывернутой наизнанку горем?

Ночь за ночью она дарила ему себя, и он принимал дар. Но желание Натаниэля пропало. Что когда-то возбуждало его, ныне наполняло страхом и, хуже того, виной. Он был виновен в том, что, когда они занимались любовью, был не в силах смотреть на нее. В том, что не мог дать ей самого желаемого. В том, что не хотел ребенка так отчаянно, как она. Хотя Роза не верила в это. Сколько бы Натаниэль ни уверял ее, что ему нужна лишь она, Роза не поддавалась.

В довершение, что самое унижительное, ее мать пришла в студию. Аделина несколько отстраненно изучила портреты, после чего села в кресло рядом с мольбертом и начала речь. Она заявила, что Роза — хрупкое создание и всегда им была. Животные порывы мужа могут причинить ей серьезный вред, и для всех будет лучше, если он сможет некоторое время воздерживаться. Вести подобную беседу с тещей было столь непривычно, что Натаниэль не смог отыскать ни слов, ни желания объяснить свою позицию.

Вместо этого он кивнул в знак согласия и стал искать уединения в саду поместья чаще, чем в студии. Беседка стала его мастерской. В марте было прохладно, но Натаниэль даже рад был отказаться от комфорта. Погода мешала другим искать его общества. Наконец-то он смог расслабиться. Зима, проведенная в доме с родителями Розы и ее удушливыми нуждами, была тягостной. Горе и разочарование жены пропитали стены, шторы,

ковры. То был дом мертвых, Лайнус запирался в темной комнате, Роза в спальне, Аделина рыскала по коридорам.

Натаниэль наклонился, его внимание привлекло пятнышко тусклого света, упавшее сквозь ветви рододендрона. Его пальцы дернулись, мечтая поймать игру света и тени. Но времени не было. Портрет лорда Макелби стоял на мольберте: борода, румяные щеки, морщинистый лоб. Оставались глаза. Именно глаза всегда были слабым местом Натаниэля при письме маслом.

Он выбрал кисть и снял выпавший волосок. Художник уже собирался нанести краску на холст, когда ощутил, как покалывает руки — шестое чувство подсказало, что одиночество нарушено. Он обернулся через плечо. Разумеется, за спиной стоял слуга. Натаниэль разозлился.

— Черт побери, парень, — сказал он. — Нечего ко мне подкрадываться. Хочешь что-нибудь сказать, так подойди, встань передо мной и скажи. Уловки ни к чему.

— Леди Мунтраше напоминает, что второй завтрак будет подан рано. Карета в Тримейн-холл отправится в два часа дня.

Натаниэль выругался про себя. Он совсем забыл про Тримейн-холл. Очередные богатые друзья Аделины, которые мечтают украсить стены собственными изображениями. Возможно, ему повезет и заказчица пожелает, чтобы он увековечил еще и трех ее собачонок!

Подумать только, что когда-то его волновали подобные знакомства, он мечтал чувствовать, как его общественное положение взмывает ввысь, подобно парусу на новом судне. Он был слепцом, дураком, не признавая, какую плату потребует такой успех. По мере того как росли гонорары, время на творчество таяло. Он выпускал портреты не меньшим потоком, чем одна из новых фабрик, о которых постоянно говорили деловые люди, радостно потирая блестящие ладони. Нет времени остановиться, улучшить, разнообразить манеру. Его работы больше не принадлежали кисти мастера, в его мазках больше не было ни достоинства, ни человечности.

Хуже всего то, что, пока он был занят производством портретов, время для эскизов, его истинной страсти, ускользнуло сквозь пальцы. После приезда в Чёренгорб Уокер успел сделать всего одно панно, а также пачку набросков дома и его обитателей. Его руки, его навыки, его дух чахли.

Теперь он видел, что совершил ошибку. Если бы только он прислушался к просьбам Розы и нашел новый дом после свадьбы, все могло бы повернуться иначе. Возможно, они были бы блаженно счастливы, дети сидели бы у ее ног, а творческое удовлетворение — на кончиках его пальцев.

А может, ничего бы не изменилось. Им пришлось бы испытывать те же муки, но в стесненных материальных обстоятельствах. В этом и загвоздка. Можно ли ожидать, что мальчик, познавший бедность, добровольно выберет более тернистый путь?

К тому же Аделина, подобно праматери Еве, начала нашептывать о возможном позировании короля. И хотя он устал от портретов, хотя ненавидел себя за то, что совершенно отрекся от подлинной страсти, мурашки пробегали от одной мысли об этом.

Он отложил кисть и потер пятно краски на большом пальце. Натаниэль собирался в столовую, когда его внимание привлекла папка с рисунками. Бросив взгляд на дом, он вытащил из нее тайные наброски. Художник урывками работал над ними уже две недели, с тех самых пор, как нашел волшебные сказки кухни Элизы среди вещей Розы. Хотя они были написаны для детей, волшебные истории об отваге и нравственности вошли в его кровь. Персонажи пробрались в голову Натаниэля и ожили там, их простая мудрость пролилась бальзамом на смятенные мысли, взрослые беды. Он обнаружил, что в мгновения рассеянности набрасывает линии, которые складываются в старуху за прялкой, королеву фей с длинной толстой косой, принцессу-птицу, запертую в золотой клетке.

То, что началось как наброски, Натаниэль решил превратить в эскизы. Он сделал тени глубже, линии ярче, выделил черты лица. Художник взглянул на них, стараясь не замечать тисненого пергамента, который Роза подарила ему вскоре после свадьбы, стараясь не думать о более счастливых временах.

Эскизы были еще не закончены, но нравились ему. Несомненно, они остались единственным проектом, который продолжал приносить удовольствие, помогал бежать от испытания, в которое превратилась его жизнь. С бьющимся сердцем Натаниэль закрепил на мольберте листы бумаги. После второго завтрака он позволит себе заняться эскизами, порисовать без цели, как делал мальчиком. Мрачные глаза лорда Макелби подождут.

Наконец, с помощью Мэри, Роза оделась. Она просидела в откидном кресле все утро, но решила рискнуть и выбраться из комнаты. Когда она в последний раз покидала четыре стены? Два дня назад? Три? Она поднялась, но чуть не упала. Голова у нее кружилась, ее подташнивало, ощущения, знакомые с детства. В те дни Элизе удавалось поддерживать ее дух волшебными сказками и историями, принесенными из бухты. Ах, если бы средство от взрослых скорбей было таким же простым!

Роза уже довольно давно не встречалась с Элизой. Она время от времени видела в окно, как та шагает по саду или стоит на вершине утеса, далекое пятнышко, за которым струится волна длинных рыжих волос. Раз или два Мэри подходила к двери и сообщала, что мисс Элиза просит аудиенции, но Роза неизменно отказывала. Она любила кухню, но битва, которую она вела с горем и надеждой, отнимала все силы. А Элиза так энергична, так полна жизни, возможностей, здоровья! Роза не смогла бы вынести встречу с ней.

Невесомая, точно призрак, Роза шла по застеленному коврами коридору, держась рукой за рейку вдоль стены, чтобы не упасть. Сегодня днем, когда Натаниэль вернется со встречи в Тримейн-холле, она присоединится к нему в беседке. Конечно, там холодно, но она прикажет Мэри укутать ее потеплее, а Томас может принести кушетку и одеяло, чтобы ей было удобно. Наверное, Натаниэлю там одиноко, он обрадуется, когда Роза вновь окажется рядом с ним. Он сможет запечатлеть ее отдых. Натаниэль так любит ее рисовать, а долг жены — радовать мужа.

Роза почти дошла до лестницы, когда сквозняк донес до нее слова по коридору.

— Она говорит, что ничего не скажет, что это ее личное дело.

Слова сопровождались ударами метлы по плинтусу.

— Хозяйке не понравится, когда она узнает.

— Хозяйка не узнает.

— Не слепая же она. Любому ясно, что девчонка неспроста пухнет.

Роза прижала холодную ладонь ко рту и тихо поплыла по коридору, напряженно прислушиваясь.

— Она говорит, все женщины в ее семье почти не пухнут. Она может спрятать живот под формой.

— Давай надеяться, что так и будет, не то ее мигом выпрут из дома.

Роза поднялась по лестнице как раз вовремя, чтобы увидеть, как Дэйзи исчезает в служебном коридоре. А вот Салли повезло меньше.

Служанка задохнулась, ее щеки вспыхнули на редкость некрасивыми пятнами.

— Извините, мадам. — Салли сделала неуклюжий книксен, метла запуталась в юбках. — Я не видела, что вы здесь.

— О ком ты говорила, Салли?

Пятна поползли до кончиков ушей девушки.

— Салли, — сказала Роза, — немедленно отвечай. Кто ждет ребенка?

— Мэри, мадам, — сказала служанка почти шепотом.

— Мэри?

— Да, мадам.

— Мэри ждет ребенка?

Девушка быстро кивнула, по ее лицу было видно, что она думает лишь о том, как бы скорее скрыться.

— Понятно.

Глубокая черная дыра разверзлась в животе Розы, угрожая вывернуть ее наизнанку. Глупая девчонка с ее гадкой дешевой плодовитостью! Выставляет проблему Розы напоказ, воркует над ней, уверяет, будто все будет хорошо, а потом смеется за ее спиной. И она не замужем! Только не в этом доме. Чёренгорб-мэнор обладает древней незапятнанной репутацией. Роза проследит, чтобы так было и впредь. Она осторожно выдохнула.

— Спасибо, Салли. Можешь идти.

Аделина водила щеткой по волосам, раз за разом. Мэри покинула их дом. Хотя теперь им отчаянно не хватало прислуги для предстоящего в выходные приема, девчонку необходимо было убрать. Обычно Аделина не поощряла принятия Розой подобных решений без должного совета, но обстоятельства были исключительные, Мэри оказалась настоящей маленькой пронырой. Незамужняя проныра, что делало ее поведение еще более бесчестным. Нет, Роза была права если не в способе, то, по крайней мере, в своих побуждениях.

Бедная милая Роза. В начале недели Аделину навестил доктор Мэтьюс, он сел напротив в утреннем салоне и заговорил тихим голосом, как всегда, когда имелись основания для волнений. Он сказал, что Роза нездорова (будто Аделина сама не видела) и он серьезно обеспокоен.

— К несчастью, леди Мунтраше, мои страхи не ограничены явным ухудшением ее здоровья. Есть и... — он легонько кашлянул в свой аккуратный кулак, — кое что еще.

Аделина протянула ему чашку чая.

— Кое-что еще, доктор Мэтьюс?

— Эмоциональные вопросы, леди Мунтраше. — Доктор Мэтьюс чопорно улыбнулся и отпил чая. — Когда я осведомился о телесных сторонах ее брака, миссис Уокер призналась в том, что с профессиональной точки зрения может рассматриваться как нездоровая склонность к телесности.

Аделина ощутила, как ее легкие раздуваются, задержала дыхание и заставила себя медленно выдохнуть. Не зная что сказать или сделать, она размешала еще один кусочек сахара в своей чашке. Не поднимая глаз, она попросила доктора Мэтьюса продолжать.

— Не тревожьтесь, леди Мунтраше. Хотя положение серьезное, ваша дочь не одинока. Смею сообщить, в настоящее время случаи повышенного интереса к телесности весьма часты среди юных дам и, не сомневаюсь, будут встречаться все чаще. Меня больше беспокоит подозрение, что эта склонность к телесности виновна в ее регулярных неудачах.

Аделина закашлялась.

— Продолжайте, доктор Мэтьюс.

— Как медик, я искренне убежден, что ваша дочь должна прекратить телесные отношения, пока ее бедное тело не сможет должным образом восстановиться. Ведь все связано, леди Мунтраше, все связано.

Аделина поднесла чашку ко рту, ощущая горечь тонкого фарфора, и едва заметно кивнула.

— Пути Господни неисповедимы. Таковы же, согласно его замыслу, и пути человеческого тела. Вполне разумно предположить, что юная дама с повышенными... аппетитами, — он сконфуженно улыбнулся, сузив глаза, — не вполне идеальная кандидатура на роль матери. Тело знает об этом, леди Мунтраше.

— Вы хотите сказать, доктор Мэтьюс, что если моя дочь будет меньше пытаться, ее может ожидать больший успех?

— Над этим стоит поразмыслить, леди Мунтраше. Не говоря уже о возможных преимуществах подобного воздержания для ее благополучия и здоровья в целом. Представьте себе ветроуказатель, леди Мунтраше.

Аделина выгнула брови, не впервые задумавшись, с какой стати она терпит доктора Мэтьюса все это время.

— Если ветроуказатель годами будет непрерывно реять, без отдыха или починки, суровые ветры непременно сделают дыры в его ткани. Так и вашей дочери, леди Мунтраше, необходимо дать время восстановиться, чтобы защитить от жестоких ветров, которые угрожают разорвать ее на части.

Не считая ветроуказателя, некоторый смысл в словах доктора Мэтьюса был. Роза слаба и нездорова, и если не дать ей должного времени на восстановление, нечего ждать, что она полностью выздоровеет. К тому же отчаянное желание завести ребенка пожирает ее. Аделина мучилась, придумывая, как убедить дочь поставить во главу угла собственное здоровье, и наконец поняла, что придется заручиться поддержкой Натаниэля. Какой бы неудобной ни обещала быть беседа, он согласится. За последние двенадцать месяцев Натаниэль научился подчиняться Аделине, и сейчас, с портретом короля в перспективе, он, несомненно, встанет на ее сторону.

Хотя Аделина сумела сохранить видимость спокойствия, наедине с собой она была в ярости. Почему другим молодым женщинам дарованы дети, когда Розе в них отказано? Почему она должна быть болезненной, когда другие созданы крепкими? Сколь многое придется перенести слабому телу Розы? В самые мрачные мгновения Аделина гадала, не она ли виновата в чем либо. Не наказывает ли ее за что-то Господь. Она была слишком горда, слишком часто восхваляла красоту Розы, ее приятные манеры, добрый нрав. А разве есть худшее наказание, чем видеть, как страдает обожаемое дитя?

Теперь еще и мысль о Мэри, гадкой здоровой девице с широким блестящим лицом и копной нечесаных волос. Мерзавка ждет нежеланного ребенка, в котором отказано другим, жаждущим столь глубоко. Это несправедливо. Неудивительно, что Роза сорвалась: ведь была ее очередь. Счастливая весть, ребенок, должна была принадлежать Розе. Не Мэри.

Если бы найти способ одарить Розу ребенком без телесной дани! Конечно, это невозможно. Женщины выстроились бы в очередь, существуй такой способ.

Аделина замерла посередине взмаха щеткой, посмотрела на свое отражение, но ничего не увидела. Она унеслась мыслями прочь, воображая растрепанную здоровую девчонку, лишенную материнского инстинкта, рядом с хрупкой женщиной, чье тело обмануло ожидания исполненного материнской любви сердца...

Она опустила щетку и сжала холодные руки на коленях.

Возможно ли исправить подобную несправедливость?

Это будет непросто. Для начала необходимо убедить Розу, что все к лучшему. Остается девчонка. Она должна понять, в чем состоит ее долг перед семьей Мунтраше, которая много лет была к ней добра.

Конечно, сложно. Но возможно.

Аделина медленно встала, аккуратно положила щетку на туалетный столик. Не прекращая размышлять, она направилась по коридору в комнату Розы.

Если собираешься прививать розы, главное — нож. Дэвис сказал, его нож острый, как бритва, такой, что можно начисто сбрить волоски на руке. Элиза нашла садовника в теплице, и он охотно помог ей с гибридом, который она собиралась посадить в своем саду. Он показал ей, где делать разрез, как проверить, что нет щепок, вмятин или дефектов, которые помешают побегу прижиться на новой ветке. В результате Элиза провела все утро, помогая в преддверии весны пересаживать растения в новые

горшки. До чего приятно было погружать ладони в теплую землю, ощущать на кончиках пальцев приближение нового сезона!

Затем Элиза отправилась обратно. День выдался холодным, тонкие облака быстро неслись в верхних слоях атмосферы, и Элиза, после душной сырой теплицы, наслаждалась морозным ветерком. Она была так близко от усадьбы, что ее мысли, как обычно, обратились к кухне. Мэри сообщила, что в последнее время Роза совсем пала духом, и хотя Элиза подозревала, что ее не пустят, она не могла находиться так близко и даже не попытаться зайти. Элиза постучала в боковую дверь и подождала, пока откроют.

— Добрый день, Салли. Я пришла повидаться с Розой.

— Никак нельзя, мисс Элиза, — угрюмо ответила Салли. — У миссис Уокер другие дела, и она не принимает гостей.

Ее слова казались вызубренными наизусть.

— Послушай, Салли, — Элиза сохранила улыбку, — едва ли я похожа на гостя. Уверена, едва ты скажешь Розе, что я здесь...

Из тени раздался голос тети Аделины.

— Салли совершенно права. У миссис Уокер другие дела. — В поле зрения возникли темные песочные часы. — Мы собираемся приступить ко второму завтраку. Если ты оставишь визитную карточку, Салли позаботится и передаст миссис Уокер, что ты просила об аудиенции.

Салли склонила голову, ее щеки пылали. Среди слуг явно навели шороху, Элиза непременно должна обо всем расспросить Мэри. Если бы не Мэри и ее регулярные донесения, Элиза бы понятия не имела, что происходит в доме.

— У меня нет карточки, — сказала Элиза. — Сообщи Розе, что я заходила, хорошо, Салли? Она знает, где меня найти.

Кивнув тете, Элиза вновь пошла по лужайке, лишь на миг остановившись, чтобы взглянуть на окно новой спальни Розы, рамы которого выбелил ранний весенний свет. Она вздрогнула, вспомнив о прививочном ноже Дэвиса: как легко острое лезвие способно рассечь растение, так, что не останется и следа былой связи!

Элиза обогнула фонтан, пересекла лужайку и подошла к беседке. В ней стояли художественные принадлежности Натаниэля, обычное дело в последние дни. Самого художника нигде не было видно, наверное, ушел в дом завтракать, но работа была прикреплена к мольберту...

Мысли Элизы понеслись галопом.

Верхние эскизы невозможно было не узнать.

Словно что-то странно и мучительно сдвинулось, когда Элиза увидела оживших персонажей из собственного воображения. Герои, прежде

обитавшие у нее в голове, словно по волшебству превратились в рисунки. Внезапная дрожь пробежала у нее по телу, одновременно жаркая и ледяная.

Элиза подошла ближе, поднялась по ступенькам беседки и принялась изучать эскизы. Она невольно улыбалась. Все равно, что обнаружить, что воображаемый друг обрел плоть. Они так походили на ее фантазии, что узнать их было достаточно легко, и все же чем-то отличались. Элиза поняла, что рука художника мрачнее, чем ее воображение, и пришла в восторг. Не размышляя, она сняла рисунки.

Элиза поспешила обратно: по лабиринту, по своему саду, через южную дверь, всю дорогу мысленно представляя эскизы. Она гадала, когда он написал их, зачем, что собирался с ними делать. Лишь повесив пальто и шляпку в прихожей, Элиза обратилась мыслями к письму, которое недавно получила от лондонского издателя. Мистер Хоббинс начал с комплимента историям Элизы. Он написал, что у него есть маленькая дочка, которая с нетерпением ждет новых сказок Элизы Мейкпис. Затем он предложил обдумать возможность публикации иллюстрированного сборника и сообщить в случае заинтересованности.

Элиза была польщена, но не убеждена в том, что идея хороша, почему-то восприняла ее отвлеченно. Теперь же, увидев наброски Натаниэля, девушка поняла, что в состоянии вообразить подобную книгу и даже ощутить ее вес в своих руках. Все ее любимые истории под одной обложкой, книга, которую будут разглядывать дети. Совсем как та, которую она нашла в тряпичной лавке миссис Суинделл много лет назад.

Хотя в своем письме мистер Хоббинс не слишком распространялся о вознаграждении, несомненно, Элиза могла ожидать более солидной оплаты, чем прежде. Ведь целая книга должна стоить намного больше, чем одна история. Возможно, Элизе наконец хватит денег, чтобы отправиться за море...

Ее внимание отвлек отчаянный стук в дверь.

Элиза стряхнула иррациональное ощущение, что за дверью стоит Натаниэль, явившийся за своими эскизами. Конечно, это не он. Он ни разу не был в коттедже, к тому же пройдут часы, прежде чем он заметит, что эскизы пропали.

И все же Элиза свернула рисунки и спрятала в карман пальто.

Она открыла дверь. На пороге стояла Мэри с полосами от слез на щеках.

— Пожалуйста, мисс Элиза, помогите мне.

— Мэри, что стряслось? — Элиза пригласила девушку войти и глянула через ее плечо, прежде чем закрыть дверь. — Ты поранилась?

— Нет, мисс Элиза. — Она дрожала от слез. — Ничего такого.

— Тогда расскажи, в чем дело.

— В миссис Уокер.

— В Розе? — Сердце Элизы забилося сильнее.

— Она вышвырнула меня, — всхлипнула Мэри, — велела мне немедленно убираться.

Облегчение от того, что с Розой все в порядке, боролось в Элизе с удивлением.

— Но, Мэри, почему?

Мэри рухнула на стул и вытерла глаза тыльной стороной запястья, размазывая слезы по лицу.

— Не знаю, как и сказать, мисс Элиза.

— Просто скажи, что случилось, Мэри, ради всего святого.

Слезы вновь потекли по щекам Мэри.

— Я жду ребенка, мисс Элиза. У меня будет ребенок, и хотя я думала, что никто не узнает, миссис Уокер узнала и теперь говорит, чтобы я выметалась.

— Ах, Мэри. — Элиза села на другой стул и взяла руки Мэри в свои. — Ты уверена насчет ребенка?

— Никаких сомнений, мисс Элиза. Я не собиралась его заводить, но так уж вышло.

— А кто отец?

— Парень с соседней улицы. Поймите, мисс Элиза, он хороший человек и говорит, что хочет на мне жениться, но сперва мне надо заработать немного денег, иначе нам негде будет жить и нечем кормить ребенка. Я не могу потерять место, не сейчас, мисс Элиза, и я знаю, что все равно работала бы усердно.

Лицо Мэри выражало столько отчаяния, что Элиза не могла ответить иначе.

— Я подумаю, что можно сделать.

— Вы поговорите с миссис Уокер?

Элиза налила стакан воды из кувшина и протянула его Мэри.

— Я попытаюсь. Хотя ты не хуже меня знаешь, что добиться аудиенции у Розы непросто.

— Пожалуйста, мисс Элиза, вы моя единственная надежда.

Элиза улыбнулась с уверенностью, которой на самом деле не чувствовала.

— Я подожду пару дней, дам Розе успокоиться, а потом поговорю с ней о тебе. Уверена, ее можно образумить.

— Спасибо, мисс Элиза! Вы же знаете, я этого не хотела, я все испортила. Вот бы вернуться назад и все исправить!

— Этого всем иногда хочется, — вздохнула Элиза. — Иди домой, Мэри, дорогая, и постарайся не волноваться. Все уладится, я уверена. Я сообщу тебе, когда поговорю с Розой.

Аделина осторожно постучала в дверь спальни и отворила ее. Роза сидела на подоконнике, внимательно глядя на землю внизу. Ее руки стали ужасно хрупкими, а профиль заострился. Сама комната из солидарности с владелицей стала вялой, подушки обмякли, шторы уныло обвисли. Даже воздух, пронизанный потоками тусклого света, казался затхлым.

Роза никак не показала, что заметила мать или что возражает против ее вторжения, поэтому Аделина подошла и встала у нее за спиной. Она взглянула в окно, чтобы увидеть, к чему приковано внимание дочери.

Натаниэль сидел в беседке за мольбертом и просматривал листы из кожаной папки. В его поведении сквозило беспокойство, словно он запамятовал, куда убрал крайне важный инструмент.

— Он бросит меня, мама. — Голос Розы был таким же блеклым, как и солнечный свет. — Ведь у него нет причин оставаться.

Роза обернулась, и Аделина постаралась, чтобы ее собственное лицо не отразило серое и ужасное лицо дочери. Она положила руку на костлявое плечо Розы.

— Все будет хорошо, моя Розочка.

— Неужели?

В голосе дочери было столько горечи, что Аделина вздрогнула.

— Конечно.

— Сомневаюсь, ведь я, похоже, не способна сделать его отцом. Раз за разом мне не удастся подарить ему наследника, его собственного ребенка. — Роза снова повернулась к окну. — Конечно, он меня бросит. А без него я расту, как тень.

— Я говорила с Натаниэлем, Роза.

— Ах, мама...

Аделина прижала палец к губам дочери.

— Я говорила с Натаниэлем и уверена, что он, как и я, более всего желает, чтобы ты выздоровела. Дети появятся, когда ты снова будешь здорова, надо лишь потерпеть. Дать себе время восстановиться.

Роза помотала головой, ее шея была такой тонкой, что Аделине захотелось прервать жест, чтобы дочь не навредила себе.

— Я не могу ждать, мама. Без ребенка я не могу жить. Я что угодно

отдам за ребенка, заплачу любую цену. Мне легче умереть, чем ждать.

Аделина осторожно присела рядом с Розой и взяла ее бледные, холодные ладони в свои.

— В этом нет нужды.

Роза моргала, глядя на Аделину большими глазами, в них теплился слабый огонек надежды. Надежды на мать, которая никогда ее не оставит, веры, что она сможет все исправить.

— Я твоя мать и должна позаботиться о твоём здоровье, даже если ты не хочешь. Я много думала о твоём положении и решила, что ты можешь завести ребенка, не подвергнув себя опасности.

— Мама?

— Возможно, ты станешь упираться, но, прошу тебя, отбрось сомнения. — Аделина понизила голос. — Пожалуйста, Роза, внимательно выслушай то, что я хочу сказать.

В конце концов, именно Роза обратилась к Элизе. Через пять дней после визита Мэри Элиза получила записку, что Роза хочет с ней поговорить. Еще более удивительным было то, что Роза предложила встречу наедине в тайном саду Элизы.

Увидев кузину, Элиза обрадовалась, что захватила подушки для железной скамейки. Ведь милая Роза ослабла во всех отношениях. Мэри намекала на нездоровье, но Элиза даже не представляла, насколько высохла кузина. Элиза безуспешно старалась скрыть изумление.

— Мой вид тебя удивил, кузина, — сказала Роза, улыбаясь, отчего ее скулы чуть не прорезали кожу.

— Вовсе нет, — воскликнула Элиза. — Разумеется, нет, просто я... мое лицо...

— Я хорошо тебя знаю, моя Элиза. Я могу прочесть твои мысли так же легко, как свои. Все в порядке. Мне нездоровится. Я ослабла. Но я поправлюсь, как всегда.

Элиза кивнула, ее глаза словно обожгло и зашипало.

Роза улыбнулась, пытаясь изобразить уверенность.

— Подойди, — махнула она рукой, — сядь поближе, Элиза. Я хочу побыть рядом со своей любимой кузиной. Помнишь день, когда ты впервые привела меня в тайный сад и мы вместе посадили яблоню?

Элиза взяла тонкую, холодную ладошку Розы.

— Конечно помню. Ты только посмотри, какой она стала, Роза, посмотри на нашу яблоню.

Ствол саженца пустился в рост, и деревце почти достигло вершины

стены. Изящные голые ветви были раскинуты в стороны, гибкие боковые веточки нацелились в небо.

— Она прекрасна, — тоскливо признала Роза. — Подумать только, что достаточно было посадить ее в землю — и дальше она прекрасно знала, что делать.

Элиза нежно улыбнулась.

— Она проделала лишь то, что было ей назначено природой.

Роза прикусила губу, оставив алую отметину.

— Сидя здесь, я почти верю, что мне снова восемнадцать и я вот-вот отправлюсь в Нью-Йорк, полная возбуждения и предвкушения. — Она улыбнулась Элизе. — Будто вечность прошла с тех пор, как мы, девочки, сидели здесь вместе. Только ты и я, совсем как прежде.

Волна ностальгии смыла год зависти и разочарования. Элиза крепко сжала руку Розы.

— И мне так кажется, кухня.

Роза кашлянула, ее хрупкое тело содрогнулось от усилия. Элиза только собралась предложить укутать ее плечи шалью, как Роза снова заговорила:

— Интересно, ты знаешь последние домашние новости?

Элиза осторожно ответила, удивляясь внезапной перемене темы:

— Я видела Мэри.

— Значит, ты знаешь. — Роза встретила взглядом с Элизой, на мгновение задержала его, затем печально покачала головой. — Она не оставила мне выбора, кухня. Я понимаю, что вы дружны с ней, но невыносимо держать ее в Чёренгорбе в подобном состоянии. Ты ведь понимаешь?

— Она добрая и верная девушка, Роза, — осторожно сказала Элиза. — Мэри повела себя безрассудно, признаю. Но разве ты не можешь смягчиться? Она осталась без денег, а у ребенка, которого она носит, будут потребности. Прощу тебя, подумай о Мэри, Роза. Вообрази ее положение.

— Уверю тебя, ни о чем другом я не думаю.

— Тогда, возможно, ты поймешь...

— Ты когда-нибудь о чем-нибудь мечтала, Элиза, хотела чего-нибудь так сильно, что знала, что умрешь, если не получишь?

Элиза подумала о своем воображаемом морском путешествии. Своей любви к Сэмми. Своей потребности в Розе.

— Я хочу ребенка больше всего на свете. Мое сердце болит, как и мои руки. Иногда мне кажется, будто я чувствую вес ребенка, которого мечтаю баюкать. Тепло его головки на изгибе локтя.

— И несомненно, однажды...

— Да-да. Однажды. — Слабая улыбка Розы опровергала оптимистичные слова Элизы. — Но я так долго старалась, и все напрасно. Тринадцать месяцев, Элиза. Тринадцать месяцев, полных разочарований и неудач. А теперь доктор Мэтьюс говорит, что здоровье может меня подвести. Можешь представить, Элиза, как на мне отразилась маленькая тайна Мэри. Ведь она случайно получила то, о чем я лишь мечтаю. Она, нищая, будет владеть тем, в чем мне, у которой все есть, отказано. Разве ты не видишь, что это несправедливо? Разве мог Господь так жестоко ошибиться?

Роза была так опустошена, ее хрупкий облик так не вязался с пылкой страстью ее слов, что благополучие Мэри совершенно перестало волновать Элизу.

— Чем я могу тебе помочь, Роза? Скажи, что я могу сделать?

— Я кое-что придумала, кузина Элиза. Ты нужна мне, ты можешь мне помочь и тем самым поможешь Мэри.

Наконец-то. Элиза всегда знала: этот миг наступит и Роза поймет, что Элиза нужна ей, что только Элиза может помочь ей.

— Конечно, Роза, — сказала она. — Для тебя я согласна на все. Скажи мне, что надо сделать, и я сделаю.

Глава 40

Тредженна, Корнуолл, 2005 год

Непогода пришла в пятницу вечером, угрюмый туман пролежал в деревне все выходные. Учитывая такую непоколебимую суровость, Кассандра решила дать отдых усталым конечностям и взять честно заработанный тайм-аут. Субботу она провела, свернувшись клубком у себя в номере с чашкой горячего чая и тетрадью Нелл. Ее заинтриговало упоминание о детективе, к которому бабушка обращалась в Бодмине. Имя Неда Морриша Кассандра выудила из местной телефонной книги, когда Уильям Мартин предположил, что она разгадает свою загадку, узнав, куда Элиза исчезала в тысяча девятьсот девятом.

В воскресенье Кассандра встретилась с Джулией за послеполуденным чаем. Все утро дождь лил стеной, но к середине дня перешел в морось, и бреши заполнил туман. Сквозь трехстворчатые окна Кассандра видела лишь неяркую зелень промокшей лужайки, все остальное тонуло в дымке. Местами виднелись голые ветки, будто тоненькие трещины в белой стене. Нелл любила такие дни. Кассандра улыбнулась, вспомнив, как бабушка оживлялась, надевая дождевик и резиновые сапоги. Возможно, из глубины души к ней взывает наследие Нелл.

Кассандра вновь откинулась на подушки кресла, глядя, как огонь мерцает в камине. Люди разместились по всему гостиничному холлу — одни играли в настольные игры, другие читали или ели. Теплая сухая комната наполнилась уютным низким гулом.

Джулия плюхнула полную ложку сливок на намазанную джемом лепешку.

— С чего вдруг такой интерес к стене коттеджа?

Кассандра грела пальцы о кружку.

— Нелл верила, что, если узнает, куда Элиза уехала в тысяча девятьсот девятом, то найдет ответ и на свою загадку.

— Но при чем здесь стена?

— Не знаю, может быть, и ни при чем. Но кое-что в альбоме Розы навело меня на мысль.

— Что именно?

— В марте тысяча девятьсот девятого она сделала запись, из которой следует, что поездка Элизы была связана со строительством стены.

Джулия слизнула сливки с пальца.

— Да, помню, — сказала она. — Она пишет, что надо быть осторожными, что можно многое приобрести, но потерять можно еще больше.

— Именно. Интересно, что она имела в виду.

Джулия прикусила губу.

— С ее стороны было весьма невежливо не уточнить для тех, кто будет заглядывать ей через плечо через девяносто лет!

Кассандра рассеянно улыбнулась, теребя нитку, выбившуюся из ручки кресла.

— И все же почему она это написала? Что она могла приобрести и что так боялась потерять? И при чем тут безопасность коттеджа?

Джулия откусила кусочек лепешки и принялась задумчиво жевать, затем промокнула губы гостиничной салфеткой.

— Роза была беременна в то время, верно?

— Да, если верить записи в альбоме.

— Может, это просто гормоны? Обычное дело. Женщины становятся очень чувствительными, и все такое. Возможно, она скучала по Элизе, боялась, что коттедж ограбят или разрушат. И ощущала ответственность. Подруги в то время еще были близки.

Кассандра размышляла. Беременность может вызывать довольно резкие смены настроения, но только ли в ней дело? Даже если предположить, что виноваты гормоны, в записи было еще кое-что интересное. Что случилось в коттедже, отчего Роза почувствовала такую уязвимость?

— Говорят, завтра прояснится. — Джулия положила нож на тарелку с крошками. Она откинулась на спинку кресла, отдернула край шторы и вгляделась в туманное сияние. — Наверное, ты вернешься работать в коттедж?

— Вообще-то нет. Ко мне приедет погостить подруга.

— Сюда, в отель?

Кассандра кивнула.

— Чудесно! Сообщи, если понадобится.

Джулия оказалась права, в понедельник днем дымка стала наконец подниматься и робкое солнце обещало пробиться сквозь тучи. Кассандра ждала в холле, когда машина Руби подкатила к парковке. Кассандра улыбнулась, увидев маленький белый хэтчбек, доверху набитый альбомами для вырезок, и поспешила в фойе.

— Уф! — Руби шагнула внутрь и бросила сумки. Она стянула шляпу-зонтик и помотала головой. — Старое доброе корнуоллское гостеприимство, называется! Ни капли дождя, а я все равно промокла до нитки. — Она встала как вкопанная, разглядывая Кассандру. — Ну ты даешь!

— Что? — Кассандра пригладила волосы. — Что-то не так?

Руби усмехнулась, отчего в уголках ее глаз собрались морщинки.

— Наоборот! Я о том, черт побери, и толкую!

— Спасибо.

— Похоже, корнуоллский воздух пошел тебе на пользу. День и ночь по сравнению с тем, что я увидела в Хитроу. Прекрасно выглядишь.

Кассандра засмеялась, удивив Саманту, которая подслушивала за главной стойкой.

— Я правда очень рада тебя видеть, Руби, — сказала она, поднимая один из чемоданов. — Давай закинем вещи и сходим погулять, посмотрим, как там бухта после долгого дождя.

Кассандра закрыла глаза, подняла лицо к небу и позволила морскому бризу ласкать веки. Дальше по берегу беседовали чайки, рядом с ухом летали насекомые, плавные волны ритмично набегали на пляж. Она ощутила, как на нее нисходит невероятный покой, и влила свое дыхание в дыхание моря: вдох и выдох, вдох и выдох, вдох и выдох. Недавний дождь взболтал морскую воду, и сильный запах соли пронизывал воздух. Кассандра открыла глаза и медленно осмотрела бухту: ряд древних деревьев на горе, черная скала в конце бухты, высокие, поросшие травой холмы, которые скрывали ее коттедж. Она выдохнула — до чего хорошо!

— Я словно только что попала в «Тайну „Вершины Контрабандиста“», — воскликнула Руби, которая стояла дальше по берегу. — Все кажется, что пес Тимми прибежит по песку с бутылкой в зубах, а в ней письмо, — ее глаза расширились, — или с человеческой костью, в общем, с какой-нибудь гадостью!

Кассандра улыбнулась.

— Я любила эту книгу. — Она пошла по кремневой гальке навстречу

Руби, повернувшись к черной скале. — Читала ее в детстве в жаркие брисбенские дни и мечтала жить на туманном побережье, где есть пещеры контрабандистов.

Когда они дошли до края пляжа, где галька встречалась с травой, перед ними возник крутой прибрежный холм, который ограничивал бухту.

— Боже правый! — Руби вытянула шею, чтобы увидеть его вершину. — Ты же не хочешь, чтоб мы на него взобрались?

— Он не такой крутой, каким выглядит, честное слово. Время и люди проложили узкую тропу, едва заметную среди длинной серебристой травы и мелких желтых цветочков.

Они шли медленно, то и дело останавливаясь, чтобы Руби перевела дыхание.

Кассандра наслаждалась чистым, взболтанным дождем воздухом. Чем выше они поднимались, тем холоднее становилось. Каждый порыв ветра швырял в лицо капли влаги, принесенные с моря. Когда они приблизились к вершине, Кассандра обхватила длинные бледные пряди травы и пропустила их через сомкнутые ладони.

— Уже близко, — крикнула она отставшей Руби. — Сразу за гребнем.

— Я совсем как фон Трапп, ^[42] — задыхаясь, сказала Руби. — Только толще, старше и не в состоянии петь.

Кассандра достигла вершины. Над головой неслись редкие облака, подгоняемые сильным осенним ветром. Она подошла к краю утеса и взглянула на широкое изменчивое море.

Из-за спины послышался голос Руби.

— Слава богу, я жива. — Она стояла, уперев руки в колени, и переводила дыхание. — Никому не говори, но я сомневалась, что когда-нибудь доберусь до верха.

Она выпрямилась, переставила руки на поясницу и подошла к Кассандре. Ее лицо прояснилось, когда она увидела горизонт.

— Прекрасно, правда? — спросила Кассандра.

Руби покачала головой.

— Поразительно. Так вот что чувствуют птицы, когда сидят в гнездах. — Она отступила от края обрыва. — Хотя, наверное, им спокойнее, ведь у них есть крылья на случай падения.

— Коттедж был наблюдательным пунктом во времена контрабандистов.

Руби кивнула.

— Ничего удивительного. Отсюда все как на ладони. — Она повернулась, ожидая увидеть коттедж, и нахмурилась. — Что за гадость эта

здоровенная стена! Должно быть, весь вид загораживает.

— С первого этажа — да. Но она не всегда здесь стояла, ее построили в тысяча девятьсот девятом.

Руби подошла к воротам.

— Боже правый, для чего понадобилось так огораживать дом?

— Для защиты.

— От кого?

Кассандра последовала за Руби.

— Хотела бы я знать. — Она толкнула скрипучие железные ворота.

— Дружелюбно. — Руби указала на знак, угрожающий незванным гостям.

Кассандра задумчиво улыбнулась. «Не входить, иначе пеняйте на себя». Она проходила мимо знака столько раз за последние недели, что перестала замечать его. Теперь, вместе с записью в альбоме Розы, знак приобрел новый смысл.

— Не томи, Касс. — Руби топталась на другом конце тропинки у двери коттеджа. — Я столько прошла почти без единой жалобы, ты же не потребуешь, чтобы я взобралась на стену или нашла открытое окно?

Кассандра улыбнулась и показала латунный ключ.

— Не бойся. Больше никаких физических усилий. Сегодня, по крайней мере. Тайный сад оставим на завтра. — Она вставила ключ в замок, со щелчком повернула влево и толкнула дверь.

Руби шагнула через порог и направилась по коридору на кухню. Там стало заметно светлее с тех пор, как Кассандра и Кристиан срезали за окнами лозу и отмыли стекла от столетней грязи.

— О боже, — прошептала Руби, оглядывая кухню широко распахнутыми глазами. — Она не испорчена!

— Можно и так сказать.

— Никто не разрушил ее под предлогом модернизации. Невероятно редкая находка. — Руби повернулась к Кассандре. — Она чудесная, правда? Уютная и даже теплая. Я почти чувствую, как призраки прошлого бродят между нами.

Кассандра знала, Руби тоже это заметит. Она улыбнулась.

— Я ужасно рада, что ты приехала, Руби.

— Я бы такое не пропустила, — отозвалась та, пересекая комнату. — Грей готов был надеть беруши, когда мы встречались. Он до смерти устал от моих разговоров о твоём корнуоллском коттедже. К тому же у меня было дело в Полперро, так что все устроилось как нельзя лучше. — Руби прислонилась к креслу-качалке, чтобы взглянуть в окно. — Там что, пруд?

— Да, совсем маленький.

— Прелестная скульптура. Интересно, малышу не холодно?

Руби отпустила кресло, отчего то тихонько закачалось. Полозья тихо поскрипывали о половицы. Руби продолжила осмотр комнаты. Она легонько пробежала пальцами по поверхности плиты.

— Что за дело было у тебя в Полперро? — Кассандра, закинув ногу на ногу, сидела на кухонном столе.

— Моя выставка закончилась на прошлой неделе, и я вернула эскизы Натаниэля Уокера владелице. Чуть сердце не разорвалось, когда прощалась с ними, ей богу.

— Она точно не хочет одолжить их музею на постоянной основе?

— Было бы здорово. — Руби засунула голову в кирпичную нишу плиты, и голос стал звучать приглушенно. — Возможно, ты сумеешь ее уговорить.

— Я? Я никогда ее не видела.

— Ну конечно, пока не видела. Но я упомянула о тебе при ней. Рассказала, что твоя бабушка была из семьи Мунтраше, родилась здесь, в Чёренгорбе, а в старости вернулась и купила коттедж. Клара слушала меня, открыв рот.

— Правда? Но какое ей дело?

Руби встала, стукнувшись головой о полку над плитой.

— Черт! — Она яростно потерла место ушиба. — Вечно эта чертова голова.

— Ты в порядке?

— Да-да, в порядке. Высокий болевой порог. — Она перестала тереть голову и простодушно заморгала. — Мама Клары работала в Чёренгорбе прислугой, помнишь? Мэри, которой в итоге пришлось готовить кровяную колбасу для мужа-мясника?

— Да, припоминаю. И как ты узнала, что Кларе интересна Нелл? Что она сказала?

Руби возобновила осмотр плиты, открыла дверцу топки.

— Она сказала, что хочет с тобой поговорить. Мать что-то ей поведала перед смертью.

У Кассандры заныло в затылке.

— Что именно? Она еще что-нибудь сказала?

— Мне — нет, и не стоит особо надеяться. Она с таким почтением относилась к покойной матушке! Может, она намерена рассказать, что Мэри лучшие годы жизни провела в услужении в величественном старом доме. Или что Роза однажды похвалила ее за то, как она чистит серебро. —

Руби закрыла дверцу топки и повернулась к Кассандре. — Полагаю, плитку растопить не получится?

— Вообще-то получится. Мы глазам своим не поверили.

— Мы?

— Мы с Кристианом.

— Кто такой Кристиан?

Кассандра провела пальцами по столу.

— Один друг. Помогает приводить дом в порядок.

Руби подняла брови.

— Друг, говоришь?

— Да. — Кассандра пожала плечами, стараясь казаться равнодушной.

Руби понимающе улыбнулась.

— Приятно заводить друзей. — Она прошла мимо окна с разбитым стеклом в заднюю часть кухни, к антикварной прялке. — Вероятно, я с ним не встречу?

Руби крутанула колесо прялки.

— Осторожнее, — сказала Кассандра. — Не уколи палец.

— Ни за что. — Руби провела ладонью по вертящемуся колесу. — Я же не хочу, чтобы мы обе уснули на сотню лет. — Она прикусила нижнюю губу, ее глаза сверкнули. — Хотя это дало бы твоему другу возможность нас спасти.

Щеки Кассандры вспыхнули. Она изображала равнодушие, пока Руби жадно разглядывала голые потолочные балки, белые и голубые плитки вокруг очага, широкие половицы.

— Ну, — наконец сказала Кассандра, — что ты думаешь?

Руби закатила глаза.

— Ты прекрасно знаешь, что я думаю, Касс, мне до смерти завидно! Просто потрясающе. — Она прислонилась к столу. — Все еще собираешься его продавать?

— Да, наверное.

— Ты сильнее меня. — Руби покачала головой. — Я бы не смогла с ним расстаться.

Кассандра неожиданно почувствовала вспышку собственнической гордости, но подавила ее.

— Я должна. Я не могу его оставить. Забота о нем обойдется слишком дорого, особенно когда я вернусь на другой конец света.

— Ты можешь превратить его в дачу, сдавать, когда не используешь. Тогда у нас будет место, где можно пожить у моря. — Руби засмеялась. — То есть у тебя будет. — Она пихнула Кассандру плечом. — Идем,

покажешь, что наверху. Спорим, вид просто сногсшибательный.

Кассандра провела подругу по узкой лестнице. Когда они дошли до спальни, Руби прислонилась к подоконнику.

— Ах, Касс, — сказала она, когда увидела, как ветер треплет барашки на поверхности океана, — люди выстроятся в очередь, лишь бы провести здесь выходные. Это место неиспорченно, оно достаточно близко к деревне, чтобы ходить за покупками, и достаточно далеко, чтобы никто не беспокоил. На закате, должно быть, вид чудесен, и ночью далекие огоньки рыбацких лодок мерцают, точно звездочки.

Восторги Руби одновременно взволновали и напугали Кассандру, ведь было озвучено ее тайное желание, чувство, которое Кассандра осознала, лишь когда слышала из чужих уст. Она хотела сохранить коттедж, хоть и знала, что разумнее его продать. Он вошел в ее кровь. Он связан с Нелл, но дело не только в этом. Когда Кассандра была в коттедже или в саду, то чувствовала, что все хорошо. Хорошо в мире и хорошо в ней самой. Она впервые за десять лет стала цельной, подобно завершенной окружности без темных углов.

— О боже!

Руби повернулась и вцепилась в запястье Кассандры.

— Что? — У Кассандры все внутри сжалось. — В чем дело?

— Мне только что пришла в голову гениальная идея. — Она сглотнула и махнула рукой, переводя дыхание. — Ночевка, — наконец произнесла Руби. — Мы с тобой, сегодня ночью, здесь, в коттедже!

Кассандра уже посетила рынок и как раз выходила из скобяной лавки с полной картонной коробкой свечей и спичек, когда наткнулась на Кристиана. Прошло три дня после ужина в пабе — в выходные без конца лил дождь, и даже думать о возвращении в тайный сад было нечего. Все это время она не виделась и не говорила с ним. От неожиданной встречи ей было не по себе, щеки пылали.

— Собралась в поход?

— Вроде того. Приехала подруга и хочет провести ночь в коттедже.

Кристиан поднял брови.

— Смотри, чтоб привидения вас не покусали.

— Постараюсь.

— Или крысы. — Он криво улыбнулся.

Она тоже улыбнулась, потом сжала губы. Тишина между ними натянулась, точно резиновая лента, готовая отскочить. Кассандра робко начала:

— Слушай... Как насчет прийти и поужинать с нами? Ничего особенного, но будет весело. Если у тебя есть время, конечно. Я знаю, Руби хотелось бы с тобой познакомиться. — Кассандра покраснела и прокляла вопросительную нотку в конце каждой фразы. — Будет весело, — повторила она.

Кристиан задумчиво кивнул.

— Да, — сказал он. — Конечно. Звучит неплохо.

— Отлично. — Легкие волны прокатились по коже Кассандры. — В семь часов. И не надо ничего приносить — как видишь, я хорошо подготовилась.

— Дай-ка мне это.

Кристиан забрал у Кассандры картонную коробку. Она сняла с запястья ручки пластикового пакета, наполненного продуктами, и почесала оставленные красные полосы.

— Я провожу тебя на утес, — сказал он.

— Не стоит беспокоиться.

— Никакого беспокойства. Я все равно собирался тебя искать, чтобы поговорить насчет Розы и ее отметин.

— Я так ничего и не нашла в альбоме...

— Не важно, я знаю, что это были за отметины, и знаю, откуда они взялись. — Кристиан махнул в сторону своей машины. — Садись, поговорим по дороге.

Он ловко выехал с крошечной парковки у края воды и покатил по главной улице.

— И что это было? — спросила Кассандра, сжимая пакет лодыжками, чтобы жестянки с супом не упали и не расплющили хлеб. — Что ты нашел?

Окна запотели, и Кристиан вытер ветровое стекло ладонью.

— Когда ты рассказывала на днях о Розе, кое-что показалось мне знакомым. Имя врача, Эбенизера Мэтьюса. Я бы ни за что не вспомнил, где его слышал, но в субботу рано утром меня осенило. В университете я слушал курс по медицинской этике. Для зачета надо было написать статью об историческом использовании новых технологий.

Кристиан притормозил на развилке и покрутил настройки обогревателя.

— Извини, печка иногда пошаливает. Через минуту нагреется. — Он повернул колесико с синего на красный, мигнул левым поворотником и свернул на крутую дорогу к утесу. — Хорошо, что я вернулся домой. Там проще копать в коробках, в которые засунули мою жизнь, когда мачеха устроила в моей комнате спортзал.

Кассандра улыбнулась, вспомнив коробки со смешными реликвиями школьных лет, которые обнаружила, когда переехала обратно к Нелл после несчастного случая.

— Не сразу, но я все-таки нашел эссе, и, разумеется, в нем было имя доктора: Эбенизер Мэтьюс. Я упомянул его, потому что он был из той же деревни, в которой вырос и я.

— И? В эссе было что-то о Розе?

— Нет, ничего, но когда я понял, кем был Розин доктор Мэтьюс, то написал электронное письмо в Оксфорд подруге, которая работает в медицинской библиотеке. Она оказала мне услугу и прислала все, что нашла о пациентах доктора с тысяча восемьсот восемьдесят восьмого по тысяча девятьсот тринадцатый. Это годы жизни Розы.

Подруга. Женщина. Кассандра отмахнулась от неожиданного приступа ревности.

— И?

— Док Мэтьюс был парнем занятым. Не сразу: он начал довольно скромно для того, кто возвысился до подобных высот. Врач в небольшом городке в Корнуолле, делающий все, что положено молодым докторам в маленьких городках. Его прорывом, насколько я понял, стала встреча с Аделиной Мунтраше из Чёренгорб-мэнор. Не знаю, почему она выбрала молодого доктора вроде него, когда ее маленькая дочка заболела. Аристократы предпочитали тех же древних привидений, что лечили двоюродного дедушку Финнигана, когда тот был мальчиком. Но так или иначе, Мунтраше вызвали Эбенизера Мэтьюса. Должно быть, они с Аделиной нашли общий язык, поскольку после первой же консультации Мэтьюс стал постоянным врачом Розы, был им все ее детство и даже после того, как она вышла замуж.

— Но откуда ты знаешь? Как твоя подруга нашла такие сведения?

— В те дни многие врачи вели журналы. Они записывали, кого из пациентов навестили, кто должен денег, какое лечение предписали, какие статьи опубликовали и тому подобное. Потом журналы оказались в библиотеках. Обычно их дарили или продавали семьи врачей.

Они достигли края дороги, где гравий сменялся травой. Кристиан поставил машину на узкую парковочную полосу рядом со смотровой площадкой. Ветер бился об утес, и крошечные птицы угрюмо сбивались в стаю. Кристиан выключил зажигание и повернулся лицом к Кассандре.

— В последнее десятилетие девятнадцатого века доктор Мэтьюс начал делать себе некоторое имя. По-видимому, его не удовлетворял жребий деревенского врача общей практики, несмотря на то что в списке его

пациентов появлялось все больше сливок местного общества. Он начал публиковать статьи по различным медицинским вопросам. Было несложно соотнести его публикации с журналом и узнать, что Роза фигурирует в записях как мисс Р. М... Она часто упоминается после тысяча восемьсот девяносто шестого.

— Почему? Что тогда случилось? — Кассандра затаила дыхание, ее горло сжалось.

— Когда Розе было восемь, она проглотила наперсток.

— Зачем?

— Понятия не имею, случайно, наверное, да это и не важно. Обычное дело — половина британских монет в свое время побывала в детских желудках. Они легко выходят сами, если их оставить в покое.

Кассандра набрала воздуха в грудь.

— Но наперсток не оставили в покое. Доктор Мэтьюс сделал операцию.

Кристиан покачал головой.

— Нет, хуже.

Желудок Кассандры сжался.

— Что он сделал?

— Он заказал пару рентгеновских снимков, а затем опубликовал их в «Ланцете».

Кристиан достал с заднего сиденья фотокопию листа бумаги и протянул ей.

Кассандра взглянула на статью и пожала плечами.

— Не понимаю, что тут страшного?

— Дело не в рентгене, дело в выдержке. — Он указал на фразу наверху страницы. — Доктор Мэтьюс приказал фотографу сделать выдержку в шестьдесят минут. Полагаю, он хотел удостовериться, что получит свой снимок.

Уличный холод покалывал щеку Кассандры.

— Но что это значит? Выдержка в шестьдесят минут?

— Рентген — это излучение. Никогда не замечала, как врач выскакивает из кабинета, когда делает рентген? Выдержка в шестьдесят минут означает, что за это время доктор Мэтьюс и фотограф поджарили ее яичники и все внутри их.

— Ее яичники? — Кассандра смотрела на Кристиана во все глаза. — А как же она зачала?

— Я к этому и клоню. Она не зачала, просто не могла. По крайней мере, не могла доносить здорового ребенка до срока, поскольку после

тысяча восемьсот девяносто шестого года Роза Мунтраше была фактически бесплодна.

Глава 41

Клифф-коттедж, Корнуолл, 1975 год

Несмотря на то что тридцатидневный срок уплаты по контракту еще не прошел, молодая Джулия Беннет оказалась весьма любезной. Когда Нелл попросила досрочно пустить ее в коттедж, бывшая хозяйка протянула ключ, взмахнув запястьем, увешанным драгоценностями.

— Что вы, какое беспокойство, — сказала она, звеня браслетами, — почувствуйте себя как дома. Право, ключ такой тяжелый, что я с радостью избавлюсь от него!

Ключ и правда был тяжелый. Большой, латунный, с замысловатыми завитками на одном конце и тупыми зубцами на другом. Длиной почти с ладонь Нелл. Она положила его на деревянный стол на кухне. На кухне ее коттеджа. Ну, почти ее коттеджа. Осталось десять дней.

Нелл не будет в Тредженне во время уплаты. Ее самолет вылетит из Лондона через четыре дня. Когда она попыталась изменить броню, ей сказали, что такие поздние правки возможны лишь по заоблачной цене. Поэтому она решила уехать домой в Австралию, как и собиралась. Местные солиситоры, которые занимались покупкой Клифф-коттеджа, с радостью согласились хранить ключ до ее возвращения. Нелл уверила, что оно не за горами, нужно лишь уладить дела и тогда она вернется навсегда.

Нелл решила, что едет домой в Брисбен в последний раз. Что удерживает ее там? Несколько друзей, дочь, которой она не нужна, сестры, которых она вечно сбивает с толку. Она будет скучать по своей антикварной лавке, но, возможно, начнет с чистого листа здесь, в Корнуолле. А когда у нее будет больше времени, Нелл сможет докопаться до разгадки собственной тайны. Она узнает, почему Элиза украла ее и посадила на корабль, плывущий в Австралию. У всякой жизни должна быть цель, и это станет целью жизни Нелл. Как иначе она сможет себя познать?

Нелл медленно обошла кухню, мысленно составляя опись.

Вернувшись, она первым делом устроит в коттедже тщательную уборку. Пыли и грязи долго позволяли безраздельно править, и они лежали уже на каждой поверхности. Необходим и ремонт: надо заменить часть плитусов, дерево наверняка местами прогнило, кухню надо привести в рабочее состояние...

Конечно, в такой деревне, как Тредженна, найдется сколько угодно местных мужчин, готовых помочь. Но Нелл не хотелось привлекать незнакомцев к работе в ее коттедже. Сделанный из камня и дерева, он все же был для Нелл больше чем дом. И точно так же, как она заботилась об умирающей Лил, отказавшись передать ответственность в руки доброго незнакомца, Нелл решила заботиться о коттедже. Вспомнить навыки, которым Хейм научил ее много лет назад, когда маленькой девочкой с широко распахнутыми от любви к папочке глазами она каждую свободную минутку проводила в сарае под деревом манго.

Нелл остановилась у кресла-качалки. Скромные сокровища в углу привлекли, ее внимание. Она подошла ближе. Полупустая бутылка, пачка коричневых печений, комикс «Уиззер энд Чипс». Их явно не было здесь, когда Нелл осматривала дом перед покупкой, а значит, с тех пор кто-то побывал в ее коттедже. Нелл пролистала комикс: по-видимому кто-то юный.

Влажный ветерок мазнул Нелл по лицу, и она обратила внимание на заднюю часть кухни. В окне не хватало одного из четырех квадратных стекол. Сделав мысленную заметку принести пластик и скотч, чтобы прикрыть дыру до отъезда из Тредженны, Нелл взглянула сквозь нее. Высокая изгородь бежала вдоль дома, прямая и ровная, почти как стена. Вдруг Нелл показалось, что уголком глаза она заметила движение. Но когда пригляделась, то ничего не увидела. Наверное, птица или опоссум. В Корнуолле водятся опосумы?

Нелл видела на карте, присланной солиситором, что ее владения простираются значительно дальше дома. Наверное, все, что лежит по ту сторону высокой густой изгороди, тоже принадлежит ей. Нелл решила взглянуть.

Тропинка, которая вела за угол, была узкой и темной из-за недостатка солнца. Нелл шла осторожно, раздвигая высокие сорняки. Между коттеджем и изгородью росли колючки, и Нелл пришлось пробираться через их спутанный клубок.

На полпути она снова почувствовала движение, совсем рядом. Нелл посмотрела на землю. Из-под стены торчали тощие ноги в ботинках. Или стена упала с неба, как в «Волшебнике страны Оз»,^[43] и раздавила какого-

то невезучего корнуоллского гнома, или она нашла малолетнего незваного гостя.

Нелл схватила тощую лодыжку. Ноги замерли.

— Вылезай, — скомандовала она. — Вон отсюда.

Мгновение неподвижности, и ноги начали протискиваться назад. Мальчику, которому они принадлежали, на вид было лет десять, хотя Нелл не слишком хорошо угадывала возраст детей. Парнишка был мелкий, с острыми коленками и волосами песочного цвета. Его костлявые голени были сплошь в синяках.

— Это ты хозяйничал в моем коттедже, проказник?

Мальчик поморгал темно-кариими глазами и перевел взгляд с Нелл на землю под ее ногами.

— И как же тебя зовут? Отвечай.

— Кристиан, — сказал мальчик так тихо, что она едва расслышала.

— Кристиан, а дальше?

— Кристиан Блейк. Только я ничего плохого не делал. Мой папа работает в большом поместье, и иногда я просто захожу навестить огороженный... ваш огороженный сад.

Нелл взглянула на увитую колючками стену.

— Так за ней сад? Вот оно что. — Она снова посмотрела на мальчика. — А скажи-ка, Кристиан, твоя мама знает, где ты?

Плечи мальчика поникли.

— У меня нет мамы.

Нелл подняла брови.

— Она летом уехала в больницу, а потом...

Нелл вздохнула, ее гнев остыл.

— Понятно. Ладно. А сколько тебе лет, девять? Десять?

— Почти одиннадцать.

Законное негодование заставило его сунуть руки в карманы и выставить локти в стороны.

— Ах да, конечно, теперь я вижу. У меня есть внучка примерно твоих лет.

— Она тоже любит сады?

Нелл моргнула, глядя на него.

— Я точно не знаю.

Кристиан склонил голову набок и нахмурился, услышав такой ответ.

— То есть, наверное, любит.

Нелл обнаружила, что чуть ли не извиняется, и отругала себя за это. Если она не знает, что на уме у дочери Лесли, это еще не повод чувствовать

себя виноватой.

— Я редко ее вижу.

— Она живет далеко от вас?

— Нет, вообще-то нет.

— Тогда почему вы редко ее видите?

Нелл разглядывала мальчика, пытаясь решить, подкупает его дерзость или отталкивает.

— Просто так вышло.

Судя по лицу мальчика, объяснение показалось ему таким же неубедительным, как и ей. Но не все возможно объяснить, особенно странным маленьким незванным гостям.

Нелл напомнила себе, что этот негодник недавно осиротел. Никто не застрахован от неразумных суждений, когда жизнь теряет ясность, Нелл знала это не хуже других. Она вздохнула. Жизнь может быть ужасно жестока. Почему этот мальчик должен расти без матери? Почему бедная женщина рано отправилась в могилу, оставив ребенка искать путь в мире без нее? Нелл глядела на костлявые лодыжки мальчика, и что-то внутри сжималось. Ее голос был грубым, но добрым.

— Так что, говоришь, ты делал в моем саду?

— Я ничего плохого не делал, честно. Я просто люблю сидеть в нем.

— И как ты туда попадаешь? Подлезаешь под стену?

Он кивнул.

Нелл взглянула на дыру.

— Вряд ли я в нее пролезу. Где ворота?

— Их нет. По крайней мере, в этой стене.

Нелл нахмурилась.

— У моего сада нет входа?

Кристиан снова кивнул.

— Раньше был, изнутри видно, где его заложили.

— Но зачем закладывать вход?

Мальчик пожал плечами, и Нелл добавила очередной пункт в мысленный список необходимых улучшений.

— Тогда, может, ты расскажешь, что я упускаю? — спросила она. — Раз уж я не могу сама посмотреть. Что тебя гонит в такую даль?

— Это самое лучшее место на свете. — Кристиан заморгал серьезными карими глазами. — Мне нравится сидеть внутри и разговаривать с мамой. Она любила сады, а ваш огороженный сад — в особенности. Это она показала мне, как забираться внутрь, мы должны были вместе ухаживать за ним. А потом она заболела.

Нелл сжала губы.

— Я уезжаю домой в Австралию через пару дней, но вернусь через месяц-другой. Ты не мог бы тем временем присмотреть за моим садом, Кристиан?

Он серьезно кивнул.

— Мог бы.

— Приятно знать, что я оставляю сад в надежных руках.

Кристиан поднялся во весь рост.

— А когда вы вернетесь, я помогу вам ухаживать за ним. Как мой папа в гостинице.

Нелл улыбнулась.

— Ловлю тебя на слове. Я не принимаю помощь от кого попало, но мне кажется, что в данном случае ты именно тот, кто нужен.

Глава 42

Чёренгорб-мэнор, Корнуолл, 1913 год

Роза плотнее укуталась в шаль и скрестила руки. Ее знобило, несмотря на теплую погоду. Когда она решила поискать солнца в саду, она меньше всего ожидала встретить там Элизу. Роза сидела и делала заметки в альбоме для вырезок, время от времени поглядывая, как Айвори порхает и мечется среди клумб, и ничто не предвещало, что мирный день будет столь ужасно омрачен. Словно шестое чувство заставило ее взглянуть на ворота лабиринта. Там Роза увидела картину, от которой у нее кровь застыла в жилах. Как Элиза узнала, что найдет Розу и Айвори в саду одних? Она наблюдала, выжидала, чтобы застать Розу врасплох? И почему теперь? Почему Элиза явилась через три года, привидением, ночным кошмаром пересекла лужайку, сжимая жалкий сверток в руке?

Роза покосилась на сверток. Вот он лежит, притворяясь безобидным. Но Роза знала, что это не так. Ей не надо было заглядывать под коричневую бумажную обертку, чтобы выяснить, что таится внутри. Предмет, олицетворяющий место, время, союз, которые Розе так хотелось забыть.

Она подобрала юбки и разгладила их на бедрах, мечтая быть подальше от этого свертка.

Взлетела стайка воробьев, и Роза посмотрела на лужайку подстриженную в форме фасолины. По лужайке шла мама, рядом с ее темными юбками вышагивала старая гончая Макленнан. Волна облегчения накатила на Розу и схлынула, оставив головокружение. Мама — якорь настоящего безопасного мира, в котором все как должно быть. Когда Аделина приблизилась, Роза была не в силах скрыть беспокойство.

— Ах, мама, — быстро сказала она. — Она была здесь, Элиза была здесь.

— Я все видела в окно. Что она сказала? Ребенок услышал что-нибудь лишнее?

Роза мысленно припоминала встречу, но беспокойство вместе со страхом ворошило воспоминания, и она не в силах была выудить нужные. Девушка с несчастным видом покачала головой.

— Я не знаю.

Мама взглянула на сверток и осторожно подняла его со скамейки, будто он был горячим.

— Не открывай его, мама, прошу. У меня нет сил заглянуть внутрь. — Роза почти шептала.

— Это?..

— Я почти уверена, что да. — Роза прижала холодные пальцы к щеке. — Она сказала, это для Айвори. — Роза взглянула на мать, и новая волна паники обрушилась на нее. — Зачем она принесла это, мама? Зачем?

Мама сжала губы.

— Что она имела в виду?

— Полагаю, пора вам с кузиной разъехаться.

Аделина села рядом с дочерью и положила сверток на колени.

— Разъехаться, мама? — Щеки Розы заledenели, она была насмерть перепугана, ее голос упал до шепота, — Ты же не думаешь, что она может... может снова прийти?

— Она доказала сегодня, что не уважает правила, которые были установлены.

— Но, мама, ты, конечно, не хочешь...

— Я хочу лишь, чтобы тебе и дальше было хорошо.

Когда дочь Розы мелькнула в пестром свете, Аделина наклонилась ближе, так близко, что ее верхняя губа коснулась уха дочери.

— Нельзя забывать, дорогая, — прошептала она, — что тайна находится в безопасности, только если о ней никто не знает.

Роза слабо кивнула. Конечно, мама права. Глупо было верить, что так может продолжаться до бесконечности.

Аделина встала и взмахнула рукой, призывая Макленнана к ноге.

— Томас накрывает второй завтрак. Не задерживайся, не то добавишь к неприятностям дня еще и простуду. — Она положила сверток на сиденье и понизила голос: — И проследи, чтобы Натаниэль избавился от этого.

Резвые шажки разбежались во все стороны, и Аделина заставила себя медленно, спокойно выдохнуть. Неважно, сколько раз она произносила обличительные банальности о юных дамах и подобающем поведении — ребенок не поддавался обучению. Разумеется, этого следовало ожидать: в какую бы прелестную одежду Роза ни рядила девочку, низкое

происхождение давало о себе знать. Ничего не попишешь. Слишком розовые щеки, смех, который эхом разносится по коридорам, кудри, которые выбиваются из бантов. Она ничем не походила на Розу.

И все же Роза обожала девочку. А значит, и Аделина принимала ее: встречая дерзкий взгляд ребенка, училась улыбаться, терпела шум. Чего бы Аделина не сделала для Розы, чего она еще не сделала? Но Аделина понимала и то, что ее долг — ни в коем случае не пренебрегать строгостью. Девочке понадобится твердая рука, чтобы высвободиться из западни рождения.

Круг тех, кто знает истину, узок, так должно быть и впредь. Допустить иное означает призвать омерзительный призрак скандала. А потому крайне важно правильно обращаться с Мэри и Элизой.

Аделина сначала волновалась, что Роза не поймет, ее невинная девочка вообразит, будто все может продолжаться по-прежнему. Но в данном отношении леди Мунтраше ожидал приятный сюрприз. В миг, когда Айвори положили на руки Розе, та совершенно переменилась: ее охватило яростное материнское желание защитить свое дитя. Роза согласилась с Аделиной, что Мэри и Элиза должны держаться подальше. Достаточно далеко, чтобы не видеть их каждый день, и все же достаточно близко, чтобы оставаться в сфере влияния Аделины. Лишь так можно было обеспечить неразглашение тайны о ребенке, живущем в Чёренгорб-мэнор. Аделина помогла Мэри купить маленький домик в Полперро, Элизе передали во владение коттедж. Хотя Аделина страдала из-за вечной близости Элизы, это было меньшее из двух зол, к тому же счастье Розы было превыше всего.

Милая Роза. Она казалась такой бледной, сидя в одиночестве на садовой скамейке. А потом едва прикоснулась к еде, только поворошив содержимое тарелки. После она отдыхала, чтобы не допустить возвращения мигрени, которая преследовала ее всю неделю.

Аделина разжала кулак, который сжала невольно, и стала задумчиво перебирать пальцы. Когда-то она четко поставила условия: впредь ни одна из девушек не должна являться в поместье Чёренгорб. Правило было простым, и до сих пор все шло хорошо. Тайна была надежно укрыта, и жизнь в Чёренгорбе вошла в мирное русло.

О чем же думала Элиза, нарушая свое слово?

Наконец Натаниэль дождался, когда Роза ляжет в постель баюкать больные нервы, а Аделина отправится с визитом. Он рассудил, что так никто не узнает, каким образом он обеспечил дальнейшее отсутствие

Элизы. Едва услышав, что произошло, Натаниэль задумался, как лучше всего спасти положение. Подобное состояние жены — кошмарное напоминание того, что, несмотря на пройденный путь, благословенное возрождение после появления Айвори, другая Роза, истерзанная беспокойством, напряженная, капризная, всегда рядом. Он сразу же понял: необходимо поговорить с Элизой. Натаниэль должен найти способ убедить ее, что ей нельзя больше приходить.

Прошло много времени с тех пор, как он в последний раз отважился пройти сквозь лабиринт. Натаниэль уже забыл, как темно было среди колючих стен, сколь ненадолго допускались в них солнечные лучи. Художник шел осторожно, стараясь вспомнить повороты. То был отголосок прошлого четырехлетней давности, когда он, разгоряченный, продирался через лабиринт в поисках своих эскизов. Тогда он пришел в коттедж и потребовал вернуть рисунки, кровь пульсировала в жилах, плечи ныли от непривычного напряжения. Натаниэль сказал, что эскизы принадлежат ему, важны и нужны для него. А потом, когда нечего было больше сказать, он просто стоял, переводя дыхание и ожидая ответа Элизы. Он не знал, чего именно — признания, извинения, возвращения работ, возможно, всего сразу, — но ничего не дождался. Наоборот, Элиза удивила художника. Мгновение она разглядывала его почти без любопытства, затем моргнула светлыми изменчивыми глазами, которые ему отчаянно хотелось нарисовать, и спросила, не проиллюстрирует ли он книгу волшебных сказок...

Послышался шум — и воспоминание испарилось. Сердце Натаниэля забило быстрее. Он обернулся и взгляделся в сумрачное пространство за спиной. Одинокая ласточка с колючей веточкой в клюве вспорхнула и улетела.

Почему он так волнуется? У него издерганные нервы виноватого человека. Это нелепо, ведь в его действиях нет ничего дурного. Он просто хочет поговорить с Элизой, попросить ее не выходить за ворота лабиринта. Его миссия, в конце концов, направлена на благо Розы. Здоровье и благополучие жены для него превыше всего.

Натаниэль пошел быстрее, уверяя себя, что выдумывает опасности на пустом месте. Действительно, его миссия секретна, но не незаконна. Это не одно и то же.

Когда-то он согласился проиллюстрировать книгу. Как мог он устоять, да и зачем? Рисовать эскизы было его заветной мечтой. Иллюстрации к ее сказкам позволяли проникать в мир, в котором не было тех огорчений, что свойственны его собственной жизни. Эта тайная работа стала

спасательным кругом, который делал терпимыми долгие дни написания портретов. На встречах с богатыми титулованными олухами Аделина выставляла его вперед, приходилось улыбаться и изображать дружелюбие, подобно дрессированной гончей. В эти минуты Натаниэля согревало знание того, что под его карандашом оживает волшебный мир сказок Элизы.

Он так и не получил свой экземпляр. К тому времени, как книгу опубликовали, художнику стало ясно, сколь нежеланна она была бы в Чёренгорбе. Однажды, в самом начале проекта, он совершил роковую ошибку, упомянув о книге при Розе. Он думал, жена обрадуется, оценит союз мужа и любимой кузины, но ошибся. Он никогда не забудет выражения лица Розы: изумление и злость пополам с болью утраты. Жена сказала, что он предал ее, больше не любит ее, хочет бросить. Натаниэль был не в силах понять. Как всегда в подобных случаях, он уверил Розу в своих чувствах и спросил, нельзя ли нарисовать ее портрет для коллекции. Впредь Натаниэль хранил проект с книгой в секрете. Но не отказался от него. Не мог.

После того как родилась Айвори и Роза вновь стала сама собой, распущенные нити его жизни медленно сплелись обратно. Как странно, крошечный ребенок оказался способен вдохнуть жизнь в пустырь, поднять черную пелену, нависшую над всем — Розой, их браком, душой Натаниэля. Не сразу, конечно. Изначально по отношению к ребенку Натаниэль вел себя осторожно, следовал за Розой, постоянно памятуя, что происхождение Айвори может оказаться непреодолимым. И лишь когда увидел, что жена любит девочку как родную дочь, а не кукушонка, позволил собственному сердцу смягчиться, позволил божественной невинности малышки проникнуть в его усталую и раненую душу. Натаниэль поверил, что, когда их стало трое, а не двое, их маленькая семья стала цельной и сильной.

Мало-помалу он забыл о книге и той радости, которую дарили иллюстрации. Натаниэль шел по стопам семьи Мунтраше — делал вид, что Элизы не существует, а когда Аделина попросила изменить портрет Джона Сингера Сарджента, охотно, если не радостно, принял сомнительную честь испортить работу великого мастера. Натаниэлю казалось, он уже нарушил столько принципов, которые считал неприкосновенными, что еще один раз ничего не изменит...

Натаниэль дошел до просвета в середине лабиринта. Пара павлинов оценивающе его оглядели и снова стали прохаживаться. Он шел осторожно, чтобы не споткнуться о металлическое кольцо и не упасть, затем ступил на узкую прямую тропинку, с которой начинался путь к тайному саду.

Натаниэль замер. Послышался треск ветвей, легкие шаги. Они были тяжелее, чем шаги павлинов.

Художник остановился и быстро повернулся. Да... вспышка белого. Кто-то идет за ним.

— Кто здесь? — Он не ожидал, что его голос окажется таким скрипучим, и добавил в него немного стали: — Немедленно выходите!

После мгновенной паузы преследователь обнаружил себя.

— Айвори! — За облегчением немедленно последовал испуг. — Что ты здесь делаешь? Ты же знаешь, что тебе нельзя входить в ворота лабиринта.

— Пожалуйста, папа, — взмолилась девочка. — Возьми меня с собой. Дэвис говорит, в конце лабиринта есть сад, где начинаются все радуги на свете.

Натаниэль невольно восхитился этим образом.

— Неужели?

Айвори кивнула с детской серьезностью, которая пленила Натаниэля. Он взглянул на карманные часы. Аделина вернется через час и пожелает узнать, как продвигаются дела с заказом лорда Хеймаркета. Нет времени отвести Айвори домой и вернуться, к тому же кто знает, когда снова представится возможность поговорить с Элизой. Он почесал за ухом и вздохнул.

— Ну, тогда пойдем, малышка. Иди за папой.

Она шла за ним по пятам, напевая мелодию, в которой Натаниэль уловил песенку «Лимоны и апельсины». Бог знает от кого она услышала ее. Не от Розы, у которой была отвратительная память на слова и музыку, не от Аделины, которой до музыки и вовсе не было дела. Несомненно, от одного из слуг. За неимением подходящей гувернантки его дочь проводила много времени с прислугой. Кто ведает, какие еще сомнительные навыки она получит в результате?

— Папа?

— Да.

— Я нарисовала еще одну картинку в голове, как ты меня учил.

— Да? — Натаниэль отвел растущую на пути колючку, чтобы Айвори могла пройти.

— Это был корабль с капитаном Ахавом.^[44] А рядом плавал кит.

— Какого цвета был парус?

— Белого, конечно.

— А кит?

— Серого, как пушечная бронза.

— А чем пах твой корабль?

— Солью, потом и грязными ботинками.

Натаниэль весело поднял брови.

— Да уж, наверное.

Это была одна из любимых игр. Днем, когда Айвори сидела в его студии, они часто играли в нее. Натаниэля поражало, что ему так нравится общество ребенка. Девочка помогала смотреть на мир иначе, проще, вдыхать новую жизнь в портреты. Ее частые вопросы, что он делает и почему, заставляли объяснять ребенку давно забытые основы: надо рисовать то, что видишь на самом деле, а не то, что кажется, любой образ состоит прежде всего из линий и форм, цвет должен одновременно выявлять и скрывать.

— Почему мы идем через лабиринт, папа?

— Я должен кое-кого повидать на другом конце.

Айвори задумалась над этими словами.

— Человека, папа?

— Конечно человека. По-твоему, папа хочет встретиться с животным?

Они свернули за угол, затем еще раз. Натаниэль вспомнил стеклянный шарик, скользящий по изгибам и поворотам дорожки, которую Айвори соорудила в детской. Так и он следует изгибами и прямыми линиями, не властный над своей судьбой. Но разве его сегодняшние действия не выдают человека, который взял судьбу в свои руки?

Они в последний раз свернули и очутились у двери в тайный сад. Натаниэль остановился, встал на колени и обхватил ладонями узенькие плечи дочери.

— Послушай, Айвори, — осторожно сказал он. — Сегодня я провел тебя через лабиринт.

— Да, папа.

— Никогда не возвращайся сюда, особенно одна. — Натаниэль сжал губы. — И полагаю, будет лучше, если... если наше сегодняшнее путешествие...

— Не волнуйся, папа. Я не скажу маме.

Облегчение смешалось с неприятным чувством, будто он сговорился с ребенком против жены.

— И бабушке тоже, папа.

Натаниэль кивнул, слабо улыбаясь.

— Так будет лучше.

— Секрет.

— Да, секрет.

Натаниэль толкнул дверь в тайный сад и провел Айвори внутрь. Где-то в глубине души он ожидал увидеть, как Элиза восседает на травяной кочке под яблоней, подобно королеве фей, но сад был недвижим и безмолвен. Шевелилась лишь ящерица, которая выгнула спинку, сидя на мощеном квадрате посередине сада, и с видом собственника наблюдала, как Натаниэль и Айвори проходят по извилистой тропинке.

— Ах, папа! — Айвори изумленно разглядывала сад. Она взглянула наверх, увидела лозы, которые извивались с края одной стены до края другой. — Это волшебный сад!

Как удивительно, что дитя способно это воспринять. Натаниэль гадал, отчего именно сад Элизы рос таким чрезмерно пышным. Какая сделка была заключена с духами по ту сторону завесы, чтобы породить такое буйное изобилие?

Он провел Айвори через южные ворота по тропинке, которая огибала коттедж. Несмотря на раннее время, в переднем саду было прохладно и темно благодаря каменной стене, которую построила Аделина. Натаниэль положил ладонь между лопатками Айвори, ее крылышками феи.

— Послушай, — сказал он. — Папа войдет в дом, а ты должна ждать здесь, в саду.

— Да, папа.

Он помедлил.

— Сейчас не время бродить по саду.

— Конечно, папа.

Сама невинность! Можно подумать, ей и в голову не приходило бродить где не следует.

Кивнув дочери, Натаниэль направился к двери. Он постучал, подождал Элизу, поправил манжет.

Открылась дверь, и на пороге возникла она. Как если бы Натаниэль видел ее только вчера. Как если бы не прошло четыре года.

Натаниэль сидел за столом, а Элиза стояла с другой его стороны, едва касаясь пальцами края. Она смотрела на художника своим особенным взглядом, лишенным банальной светской утонченности, которая позволила бы предположить, что она рада его видеть. Или самолюбие заставило его считать, что Элиза может ему обрадоваться? Освещение в коттедже придавало волосам Элизы еще более огненный оттенок, чем обычно. Искры солнечного света играли в спутанных локонах, казалось, ее пряди на самом деле сотканы из эльфийского золота. Натаниэль мысленно ругал себя за то, что позволил историям Элизы повлиять на ее же образ в собственном

воображении. Его не проведешь.

Станным было их молчание. Так много надо было сказать, и все же Натаниэль не мог найти слов. Это была их первая встреча после того, что произошло. Он кашлянул и потянулся к ее руке. Не смог удержаться. Она резко отдернула пальцы и отвернулась к плите.

Натаниэль откинулся на спинку стула. Он не знал, как начать, в какие слова облечь свою просьбу.

— Ты знаешь, почему я пришел, — наконец сказал он.

Элиза не обернулась.

— Конечно.

Пока она ставила чайник на плиту, Натаниэль смотрел на ее невероятно узкие пальцы.

— Тогда ты знаешь, что я должен сказать?

— Да.

С легким ветерком, который влетел в окно, донесся мелодичный детский голосок: «Лимоны и апельсины, поют колокола Святого Клементина...»

Спина Элизы словно окаменела, так что Натаниэль увидел крошечные позвонки, как у ребенка. Она обернулась.

— Девочка здесь?

Натаниэль испытал извращенное удовольствие от выражения лица Элизы — как у зверька, который внезапно очутился на краю западни. Как он хотел перенести ее черты на бумагу: распахнутые глаза, побледневшие щеки, сжатый рот! И знал, что попытается сделать это, как только вернется в студию.

— Ты привел сюда ребенка?

— Она увязалась за мной. Я заметил, когда было уже поздно.

Болезненное выражение стерлось с лица Элизы и превратилось в слабую улыбку.

— Вот хитрюга.

— Другие бы сказали — озорница.

Элиза присела на стул.

— Мне нравится, что девочка любит игры.

— Сомневаюсь, что ее матери так же нравится авантюрная жилка Айвори.

Она загадочно улыбнулась.

— Ее бабушке — точно не нравится.

Улыбка Элизы стала шире. Натаниэль мгновение смотрел на нее, затем отвернулся. Он выдохнул ее имя — Элиза — и покачал головой. Нужно

начинать то, зачем пришел.

— На днях...

— На днях я с радостью увидела, что ребенку хорошо. — Элиза говорила быстро, тревожно, словно стремясь оборвать разговор на эту тему.

— Конечно, ей хорошо, она ни в чем не нуждается.

— Достаток может быть обманчив, он не всегда означает, что человеку хорошо. Спроси свою жену.

— Ненужная жестокость.

Элиза резко кивнула, выражая простое согласие, без намека на сожаление. Натаниэль задумался, есть ли у нее вообще моральные принципы, хотя знал, что есть. Элиза, не моргая, смотрела на него.

— Ты пришел из-за моего подарка.

Натаниэль понизил голос.

— Зря ты его принесла. Ты же знаешь, что чувствует Роза.

— Знаю. Просто я подумала, какой в нем вред?

— Ты знаешь какой. И как подруга Розы, несомненно, не желаешь причинять ей боль. А как моя подруга... — Внезапно ощутив себя глупо, Натаниэль опустил глаза на половицы, словно в поисках поддержки. — Я вынужден просить тебя больше не приходить. Роза ужасно страдала после твоего визита. Она не любит напоминаний.

— Память — жестокая дама, с которой все должны считаться.

Прежде чем Натаниэль успел придумать ответ, Элиза снова повернулась к плите.

— Хочешь чая?

— Нет, — ответил он, понимая, что проиграл. — Мне пора домой.

— Роза не знает, что ты здесь?

— Мне пора домой.

Он надел шляпу и направился к кухонной двери.

— Ты видел книгу? Неплохо получилось, по-моему.

Натаниэль остановился, но не повернулся.

— Прощай, Элиза. Мы больше не встретимся.

Он поправил рукава пальто и отогнал смутные, тревожные предчувствия.

Натаниэль уже почти дошел до двери, когда услышал за спиной шаги Элизы.

— Подожди, — сказала она, теряя часть своего хладнокровия. — Позволь мне поближе посмотреть на девочку, на Розину дочь.

Натаниэль сжал пальцами холодную металлическую дверную ручку и стиснул зубы, обдумывая ее слова.

— Ведь это в последний раз.

Как мог он отказать в такой простой просьбе?

— Только посмотреть. Потом я должен отвести ее домой.

Они вместе вышли через входную дверь в сад. Айвори сидела на краю маленького пруда, перебросив через край голые ножки, так что они касались воды. Девочка гоняла по поверхности листок и напевала что-то себе под нос.

Когда дитя подняло глаза, Натаниэль нежно положил руку на плечо Элизы и подтолкнул ее вперед.

Поднялся ветер, и Лайнусу пришлось опереться на трость, чтобы не упасть. Внизу, в бухте, море, обычно спокойное, так бушевало, что маленькие волны с белыми барашками обрушивались на берег. Солнце пряталось за пеленой облаков. Отголосок дивных летних дней, которые Лайнус когда-то проводил в бухте со своей *baigneur*.

Маленькая деревянная лодка принадлежала Джорджиане. То был подарок отца, но она с радостью разделяла его с братом. Джорджиана даже не задумывалась, что из-за слабой ноги Лайнус не вполне мужчина, и совершенно не беспокоилась, что скажет отец. Днем, когда воздух был теплым и сладким, они вместе выгребали на середину бухты. Брат и сестра покачивались на волнах, которые нежно обнимали корпус лодки, и думали только друг о друге. По крайней мере, так казалось Лайнусу.

Уходя, Джорджиана забрала с собой то хрупкое ощущение общности, которое он пестовал. Ощущение, что Лайнус может кое-что предложить миру, пусть даже отец и мать считают его глупым мальчишкой, ничего не стоящим и ничего не умеющим. Без Джорджианы он снова стал бесполезным, бесцельным. Тогда Лайнус и решил, что сестру надо вернуть.

Лайнус нанял сыщика, Генри Мэнселла, мрачного и подозрительного типа, чье имя шептали в тавернах Корнуолла. Говорили, что он умеет улаживать дела. Лайнус узнал о сыщике через камердинера местного графа.

Лайнус рассказал Мэнселлу о сестре и неприятностях, которые ему причинил парень, укравший ее. Рассказал он и то, что мерзавец работает на кораблях, которые ходят то в Лондон, то из Лондона.

Не успел Лайнус оглянуться, как моряк умер. «Несчастный случай, — сказал Мэнселл с каменным лицом, — исключительно несчастный случай».

Странное чувство охватило Лайнуса в тот день. Жизнь человека прервалась по его воле. Значит, он всесилен, способен через других воплощать свои намерения. Ему хотелось петь.

Он щедро заплатил Мэнселлу, и тот уехал на поиски Джорджианы.

Лайнус был полон надежд, ему казалось, возможности Мэнселла безграничны. Его baigneur скоро окажется дома, благодарная брату за спасение. И все будет по-прежнему...

Черная скала выглядела зловеще. Сердце Лайнуса сжалось, когда он вспомнил, как его baigneur сидела на вершине. Он полез в карман и достал фотографию, нежно разглаживая ее большим пальцем.

— Baigneur.

То была полумысль, полусшепот. Сколько бы Мэнселл ни охотился, он так и не нашел Джорджиану. Он обыскал материк, проверил все ниточки, тянувшиеся в Лондон, но все тщетно. Лайнус ничего не слышал до конца тысяча девятисотого, когда прошел слух, что в Лондоне видели дитя, девочку с рыжими волосами и глазами его сестры.

Лайнус оторвал взгляд от моря и покосился на вершину утеса, который связывал обе стороны бухты. С того места, где он стоял, виден был лишь угол новой каменной стены.

Как Лайнус ликовал при вести о ребенке! Он опоздал вернуть свою baigneur, а через девочку обретет ее вновь.

Но все вышло не так, как он ожидал. Элиза сопротивлялась Лайнусу, так никогда и не поняв, что он послал за ней, он привез ее сюда и она должна знать, что принадлежит ему.

А теперь Элиза заперта в проклятом коттедже. Какая мука! Так близко, и все же... Прошло четыре года. Четыре года с тех пор, как она ступала на эту сторону лабиринта. Почему она была так жестока? Почему вновь и вновь отталкивала его?

Внезапный порыв ветра приподнял шляпу Лайнуса. Он инстинктивно ухватился за поля и в этот миг выпустил фотографию из рук.

Пока Лайнус беспомощно стоял, его baigneur улетела вдаль вместе с ветром, струящимся с вершины холма. Вверх и вниз, порхая на ветру, сверкая белизной под ярким светом облаков, зависая, дразня его, улетала все дальше и дальше. Наконец фотография опустилась на поверхность воды и унеслась в море.

Прочь от Лайнуса, снова выскользнув из его пальцев.

После визита Элизы Роза стала беспокоиться. Она совершенно запуталась, пытаясь найти выход. Когда Элиза появилась в воротах лабиринта, Роза пережила шок, который испытывает человек, внезапно поняв, что над ним нависла опасность. Хуже того, опасность грозит уже давно, а он и не замечал ее. Роза почувствовала головокружение и панику. Затем пришло облегчение, что до сих пор ничего плохого не произошло,

после — кошмарная уверенность, что долго такое везение не продлится. Сколько бы вариантов Роза ни перебирала, ясно было одно: мама права, пора им с Элизой разъехаться.

Роза осторожно продела нитку в иголку и придала голосу оттенок безупречной небрежности.

— Я снова думала о визите Сочинительницы.

Стараясь скрыть тревогу во взгляде, Натаниэль оторвал глаза от письма, над которым работал.

— Как я уже сказал, дорогая, забудь о нем. Этого больше не повторится.

— Ты не можешь быть в этом уверен, ведь никто из нас не предвидел ее недавний визит?

На этот раз голос Натаниэля прозвучал решительнее.

— Она больше не придет.

— Откуда ты знаешь?

Щеки Натаниэля покраснели. Перемена была едва заметной, но не укрылась от Розы.

— Нат, в чем дело?

— Я говорил с ней.

Сердце Розы забилося быстрее.

— Ты виделся с ней?

— Мне пришлось. Ради тебя, дорогая. Ты так расстроилась из-за ее появления. Я сделал все, что смог, чтобы визитов больше не было.

— Но я не хотела, чтобы ты с ней виделся.

Все оказалось хуже, чем Роза представляла. Ее окатило жаром. Она почувствовала еще более сильную уверенность, что им надо уехать. Всем им. Элиза должна навсегда уйти из жизни ее семьи. Роза задержала дыхание, заставляя себя успокоиться. Нельзя, чтобы Натаниэль счел ее нездоровой, решил, что она принимает непродуманные решения.

— Говорить с ней недостаточно, Нат. Больше недостаточно.

— А что еще можно сделать? Собираешься запереть ее в коттедже?

Он пытался рассмешить Розу, но она не отступила.

— Я думала о Нью-Йорке.

Натаниэль поднял брови.

— Мы уже говорили о том, чтобы пожить за океаном. Думаю, настала пора воплотить наши планы.

— Оставить Англию?

Роза кивнула, чуть заметно, но уверенно.

— У меня здесь заказы. Мы собирались нанять гувернантку для

Айвори.

— Да-да, — нетерпеливо сказала Роза. — Но оставаться больше небезопасно.

Она подчеркнула голосом последние слова.

Натаниэль ничего не ответил, да и незачем, выражение его лица было красноречивее слов. Ледяной осколок в сердце Розы окреп. Рано или поздно Натаниэль с ней согласится, как соглашается всегда. Особенно когда боится, что она балансирует на краю бездны, называемой отчаянием. Непростительно использовать преданность Натаниэля против него самого, но у Розы не было выбора. Материнство, семейная жизнь... Ни о чем другом Роза никогда не мечтала, и она не намерена терять их. Когда Айвори родилась, когда ее положили на руки Розе, им словно подарили возможность начать с чистого листа. Они с Натаниэлем снова обрели счастье и никогда не вспоминали о прошлом. Оно больше не существовало. До тех пор, пока Элиза держалась поодаль.

— У меня заказ в Шотландии, — сказал Натаниэль. — Я уже начал над ним работать.

В его голосе Роза уловила трещинки, которые будут расширяться, пока его сопротивление не рухнет.

— Конечно, мы дадим тебе закончить, — сказала она. — Поедем в Шотландию пораньше и отплывем сразу после возвращения. У меня есть три билета на «Карманию».^[45]

— Ты их уже заказала.

Это было скорее утверждение, чем вопрос.

Роза заговорила мягче.

— Так лучше всего, Нат. Пойми, только так мы сможем навсегда оказаться в безопасности. Подумай, насколько полезна подобная поездка для твоей карьеры. «Нью-Йорк таймс» даже может опубликовать отчет. Триумфальное возвращение одного из самых успешных сынов города.

Свернувшись в любимом пружинном кресле бабушки, Айвори шептала сама себе: «Нью-Йорк». Айвори знала, где находится Йорк. Однажды они с мамой и папой ездили на север в Шотландию и ненадолго остановились в Йорке, в доме бабушкиной подруги, ужасно старой дамы с проволочными очками и глазами, которые все время слезились. Но мама говорила не о Йорке, Айвори хорошо расслышала. «Нью-Йорк», — сказала мама. Они скоро должны отправиться в Нью-Йорк. Айвори представляла, где находится этот город: далеко за морем, там, где родился папа. Папа рассказывал, что там полно небоскребов, музыки и автомобилей. Город, где

все сверкает.

Комок собачьей шерсти пощекотал носик Айвори, но она удержалась и не чихнула. Не чихать, когда хочется, было одним из самых замечательных ее умений. Отчасти благодаря ему она умела прекрасно прятаться. Айвори так любила прятаться, что иногда делала это просто для удовольствия. Одна в комнате, она пряталась, только чтобы знать: даже сама комната забыла, что она здесь, и зажила по-прежнему, будто девочка — часть мебели.

Однако в тот день Айвори спряталась не просто так. Дедушка вел себя странно. Обычно он избегал людей, но в последнее время ходил следом за Айвори и называл ее своей. Он постоянно брал с собой маленькую коричневую камеру, пытаясь сфотографировать ее со сломанной куколкой в руке. Айвори не любила сломанную куклу с ужасными моргающими глазами. Конечно, мама говорила, что надо слушаться дедушку, что когда он фотографирует — это большая честь, но Айвори предпочитала прятаться.

От мыслей о куклке у нее мурашки побежали по коже, и она постаралась подумать о чем-то другом. О чем-то приятном, вроде путешествия с папой через лабиринт. Айвори играла на улице, когда увидела, как папа выходит из боковой двери дома. Он шел быстро, и сначала девочка подумала, что он сядет в карету и поедет рисовать чей-то портрет. Вот только он не взял с собой никаких инструментов и одет был совсем не так, как одевался, когда предстояла важная встреча. Айвори смотрела, как папа шагает через лужайку, приближаясь к воротам лабиринта. Он никогда не умел притворяться, и Айвори поняла, куда он идет.

Не раздумывая, Айвори поспешила за папой и прошла за ним через ворота лабиринта в темные, узкие тоннели. Айвори знала, что дама с рыжими волосами, которая принесла для нее сверток, живет на другой стороне.

А теперь, после прогулки с папой, она догадалась, кем является та дама. Ее зовут Сочинительница, и хотя папа сказал, что она человек, Айвори знала лучше. Она подозревала это с того самого дня, как Сочинительница прошла через лабиринт. А заглянув ей в глаза в саду коттеджа, Айвори поняла окончательно.

Сочинительница — волшебное существо. Колдунья или фея, точно неизвестно. Сочинительница была не похожа ни на кого из людей, встреченных девочкой до сих пор.

Глава 43

Клифф-коттедж, Корнуолл, 2005 год

Снаружи поднялся ветер, и океан тяжело задышал в бухте. Лунный свет струился через оконное стекло, бросая четыре серебристых квадрата на деревянный пол. Дух теплого помидорного супа и тостов пропитал стены, пол, воздух. Кассандра, Кристиан и Руби сидели вокруг стола на кухне, с одной стороны горела печка, с другой — керосиновый обогреватель. Свечи выстроились вдоль стола, расположились в разных местах комнаты, и все же в темных одиноких углах, куда не добирался их свет, лежали тени.

— Я все равно не понимаю, — сказала Руби. — Как ты из той газетной заметки понял, что Роза была бесплодна?

Кристиан зачерпнул ложкой суп.

— Рентгеновское излучение. Ее яйцеклетки не могли выжить.

— Тогда она должна была знать? В смысле, были же какие-то признаки.

— Например?

— Ну, разве у нее не прекратились... сам знаешь... месячные?

Кристиан пожал плечами.

— Видимо, нет. Работа репродуктивной системы не была затронута, яйцеклетки высвобождались каждый месяц, только были повреждены.

— Настолько повреждены, что она не могла зачать?

— А если бы и зачала, то, скорее всего, был бы выкидыш или родился бы ребенок с множеством уродств.

Кассандра отодвинула остатки супа.

— Ужасно. Почему врач так поступил?

— Наверное, просто хотел оказаться среди первых, кто воспользовался блестящей новой технологией. Хотел насладиться радостью публикации. Никаких медицинских оснований для рентгеновского обследования не

было, ребенок всего лишь проглотил наперсток.

— А кто его не глотал? — спросила Руби, вытирая коркой хлеба и без того уже чистую миску.

— Но зачем выдержка в целый час? Наверняка она не была нужна?

— Конечно не нужна, — ответил Кристиан. — Но в те времена этого не знали, такие выдержки были обычным делом.

— Видимо, решили, что если за пятнадцать минут получается нормальный снимок, то за час получится блестящий, — предположила Руби.

— Об опасности тогда никто не подозревал. Рентгеновские лучи открыли только в тысяча восемьсот девяносто пятом, так что доктор Мэтьюс был среди первых, кто их использовал. Вообще-то поначалу люди считали их полезными для здоровья, надеялись вылечить ими рак, кожные болезни и другие расстройства. Их даже использовали в салонах красоты. Понадобился не один год, чтобы проявились отрицательные последствия, ожоги и инфекции, опухоли и рак.

— Так вот что за отметины были у Розы, — сказала Кассандра. — Ожоги.

Кристиан кивнул.

— Рентгеновское излучение не только поджарило ее яичники. Несомненно, оно сожгло и кожу.

Порыв ветра шумно зачертил тонкими ветками узоры по оконным стеклам. Свет свечей моргнул, когда холодная лента воздуха проскользнула вдоль плинтуса. Руби поставила пустую тарелку в тарелку Кассандры и провела салфеткой по рту.

— Но если Роза была бесплодна, то кто родил Нелл?

— Я знаю кто, — сказала Кассандра.

— Правда?

Она кивнула.

— Все есть в альбомах. По правде говоря, я считаю, что именно об этом Клара и хочет мне рассказать.

— Кто такая Клара? — спросил Кристиан.

Руби вздохнула.

— Ты считаешь, что Нелл — ребенок Мэри.

— Кто такая Мэри? — Кристиан переводил взгляд с одной на другую.

— Подруга Элизы, — ответила Кассандра. — Мама Клары. Служанка в Чёренгорбе, которую уволили в начале тысяча девятьсот девятого, когда Роза обнаружила, что беременна.

— Роза уволила ее?

Кассандра кивнула.

— Она пишет в альбоме, как невыносима мысль о том, что у кого-то столь недостойного будет ребенок, в то время как ей в нем безнадежно отказано.

Руби сделала глоток вина.

— Но почему Мэри отдала ребенка Розе?

— Сомневаюсь, что она отдала просто так.

— Думаешь, Роза купила дитя?

— Всякое бывает, верно? Люди совершали и худшие поступки, чтобы обрести ребенка.

— По-твоему, Элиза все знала? — спросила Руби.

— Хуже того, — сказала Кассандра. — Думаю, она помогала. Думаю, именно поэтому она и уехала.

— Вина?

— Точно. Она помогла Розе воспользоваться ее высоким положением, чтобы отобрать ребенка у женщины, которая нуждалась в деньгах. Позднее Элиза не смогла с этим смириться. Они с Мэри были близки, Роза пишет об этом.

— Ты предполагаешь, что Мэри хотела ребенка, — сказала Руби. — Не желала отказываться от него.

— Я предполагаю, что нельзя бескорыстно отказаться от ребенка. Возможно, Мэри нуждалась в деньгах, ребенок мог мешать ей, она даже могла считать, что дитя обретет лучший дом. И все равно я считаю, что эта потеря опустошила ее.

Руби подняла брови.

— А Элиза помогла Розе.

— И потом уехала. Вот почему я думаю, что дитя отдали неохотно. Наверное, Элиза уехала, потому что не в силах была оставаться и смотреть на Розу с дочкой Мэри. Расставание матери с ребенком оказалось непростым и камнем легло на совесть Элизы.

Руби медленно кивнула.

— Это объясняет, почему Роза перестала часто видаться с Элизой после рождения Айвори, почему они отдалились друг от друга. Роза, возможно, догадывалась, как Элиза себя чувствует, и боялась, что та каким-нибудь поступком омрачит ее новообретенное счастье.

— Например, заберет Айвори, — сказал Кристиан.

— Что она в конце концов и сделала.

— Да, — согласилась Руби, — что она в конце концов и сделала. — Руби подняла брови, глядя на Кассандру. — Так когда ты отправишься к

Кларе?

— Она пригласила навестить ее завтра в одиннадцать часов.

— Черт. Я уезжаю около девяти. Проклятая работа. Я бы с удовольствием тебя подбросила.

— Я подброшу, — отозвался Кристиан.

Он крутил ручки на обогревателе, стараясь установить максимальный режим. Сильно пахло керосином.

Кассандра постаралась не заметить усмешку Руби.

— Правда? Ты уверен?

Он улыбнулся, встретился с ней глазами и отвел их через мгновение.

— Ты же меня знаешь. Всегда рад помочь.

Кассандра улыбнулась в ответ, разглядывая стол, ее щеки горели. Из-за Кристиана ей словно снова стало тринадцать. Такое юное, ностальгическое чувство — перемещение в то время и пространство, когда вся жизнь еще впереди, — что ей не хотелось с ним расставаться. Хотелось отогнать ощущение вины, словно, наслаждаясь обществом Кристиана, она предает память Ника и Лео.

— И почему, по-вашему, Элиза ждала до тысяча девятьсот тринадцатого? — Кристиан перевел взгляд с Руби на Кассандру. — В смысле, чтобы забрать Нелл. Почему не раньше?

Кассандра легонько провела рукой по столу, любуясь игрой свечного света на коже.

— Думаю, потому, что Роза и Натаниэль погибли в железнодорожной катастрофе. Мне кажется, что, несмотря на смятенные чувства, Элиза не хотела вмешиваться, пока Роза была счастлива.

— Но как только Роза умерла...

— Именно. — Кассандра встретила взгляд Кристиана. Его лицо было странно серьезным, и у нее холодок пробежал по спине. — Как только Роза умерла, Элиза не в силах была смириться, что Айвори осталась жить в Чёренгорбе. Думаю, она забрала девочку, чтобы вернуть ее Мэри.

— Так почему не вернула? Почему посадила на корабль в Австралию?

Кассандра выдохнула, и пламя соседней свечи затрепетало.

— Этого я пока не продумала.

Загадкой было и то, многое ли знал Уильям Мартин, когда встретился с Нелл в тысяча девятьсот семьдесят пятом. Мэри была его сестрой, разве он не узнал бы, если бы она забеременела? Если бы родила ребенка, но не стала его воспитывать? И конечно, если Уильям знал, что Мэри беременна, он знал и о роли, которую Элиза играла в неофициальном удочерении. Он, несомненно, сказал бы обо всем Нелл. В конце концов, если Мэри была

матерью Нелл, Уильям был ее дядей. Кассандра не могла вообразить, что он промолчал, когда давно потерянная племянница возникла на его пороге.

И все же в тетради Нелл не было ни слова, что Уильям ее узнал. Кассандра изучала страницы в поисках намеков, которые могла пропустить. Уильям не сказал и не сделал ничего, что позволило бы предположить его родственную связь с Нелл.

Возможно, конечно, Уильям не замечал, что Мэри беременна. Кассандра знала о таких случаях из журналов и американских ток-шоу. Женщины скрывали свою беременность все девять месяцев. Мэри вполне могла поступить так же, чтобы обмен состоялся. Роза могла настоять на секретности. Она же не хотела, чтобы вся деревушка знала о происхождении ребенка.

Но разве возможно, что девушка забеременеет, заключит помолвку, потеряет работу, отдаст ребенка, вернется к прежней жизни и никто ничего не узнает? Не было сомнений, что Кассандра что-то упустила.

— Похоже на сказку Элизы, правда?

Кассандра взглянула на Кристиана.

— Что именно?

— Да все: Роза, Элиза, Мэри, ребенок. Разве не похоже на «Золотое яйцо»?

Кассандра покачала головой. Название было ей незнакомо.

— Это из «Волшебных сказок для девочек и мальчиков».

— В моей книге нет этого, наверное, у нас разные издания.

— Было всего одно издание. Потому-то книга такая редкая.

Кассандра пожала плечами.

— Я никогда ее не видела.

Руби хлопнула ладонью.

— Довольно! Чихать я хотела, сколько было изданий. Расскажи нам о сказке, Кристиан. Почему ты думаешь, что она о Мэри и ребенке?

— Вообще-то «Золотое яйцо» — довольно странная сказка, мне всегда так казалось. Не такая, как другие, более грустная, с сомнительной моралью. Она о злой королеве, которая вынуждает юную девушку отдать волшебное золотое яйцо, чтобы излечить больную принцессу. Девушка сначала сопротивляется, так как сохранить яйцо — цель всей ее жизни, право, данное с рождения, кажется, так она объясняет. Но королева изводит ее, и в конце концов девушка соглашается, потому что убеждена, что, если не отдаст яйцо, принцесса будет вечно страдать и королевство будет обречено на вечную зиму. В сказке есть персонаж, который играет роль посредника, — служанка. Она работает на принцессу и королеву, но в итоге

пытается уговорить девушку не расставаться с яйцом. По-видимому, служанка понимает, что яйцо — это часть девушки и без него у девушки не будет ни цели, ни смысла жизни. Собственно, это и происходит, девушка отдает яйцо и гибнет.

— Ты думаешь, служанка — Элиза? — спросила Кассандра.

— Все сходится, верно?

Руби оперлась подбородком на кулак.

— Дай-ка я уточню, ты утверждаешь, что яйцо — это ребенок? Нелл?

— Да.

— И Элиза написала сказку, чтобы облегчить свою вину?

Кристиан покачал головой.

— Не вину. В сказке не чувствуется вины. Скорее, печаль. Она грустит о себе, о Мэри. И о Розе тоже. Все герои сказки поступают, как считают правильным, но хранительницу яйца не ждет счастливый конец.

Кассандра задумчиво прикусила губу.

— Ты правда считаешь, что сказка, написанная для детей, может быть автобиографичной?

— Не вполне автобиографичной, не в буквальном смысле. Если только с автором не случались весьма странные вещи. — Он поднял брови. — Я только думаю, что Элиза могла превращать истории из своей собственной жизни в сказки. Разве не так поступают писатели?

— Не знаю. А разве так?

— Завтра я принесу «Золотое яйцо», — пообещал Кристиан. — Сможешь сама решить. — Теплый желтоватый свет свечей подчеркивал его скулы, подсвечивал кожу. Он робко улыбнулся. — Волшебные сказки Элизы — единственный голос, который у нее остался. Кто знает, что еще она пытается нам сказать?

Когда Кристиан уехал в деревню, Руби и Кассандра уложили спальные мешки на синтепоновые матрасы, которые он им привез. Они решили устроиться внизу, чтобы согреться у плиты, и отодвинули стол, чтобы освободить место. Ветер с моря тихо задувал в трещины под дверью, в щели между половицами. Дом пах влажной землей сильнее, чем в дневное время.

— А сейчас пора рассказывать истории о привидениях, — прошептала Руби, грузно повернувшись лицом к Кассандре. Она усмехнулась, по ее лицу пробежали тени и отблески света. — До чего забавно! Я говорила, как тебе повезло заполучить дом с привидениями на краю морского утеса?

— Пару раз.

Руби дерзко улыбнулась.

— А как тебе повезло заполучить «друга» вроде Кристиана — красивого, умного и доброго?

Кассандра сосредоточилась на молнии своего спального мешка, застегивая ее слишком внимательно для столь несложной задачи.

— «Друга», который явно считает тебя венцом творения.

— Ах, Руби. — Кассандра покачала головой. — Вовсе нет. Ему просто нравится помогать мне в саду.

Руби весело подняла брови.

— Конечно, ему нравится сад. И потому битых две недели он работает даром.

— Я правду говорю!

— Конечно.

Кассандра спрятала улыбку и продолжила с оттенком негодования:

— Веришь или нет, но тайный сад очень важен для Кристиана. Он играл в нем ребенком.

— И пылкая страсть к саду объясняет, почему он завтра везет тебя в Полперро.

— Простая любезность. Он добрый человек. Я тут ни при чем, никаких особых чувств он ко мне не питает. Я ему вовсе не нравлюсь.

Руби глубокомысленно кивнула.

— Конечно, ты права. В смысле, было бы чему нравиться.

Кассандра глянула в сторону, невольно улыбаясь.

— Так, — она прикусила нижнюю губу, — по-твоему, он красив?

Руби усмехнулась.

— Сладких снов, Кассандра.

— Спокойной ночи, Руби.

Кассандра задула свечу, но полная луна не дала комнате погрузиться в темноту. Серебристая пленка, гладкая и тусклая, как застывший воск, разлилась по всем поверхностям. Кассандра лежала в полумраке и мысленно перебирала фрагменты головоломки: Элиза, Мэри, Роза и, время от времени, совсем не к месту, Кристиан, который поймал ее взгляд прежде чем отвернуться.

Через пару минут Руби тихо засопела. Кассандра улыбнулась. Могла бы и догадаться, что Руби легко засыпает. Она закрыла глаза, ее веки отяжелели.

Море бурлило у подножия утеса, деревья шептали на полночном ветру, Кассандра тоже скользнула в сон...

...Она была в тайном саду, сидела под яблоней на мягчайшей траве.

День был очень теплым. Пчела прогудела в яблочном цвету, зависла и уплыла прочь с ветерком.

Она испытывала жажду, хотела пить, хотя бы воды, но рядом ничего не было. Она протянула руку, пытаясь встать, но не смогла. Ее живот был большим и раздутым, кожа под платьем натянулась и чесалась.

Она была беременна.

Как только она это поняла, ощущение стало знакомым. Она чувствовала, как тяжело бьется сердце, чувствовала тепло кожи, а потом ребенок начал пинаться...

— Касс.

...пинаться так сильно, что ее живот съехал в сторону, и она положила руку на его выпуклость, пытаясь поймать маленькую пяточку...

— Касс.

Она открыла глаза, увидела лунный свет на стенах, услышала потрескивание плиты.

Руби, опираясь на локоть, похлопывала ее по плечу.

— Все в порядке? Ты стонала.

— Все нормально. — Кассандра села и пощупала живот. — О господи. Мне приснился престранный сон. Я была беременна, на очень позднем сроке. Мой живот был огромным и тугим, и все было таким ярким. — Она потеряла глаза. Я сидела в огороженном саду, и ребенок пинался.

— Это все наши разговоры о ребенке Мэри, о Розе, о золотых яйцах, все перемешалось.

— Не говоря уже о вине. — Кассандра зевнула. — Но сон был таким реальным, совсем как наяву, мне было ужасно неудобно и жарко, а когда ребенок начал пинаться, еще и очень больно.

— Прелестная картина беременности, — заметила Руби. — Хорошо, что я никогда не пробовала.

Кассандра улыбнулась.

— В последние месяцы не слишком весело, зато потом воздается сторицей. В тот миг, когда на твоих руках оказывается новая крошечная жизнь.

Ник плакал в родильном зале, а Кассандра не плакала. Она слишком принадлежала настоящему, была частью удивительного мгновения. Слезы — это выход на второй уровень чувств, способность выйти за рамки событий и посмотреть на них со стороны. Для этого опыт Кассандры был слишком свежим. Она горела от головокружительного ликования. Словно стала лучше слышать, лучше видеть, чем когда-либо прежде. Она слышала, как бьется ее пульс, как гудят лампы над головой, как дышит ее дитя.

— Вообще-то я однажды была беременна, — сказала Руби. — Но всего минут пять.

— Ах, Руби. — Кассандру охватила жалость. — Ты потеряла ребенка?

— Можно и так сказать. Я была молода, мы совершили ошибку и пришли к выводу, что рано через это проходить. Я решила, что впереди полно времени, чтобы наверстать. — Она пожала плечами, разглаживая спальный мешок на ногах. — Вот только когда я стала готова, в моем распоряжении больше не было необходимого компонента.

Кассандра склонила голову набок.

— Спермы, моя дорогая. Не знаю, может, лет до сорока меня мучил непрерывный ПМС, но почему-то мне никак не удавалось найти общий язык ни с одним из множества живущих на свете мужчин. Когда я встретила парня, с которым смогла жить, поезд уже ушел. Мы какое-то время пытались, но, — она пожала плечами, — что ж, с природой не поспоришь.

— Мне очень жаль, Руби.

— Зря. Я прекрасно справляюсь. У меня есть любимая работа и добрые друзья. — Она подмигнула. — К тому же ты видела мою квартиру. Так что мне повезло. Там кошке негде повернуться — правда, кошки у меня нет.

Кассандра улыбнулась.

— Надо строить жизнь из того, что есть, а не из того, чего не хватает. — Руби снова легла и поудобнее устроилась в спальном мешке, натянув его на плечи. — Бай-бай.

Кассандра еще немного посидела, глядя, как тени танцуют на стенах, и размышляя о словах Руби. О жизни, которую она, Кассандра, построила из тех, кого ей не хватало. Нелл поступила так же? Бросила жизнь и семью, которые у нее были, чтобы сосредоточиться на людях, которых у нее не было? Кассандра легла и закрыла глаза, позволив ночным звукам заглушить беспокойные мысли. Дыхание океана, волны, разбивающиеся об огромную черную скалу, животные на крыше, верхушки деревьев, шелестящие на ветру...

Коттедж — уединенное место, изолированное днем, еще больше — с наступлением темноты. Дорога не доходит до самого верха утеса, ворота в тайный сад закрыты, а за ними лежит лабиринт, через который непросто пройти. В таком месте можно годами не видеть ни одной живой души.

От внезапной мысли Кассандра задохнулась и села.

— Руби, — прошептала она, затем сказала громче: — Руби!

— Я сплю, — донесся неразборчивый отклик.

— Но до меня только что дошло.

— Все равно сплю.

— Я знаю, зачем они построили стену, зачем Элиза уехала. Вот почему мне приснился сон — подсознание все поняло и попыталось мне объяснить.

Вздыхнув, Руби перекатилась на другой бок и оперлась на согнутую руку.

— Твоя взяла, я проснулась, только что.

— Здесь жила Мэри, когда была беременна Айвори. Здесь, в коттедже. Вот почему Уильям не знал, что она беременна. — Кассандра наклонилась к Руби. — Вот почему Элиза уехала: Мэри заняла ее место. Служанку спрятали в коттедже и построили стену, чтобы никто ее случайно не увидел.

Руби потерла глаза и села.

— Коттедж был клеткой до тех пор, пока не родился ребенок и Роза не стала матерью.

Глава 44

Тредженна, Корнуолл, 1975 год

Накануне отъезда из Тредженны Нелл в последний раз отправилась в Клифф-коттедж. Она взяла с собой белый чемоданчик, набитый документами и бумагами, собранными за поездку. Она хотела просмотреть записи, и коттедж казался вполне подходящим местом для этого. По крайней мере так Нелл говорила себе, поднимаясь по крутой дороге вдоль утеса. Конечно, она лукавила. Она хотела просмотреть бумаги, но пошла туда еще и потому, что не могла уехать, не увидев коттедж.

Она отперла дверь и толкнула ее. Приближалась зима, и в доме было прохладно, стылый воздух густо и грузно лежал в коридоре. Нелл отнесла чемодан наверх, в спальню. Ей нравилось смотреть на серебристое море. В свой последний визит она заметила в углу комнаты маленький стул из гнутого дерева, который как нельзя лучше мог послужить ее целям. Спинка стула расплелась. «Не беда», — сказала себе Нелл. Она пристроила стул у окна, осторожно села и открыла белый чемоданчик.

Нелл листала бумаги: заметки Робин о семье Мунтраше, контактные данные детектива, которого она наняла, чтобы узнать местопребывание Элизы, искания и письма местных солиситоров, касаемые покупки Клифф-коттеджа. Нелл также нашла письмо о границах собственности. Она проглядела его, чтобы изучить карту землемера. Теперь Нелл вполне ясно видела, что там, где указал юный Кристиан, расположен сад. Интересно, кому и зачем пришлось в голову заложить кирпичом ворота?

Пока она размышляла, листки выскользнули из руки и разлетелись по полу. Нелл наклонилась, чтобы подобрать их, и нечто белое привлекло ее внимание. Сырая погода покорежила плинтус, оторвав его от стены. За плинтусом торчал листок бумаги. Нелл ухватила уголок и вытащила.

Это был небольшой кусок картона, покрытый бурыми пятнами. На нем было нарисовано женское лицо. Нелл узнала его по портрету, который

видела в лондонской галерее. Элиза Мейкпис, но какая-то другая. В отличие от портрета Натаниэля Уокера в Лондоне, на котором Элиза казалась неприступной, этот эскиз был более интимным. Взгляд на рисунке позволял предположить, что художник был ближе знаком с Элизой, чем Уокер. Четкие линии, уверенные изгибы, выражение лица: взгляд одновременно пленил Нелл и оттолкнул ее. Нелл вспомнила, как эти глаза точно так же смотрели на нее, словно их владелица могла заглянуть прямо в душу.

Нелл разгладила поверхность картона. Подумать только, портрет так долго лежал здесь и ждал! Она вытащила книгу волшебных сказок из чемодана. Нелл не знала, зачем принесла ее с собой в коттедж. Просто ей казалось логичным вернуть истории домой, туда, где Элиза Мейкпис написала их. Несомненно, глупо, до смешного сентиментально, но так уж вышло. Теперь Нелл радовалась своему поступку. Она раскрыла обложку и положила эскиз внутрь. Там ему ничего не будет угрожать.

Нелл выпрямилась на стуле, пробежала пальцами по обложке книги, по гладкой коже и выпуклой центральной вставке, на которой была изображена девушка с оленем. Восхитительная книга, ничуть не хуже любой, прошедшей через ее антикварную лавку. И так хорошо сохранилась, десятилетия на попечении Хейма не причинили ей вреда. Очевидно, теплая брисбенская кладовка превосходно годилась для хранения.

Нелл хотелось вспомнить более ранние времена, но она невольно вновь и вновь возвращалась мыслями к Хейму. Особенно к вечерам, когда он читал ей перед сном истории из книги сказок. Лил волновалась, боялась, что они слишком страшные для маленькой девочки, но Хейм все понимал. По вечерам, после ужина, когда Лил мылась перед сном, Хейм откидывался на спинку кресла, а Нелл сворачивалась клубком у него на коленях. Приятная тяжесть его рук, держащих книгу, слабый запах табака от рубашки, грубая щетина на теплой щеке, за которую цеплялись ее волосы.

Нелл без конца вздыхала. Хейм был добр к ней, как и Лил. И все же она отогнала мысли о них и заставила себя думать о более раннем детстве. Ведь было время до Хейма, до путешествия в Мэриборо, время Чёренгорба, коттеджа и Сочинительницы.

Вот оно — белая плетеная садовая скамейка, солнце, бабочки. Нелл закрыла глаза и ухватила воспоминания за хвост, позволив втащить себя в теплый летний день, в сад, где прохладная тень разливалась по широкой лужайке. Воздух наполнялся ароматом нагретых на солнце растений...

Девочка притворялась бабочкой. На голове у нее был венок из цветов, она бегала кругами, порхала, прыгала, раскинув руки в стороны, и солнце

грело ее крылышки. Девочка почувствовала себя такой модницей, когда солнце позолотило белый хлопок ее платья!

— Айвори.

Сначала она не услышала, ведь бабочки не говорят на человеческих языках. Они поют сладчайшими голосками очень красивые песни, но уши взрослых их не слышат. Это дано только детям.

— Айвори, быстро сюда.

На этот раз голос мамы прозвучал строго, поэтому девочка порхнула и метнулась в сторону белого садового кресла.

— Сюда, сюда, — звала мама, протягивая руки, маня бледными кончиками пальцев.

Девочка забралась к ней на колени, и теплое счастье растеклось по коже. Мама обхватила талию девочки руками и поцеловала холодными губами за ушком.

— Я бабочка, — сообщила девочка, — а эта скамейка — мой кокон...

— Шшш. Тише.

Лицо мамы было по-прежнему рядом, и девочка поняла, что та смотрит куда-то за ее спину. Девочка повернулась и увидела, что именно привлекло внимание мамы.

К ним шла дама. Девочка сощурилась на солнце, пытаясь осознать представший мираж. Ведь эта дама очень отличалась от других, которые приходили навестить маму и бабушку, тех, что оставались на чай и партию в бридж. Эта дама почему-то была похожа на высокого ребенка. На ней было платье из белого хлопка, а рыжие волосы были перехвачены лентой.

Девочка огляделась в поисках кареты, которая привезла даму, но ничего не увидела. Похоже, незнакомка была соткана прямо из воздуха, будто по волшебству.

А потом девочка поняла. И затаила дыхание от изумления. Дама шла не от входа, она явилась из лабиринта.

Девочке запрещалось заходить в лабиринт. Это было одно из первых и самых строгих правил. И мама, и бабушка все время напоминали, что путь темен и полон опасностей. Приказ был таким строгим, что даже папа, на которого обычно можно было положиться, не осмеливался ему противиться.

Дама спешила к ним, наполовину шла, наполовину бежала. У нее что-то было с собой, какой-то коричневый бумажный сверток под мышкой.

Мамины руки крепче сжали талию девочки, так что для нее удовольствие превратилось в неудобство. Дама остановилась перед ними.

— Привет, Роза.

Девочка знала, что так зовут маму, и все же мама ничего не ответила.

— Я знаю, что не должна приходить.

У дамы был серебристый голос, как паутинка, до которой девочка любила дотрагиваться пальцами.

— Тогда почему ты пришла?

Дама протянула ей сверток, но мама не взяла его. Она еще крепче сжала девочку.

— Мне ничего от тебя не надо.

— Я принесла его не тебе. — Дама положила сверток на скамейку. — А твоей маленькой девочке.

Нелл вспомнила, что в свертке лежала книга волшебных сказок. Позже между мамой и папой вышла размолвка: она требовала выкинуть книгу, он согласился, забрал ее, но не выбросил. Папа хранил ее в студии вместе с потрепанным «Моби Диком». Иногда он читал книгу Нелл, когда она сидела с ним, пока мать болела и ни о чем не подозревала.

Взволнованная воспоминанием, Нелл снова погладила обложку. Книга оказалась подарком Элизы. Она осторожно раскрыла ее на месте, где шестьдесят лет лежала шелковая закладка, темно-сливовая, чуть-чуть растрепанная, с расплетающимися нитями. Закладка отмечала сказку «Глаза старухи». Нелл начала читать о юной принцессе, которая не знала, что она принцесса, и отправилась через море к земле потерянных вещей, чтобы вернуть старухе пропавшее зрение. Сказка была смутно знакомой, как и положено любимой детской сказке. Нелл переложила закладку на другую страницу, закрыла книгу и поставила на подоконник.

Но тут же нахмурилась и наклонилась ближе. В корешке, там, где прежде лежала закладка, зияла щель.

Нелл снова открыла книгу, страницы снова раскрылись да «Глазах старухи». Она провела пальцем по внутренней стороне корешка...

Страниц не хватало. Немного, всего пять или шесть, почти незаметно, и все же не хватало.

Листы были аккуратно вырезаны под самый корешок. Быть может, перочинным ножом? Никаких рваных краев.

Нелл проверила номера страниц. После пятьдесят четвертой шла сразу шестьдесят первая.

Щель зияла как раз между двумя историями...

Элиза Мейкпис

ЗОЛОТОЕ ЯЙЦО

Давным-давно, когда искать означало найти, в крошечном домике на краю большого и богатого королевства жила юная девушка. Она была небогата, и ее домик был спрятан так далеко в темных лесах, что его редко кто видел. В незапамятные времена жили те, кто знал о маленьком домике с каменным очагом, но эти люди давно умерли, и неумолимое время набросило на домик пелену забвения. Девушка жила совсем одна, если не считать птиц, которые прилетали петь на ее подоконнике, и лесных зверей, которые приходили к ее очагу искать тепла. И все же она не была одинока или несчастлива, ведь девушка была слишком занята, чтобы томиться по тому, чего никогда не имела.

В самом сердце домика, за особой дверью с блестящим замком, хранился удивительно драгоценный предмет — Золотое яйцо, сверкавшее так ярко, так прекрасно, что все, кто видел его, мгновенно слепли. Золотое яйцо было таким древним, что никто толком не помнил, когда оно появилось, но бесчисленным поколениям рода, из которого вышла девушка, было поручено охранять это яйцо.

Девушка была не против такой ответственности, ведь она знала, что это ее судьба. Яйцо должно было храниться в безопасности, покое и тайне. Самое главное — чтобы никто не узнал о нем. Много лет назад, когда королевство было юным, из-за Золотого яйца развязывались великие войны, ведь, по легенде, оно обладало могучими волшебными силами и могло исполнить заветное желание своего владельца.

Итак, девушка несла свою службу. День за днем она сидела за маленькой прялкой у окна и весело подпевала птицам, которые слетались посмотреть, как она работает. Ночью хозяйка впускала своих друзей-животных, и они спали в тепле, ведь сияние Золотого яйца согревало домик изнутри. Девушка всегда помнила, что самое главное в жизни — защищать свое право, данное с рождения.

Между тем за горами, за лесами, в великолепном королевском замке жила юная принцесса, добрая и красивая, но очень несчастная. Она была больна, но, сколько бы ее мать-королева не обращалась к волшебству или медицине, ничто не могло излечить принцессу. Шептались, что, когда принцесса была совсем крошкой, злобный аптекарь проклял ее на вечное нездоровье, но никто не смел высказать подобное мнение вслух. Ведь королева была жестокой властительницей и подданные благоразумно опасались ее гнева.

Дочь была для королевы светом в окошке. Каждое утро королева приходила к ее постели, но, увы, каждое утро видела принцессу прежней: бледной, слабой и усталой.

— Я только об одном мечтаю, мама, — шептала она, — набраться сил, чтобы гулять в садах замка, танцевать на балах замка, плавать в прудах замка. Здоровье — мое заветное желание.

У королевы было волшебное зеркало, из которого она узнавала, что происходит в королевстве. День за днем она спрашивала его:

— Зеркало, зеркало, друг дорогой, покажи, как мне справиться с этой бедой!

Но каждый день зеркало давало один и тот же ответ:

— Во всем королевстве, увы, не сыскать, кто смог бы с постели принцессу поднять.

Однажды королева так сильно расстроилась из-за болезни дочери, что забыла задать зеркалу обычный вопрос. Вместо этого она принялась плакать и кричать:

— Зеркало, зеркало, поворожи, как желанье исполнить ее, покажи!

Зеркало молчало мгновение, затем в его блестящей середине начал возникать образ: маленький домик среди густого темного леса, струйка дыма из маленькой каменной трубы. В окне сидела юная девушка, пряла пряжу и подпевала птицам, прыгающим по подоконнику.

— Что ты мне показываешь? — удивилась королева. — Эта юная девушка — целительница?

Голос зеркала был тих и мрачен.

— В темных лесах на краю королевства стоит домик. В домике лежит Золотое яйцо, которое в силах исполнить заветное желание своего владельца. Девушка, которую ты видишь, — хранительница Золотого яйца.

— Как мне забрать у нее яйцо? — спросила королева.

— Она хранит его ради блага королевства, — сказала зеркало, — и уговорить ее будет нелегко.

— Так что же мне делать?

Но у волшебного зеркала закончились ответы, и образ домика поблек, осталось лишь стекло. Королева вздернула подбородок и покосилась на свой длинный нос. Она смотрела на него, пока чуть заметная улыбка не тронула ее губы.

На следующее утро, едва рассвело, королева призвала любимую служанку принцессы, девушку, которая всю жизнь прожила в королевстве. Королева знала, что на нее можно положиться, она сделает все, лишь бы принцесса была здорова и счастлива. Королева наказала служанке принести Золотое яйцо.

Служанка отправилась через все королевство в темные леса. Три дня и три ночи шла она на восток и в сумерках третьей ночи подошла к краю лесов. Она переступала через упавшие ветви и цеплялась за висящие лозы, пока наконец на поляне перед ней не открылся маленький домик, из трубы которого поднималась струйка сладкого дыма.

Служанка постучала в дверь и подождала. Дверь открыла молодая девушка. Хотя она не ожидала гостей, на лице ее играла добрая улыбка. Девушка шагнула в сторону и пригласила служанку войти.

— Ты устала, — сказала девушка. — Ты так много прошла. Заходи и погрейся у моего очага.

Служанка вошла за девушкой в дом и села на подушку у огня. Девушка принесла миску теплого супа. Она тихо сидела за прялкой, пока ее гостя ела. Огонь трещал в очаге, и тепло комнаты навевало на служанку сон. Ей так захотелось вздремнуть, что она забыла бы, зачем пришла, если бы девушка не спросила:

— Я очень рада тебя видеть, странница, но расскажи мне, что ты ищешь?

— Меня послала королева нашей страны, — сказала служанка. — Она просит тебя помочь исцелить ее больную дочь.

Лесные птицы иногда пели о том, что происходит в королевстве, поэтому девушка слышала о красивой и доброй принцессе, которая жила в стенах замка.

— Я сделаю все, что смогу, — сказала девушка, — хотя не понимаю, почему королева послала за мной, ведь мне не дано исцелять.

— Королева отправила меня принести то, что ты хранишь, — сказала служанка. — Предмет могущественный, способный исполнить заветное желание своего владельца.

Тогда девушка поняла, что служанка говорит о Золотом яйце, и печально покачала головой.

— Я бы сделала все, что угодно, лишь бы помочь принцессе, но только

не то, о чем ты просишь. Защищать Золотое яйцо — мое право, данное с рождения, на свете нет ничего более важного. Можешь остаться на ночь и укрыться от холодных и пустынных лесов, но завтра ты должна будешь вернуться в королевство и сказать королеве, что я не могу отдать Золотое яйцо.

На следующее утро служанка отправилась в замок. Она шла три дня и три ночи и наконец подошла к стенам замка, где ее ждала королева.

— Где Золотое яйцо? — спросила королева, глядя на пустые руки служанки.

— У меня ничего не вышло, — сказала служанка. — Увы, девушка не хочет расставаться со своим правом, данным с рождения.

Королева выпрямилась во весь рост, лицо ее покраснело.

— Ты должна вернуться, — она ткнула в служанку пальцем с длинным ногтем, — и сказать девушке, что ее долг — служить королевству. Если она ослушается, то превратится в камень и будет вечно стоять во дворе замка.

Служанка вновь отправилась на восток, шла три дня и три ночи, пока наконец снова не оказалась у двери тайного домика. Она постучала, и девушка радушно встретила ее, пригласила внутрь и принесла ей миску супа. Девушка пряха пряжу, пока служанка ужинала, потом спросила:

— Я очень рада тебя видеть, странница, но расскажи мне, что ты ищешь?

— Меня снова послала королева нашей страны, — сказала служанка. — Она просит тебя помочь исцелить ее больную дочь. Твой долг — служить королевству. Королева сказала, если ты ослушаешься, то превратишься в камень и будешь вечно стоять во дворе замка.

Девушка печально улыбнулась.

— Защищать Золотое яйцо — мое право, данное с рождения, — сказала она. — Я не могу отдать Золотое яйцо.

— Ты хочешь превратиться в камень?

— Не хочу, — ответила девушка, — и не превращусь. Потому что я служу своему королевству, охраняя Золотое яйцо.

Служанка не стала спорить, потому что видела, что слова девушки истинны. На следующий день служанка отправилась в замок. Когда она подошла к стенам замка, ее уже ждала королева.

— Где Золотое яйцо? — спросила королева, глядя на пустые руки служанки.

— У меня снова ничего не вышло, — сказала служанка. — Увы, девушка не хочет расставаться со своим правом, данным с рождения.

— Разве ты не сказала девушке, что ее долг — служить королевству?

— Сказала, ваше величество, — ответила служанка, — но она возразила, что служит королевству, охраняя Золотое яйцо.

Королева нахмурилась, и лицо ее посерело. Тучи сгустились на небе, и вороны королевства полетели искать укрытия.

Королева вспомнила слова зеркала — «она хранит его ради блага королевства», — и ее губы изогнулись в ухмылке.

— Ты должна вернуться туда, — сказала она служанке. — На этот раз ты скажешь девушке, что если она не отдаст Золотое яйцо, то будет в ответе за вечную скорбь принцессы, которая погрузит королевство в бесконечную зиму горя.

В третий раз служанка отправилась на восток. Она шла три дня и три ночи, пока наконец снова не оказалась у двери тайного домика. Служанка постучала, и девушка радушно встретила ее, пригласила внутрь и принесла ей миску супа. Девушка пряла пряжу, пока служанка ужинала, потом спросила:

— Я очень рада тебя видеть, странница, но расскажи мне, что ты ищешь?

— Меня снова послала королева нашей страны, — сказала служанка. — Она просит тебя помочь исцелить ее больную дочь. Твой долг — служить королевству. Королева говорит, что если ты не уступишь Золотое яйцо, то будешь в ответе за вечную скорбь принцессы и королевство погрузится в бесконечную зиму горя.

Девушка долго сидела недвижно и тихо. Затем она медленно кивнула.

— Чтобы спасти принцессу и спасти королевство, я отдам Золотое яйцо.

Служанка задрожала, когда темные леса умолкли и странный ветер пробрался под дверь, тревожа огонь в очаге.

— Но ведь самое главное в жизни — защищать свое право, данное с рождения, — сказала она. — Это твой долг перед королевством.

Девушка улыбнулась.

— Что толку служить долгу, если королевство погрузится в бесконечную зиму? Бесконечная зима заморозит земли — не будет ни птиц, ни зверей, ни урожая. Я служу королевству и потому уступаю Золотое яйцо.

Служанка печально посмотрела на девушку.

— Но ведь самое главное в жизни — защищать свое право, данное с рождения. Золотое яйцо — часть тебя, ты должна его защищать.

Но девушка уже сняла большой золотой ключ с шеи и вставила в замок особой двери. Она повернула ключ, половицы домика застонали, камни очага осели, потолочные балки вздохнули. Свет померк в домике, когда из

тайной комнаты брызнуло сияние. Девушка исчезла, затем появилась вновь, держа в руках укутанный предмет, столь драгоценный, что казалось, воздух вокруг него гудит.

Девушка вывела служанку из домика. Когда они дошли до края поляны, девушка протянула свое право, данное с рождения. Когда она повернулась обратно, то увидела, что ее домик потемнел. Свет исчез, больше не в силах проникнуть через полог дремучих лесов. Комнаты остыли, их больше не согревало изнутри сияние Золотого яйца.

Со временем звери перестали приходить, птицы улетели прочь, и девушка осознала, что из ее жизни исчезла цель. Она разучилась пряхсть, ее голос выцвел до шепота, ее руки и ноги стали негибкими, тяжелыми и неподвижными. Однажды днем она поняла, что слой пыли покрыл домик и ее собственное окоченевшее тело. Она перестала даже моргать, закрыла глаза и заскользила сквозь холод и безмолвие.

Через некоторое время принцесса и служанка скакали по краю темных лесов. Хотя когда-то принцесса сильно болела, она чудесным образом выздоровела и вышла замуж за красивого принца. Она жила полной и счастливой жизнью: гуляла, танцевала, пела и наслаждалась всем, что дает здоровье. У нее родилась прелестная девочка, которую все очень любили, кормили чистым медом и поили росой с розовых лепестков, а прелестные бабочки служили ей игрушками.

Однажды принцесса и служанка скакали по краю темных лесов. Принцесса испытала странное желание проникнуть в гущу деревьев. Она не обратила внимания на возражения служанки и направила лошадь через опушку в холодный, темный лес. В лесу царило безмолвие, ни птица, ни зверь, ни ветерок не нарушали покоя холодного воздуха. Слышен был лишь топот конских копыт.

В конце концов, они наткнулись на поляну, на которой стоял крошечный домик, заросший лозами.

— Какой прелестный милый домик! — воскликнула принцесса. — Интересно, кто в нем живет?

Служанка отвернулась и задрожала от странного холода поляны.

— Никто, моя принцесса. Уже никто. Королевство процветает, но в темных лесах нет жизни.

Глава 45

Клифф-коттедж, Корнуолл, 1913 год

Элиза понимала, что, когда уедет, будет скучать по этому берегу, по этому морю. Она узнает новые, другие берега и моря. Другие птицы и другие растения, волны, которые шепчут свои истории на незнакомых языках. Пора. Она ждала достаточно долго, но все зря. Что сделано, то сделано, и не важно, что она чувствует угрызения совести, которые терзают в темноте, не дают спать, и она ворочается и проклинаяет свою роль в обмане. Выбора нет, надо идти дальше.

Элиза спустилась на причал по узкой каменной лестнице. Один рыбак еще готовился к дневным трудам, грузил на лодку плетеные корзины и катушки лески. Элиза подошла ближе, увидела худые, мускулистые руки и ноги, загорелое лицо и узнала Уильяма, брата Мэри. Юный отпрыск поколений корнуоллских рыбаков выделялся из множества смельчаков и храбрецов, и слухи о его подвигах стелились по берегу, как морская трава.

Он когда-то дружил с Элизой, очаровывал ее безумными историями о жизни на море, но уже несколько лет относился к ней прохладно. С тех самых пор, как увидел то, чего не должен был видеть, бросил вызов Элизе и потребовал, чтобы она объяснила необъяснимое. Они очень давно не разговаривали, и Элиза скучала по Уильяму. Памятуя о скором отъезде из Тредженны, она решила покончить с прошлым, медленно выдохнула и подошла.

— Ты сегодня припозднился, Уилл.

Он поднял взгляд, поправил шапку. По его обветренным щекам разлился румянец, он сухо ответил:

— Зато вы рано.

— Хорошее начало дня.

Элиза уже была у лодки. Вода ласково плескалась о деревянный бок, воздух был густым от соли.

— Есть новости от Мэри?

— За последнюю неделю нет. Ей хорошо в Полперро и нравится быть женой мясника. Готовить колбасы и всякое такое.

Элиза улыбнулась. Она искренне обрадовалась, что у Мэри все хорошо. После всего, через что ей пришлось пройти, она это заслужила.

— Отличная новость, Уилл. Напишу ей сегодня письмо.

Уильям нахмурился и уставился на свои ботинки, пиная каменную стенку причала.

— В чем дело? — спросила Элиза. — Я что-то не то сказала?

Уильям отогнал пару жадных чаек, которые спикировали на приманку.

— Уилл?

Он покосился на Элизу.

— Да нет, мисс Элиза, просто... в смысле, я, конечно, рад вас видеть, просто, ну, немного удивлен.

— Чем же?

— Мы все ужасно расстроились, когда слышали новости. — Он вздернул острый подбородок и поскреб щетину. — Насчет мистера и миссис Уокер, насчет того, что они... нас оставили.

— Они едут в Нью-Йорк, верно. В следующем месяце.

Элизе рассказал Натаниэль. Он еще раз навестил ее в коттедже, снова приведя на буксире Айвори. День выдался дождливым, и ребенка пустили внутрь подождать. Слава богу, девочка поднялась в комнату Элизы. Когда Натаниэль поведал об их с Розой планах начать новую жизнь по ту сторону океана, Элиза разозлилась. Она чувствовала себя брошенной и использованной еще больше, чем прежде. При мысли о Розе и Натаниэле в Нью-Йорке коттедж внезапно показался самым ничтожным местом на свете, а жизнь Элизы — самой жалкой, какую только можно вести.

Вскоре после ухода Натаниэля Элиза вспомнила мамин совет — спасти себя самой — и решила, что настало время воплотить мечту в жизнь. Она купила билет на корабль, который должен ее увезти в собственное приключение, подальше от Чёренгорба и жизни, которую она вела в коттедже. Еще Элиза написала миссис Суинделл, сообщила, что возвращается в Лондон в будущем месяце, и спросила, нельзя ли ее навестить. Она не упомянула о маминой броши — бог даст, та окажется в глиняном горшочке внутри нерабочей трубы, — но собиралась ее забрать.

С маминым наследством она начнет новую жизнь, свою собственную.

Уильям прокашлялся.

— Что такое, Уилл? Ты словно привидение увидел.

— Нет-нет, мисс Элиза. Просто... — Его голубые глаза словно

пронзали ее насквозь. Крупное тяжелое солнце висело над горизонтом, и рыбаку приходилось щуриться. — Неужели вы не знаете?

Она беззаботно пожала плечами.

— Не знаю чего?

— О мистере и миссис Уокер... поезд из Шотландии.

Элиза кивнула.

— Они сейчас в Шотландии. Должны завтра вернуться.

Уильям мрачно поджал губы.

— Они и правда вернутся завтра, мисс Элиза, да только не так, как вы думаете. — Он вздохнул и покачал головой. — По всей деревне говорят, в газете написано. Подумать только, что вам никто не сказал. Я и сам не стал бы, если бы... — Он взял ее за руки. Этот неожиданный жест заставил ее сердце биться так быстро, как не заставило бы ни одно внезапное проявление близости. — Несчастный случай, мисс Элиза. Один поезд врезался в другой. Некоторые пассажиры... мистер и миссис Уокер... — Он выдохнул и посмотрел ей в глаза. — Боюсь, они оба погибли, мисс Элиза. В местечке под названием Эйсджилл.

Он продолжал, но Элиза не слушала. В ее голове разлился резкий алый цвет, все чувства, все звуки, все мысли исчезли. Она закрыла глаза, слепо падая в глубокую яму, которой не было конца.

Аделина едва могла дышать. Горе, густое, как смола, забило ее легкие. Новость сообщили по телефону во вторник поздней ночью. Лайнус заперся в темной комнате, поэтому Дэйзи пригласила к телефону леди. Голос полицейского в трубке, трескучий из-за миль воздуха, отделявших Корнуолл от Шотландии, нанес ей смертельный удар.

Аделина потеряла сознание, по крайней мере, ей так показалось, потому что в следующее мгновение она очнулась в своей постели с огромной тяжестью в груди. Через краткий миг замешательства она все вспомнила, и ужас вернулся к ней.

Хорошо, что надо устраивать похороны, выполнять формальности, сама Аделина могла бы не оправиться никогда. Ведь неважно, что из ее груди вырвали сердце, оставив лишь сухую и ненужную оболочку. От нее все равно ожидали определенных поступков. Как мать, пребывающая в горе, она не могла уклониться от выполнения своих обязанностей. Это ее долг перед Розой, ее любимой девочкой.

— Дэйзи. — Голос Аделины был хриплым. — Принеси мне бумагу для письма. Необходимо составить список.

Когда Дэйзи поспешила выполнить поручение, Аделина принялась

составлять список мысленно. Разумеется, надо пригласить Черчиллей, лорда и леди Хаксли, Асторов, Хьюзеров... Знакомым Натаниэля она сообщит позже. Господь знает, Аделина не в силах видеть подобное отребье на похоронах Розы.

Ребенка она тоже не пустит. Печальные мероприятия — не место для детей подобного склада. А ведь Айвори была бы на поезде с родителями, если бы простуда не уложила ее в постель. И что теперь Аделине делать с девочкой? Меньше всего ей нужно постоянное напоминание, что Розы больше нет.

Она посмотрела в окно и увидела бухту, ряд деревьев, море за ними. Уходящее вдаль, вдаль, вдаль...

Аделина не смотрела влево. Коттеджа не было видно, но достаточно было знать, что он там. От его ужасной близости у Аделины леденела кровь.

Одно не подлежит сомнению. Элизе она скажет только после похорон. Аделина просто не вынесет, что девчонка жива и здорова, а Роза мертва.

Через три дня, когда Аделина, Лайнус и слуги собрались на кладбище в дальнем конце поместья, Элиза в последний раз обошла коттедж. Чемодан она уже отправила в порт, так что нести было особо нечего. Только небольшую дорожную сумку с тетрадью и кое-какими пожитками. Поезд отправится из Тредженны в полдень. Дэвис предложил подбросить ее на станцию, ему как раз надо было забрать партию новых растений с лондонского поезда. Кроме Дэвиса, Элиза никому не сказала, что уезжает.

Элиза взглянула на маленькие карманные часы. Еще есть время в последний раз навестить тайный сад. Сад она оставила напоследок, специально ограничив время, которое сможет в нем провести. Элиза боялась, что если задержится в саду дольше, то так и не сможет его оставить.

Но она сможет. Она должна.

Элиза прошла по дорожке и направилась ко входу. Где когда-то стояла южная дверь, зияла открытая рана, дыра в земле, куча крупных блоков из песчаника ждала своего часа.

Все случилось неделей раньше. Она занималась прополкой, когда в ворота неожиданно вошли двое крепких рабочих. Сперва Элиза подумала, что они заблудились, но тут же поняла, что эта мысль абсурдна. На коттедж невозможно наткнуться случайно.

— Нас послала леди Мунтраше, — сказал тот, что повыше.

Элиза выпрямилась, вытерла руки о юбку. Она ничего не ответила,

ожидаая продолжения.

— Леди сказала, эта дверь требует, чтобы ее убрали.

— Неужели? — осведомилась Элиза. — А мне дверь об этом не говорила.

Тот, что пониже, хихикнул, а тот, что повыше, по-прежнему просто глуповато смотрел.

— И почему же дверь надо убрать? — спросила Элиза. — Ее заменят на другую?

— Мы должны заделать дыру, — объяснил тот, что повыше. — Леди Мунтраше говорит, связь с коттеджем больше не нужна. Надо вырыть яму и заложить новый фундамент.

Конечно. Элиза должна была предвидеть подобные меры, следствие ее поведения двухнедельной давности, похода через лабиринт. Четыре года назад, когда все произошло и решилось, правила были озвучены. Элизе запретили переступать границу тайного сада и заходить в лабиринт. Мэри смогла начать новую жизнь в Полперро. Элиза же в конце концов не устояла.

Тем лучше. Пришла пора оставить коттедж. Без доступа в сад она вряд ли смогла бы вынести жизнь в Чёренгорбе. Уж точно не теперь, без Розы.

Элиза перешагнула через строительный мусор, оставшийся от двери, обогнула яму и вошла в тайный сад. Густо пахло жасмином и яблоневым цветом. Лозы забрались на самый верх сада и переплелись, образовав зеленый полог.

Элиза знала, Дэвис будет присматривать за садом, и все же эта мысль не грела. У него и так полно хлопот, а на сад, если серьезно к нему относиться, нужно тратить немало времени и любви.

— Что с тобой станет? — тихо спросила Элиза.

Она взглянула на яблоню и почувствовала острую боль в груди, словно из нее вырвали кусочек сердца. Она вспомнила день, когда вместе с Розой посадила дерево. Как много у них было надежд, как много веры, что все будет хорошо! Элиза не в силах была даже думать, что Розы больше нет.

Что-то привлекло взгляд Элизы. Клочок ткани торчал из яблоневого листы. Она обронила носовой платок, когда в прошлый раз была здесь? Элиза опустилась на колени и приподняла листья.

Маленькая дочка Розы крепко спала под ними на мягкой траве.

Словно интуитивно почуяв вторжение, девочка пошевелилась, моргнула, открыла глаза и посмотрела на Элизу.

Айвори не подпрыгнула, не вздрогнула, не повела себя как дитя, застигнутое малознакомым взрослым врасплох. Девочка лишь широко

улыбнулась, зевнула и выползла из-под ветвей.

— Привет, — сказала она, вставая перед Элизой.

Элиза удивленно глядела на нее, радуясь, что девочке нет дела до удушливого диктата хороших манер.

— Что ты здесь делаешь?

— Читаю.

Элиза вздернула брови — девочке было всего четыре года.

— Ты умеешь читать?

Айвори замешкалась, затем кивнула.

— Покажи мне.

Девочка упала на четвереньки, метнулась под яблоневый полог и достала свой экземпляр волшебных сказок Элизы. Тот, который Элиза пронесла через лабиринт. Девочка открыла книгу и начала дословно пересказывать «Глаза старухи», убедительно водя пальчиком по тексту.

Элиза скрыла улыбку, когда заметила, что движение пальчика и голос не совпадают. Она вспомнила собственную детскую способность запоминать любимые истории.

— Почему ты здесь? — спросила Элиза.

Девочка перестала читать.

— Все остальные ушли. Я видела их через окно. Блестящие черные кареты ползли по дорожке, как цепочка деловитых муравьев. А я не хотела оставаться одна в доме. И потому пришла сюда. Мне здесь очень нравится, в вашем саду.

Ее взгляд опустился на землю. Она знала, что переступила черту дозволенного.

— Ты знаешь, кто я? — спросила Элиза.

— Сочинительница.

Элиза улыбнулась.

Девочка осмелела, склонила голову набок, так что длинная коса легла через плечо.

— Почему вы грустная?

— Потому что я прощаюсь.

— С чем?

— С моим садом. Со старой жизнью. — Она смотрела на Айвори, во взгляде девочки была сила, которую Элиза находила пленительной. — Я отправляюсь на поиски приключений. Ты любишь приключения?

Девочка кивнула.

— Я тоже скоро поеду на поиски приключений с мамой и папой. Мы поплывем в Нью-Йорк на огромном корабле, большее, чем у капитана

Ахава.

— В Нью-Йорк?

Элиза растерялась. Возможно ли, что девочка не знает о смерти родителей?

— Мы поплывем через море, бабушка и дедушка поедут с нами. А ужасная сломанная кукла не поедет.

Это ли был решающий миг? Тогда ли Элиза сожгла за собой мосты, когда встретила серьезный взгляд девочки, не знающей, что ее родители умерли. Девочки, которую ждала жизнь под опекой тети Аделины и дяди Лайнуса?

Позже, когда Элиза вспоминала тот миг, ей казалось, что она не принимала решения, что, скорее, все решили за нее. Неким странным алхимическим способом Элиза мгновенно уверилась, что девочку нельзя оставлять одну в Чёренгорбе.

Она подняла руку, посмотрела на собственную ладонь, которая тянулась к девочке, словно точно знала, что делать. Элиза сжала губы и прокашлялась.

— Я слышала о твоём приключении. Вообще-то меня послали за тобой. — Слова полились легко, как будто были элементом давно задуманного плана, как будто были правдой. — Часть дороги ты проедешь со мной.

Девочка моргнула.

— Все в порядке, — сказала Элиза. — Иди сюда. Возьми меня за руку. Мы отправимся особым секретным путем, которого не знает никто, кроме нас.

— А моя мама будет там, когда мы приедем?

— Да. — Элиза даже не вздрогнула. — Твоя мама будет там.

Девочка обдумала ее слова и одобрительно кивнула, опустив острый маленький подбородок с ямочкой посередине.

— Я возьму с собой книжку.

— Конечно. А теперь поспешим. Мы же не хотим опоздать.

Аделина чувствовала, как в голове все плывет. Тревогу подняли лишь в середине дня. Дэйзи — глупая девчонка — подошла к двери будуара Аделины, постучала, робко переминаясь с ноги на ногу, и уклончиво поинтересовалась, не видела ли госпожа мисс Айвори.

Внучка была известной любительницей побродить, так что сначала Аделина разозлилась. Вредная девчонка как специально подгадала. Очень на нее похоже. Именно сегодня, похоронив драгоценную Розу, предав

единственное дитя земле, она должна устраивать поиски. Аделина еле сдержалась, чтобы не начать кричать и браниться.

Слуги были собраны и посланы осматривать потайные уголки дома, но все тщетно. Когда прошел час бесплодных поисков, Аделина невольно задумалась, не отправилась ли Айвори погулять. Аделина и Роза предупреждали ребенка насчет бухты и других частей поместья, но Айвори не слушалась так легко, как когда-то Роза. Айвори была своенравна. Прискорбная черта, которой Роза потакала, не наказывая дочь. Но Аделина была не столь снисходительна. Когда девчонка найдется, она научит ее правильному поведению. Будет знать, как бесстыдно нарушать запреты!

— Прошу прощения, мадам.

Аделина мигом обернулась, только прошуршали складки юбки. Дэйзи наконец-то вернулась из похода в бухту.

— Ну? Где она? — спросила Аделина.

— Я не видела ее, мадам.

— Ты все проверила? Черную скалу, холмы?

— О нет, мадам. Я не подходила к черной скале.

— Почему?

— Она такая большая, и скользкая, и... — Глупое лицо девицы покраснело, как спелый персик. — Говорят, там бывают привидения. Это дурная скала.

У Аделины чесались руки, так хотелось отхлестать девчонку по щекам. Если бы она, как было велено, следила, в постели ребенок или нет! Несомненно, служанка где-то прохлаждалась, болтала на кухне с новым лакеем. Но не стоит наказывать Дэйзи. Пока не стоит. Не то все подумают, что Аделину в первую очередь волнует не внучка.

Она отвернулась, направилась к окну, шелестя юбками, посмотрела на темнеющую лужайку. Как тяжело! Обычно Аделина считала себя знатоком светского притворства, но роль встревоженной бабушки выбила ее из колеи. Хоть бы кто-нибудь нашел девчонку, живой или мертвой, раненой или здоровой, и принес домой. Тогда Аделина могла бы забыть весь эпизод и продолжить неутешно оплакивать Розу.

Но похоже, простого решения не предвидится. Сумерки должны опуститься не позже чем через час, а ребенка и след простыл. Поиски Аделины завершатся не раньше, чем будут использованы все возможности. Слуги наблюдают за ней, несомненно, ее реакции будут обсуждаться в людской, так что она должна продолжить погоню. Дэйзи оказалась практически бесполезной, да и другие слуги тоже. Ей нужен Дэвис. Где эта скотина в момент, когда в нем так нуждаются? Несомненно, в каком-нибудь

медвежьим углу поместья, прикалывает лозы к шпалерам.

— Где Дэвис? — спросила Аделина.

— У него выходной, мадам.

Ну разумеется. Слуги вечно путаются под ногами, но когда они нужны, их ни за что не найдешь.

— Наверное, он дома или заглянул в деревню, миледи. По-моему, он говорил, что собирается забрать какой-то груз с поезда.

Только один человек знает поместье не хуже Дэвиса.

— Тогда сходи за мисс Элизой, — приказала Аделина, и во рту у нее стало кисло от произнесенного имени. — Немедленно приведи ее ко мне.

Элиза взглянула на спящего ребенка: длинные ресницы на гладких щечках, пухлые розовые губки, маленькие кулачки на коленях. Как доверчивы дети, они могут спать даже в такой момент. Доверие, уязвимость... Элиза чуть не плакала.

Что она делает здесь, на поезде, увозящем ее и дочку Розы в Лондон? О чем она думала?

Ни о чем, она вообще ни о чем не думала, поэтому так и поступила. Ведь думать — все равно что макать вымазанную в краске кисть сомнения в прозрачную воду уверенности. Она знала, что ребенка нельзя оставлять в Чёренгорбе в руках дяди Лайнуса и тети Аделины, и потому действовала. Элиза не смогла спасти Сэмми, но больше этого не повторится.

Другой вопрос, что делать с Айвори, ведь Элиза, несомненно, не может оставить ее у себя. Девочка заслуживает большего. Ей нужны мама и папа, братья и сестры, счастливый дом, полный любви, который подарит ей драгоценные воспоминания на всю жизнь.

И все же Элиза не видела другого выхода. Ребенка надо держать подальше от Корнуолла, иначе слишком велик риск, что ее обнаружат и отвезут обратно в Чёренгорб.

Нет, если Элиза не придумает чего-то более стоящего, девочка последует за ней. По крайней мере пока. Осталось пять дней до отправления корабля в Австралию, в Мэриборо, где живет брат Мэри и ее тетя Элеонора. Мэри дала адрес, и когда Элиза доберется туда, она непременно свяжется с семьей Мартинов. Конечно же, она напишет Мэри и расскажет, что произошло.

У Элизы уже был билет, купленный на выдуманное имя. Глупое суеверие. Заказывая билет, она внезапно почувствовала, что разрыв с прошлым, новая жизнь требуют нового имени. Элиза не хотела оставлять следы в билетной кассе, прокладывая тропку между тем миром и этим. И

потому воспользовалась псевдонимом. Верное решение, как оказалось.

Ведь их станут искать. Элиза слишком многое знает о происхождении ребенка Розы, чтобы тетя Аделина позволила ей так легко ускользнуть. Надо прятаться. Она найдет гостиницу рядом с портом, снимет где-нибудь комнату для бедной вдовы с ребенком, которые собираются за океан, чтобы воссоединиться со своей семьей. Элиза задумалась: возможно ли купить детский билет за такое короткое время? Или придется искать способ, чтобы провести ребенка на борт, не привлекая внимания?

Девочка станет спрашивать об отце и матери. Элиза когда-нибудь расскажет ей правду, хоть и непонятно, какими словами. Элиза заметила, что сказка, которая могла бы помочь, исчезла из сборника. Кто-то вырезал ее. Элиза подозревала, что Натаниэль. И Роза, и тетя Аделина уничтожили бы книгу целиком. Только Натаниэль вырезал бы единственную историю, в которой подразумевались его собственные действия, но сохранил бы остальные.

Встречу с Суинделлами она отложила напоследок. Хотя Элиза и не видела, чем они могут ей угрожать, но знала, что доверять им опасно. Если Суинделлов поманит призрак выгоды, они его не упустят. Какое-то время Элиза размышляла, не отказаться ли от визита, не перевешивает ли риск награду, и все же решила попробовать. Камни из броши нужны ей, чтобы преуспеть за океаном, а плетеная часть и вовсе бесценна. Это ее семья, ее прошлое, ее связь с собой.

Элиза взглянула на крошечное дитя, дремлющее в уголке вагона. Такое уязвимое! Она протянула ладонь, погладила девочку по щеке и отдернула руку, когда та вздрогнула, сморщила носик и поудобнее устроила головку в углу.

Нелепо, но Элиза замечала черты Розы в ребенке, в Айвори, черты маленькой Розы, с которой Элиза когда-то познакомилась...

Пока Аделина ждала возвращения Дэйзи, время тянулось медленно и тяжело, подобно надоедливому ребенку, что без конца тянет за юбку. Это Элиза виновна в смерти Розы. Ее визит способствовал скорому отъезду Розы и Натаниэля в Нью-Йорк, и потому шотландскую поездку перенесли на более ранний срок. Если бы Элиза осталась на своей стороне поместья, как обещала, Роза никогда не оказалась бы в том поезде.

Дверь открылась, и Аделина затаила дыхание. Служанка наконец-то вернулась, с листьями в волосах, грязью на юбке и все же одна.

— Где она? — спросила Аделина.

Элиза уже ищет девочку? Дэйзи впервые в жизни воспользовалась

головой по назначению и послала Элизу прямо в бухту?

— Я не знаю, мадам.

— Ты не знаешь?

— Когда я пришла в коттедж, он был заперт. Я заглянула во все окна, но никого не увидела.

— Так подождала бы. Возможно, она в деревне и скоро вернется.

Служанка нахально покачала головой.

— Это вряд ли, мадам. Камин был вычищен, а полки пусты. — Дэйзи моргала коровьими глазами. — Наверное, она тоже пропала, мадам.

В этот миг Аделина все поняла. Догадка быстро раскалилась до ярости, а ярость опалила кожу изнутри, наполнив голову резкими алыми вспышками боли.

— Вам нездоровится, миледи? Может, вам присесть?

Нет, Аделине не надо садиться. Совсем наоборот. Она должна сама посмотреть. Удостовериться в неблагодарности девчонки.

— Проведи меня через лабиринт, Дэйзи.

— Я не знаю дороги, мадам. Никто не знает. Никто, кроме Дэвиса. Я шла окружным путем, по дороге, что ведет к утесу.

— Тогда позови Ньютона, пусть запрягает.

— Но скоро стемнеет, мадам.

Аделина сузила глаза, подняла плечи и четко проговорила:

— Немедленно позови Ньютона и принеси мне фонарь.

Коттедж был опрятным, но не пустым. В буфете по-прежнему красовались кулинарные принадлежности, но стол был вытерт начисто. Крючок для одежды у двери был пуст. Аделину окатила волна слабости, ее легкие сжались. Все из-за витающего духа девчонки, густого и тягостного. Она взяла фонарь и пошла по узкой лестнице. Наверху были две комнаты. Одна большая, но чистая, обставленная по-спартански, с кроватью с чердака и туго натянутым старым лоскутным одеялом. В другой стояли стол, стул и целая полка с книгами. Предметы на столе были уложены стопками. Аделина прижала пальцы к деревянной столешнице и чуть наклонилась, чтобы выглянуть наружу.

Последние краски дня разлились по поверхности моря, далекая вода, золотая и пурпурная, вздымалась и опадала.

Розы больше нет.

Молниеносная мысль с острыми краями.

Здесь, в одиночестве, оставшись наконец без свидетелей, Аделина на миг перестала притворяться. Она закрыла глаза ее напряженные плечи

поникли.

Она хотела скорчиться на полу, прижаться щекой к гладким прохладным деревянным половицам и никогда больше не вставать. Проспать сотню лет. Чтобы никто не искал в ней совершенства. Чтобы можно было дышать...

— Леди Мунтраше? — Голос Ньютона взвился по лестнице. — Темнеет, миледи. Лошадям будет трудно спуститься, если мы сейчас же не уедем.

Аделина резко вздохнула и снова расправила плечи.

— Минуту.

Она открыла глаза и прижала ладонь ко лбу. Розы больше нет. Аделина никогда не станет прежней. Но возникла новая опасность. Хотя в глубине души Аделина мечтала никогда больше не видеть Элизу и ребенка, все было не так просто. Несомненно, Элиза и Айвори пропали вместе, и теперь люди могут узнать правду. Элиза может рассказать, что они сделали. А этого нельзя допустить. Ради Розы, ради ее памяти, ради доброго имени семьи Мунтраше, Элизу необходимо найти, вернуть и заставить молчать.

Взгляд Аделины снова скользнул по столу и задержался на листке бумаги, который торчал из-под стопки книг. Она не сразу поняла, где слышала написанное на бумаге слово. Аделина выдернула листок. Что-то вроде списка, составленного Элизой: что надо сделать перед отъездом. Внизу списка красовалось слово «Суинделл». «Имя», — подумала Аделина, хотя и не знала, откуда ей это известно.

Ее сердце забилося сильнее. Она сложила листок и сунула в карман. Аделина чувствовала, что нашла связь, хотя не понимала какую. Девчонке не удастся ускользнуть. Ее разыщут, а ребенка, дочь Розы, вернут на законное место.

Аделина знала, чьей помощью она должна заручиться.

Глава 46

Полперро, Корнуолл, 2005 год

Маленький белый домик Клары, стоящий невдалеке от паба «Пират», цеплялся за край отвесной скалы.

— Уступить тебе честь? — спросил Кристиан, когда они подошли к входной двери.

Кассандра кивнула, но стучать не стала. Внезапно ее окатила волна нервного возбуждения. Давно потерянная сестра ее бабушки ждала по ту сторону. Всего через несколько мгновений загадка, которая терзала Нелл большую часть жизни, будет решена. Кассандра посмотрела на Кристиана и вновь подумала, как помогает его присутствие рядом.

Утром, после отъезда Руби в Лондон, Кассандра ждала Кристиана на крыльце отеля, сжимая книгу волшебных сказок Элизы. Он принес свой экземпляр, и они обнаружили, что в варианте Кассандры действительно не хватает историй. Брешь в корешке была такой узкой, а срез таким аккуратным, что Кассандра прежде их не замечала. Даже недостающие номера страниц не привлекли ее внимания. Они были такими затейливыми и замысловатыми, что понадобилась бы степень по каллиграфии, чтобы разглядеть разницу между пятьюдесятью семью и шестьюдесятью одним.

По дороге в Полперро Кассандра прочла «Золотое яйцо» вслух. Чем дальше она читала, тем больше убеждалась, что Кристиан прав, эта история — аллегория приобретения Розой дочери, а потому еще больше уверилась в том, что именно об этом хочет рассказать Клара.

Бедная Мэри была вынуждена отдать своего первенца и хранить это в секрете. Неудивительно, что на смертном одре она открылась дочери. Память об утраченном ребенке преследует мать всю жизнь.

Лео было бы уже почти двенадцать.

— Все в порядке? — Кристиан наблюдал за ней, с тревогой сузив глаза.

— Да, — ответила Кассандра, отогнав воспоминания. — Все хорошо. Когда она улыбнулась ему, ей показалось, что она почти не солгала.

Она подняла руку и уже собиралась постучать в дверной молоток, как дверь распахнулась. В низком и узком проеме стояла полная пожилая женщина. Ее фартук был завязан посередине, и оттого казалось, что тело состоит из двух шаров теста.

— Я увидела, что вы тут стоите, — усмехнулась она, указав на них согнутым пальцем, — и сказала себе: «Должно быть, это мои молодые гости». Ну-ка заходите, я приготовлю вам по чашечке чудесного горячего чая.

Кристиан уселся рядом с Кассандрой на диване в цветочек, для чего пришлось переложить лоскутные подушки, освобождая место. Он выглядел таким безнадежно огромным среди изящных безделушек, что Кассандра еле сдержала улыбку.

Желтый чайник, укутанный вязаным чехлом в форме курицы, занимал почетное место на морском сундучке в гостиной. Кассандра подумала, что чехол удивительно похож на Клару: бдительные глазки, пухлое тело, резко очерченный ротик.

Клара принесла третью чашку и налила всем листового чая.

— Моя личная особая смесь, — сообщила она. — Три части «Завтрака», одна часть «Эрл Грея». — Она взглянула поверх очков со стеклами в форме полумесяцев. — «Английский завтрак», как я ее называю. — Добавив молоко, она упала в кресло, стоящее у огня. — Пора дать отдохнуть моим бедным старым ногам. За весь день ни разу не присела, занималась палатками для фестиваля в гавани.

— Спасибо, что пригласили, — сказала Кассандра. — Это мой друг Кристиан.

Кристиан потянулся через морской сундучок, пожал Кларе руку, и старушка покраснела.

— Весьма рада вас видеть. — Она отпила чая, затем кивнула Кассандре. — Дама из музея, Руби, рассказала мне о вашей бабушке, которая не знала своих родителей.

— Нелл, — сказала Кассандра. — Ее звали Нелл. Мой прадед, Хеймиш, нашел ее маленькой девочкой, когда она сидела на белом чемоданчике в порту Мэриборо. Он был начальником порта, и корабль...

— Мэриборо, говорите?

Кассандра кивнула.

— Да нет, простое совпадение. Мои родные живут в месте под

названием Мэриборо. В Квинсленде.

— В Квинсленде? — Кассандра наклонилась вперед. — Кто именно?

— Мамин брат переехал в Мэриборо, когда был совсем молодым. Вырастил детей, моих кузенов. — Она заулыбалась. — Мама часто повторяла, что они перебрались туда из-за названия.

Кассандра взглянула на Кристиана. Не потому ли Элиза посадила Нелл на тот корабль? Она собиралась вернуть ее семье Мэри, настоящей семье Нелл? Предпочла далеких родственников, лишь бы не возвращать ребенка в Полперро, где местные могли узнать в девочке Айвори Мунтраше? Кассандра подозревала, что Клара знает ответ и надо только подтолкнуть ее в правильном направлении.

— Ваша мама, Мэри, работала в Чёренгорб-мэнор, верно?

Клара сделала глоток чая.

— Работала, пока ее в тысяча девятьсот девятом не уволили. Поступила на службу совсем девочкой. Ее выгнали за то, что она была в положении. — Клара понизила голос до шепота. — Она была не замужем, видите ли, а тогда это не было принято. Но она была неплохой, моя мама. Она была прямой, как стрела. В конце концов они с папой поженились, все как положено. Они и раньше бы поженились, да папа слег с пневмонией. Еще немного — и не дожил бы до собственной свадьбы. Тогда-то они и переехали в Полперро, у них завелось немного денег, и они купили мясную лавку.

Клара взяла небольшую квадратную книжку с чайного подноса. Обложка книги была украшена упаковочной бумагой, лентами и пуговицами. Когда Клара открыла ее, Кассандра поняла, что это фотоальбом. Клара открыла страницу, отмеченную ленточкой, и протянула альбом через сундучок.

— Вот моя мама.

Кассандра взглянула на молодую женщину с пышными кудрями и еще более пышными формами, стараясь различить в ее чертах Нелл. Возможно, что-то общее и было в изгибе рта, улыбке, которая возникала на губах в самый неожиданный момент. И все же чем дольше Кассандра смотрела, тем больше находила общего в линиях носа и глаз с тетей Фили! Такова природа фотографий. Кассандра протянула альбом Кристиану и улыбнулась Кларе.

— Похоже, она была очень хорошенькой?

— О да. — Клара флиртливо подмигнула. — Моя мама была настоящая красotka. Слишком хорошенькая, чтобы прислуживать, ей повезло, что мужчины поместья не гонялись за ней.

— Не знаете, ей нравилось в Чёренгорбе? Возможно, она не хотела его покидать?

— Она рада была оставить дом, но скучала по хозяйке.

Что-то новенькое.

— Они с Розой были близки?

Клара покачала головой.

— Ни о какой Розе я не знаю. Она все время говорила об Элизе. Мисс Элиза то, мисс Элиза это.

— Но Элиза не была хозяйкой Чёренгорб-мэнор.

— Официально — нет, но она всегда была маминой любимицей. Мама часто говорила, что мисс Элиза была единственной искоркой жизни в мертвом месте.

— Почему она считала усадьбу мертвым местом?

— Потому что в ней жили, почитай, одни мертвецы. Так говорила мама. Все мрачные по той или иной причине. Все хотели того, чего не должны были или не могли получить.

Кассандра представила этот взгляд на жизнь, свойственный обитателям Чёренгорб-мэнор. Благодаря альбомам Розы у нее создалось совсем другое впечатление, хотя, возможно, иные голоса заглушали одинокий голос девушки, которую волновали лишь новые платья да забавы кухни Элизы. Такова природа истории: воображаемая, неполная, непостижимая. Историю творят победители.

— Настоящие хозяева, лорд и леди, по маминым словам, были один хуже другого. Но в конце концов свое получили, верно?

Кассандра нахмурилась.

— Кто получил?

— Он и она. Лорд и леди Мунтраше. Она умерла через месяц или два после дочери от заражения крови, вот как. — Клара покачала головой и заговорщически понизила голос, звучащий почти злорадно. — Очень неприятно умерла. Мама слышала от слуг, что в последние дни она превратилась в настоящее пугало. Лицо все исказилось, так что казалось, будто она усмехается, точно призрак. Леди сбегала со смертного одра, бродила по коридорам с огромной связкой ключей, запирала двери и бредила некой тайной, которую никто не должен знать. Под конец совсем слетела с катушек. Да и он ушел немногим лучше.

— Лорд Мунтраше тоже умер от заражения крови?

— Нет-нет. Он растратил все деньги, путешествуя по дальним странам. — Клара понизила голос. — По всяким вуду-местам. Говорят, он привозил из них сувениры, от которых волосы вставали дыбом. Совсем

свихнулся, во всех отношениях. Прислуга ушла, остались только судомойка и садовник, который провел в поместье всю жизнь. Если верить маме, когда старый лорд наконец умер, его нашли только через несколько дней. — Клара улыбнулась, ее глаза превратились в щелочки. — Но Элиза сбежала, вот что самое главное. Отправилась за море. Так говорила мама и всегда очень этому радовалась.

— Но не в Австралию, — произнесла Кассандра.

— По правде говоря, я не знаю куда, — ответила Клара. — Знаю только то, что мама сказала: Элиза вовремя сбежала из кошмарного дома. Уехала, как и собиралась, и не вернулась. — Она подняла палец вверх. — Вот откуда взялись те эскизы, которые приглянулись даме из музея. Они принадлежали Элизе и хранились в ее вещах.

Кассандра хотела спросить, взяла ли их Мэри в вещах Элизы, но вовремя одернула себя. Предположить, что любимая покойная матушка этой женщины украла дорогие произведения искусства у своей хозяйки...

— В каких вещах?

— В коробках, которые купила мама.

Теперь Кассандра и впрямь запуталась.

— Она купила у Элизы коробки?

— Не у Элизы. Коробки, принадлежащие Элизе. После того, как та уехала.

— У кого она их купила?

— Была большая распродажа. Я и сама помню. Мама взяла меня туда, когда я была девочкой, — шел тысяча девятьсот тридцать четвертый, мне было четырнадцать лет. Когда лорд Мунтраше умер, дальний родственник из Шотландии решил продать поместье. Наверное, хотел выручить немного денег во времена депрессии. Как бы то ни было, мама прочла об этом в газете и увидела, что будут продавать и кое-что по мелочи. Думаю, маме хотелось приобрести небольшой кусочек того места, где с ней обошлись так дурно. Она взяла меня с собой, сказала, что мне пойдет на пользу увидеть дом, в котором она начинала работать. Она думала, я обрадуюсь, что никому не прислуживаю, и стану как следует стараться в школе, чтобы иметь больше, чем имела мать. Не могу сказать, чтобы это сработало, но я определенно была шокирована. Я никогда еще не видела ничего подобного. Я и не представляла, что некоторые так живут. В наших краях было мало столь роскошных вещей. — Она кивнула, подтверждая свои слова, затем умолкла, глядя в потолок. — На чем я остановилась?

— Вы рассказывали нам о коробках, — напомнил Кристиан. — Тех, которые ваша мама купила в Чёренгорбе.

Клара подняла дрожащий палец.

— Именно, коробки из поместья рядом с Тредженной. Видели бы вы мамино лицо, когда она их обнаружила! Они лежали на столе вместе с прочим барахлом — лампами, пресс-папье, книгами и так далее. По мне, так ничего особенного, но мама сразу поняла, что они принадлежали Элизе. Она взяла меня за руку, по-моему, впервые в жизни, ей словно не хватало воздуха. Я серьезно забеспокоилась, подумала, что надо отвести ее и усадить в кресло, но она и слушать не стала. Вцепилась в эти коробки. Словно боялась отойти, чтобы никто другой не купил их. По мне, так можно было не бояться. Как я уже сказала, выглядели они не очень. Да только красота в глазах смотрящего, верно?

— И эскизы Натаниэля Уокера были в коробке? — спросила Кассандра. — Вместе с вещами Элизы?

Клара кивнула.

— Странно, теперь я припоминаю. Мама очень обрадовалась, что купила их, но, когда мы пришли домой, заставила отца отнести коробки наверх, на чердак, и с тех пор я больше их не видела. Хотя мне не было до них дела. Мне было четырнадцать. Наверное, положила глаз на какого-нибудь местного парня и думать забыла о старых коробках, которые купила мама. Когда мы обе переехали сюда, я заметила, что она взяла коробки с собой. Забавно, значит, они много значили для мамы, ведь она почти ничего не взяла. И лишь когда мы оказались здесь, мама наконец рассказала, что это за коробки, почему они так важны.

Кассандра вспомнила рассказ Руби о комнате наверху, по-прежнему полной личных вещей Мэри. Какие еще бесценные ключи к разгадке хранятся там, погребенные в коробках, никому не видимые? Она сглотнула.

— Вы когда-нибудь заглядывали внутрь?

Клара отпила чая, несомненно уже остывшего, и потерла ручку чашки.

— Признаюсь, да.

Сердце Кассандры забилося быстрее, она подалась вперед.

— И?

— В основном книги, лампа, как я и сказала.

Клара умолкла, густой румянец окрасил ее щеки.

— Что-нибудь еще? — осторожно спросила Кассандра.

Клара поковыряла носком туфли ковер, внимательно следя за процессом, затем подняла глаза.

— Еще я нашла там письмо, на самом верху. Оно было адресовано маме и написано лондонским издателем. Я в жизни так не удивлялась. Никогда не думала, что мама — писательница. — Клара хихикнула. — Она

ею не была, конечно.

— И о чем было письмо? — спросил Кристиан. — Почему издатель написал вашей маме?

Клара моргнула.

— Ну, теперь мне кажется, что мама послала ему одну из историй Элизы. Насколько я поняла из письма, она нашла ее в коробке среди вещей Элизы и решила, что история заслуживает публикации. Выходит, Элиза написала ее перед самым отъездом. Замечательная сказка, полная надежды, со счастливым концом.

Кассандра подумала о ксерокопии статьи, найденной в тетради Нелл.

— «Полет кукушки», — сказала она.

— Да, именно. — Клара обрадовалась, словно сама написала эту сказку. — Так вы ее читали?

— Я читала о ней, но саму историю не видела. Она была издана через много лет после остальных.

— Так и есть. В тысяча девятьсот тридцать шестом, если верить письму. Мама, наверное, была довольна собой, получив это письмо. Думала, что делает Элизе добро. Она скучала по ней после отъезда, спору нет.

Кассандра кивнула. Разгадка тайны Нелл была близка, как никогда.

— Между ними существовала связь, верно?

— О да.

— Как, по-вашему, что их так связывало?

Кассандра сжала губы, обуздывая нетерпение.

Клара сплела узловатые пальцы на коленях и понизила голос.

— Они обе принимали участие в деле, о котором больше никто не знал.

Что-то внутри Кассандры оборвалось.

— В каком именно? — еле слышно спросила она. — Что мама рассказала вам?

— Это было в последние мамины дни. Она все время повторяла, что произошло нечто ужасное и те, кто совершил это, думали, будто вышли сухими из воды. Она повторяла это снова и снова.

Сердце Кассандры быстро колотилось.

— Что, по-вашему, она имела в виду?

— Сперва я вообще не обращала внимания. Перед смертью мама часто говорила странные вещи. Например, оскорбляла наших любимых старинных друзей. По правде говоря, она перестала быть собой. Но мама твердила одно: «Все есть в истории, — повторяла она. — Они забрали яйцо

у девочки, ограбили ее». Не знаю, о чем она говорила, какую историю имела в виду. Да и не важно, ведь в конце концов она сказала мне прямо. — Клара задержала дыхание и печально покачала головой, глядя на Кассандру. — Роза Мунтраше не была матерью той маленькой девочки, вашей бабушки.

Кассандра с облегчением выдохнула. Наконец-то правда!

— Я знаю. — Она взяла Клару за руки. — Нелл была ребенком Мэри, тем малышом, из-за которого ее уволили.

Лицо Клары приняло странное выражение. Она переводила взгляд с Кристиана на Кассандру, уголки ее глаз дергались. Она растерянно моргнула, затем рассмеялась.

— Что? — тревожно спросила Кассандра. — Что тут смешного? С вами все в порядке?

— Мама была беременна, верно, но ребенок так и не родился. Тогда не родился. Она потеряла его на тринадцатой неделе.

— Что?

— Именно это я и пытаюсь вам сказать. Вашу бабушку родила не моя мама, ее родила Элиза.

— Элиза была беременна.

Кассандра размотала шарф и положила его поверх сумки, стоящей на полу в машине.

— Элиза была беременна.

Кристиан барабанил пальцами в перчатках по рулевому колесу.

Когда они выехали из Полперро, отопление в машине было включено, радиатор гудел и постукивал. Пока они навещали Клару, опустился туман, и всю дорогу тусклые лодочные огоньки вдоль берега подпрыгивали на призрачных волнах.

Кассандра безучастно смотрела вперед, ее мысли были так же туманны, как мир за ветровым стеклом.

— Элиза была беременна. Она была матерью Нелл. Вот почему Элиза забрала ее.

Возможно, если много раз повторить мысль, в ней забрезжит хоть какой-то смысл.

— Похоже на то.

Кассандра склонила голову набок и погладила шею.

— Но я не понимаю. Раньше в этом был резон, когда мы думали о Мэри. Но Элиза... Не понимаю, как ребенок оказался у Розы. Почему Элиза отдала дочь? И как вышло, что никто ничего не узнал?

— Кроме Мэри.

— Кроме Мэри.

— Наверное, все сохранили в тайне.

— Семья Элизы?

Кристиан кивнул.

— Элиза была не замужем, молода, под опекой и забеременела. Люди осудили бы семью Мунтраше.

— А кто отец?

Кристиан пожал плечами.

— Какой-нибудь местный парень. У нее был приятель?

— Не знаю. Она дружила с братом Мэри, Уильямом, так написано в тетради Нелл. Они были близки, пока из-за чего-то не поссорились. Возможно, он?

— Кто знает. Думаю, это не важно. — Кристиан взглянул на Кассандру. — В смысле, важно для Нелл и для тебя, в целом же существенно лишь то, что Элиза была беременна, а Роза — нет.

— И Элизу убедили отдать ребенка Розе.

— Так всем было проще.

— Это спорно.

— Я имею в виду, в социальном смысле. А потом Роза умерла...

— И Элиза забрала ребенка обратно. Разумно. — Кассандра смотрела, как туман разливается по длинным прядям травы на обочине. — Но почему она вместе с Нелл не села на корабль, идущий в Австралию? Как могла женщина забрать своего ребенка и послать его одного в долгое и опасное путешествие в чужую страну? — Кассандра тяжело вздохнула. — Чем ближе мы к истине, тем запутаннее становится паутина.

— Возможно, она собиралась отплыть вместе с ней. Но что-то помешало, она могла заболеть. Клара не сомневалась, что Элиза уехала.

— Но Нелл помнила, что Элиза посадила ее на корабль, велела ждать, ушла и не вернулась. Единственное, в чем бабушка была уверена. — Кассандра покусала ноготь. — Черт, до чего обидно. Я думала, мы сегодня получим ответы, а не очередные вопросы.

— Ясно одно: «Золотое яйцо» не о Мэри. Элиза написала его о себе. Это она была девушкой из домика.

— Бедная Элиза, — вздохнула Кассандра. За окнами плыл тусклый мир сумерек. — Жизнь девушки после того, как она уступила яйцо, стала такой...

— Безрадостной.

— Да. — Кассандра поежилась. Она знала все об утратах, которые

лишают человека цели в жизни, делают его бледным, невесомым, пустым. — Неудивительно, что она забрала Нелл, как только получила такую возможность.

Кассандра все на свете отдала бы за второй шанс!

— И мы снова там, откуда пришли: если Элиза вернула себе дочь, почему она не отплыла вместе с ней на корабле?

Кассандра покачала головой.

— Не знаю. Бессмыслица какая-то.

Они проехали мимо дорожного указателя «Добро пожаловать в Тредженну», и Кристиан свернул с главной дороги.

— Знаешь, что я думаю?

— Что? — спросила Кассандра.

— Мы вместе пообедаем в пабе и еще поговорим. Может, получится понять, в чем тут дело. Не сомневаюсь, пиво нам поможет.

Кассандра улыбнулась.

— Да, обычно пиво помогает мне быстрее шевелить мозгами. Хорошо, только заедем в отель, чтобы я взяла куртку.

Кристиан свернул через лес на широкую дорогу и выехал к входу в отель «Чёренгорб». Лежал туман, в канавках подъездной дорожки скопилась влага, так что приходилось вести осторожно.

— Я на секундочку.

Кассандра захлопнула за собой дверь и взбежала по лестнице в фойе.

— Привет, Сэм, — махнула она девушке за стойкой.

— Привет, Касс. К тебе гости.

Кассандра встала как вкопанная.

— Робин Джеймсон уже с полчаса ждет в холле.

Кассандра обернулась — Кристиан старательно настраивал магнитола. Вполне может минутку подождать. Кассандра не представляла, что Робин может ей сказать, но сомневалась, что это отнимет много времени.

— О, привет, — воскликнула Робин, когда заметила Кассандру. — Одна маленькая птичка мне напела, что вы все утро болтали с моей троюродной сестрой Кларой.

Таланты деревенских сплетниц поистине впечатляют.

— Это правда.

— Надеюсь, хорошо провели время?

— Неплохо, спасибо. Вы не слишком долго ждали?

— Нет-нет. Я кое-что принесла. Наверное, можно было оставить его на стойке, но я подумала, что нужно кое-что объяснить.

Кассандра подняла брови. Робин продолжила:

— В выходные я поехала навестить папу, он живет в доме престарелых. Он любит, когда ему рассказывают, что происходит в нашем старом городке, — знаешь, он когда-то был почтальоном, — и я упомянула о вашем приезде. Я сказала, что вы ремонтируете коттедж на вершине утеса, который вам оставила бабушка. Лицо у отца стало престранным. Может, он и стар, но ум у него острый, как бритва, совсем как был у деда. Он взял меня за руку и сказал, что надо отдать вам письмо.

— Мне?

— Вообще-то вашей бабушке, но учитывая, что ее больше нет, то вам.

— Какое письмо?

— Когда ваша бабушка уезжала из Тредженны, она зашла к папе. Она сказала, что вернется и поселится в Клифф-коттедже. Он пообещал собирать для нее почту, так как ваша бабушка очень просила. Так что когда пришло письмо, он отложил его. Каждые несколько месяцев он относил письмо на холм, но в старом коттедже никогда никого не было. Росли колючки, оседала пыль, и место выглядело все более и более необитаемым. В конце концов отец перестал заходить, его беспокоили колени, и он решил, что ваша бабушка сама зайдет к нему, когда вернется. По правилам письмо надо было отослать отправителю, но ваша бабушка была очень настойчива, так что он убрал его и сохранил. Отец сказал, что надо спуститься в погреб, где лежат старые вещи, и достать коробку потерянных писем. Среди них я и нашла письмо, адресованное Нелл Эндрюс, Тредженна-инн, полученное в ноябре тысяча девятьсот семьдесят пятого. Отец был прав. Письмо ждало своего часа.

Робин залезла в сумочку, достала небольшой серый конверт и передала его Кассандре. Бумага была дешевой, тонкой почти до прозрачности. Адрес был надписан старомодным почерком, довольно неразборчивым. Указана была Лондонская гостиница, затем письмо переслали в Тредженна-инн. Кассандра перевернула конверт.

С обратной стороны тем же почерком было написано: «Отправитель: мисс Хэрриет Суинделл, Лондон, Баттерси, Баттерси-Бридж-роуд, тридцать семь».

Кассандра вспомнила записи в тетради Нелл. Хэрриет Суинделл — та женщина, которую бабушка навещала в Лондоне. Старуха, которая родилась и выросла в одном доме с Элизой. Зачем она написала Нелл?

Дрожащими пальцами Кассандра распечатала конверт. Тонкая бумага легко рвалась. Она развернула письмо и начала читать.

3 ноября 1975 года

Уважаемая миссис Эндрюс!

Признаюсь, что после того, как вы навестили меня с расспросами о даме-сказочнице, ничто другое не шло мне на ум. Вы и сами это поймете, когда доживете до моих лет, — прошлое становится чем-то вроде старого друга. Из тех, что приходят незваными и отказываются уходить! Видите ли, я прекрасно ее помню, просто ваш визит застал меня врасплох. Вы появились на пороге, как раз когда подошло время пить чай. Я сомневалась, хочу ли толковать о былом с незнакомкой. Но моя дочь Нэнси сказала, что я должна, что все случилось ужасно давно и сейчас уже не имеет значения. Поэтому я решила написать вам, как вы просили. Ведь Элиза Мейкпис возвращалась навестить мою маму. Всего один раз, заметьте, но я прекрасно это помню. Мне в то время было шестнадцать, случилось это в 1913-м.

Я помню, мне сразу показалось, что в ней есть что-то странное. Словно чистая одежда дамы не вполне сидела на ней. Более того, в Элизе крылось что-то общее с нами, жильцами Баттерси-Бридж-роуд, 35, отличавшее ее от прочих разряженных дам, которые гуляли по улицам в те времена. Она вошла в дверь немного взволнованно, как мне показалось. Будто спешила и не хотела, чтобы ее увидели. Подозрительно, вот как. Она кивнула маме, словно они были знакомы, и мама, в свою очередь, ей улыбнулась. Редкое зрелище, скажу я вам. Я тогда подумала про себя, что кем бы ни была эта дама, мама наверняка знает, как выжать из нее денег.

Когда Элиза заговорила, ее голос оказался чистым и мелодичным. В этот миг я впервые подумала, не встречала ли ее прежде. Словно голос был мне знаком. Дети любят слушать такие голоса. Такие голоса рассказывают о феях и духах и не оставляют ни малейшего сомнения в своей искренности.

Элиза поблагодарила маму за прием и сказала, что уезжает из Англии на несколько лет. Помнится, она ужасно рвалась вверх, в ту комнату, в которой жила когда-то, кошмарную комнатушку под самой крышей. Холодную, с вечно сломанным камином, и темную, без окон. Но она говорила, что хочет вспомнить былое.

Так вышло, что у мамы в то время не было жильца — они здорово поцапались из-за денег за кормежку, — так что она охотно разрешила даме заглянуть. Мама сказала, чтобы Элиза поднималась наверх и чувствовала себя как дома. Даже поставила чайник на плиту. Совсем не похоже на мою маму, знаете ли.

Мама глянула, как она поднимается по лестнице, затем быстро подозвала меня. «Иди за ней, — сказала мама, — и проследи, чтобы она не слишком скоро спустилась». Я привыкла к маминым приказам и наказаниям за непослушание, так что сделала, как велено, и пошла за дамой наверх.

Когда я добралась до площадки, за Элизой уже закрылась дверь комнаты. Мне оставалось только сесть у двери и постараться ее задержать, если что. Мне было любопытно. Я никак не могла понять, зачем дама закрыла дверь. Как я уже сказала, в той комнате не было окон и открытая дверь служила единственным источником света.

Внизу, в двери, мыши прогрызли дыру, так что я легла на живот, распласталась, как могла, и заглянула в комнату. Я увидела, что дама стоит посередине комнаты и озирается по сторонам, а потом подходит к старому сломанному камину. Она присела на выступ, засунула руку в трубу, после чего, казалось, прошла целая вечность. Наконец она вытащила руку, в ладони ее лежал маленький глиняный горшочек. Должно быть, я пискнула — я ужас как удивилась, — потому что дама подняла широко распахнутые глаза. Я затаила дыхание, и через какое-то время она снова занялась горшочком, поднесла его к уху и немного потрясла. По ее лицу было видно, что звук ей понравился. Затем она засунула его в потайной карман, который былшит в платье, и направилась к двери.

Тогда я поспешила вниз и сказала маме, что Элиза идет. Я удивилась, когда увидела, что Том, мой младший брат, стоит у двери и тяжело дышит, будто только что бежал. Но у меня не было времени спрашивать, где он был. Мама смотрела на лестницу, и я тоже. Дама шла вниз, благодарил маму за то, что разрешила зайти, уверяя, что не может остаться на чай, потому что время поджидает.

Когда она спускалась, я заметила, что сбоку, в тени лестницы, стоит мужчина в забавных маленьких очках —

знаете, такие без дужек, только с маленькой перемычкой, которая цепляется за нос. Он держал в руке губку и, когда дама ступила на последнюю ступеньку, сунул губку ей под нос. Дама упала. Прямо-таки рухнула ему на руки. Должно быть, я тогда заорала, потому что мать залепила мне пощечину.

Мужчина не обратил на меня внимания и потащил даму к двери. С помощью папы он загрузил ее в карету, затем кивнул маме, вынул конверт из нагрудного кармана, и поминай как звали.

Мне потом надрали уши, когда я рассказала маме все, что видела. «Почему ты не сказала, глупая девчонка? — кричала мама. — Там могло лежать что-то ценное. Мы могли бы забрать это себе за труды». Не стоило напоминать маме, что мужчина в черной упряжке уже изрядно заплатил за даму. Мама всегда считала, что денег много не бывает.

Я больше никогда не видела Элизу и не знаю, что с ней случилось. На нашем изгибе реки вечно что-нибудь случается, о чем лучше не вспоминать.

Не знаю, сильно ли это письмо поможет вам с поисками, но моя Нэнси говорит, что при встрече я вам ничего толком не рассказала. Так что исправляю свою ошибку. Надеюсь, вы найдете то, что ищете.

С уважением,

мисс Хэрриет Суинделл.

Глава 47

Брисбен, Австралия, 1976 год

Ваза из майолики «Сказочная страна» всегда была ее любимой. Нелл нашла ее в лавке старьевщика несколько десятков лет назад. Любой торговец антиквариатом, который не зря ест свой хлеб, знает, что всему есть цена. Но ваза «Сказочная страна» была бесценна. И дело даже не в материале, пусть и весьма дорогом, дело в том, что она олицетворяла самый первый раз, когда Нелл наткнулась «на жемчужину в навозной куче».

Подобно золотоискателю, который хранит свой первый самородок, хотя уже нашел другие, более ценные, Нелл не хотела расставаться с вазой. Она держала ее завернутой в полотенце, в укромном темном углу бельевого шкафа на самом верху, время от времени доставала и разворачивала, просто чтобы полюбоваться. От красоты вазы, темно-зеленых листьев на боках, золотых нитей, бегущих через рисунок, фей в стиле модерн, прячущихся в листве, у Нелл по коже бежали мурашки.

И все же Нелл решила распрощаться с вазой. Пришло время, и можно было расстаться со всеми дорогими сердцу вещами. Она сделала выбор, и точка. Нелл завернула вазу еще в один слой газет и осторожно положила в коробку к другим предметам. В понедельник она отнесет вещи в магазин и выставит на продажу. Если она и испытывает муки или сожаление, достаточно сосредоточиться на конечном результате: у нее будет достаточно средств, чтобы начать в Тредженне с чистого листа.

Нелл не терпелось туда вернуться. Тайна стала еще более запутанной. Детектив, Нед Морриш, провел расследование и наконец-то прислал отчет. Нелл была в магазине, когда пришло письмо. Новый клиент, Бен Как-бишь-там, принес его с собой. Когда Нелл увидела заграничные марки, почерк на лицевой стороне, аккуратный и сплюснутый снизу, точно написанный по линейке, кровь прилила к ее щекам. Нелл безумно хотелось разорвать

конверт зубами, здесь и сейчас. Однако она сохранила хладнокровие, извинилась и при первой же возможности унесла письмо на маленькую кухоньку в задней части лавки.

Отчет был кратким, но озадачил ее еще больше. Нелл понадобилась всего пара минут, чтобы прочесть его. Согласно расследованию мистера Морриша, Элиза Мейкпис никуда не уезжала в тысяча девятьсот девятом или тысяча девятьсот десятом. Она все время была в коттедже. Детектив приложил документы, чтобы доказать свое утверждение: беседу с работником Чёренгорба, переписку Элизы с лондонским издателем через Клифф-коттедж... Нелл не сразу стала их читать. Она была слишком удивлена фактом, что Элиза никуда не уезжала и все время провела в коттедже. А ведь Уильям, рыбак, был так уверен! Он сказал, что ее никто не видел месяцев двенадцать. И когда Элиза вернулась, некая искра в ней пропала. Нелл не понимала, как увязать воспоминания Уильяма с открытием мистера Морриша. Она решила еще раз поговорить с Уильямом, как только вернется в Корнуолл. Возможно, он что-нибудь добавит.

Нелл провела тыльной стороной ладони по лбу. Невыносимый день, но таков Брисбен в январе. Небо может сверкать, точно купол из тонкого, безупречного стекла, но вечером жди грозы, к гадалке не ходи. Нелл прожила достаточно долго, чтобы понимать, когда грозовые облака собираются в невидимых кулисах.

Сквозь витрину Нелл услышала, как подъезжает машина. Звук не был похож ни на одно из соседских авто: слишком громкий для «мини» Ховарда, слишком тонкий для большого «форда» Хогансов. Раздался громкий стук — машина влетела в бордюр. Нелл покачала головой: хорошо, что она так и не научилась водить и никогда не нуждалась в машине. Похоже, когда человек за рулем, в нем проявляется все самое худшее.

Усатка села и выгнула спину. Вот по кошкам Нелл будет скучать. Разумеется, она заберет их, но таможенники сказали, что перевезти животных в новый дом можно будет только после шести месяцев карантина.

— Ух ты носатик, — сказала Нелл, поглаживая кошку по шее. — Не переживай из-за старой, глупой, шумной машины.

Усатка мяукнула и соскочила со стола, глядя на Нелл.

— Что? Думаешь, кто-то приехал повидать нас? Кто бы это мог быть, дорогая? Мы не слишком общительны, если ты до сих пор не заметила.

Кошка прокралась по полу к задней двери. Нелл положила стопку газет.

— Ладно, мадам, — сказала она, — ты выиграла. Взгляну одним глазком. — Она почесала Усатке спинку, и они вместе пошли по узкой бетонной тропинке. — Думаешь, ты самая умная, раз веришь мной, как хочешь...

Нелл замерла у заднего угла дома. Машина, «универсал», и впрямь остановилась у ее дома. По цементному крыльцу поднималась женщина в крошечных шортах и больших солнечных очках с бронзовым отливом. За женщиной плелся тощий ребенок с поникшими плечами.

Какое-то время все трое стояли, разглядывая друг друга.

Наконец Нелл обрела если не слова, которые хотела произнести, то хотя бы голос.

— Мне казалось, ты обещала сначала позвонить.

— Я тоже рада тебя видеть, мама, — ответила Лесли и закатила глаза, как в пятнадцать лет.

Омерзительная привычка, что тогда, что сегодня.

Ожило застарелое недовольство Нелл. Она знала, что была плохой матерью и уже слишком поздно, чтобы это исправить. Что сделано, то сделано, и у Лесли все вышло неплохо. Ну, или, по крайней мере, все вышло.

— Я как раз разбираю коробки для аукциона. — Нелл проглотила комок в горле. Неподходящее время упоминать о переезде в Англию. — Повсюду вещи, присесть негде.

— Ничего, справимся. — Лесли щелкнула пальцами в сторону Кассандры. — Твоя внучка умирает от жажды, на улице чертовски жарко.

Нелл взглянула на девочку, свою внучку. Длинные руки и ноги, выпирающие коленки, голова опущена, чтобы не привлекать внимания. Несомненно, иных детей посылают в мир не с самым справедливым набором проблем.

Почему-то у Нелл в голове возник образ Кристиана, маленького мальчика, которого она обнаружила в своем корнуоллском саду. Сироты с серьезными карими глазами. Он спросил, любит ли ее внучка сады, но Нелл не знала ответа.

— Что ж, — сказала она, — тогда вам лучше зайти.

Глава 48

Чёренгорб-мэнор, Корнуолл, 1913 год

Копыта коней грохотали по холодной сухой земле, увлекая карету на запад, к Чёренгорбу, но Элиза не слышала их. Губка мистера Мэнселла сделала свое дело — Элиза заблудилась в тумане хлороформа, ее тело осело в темном углу экипажа...

Раздался голос Розы, тихий и сломленный:

— Мне кое-что нужно, на что способна лишь ты. Тело подводит меня, как всегда подводило, но твое тело, кузина, здорово. Роди мне ребенка, ребенка Натаниэля.

Элизе, которая так долго ждала, которая так отчаянно хотела быть нужной, которая всегда полагала себя половинкой целого, не нужно было раздумывать.

— Конечно, — сказала она. — Конечно, я помогу тебе, Роза.

В течение недели он приходил каждую ночь. Тетя Аделина, посоветовавшись с доктором Мэтьюсом, рассчитала даты, и Натаниэль начал выполнять свой долг. Он проходил через лабиринт, огибал коттедж и поднимался к входной двери Элизы.

В первую ночь Элиза ждала в доме, мерила шагами кухню, гадала, придет ли он, должна ли она что-нибудь приготовить, представляла, как люди себя ведут в подобных ситуациях. Она без размышлений согласилась исполнить просьбу Розы, и в последовавшие недели почти не думала о том, что повлекут за собой подобные обязательства. Элиза была слишком благодарна за то, что наконец понадобилась Розе. И лишь с приближением ожидаемого дня начала обдумывать туманные предчувствия, которые становились все более реальными.

И все же Элиза на все была готова ради Розы. Она вновь и вновь повторяла себе, что ее действия навеки скрепят их связь, неважно, каким

гадким окажется акт зачатия. Это стало чем-то вроде мантры, заклинания. Они с Розой будут связаны, как никогда прежде. Роза будет любить ее сильнее, чем когда-либо, больше не сможет так легко без нее обходиться. Все, что делает Элиза, она делает ради Розы.

В ту первую ночь, когда раздался стук в дверь, Элиза повторила заученные мысли, открыла дверь и впустила Натаниэля.

Он какое-то время стоял в прихожей и казался больше и смуглее, чем в ее воспоминаниях. Затем Элиза указала на крючок для одежды. Натаниэль снял пальто и улыбнулся, почти благодарно. Тогда Элиза поняла, что он волнуется не меньше ее.

Натаниэль проследовал за ней на кухню, стремясь укрыться за надежностью стола, и облокотился на край стула.

Элиза стояла с другой стороны, вытирала чистые ладони о юбку, не зная, что сказать, как продолжить встречу. Конечно, лучше всего сделать что положено и покончить с этим. Какой смысл затягивать неловкую паузу? Элиза открыла рот, но Натаниэль заговорил первым...

— ...подумал, что тебе может быть интересно. Я работал над ними весь месяц.

И тогда она заметила, что Натаниэль принес с собой кожаный портфель.

Он положил его на стол и вынул папку с бумагами. Элиза поняла, что это эскизы.

— Я начал с «Волшебной охоты».

Натаниэль сунул ей лист бумаги, Элиза заметила, что его руки дрожат.

Ее взгляд упал на иллюстрации: черные и белые линии, заштрихованные тени. Бледная стройная женщина полулежит на россыпи речной гальки, вот она сидит в холодной темной башне. Лицо женщины соткано из тонких длинных линий. Она прекрасна, волшебна, эфемерна, совсем как в сказке Элизы. И все же в лице преследуемой феи, изображенной художником, крылось нечто, что поразило Элизу. Женщина на рисунке была похожа на ее мать. Не буквально, сходство заключалось не только и не столько в изгибе губ, в холодных миндалевидных глазах, в высоких скулах. Неким непостижимым образом, при помощи неведомой магии Натаниэль запечатлел Джорджсону, изображая безжизненные руки и ноги феи, ее усталость, непривычную покорность в ее чертах. Но самое странное, Элиза впервые поняла, что в сказке о преследуемой фее описала собственную мать.

Она взглянула на художника и утонула в его темных глазах,

проникающих в душу. Натаниэль удержал взгляд Элизы, и свет камина внезапно вспыхнул ярче.

Обстоятельства, в которых они находились, делали их голоса слишком громкими, движения — слишком резкими, воздух — слишком холодным. Акт оказался не таким омерзительным, как она боялась, но и банальным его нельзя было назвать. В нем открылось нечто неожиданное, то, чем Элиза, против воли, наслаждалась. Близость, интимность, которой она была лишена так долго. Она почувствовала себя частью пары.

Элиза, конечно, в паре не была. Помыслить о подобном, даже мгновение, означало предать Розу, и все же... Пальцы Натаниэля на спине, боках, бедрах. Жар соприкосновения обнаженных тел. Его дыхание на ее шее...

Элиза открыла глаза, наблюдая за его лицом, из черт которого складывала истории. Когда Натаниэль тоже открыл глаза, их взгляды встретились, и внезапно она ощутила себя живой. Надежно закрепленной, материальной, существующей.

Потом все закончилось, они разъединились, и физическая связь исчезла. Они оделись, и Элиза проводила Натаниэля вниз. Она встала рядом с ним у входной двери, беседуя о недавнем приливе, о вероятности плохой погоды на будущей неделе. Вежливая беседа, словно Натаниэль всего лишь заглянул одолжить книгу.

Наконец он протянул руку, чтобы открыть дверную защелку, и тяжелое молчание повисло между ними — бремя того, что они натворили. Натаниэль потянул дверь на себя, но толкнул обратно и повернулся к Элизе.

— Спасибо, — сказал он.

Элиза кивнула.

— Роза хочет... Ей нужно...

Она снова кивнула, и Натаниэль чуть улыбнулся. Он открыл дверь и растворился в ночи.

Шла неделя, непривычное стало привычным, и жизнь потекла своим чередом. Натаниэль приходил с новыми эскизами, и они вместе обсуждали иллюстрации к историям. Художник приносил карандаши, вносил изменения по ходу разговора. Часто, закончив работу над эскизами, они беседовали на другие темы.

Иногда они разговаривали, лежа на узкой кровати Элизы. Натаниэль

рассказывал о своей семье, которую Элиза считала мертвой, о невзгодах детства, об отце, работавшем в порту, и материнских руках, потрескавшихся от стирки. Элиза почему-то открывала ему тайны своего прошлого, о которых еще никому не говорила: о матери, об отце, которого никогда не знала, о мечте найти его за далекими морями. Странная и нежданная интимность их связи позволила Элизе рассказать даже о Сэмми.

Так прошла неделя. В последнюю ночь Натаниэль пришел пораньше. Казалось, он не хочет выполнять их общий долг. Они сидели по разные стороны стола, как и в первую ночь, но не обменивались словами. Потом внезапно, без предупреждения, Натаниэль потянулся и поднял прядь ее длинных рыжих волос, отливающих золотом в пламени свечей. Он сосредоточенно глядел на золотые нити меж пальцев. Его темные волосы тенью спадали на щеку, в распахнутых черных глазах плескались невысказанные мысли. В груди Элизы внезапно что-то сжалось, ей стало жарко.

— Я не хочу, чтобы это кончалось, — наконец тихо сказал Натаниэль. — Глупо, я знаю, но я чувствую...

Он умолк, когда Элиза подняла палец и прижала к губам Натаниэля, останавливая его.

Сердце Элизы колотилось под платьем, и она молилась, чтобы Натаниэль не заметил ее смятения. Нельзя позволить, чтобы он закончил фразу, — как бы об этом не мечтала ее неблагонадежная часть, — ведь слова обладают властью. Элиза знала это лучше других. Они и так позволили себе чувствовать слишком много, а ведь в их уговоре не было места чувствам.

Элиза чуть заметно качнула головой, и он кивнул в ответ. Какое-то время Натаниэль не смотрел на нее, просто молчал. Потом он начал рисовать в тишине, и Элиза подавила жгучее желание сказать, что передумала.

Когда Натаниэль ушел той ночью и Элиза вернулась в дом, стены коттеджа показались ей непривычно безмолвными и безжизненными. Она нашла кусок картона на столе, за которым сидел Натаниэль. Перевернув, она увидела свое лицо. Эскиз. Художник запечатлел ее. На этот раз Элиза была не против остаться на бумаге.

Элиза знала, что они преуспели, еще до конца первого месяца. Она испытывала непостижимое ощущение близости другого человека, даже когда рядом никого не было. Потом кровотечение не пришло, и она поняла

окончательно. Мэри, потерявшую ребенка, временно приняли обратно в Чёренгорб в качестве посредницы между поместьем и коттеджем. Элиза сказала ей, что считает, будто искорка новой жизни затеплилась в ее теле. Мэри вздохнула, покачала головой и передала сообщение тете Аделине.

Вокруг коттеджа воздвигли стену, чтобы никто не увидел, как разбухает тело Элизы, и пустили слух, что она уехала. Мир сомкнулся вокруг ее дома. Чем проще ложь, тем легче ей верят, и этот вымысел оказался не исключением. Все знали о желании Элизы путешествовать. Люди легко поверили, что она, не обмолвившись и словом, уехала и вернется, когда настанет время. Мэри по ночам приносила Элизе еду, а доктор Мэтьюс, врач тети Аделины, заходил к ней под пологом темноты каждые две недели и проверял, правильно ли протекает беременность.

За девять месяцев заключения Элиза почти никого не видела и все же никогда не оставалась одна. Она напевала своему растущему животу, нашептывала сказки, видела странные и образные сны. Коттедж словно съезжился вокруг нее, подобно теплому старому пальто.

Сад, где ее сердце неизменно пело, стал прекраснее, чем когда-либо. Цветы пахли слаще, выглядели ярче, росли быстрее. Однажды днем Элиза сидела под яблоней. Теплый, пронизанный солнцем воздух тяжело колыбался вокруг, и она провалилась в глубокий сон. Пока Элиза безмятежно спала, она увидела историю, да так четко, словно прохожий путник опустился подле нее на колени и прошептал свой рассказ. То была история о молодой женщине, которая, преодолев собственные страхи, прошла огромное расстояние, чтобы раскрыть истину и помочь любимой старой бабушке.

Элиза внезапно проснулась, охваченная уверенностью, что сон важен, что его необходимо превратить в сказку. В отличие от большинства идей, приходивших во сне, эта почти не требовала изменений. Ребенок, дитя внутри Элизы, каким-то образом способствовал возникшим ощущениям. Она не могла объяснить почему, но была престранно уверена, что ребенок связан с историей и помогает Элизе увидеть ее так ярко и полно.

В тот же день она написала сказку, озаглавив ее «Глаза старухи», и в последующие недели часто думала о печальной старой женщине, у которой украли правду жизни. Хотя Элиза не видела Натаниэля с их последней ночи, она знала, что художник продолжает работать над иллюстрациями к ее книге, и хотела посмотреть, на какие образы вдохновит его новая сказка. Темной ночью, когда Мэри принесла продукты, Элиза попросила ее позвать Натаниэля, равнодушным тоном обмолвилась,

что он может навестить ее в ближайшие дни. Мэри лишь покачала головой.

— Миссис Уокер не позволит, — тихо сказала она, хотя в доме никого, кроме них, не было. — Я слышала, как она кричала об этом в разговоре с госпожой, и госпожа заявила, что не следует ему ходить через лабиринт и навещать вас. Больше не следует, после того, что случилось. — Мэри взглянула на растущий живот Элизы. — Она сказала, что все может запутаться.

— Вот нелепость, — возразила Элиза. — Мы сделали это для Розы. Мы с Натаниэлем оба любим ее, мы поступили, как она просила, чтобы помочь ей обрести то, чего она хочет больше всего на свете.

Мэри, которая ясно дала понять, что именно думает о беременности Элизы и о том, как та собирается поступить с ребенком после его рождения, ничего не ответила.

Элиза разочарованно вздохнула.

— Я только хотела поговорить с ним об иллюстрациях к волшебным сказкам.

— И ваши сказки миссис Уокер не по душе, — сообщила Мэри. — Ей не нравится, что муж рисует для ваших историй.

— Но почему?

— Завидует она, аж позеленела вся, точно пальцы старого Дэвиса. Ее бесит, что муж тратит время и силы на ваши истории.

После этого Элиза перестала ждать Натаниэля и просто послала рукописную копию «Глаз старухи» в Чёренгорб с Мэри, которая согласилась — вопреки своим убеждениям — передать ее. Через несколько дней посыльный привез сюрприз — статую для сада в виде маленького мальчика с ангельским лицом. Даже не прочитав сопроводительное письмо, Элиза поняла, что Натаниэль прислал этот подарок, думая о Сэмми. В письме Уокер извинился, что не заходит, осведомился о ее здоровье, после чего быстро перешел к тому, как ему понравилась новая история. Волшебство сказки захватило его мысли, идеи иллюстраций переполнили его, и он не в силах думать о чем-либо другом.

Сама Роза заходила раз в месяц, но постепенно Элиза стала относиться к ее визитам более настороженно. Начиналось все неизменно хорошо, Роза широко улыбалась при виде Элизы, спрашивала о здоровье и охотно трогала живот, надеясь почувствовать, как двигается ребенок. Но в какой-то момент, без повода и объяснений, Роза отшатывалась, сплетала руки и отказывалась касаться живота Элизы, избегая смотреть ей в глаза. Роза лишь вцеплялась в собственное платье, подбитое, чтобы

изобразить беременность.

Через шесть месяцев Роза вовсе перестала приходить. Элиза, сбитая с толку, тщетно ждала в назначенный день, гадая, не перепутала ли дату. Но нет, все было записано в дневнике.

Сначала Элиза тревожилась, не заболела ли кузина, ведь, несомненно, ничто иное не смогло бы удержать ее от визита. Когда в очередной раз пришла Мэри с корзинкой припасов, Элиза набросилась на нее с расспросами.

Мэри опустила корзинку и молча поставила чайник на горячую плиту.

— Мэри? — произнесла Элиза, выгибая спину, чтобы сдвинуть ребенка, который давил ей в бок. — Не пытайся оградить меня. Если Роза нездорова...

— Ничего такого, мисс Элиза. — Мэри отвернулась от плиты. — Просто миссис Уокер считает, что визиты к вам слишком тягостны.

— Тягостны?

Мэри не смотрела Элизе в глаза.

— Она чувствует, что потерпела неудачу, даже сильнее, чем прежде. Она больна и не может зачать, а вы спелая, точно персик. После визитов к вам она возвращается домой, и ей несколько дней нездоровится. Роза отказывается видеть мистера Уокера, в разговорах с госпожой раздражается, почти не притрагивается к еде.

— Скорее бы появился малыш. Когда я рожу ребенка, когда Роза станет матерью, она забудет подобные мысли.

Их разговор вошел в привычную колею: Мэри качала головой, а Элиза защищала свое решение.

— Это неправильно, мисс Элиза. Мать не может отдать свое дитя.

— Это не мое дитя, Мэри. Оно принадлежит Розе.

— Все изменится, когда придет время.

— Нет.

— Вы не знаете...

— Ничего не изменится, это невозможно. Я дала слово. Если я передумаю, Роза не переживет.

Мэри подняла брови.

Элиза добавила решимости в голосе:

— Я отдам ребенка, и Роза снова будет счастлива. Мы будем счастливы вместе, как когда-то давно. Разве ты не понимаешь, Мэри? Ребенок, которого я ношу, вернет мне мою Розу.

Мэри печально улыбнулась.

— Возможно, вы и правы, мисс Элиза, — сказала она, но в словах ее

чувствовалось сомнение.

Время тянулось медленно, но рано или поздно все свершилось. Неделей раньше, чем ожидали. Слепящая боль, тело как часть механизма, оживающего со скрипом, чтобы исполнить свое предназначение. Мэри узнала признаки надвигающихся родов и осталась, чтобы помочь Элизе. Мать служанки всю жизнь принимала детей, и Мэри знала, как это делается.

Роды прошли гладко. Элиза в жизни не видела ребенка прекраснее, маленькая девочка с крошечными ушками, плотно прижатыми к голове, и тоненькими бледными пальчиками, которые время от времени вздрагивали, когда воздух проникал между ними.

Хотя Мэри было велено доложить в Чёренгорб сразу же, как только появятся признаки приближения родов, она молчала еще несколько дней. Служанка пыталась переубедить Элизу, уговаривала передумать и разорвать ужасную сделку. Мэри вновь и вновь шептала, что неправильно просить женщину отдать собственное дитя.

Три дня и три ночи Элиза и младенец провели вместе. Как странно было знакомиться с маленьким человечком, который жил и рос в ее теле! Элиза гладила крошечные ручки и ножки, которые хватала, когда они толкали ее живот изнутри, смотрела на крошечные губки, надутые, точно готовые заговорить. Лицо младенца выражало бесконечную мудрость, как если бы в свои первые дни человечек хранил опыт только что прожитой жизни.

Потом, посреди третьей ночи, в коттедже появилась Мэри, встала в дверях и сообщила неминуемое известие. На следующую ночь назначен визит доктора Мэтьюса. Мэри понизила голос и схватила Элизу за руки: если есть хоть небольшое желание сохранить ребенка, пора идти. Надо брать младенца и бежать.

Но хотя предложение Мэри проникло в сердце Элизы и крепко засело в нем, побуждая к действию, Элиза поспешно отклонила его. Она не обращала внимания на острую боль в груди и уверяла Мэри, как и прежде, что знает, чего хочет. Элиза в последний раз взглянула на своего ребенка, не в силах отвести глаза от идеального крошечного личика, стараясь осмыслить то, что сама создала его, что сотворила удивительное чудо. Она смотрела до тех пор, пока пульсирующая боль в голове, сердце, душе не стала невыносимой. И тогда Элиза, словно глядя на себя со стороны, исполнила обещание: отпустила крошечную девочку и позволила забрать ее. Она закрыла дверь за Мэри и вернулась одна в безмолвный и

безжизненный коттедж. Когда на сад опустились сумерки и стены дома вновь расступились, Элиза поняла: оказывается, прежде она никогда не знала черной боли одиночества.

Хотя Аделина презирала Мэнселла, прихвостня Лайнуса, и прокляла его имя, когда он подсунул им Элизу, бесспорно, мерзавец умел искать людей. Прошло трое суток после его отъезда в Лондон, и наконец днем, когда Аделина сидела в утреннем салоне и притворялась, будто вышивает, ее позвали к телефону.

Слава богу, Мэнселл осторожно подбирал слова. Никогда не знаешь, кто может подслушивать по параллельному телефону.

— Я звоню, леди Мунтраше, чтобы сообщить: некоторые необходимые вам товары были получены.

У Аделины перехватило дыхание. Так быстро? От предвкушения, надежды, беспокойства у нее зачесались кончики пальцев. Она сглотнула.

— Скажите, пожалуйста, какой предмет, большой или маленький, оказался в вашем распоряжении?

— Большой.

Веки Аделины опустились. Она постаралась скрыть в голосе облегчение и радость.

— И когда вы осуществите поставку?

— Мы немедленно покидаем Лондон. Я приеду в Чёренгорб сегодня вечером.

Вот чего ждала Аделина. Вот чего она до сих пор ждала, расхаживая по бессарабскому ковру, разглаживая юбки, рывкая на прислугу. Она все время думала, как поступит с Элизой.

Элиза пообещала никогда не приближаться к дому и сдержала слово. Но она наблюдала. И обнаружила, что даже когда накопила достаточно денег, чтобы купить билет на корабль и отправиться в далекие края, что-то остановило ее. Словно с рождением ребенка якорь, который Элиза искала всю жизнь, погрузился в землю Чёренгорба.

Ее тянуло к ребенку, словно магнитом, и она осталась. Но Элиза держала обещание, данное Розе, и не приближалась к дому. Она находила укромные места, пряталась и наблюдала. Совсем как в детстве, лежа на полке в крошечной комнатке над лавкой миссис Суинделл, Элиза смотрела, как мир проходит мимо, а она остается неподвижна, исключена из действия.

С потерей ребенка Элиза обнаружила, что оказалась посреди

прежнего мира, прежнего «я». Она отреклась от своего права на рождение новой жизни и тем самым лишилась цели. Она почти не писала, сочинила всего одну сказку, которую сочла достойной включения в сборник. Это была история о молодой женщине, живущей в одиночестве в темном лесу, которая из благих побуждений приняла неверное решение и погубила собственную жизнь.

Блеклые месяцы сливались в блеклые годы. Однажды летним утром тысяча девятьсот тринадцатого книга сказок прибыла от издателя. Элиза немедленно отнесла ее в дом, сорвала упаковку и обнаружила внутри переплетенное в кожу сокровище. Она села в кресло-качалку, открыла фронтиспис и поднесла книгу к лицу. От переплета пахло свежей краской и клеем. Но внутри содержались истории, ее драгоценные творения! Элиза переворачивала новые плотные страницы, сказку за сказкой, пока не дошла, до «Глаз старухи». Она прочитала ее целиком и вспомнила тот странный яркий сон в саду, то всеобъемлющее чувство, что ребенок внутри ее важен.

И тогда Элиза поняла: ее дочь должна обладать собственной книгой, она связана с написанной сказкой. Элиза обернула том в коричневую бумагу, дождалась случая и сделала то, чего обещала не делать, — прошла через ворота в конце лабиринта и приблизилась к дому.

Солнечный луч забрезжил между двумя бочками, и сотни пылинок затанцевали в нем. Девочка вытянула палец, пытаясь поймать хоть одну. Сочинительница, утес, лабиринт и мама мгновенно покинули ее мысли. Она смеялась, наблюдая за тем, как близко подлетают пылинки, прежде чем унести прочь.

Внезапно звуки вокруг изменились, шаги ускорились, голоса зазвенели от возбуждения. Девочка наклонилась в завесу света, прижалась щекой к прохладной древесине бочек и одним глазком посмотрела сквозь доски.

Ей открылись чьи-то ноги, туфли, подола нижних юбок, хвосты разноцветных бумажных лент, развевающихся на ветру. Хитрые чайки рыскали по палубе в поисках крошек.

Огромный корабль накренился и низко заревел, словно из глубины своего чрева. Девочка затаила дыхание и прижала ладошки к полу. Волна колебаний прокатилась по доскам палубы, достигая кончиков ее пальцев. Мгновение неизвестности — и корабль натужно пошел прочь от пристани. Раздался прощальный гудок, пронеслась волна радостных криков и пожеланий «Bon voyage». Они отправились в Америку, в Нью-Йорк, где родился ее папа.

Они прибыли в Лондон ночью. Пока они добирались от станции до реки, темнота тяжело и густо лежала в складках улиц. Малышка устала — Элизе пришлось разбудить ее, когда они приехали, — но не жаловалась. Она держалась за руку Элизы и спешила за ней.

В тот вечер они поужинали бульоном и хлебом у себя в комнате. Обе устали во время поездки, говорили мало, и только с некоторым любопытством смотрели друг на друга поверх ложек. Девочка спросила о маме и папе, и Элиза ответила, что они ждут в конце путешествия, решив, что эта ложь необходима. Нужно время, чтобы придумать, как сообщить девочке о смерти Розы и Натаниэля.

После ужина Айвори быстро уснула на единственной в комнате кровати, а Элиза села у окна. Она глядела то на темную улицу, по которой ходили деловитые путники, то на спящее дитя, которое иногда шевелилось под покрывалом. Постепенно Элиза придвигалась к девочке все ближе, разглядывая маленькое личико, пока наконец не опустилась осторожно у кровати, так близко, что почувствовала дыхание Айвори на своих волосах и сумела пересчитать крошечные веснушки на щечках. Ах, что за совершенное личико, как хороши кожа Айвори и розовый бутончик губ! То самое лицо, с его мудрым выражением, которое Элиза видела в первые дни жизни ребенка, которое с тех пор часто являлось ей во сне.

Элизу охватило побуждение, потребность, любовь столь мощная, что каждая частица ее «я» наполнилась уверенностью. Словно ее тело узнало ребенка, которому она подарила жизнь, так же просто, как узнавало собственную руку, лицо в зеркале, голос во тьме. Элиза как можно осторожнее легла на кровать и свернулась клубочком, чтобы обхватить спящую малышку. Совсем как в далекие времена в другой комнате обхватывала теплое тело своего брата Сэмми.

Элиза наконец обрела дом.

В день отплытия Элиза с девочкой пораньше отправились за покупками. Элиза купила кое-что из одежды, щетку для волос и чемоданчик, чтобы все сложить. На дне чемоданчика она спрятала конверт, в котором лежало несколько банкнот и листок бумаги с адресом Мэри в Полперро — всегда лучше перестраховаться. Чемоданчик был детским, и Айвори пришла от него в восторг. Девочка крепко держала его, пока шла с Элизой по переполненному доку.

Движение и шум царили повсюду: свистели тягачи, гудел пар, краны поднимали на борт детские коляски, велосипеды и фонографы. Айвори

засмеялась, когда они прошли мимо вереницы блеющих коз и овец, которых загоняли в трюм корабля. Она была одета в лучшее из двух платьиц, которые ей купила Элиза, и выглядела в точности как маленькая богачка, пришедшая проводить тетю в долгое морское путешествие. Когда они дошли до трапа, Элиза протянула билет офицеру.

— Добро пожаловать на борт, мадам, — произнес он и кивнул, так что его форменная фуражка подпрыгнула.

Элиза кивнула в ответ.

— Какое счастье, что я купила билет на ваше чудесное судно! — произнесла она. — Моя племянница вне себя от радости. Смотрите, она даже принесла свой игрушечный чемоданчик!

— Вы любите большие корабли, маленькая мисс?

Офицер опустил взгляд на девочку.

Айвори кивнула и мило улыбнулась, но ничего не сказала. В точности как ей велела Элиза.

— Офицер, — произнесла Элиза, — мой брат и невестка ждут нас в доке. — Она махнула рукой в сторону собирающейся толпы. — Надеюсь, вы не рассердитесь, если я на минутку возьму на борт свою маленькую племянницу, чтобы показать ей мою каюту?

Офицер взглянул на очередь пассажиров, которая змеилась вдоль дока.

— Мы недолго, — пообещала Элиза. — Это очень важно для ребенка!

— Думаю, можно, — разрешил он. — Только не забудьте вернуть ее. — Он подмигнул Айвори. — Мне кажется, ее родители будут скучать, если она уедет из дома.

Элиза взяла Айвори за руку, и они поднялись по трапу.

Повсюду были люди. Слышались оживленные голоса, плеск воды, вой сирен. Судовой оркестр играл на палубе бойкую мелодию, горничные сновали во все стороны, почтовые мальчишки разносили телеграммы, а заносчивые коридорные — шоколад и подарки для отбывающих пассажиров.

Но Элиза не пошла за главным стюардом. Вместо этого она провела Айвори по палубе и остановилась, лишь когда они достигли ряда деревянных бочек. Элиза завела девочку за бочки и присела, так что ее юбки разметались по деревянной палубе. Девочка, никогда не видевшая такого оживления, была растеряна и вертела головой во все стороны.

— Подожди здесь, — сказала Элиза. — Никуда не уходи, это опасно. Я скоро вернусь. — Она помедлила и посмотрела на небо. Чайки носились в вышине, внимательно глядя черными глазами. — Жди меня, поняла?

Девочка кивнула.

— Ты умеешь прятаться?

— Конечно.

— Мы с тобой сыграем в такую игру.

Когда Элиза произнесла эти слова, в ее голове возник образ Сэмми, и она похолодела.

— Я люблю игры.

Элиза отогнала образ брата. Девочка — не Сэмми. Они не играют в Потрошителя. Все будет хорошо.

— Я вернусь за тобой.

— Куда ты идешь?

— Мне надо кое-кого повидать. Забрать кое-что, пока корабль не ушел.

— Что именно?

— Мое прошлое, — сказала Элиза. — Мое будущее. — Она быстро улыбнулась. — Мою семью.

Пока карета громыкала к Чёренгорбу, туман в голове Элизы рассеивался. Фрагменты мозаики один за другим вставали на места: качка, топот копыт по грязи, запах плесени.

Она резко открыла глаза и моргнула. Черные тени растворились в пятнах пыльного света. Она почувствовала головокружение и слабость, наконец зрение сфокусировалось.

Кто-то был рядом, какой-то мужчина сидел напротив. Он откинул голову на кожаное сиденье и чуть похрапывал, размеренно дыша. Мужчина был низеньким, полным, на его переносице восседала пара очков без дужек.

У Элизы перехватило дыхание, ей снова стало двенадцать лет, ее увозили прочь в неведомое будущее от всего, что она знала. Она была заперта в карете с плохим человеком, которого боялась мама, с Мэнселлом.

И все же... что-то было не так. Элиза что-то забыла, на краю ее сознания гудело темное облако. Что-то важное, что необходимо сделать.

Элиза задохнулась. Где Сэмми? Он должен быть с ней, она обязана его защищать...

Копыта коней грохотали по земле. Звук испугал ее, ей стало дурно, хоть она и не знала почему. Темное облако начало кружиться. Оно приближалось.

Взгляд Элизы упал на юбку, на ладони, сложенные на коленях. Ее руки, и все же явно не ее.

Яркий луч пробился через брешь в облаке: ей вовсе не двенадцать, она

взрослая женщина...

Но что случилось? Где она? Почему она с Мэнселлом?

Коттедж на утесе, сад, море... Ее дыхание становилось громче, застревая в горле. Женщина, мужчина, ребенок. Неуправляемый страх проколол кожу. Больше света... облако выцвело, распалось... Слова, обрывки смысла: Мэриборо... корабль... ребенок, но не Сэмми, а маленькая девочка...

Горло Элизы сжалось. Пропасть разверзлась внутри нее и быстро заполнилась черным страхом.

Ее маленькая девочка.

Элизу обожгла слепящая ясность: ее дочь одна на уходящем судне.

Паника пропитала каждую клеточку ее тела. Пульс молотом стучал в висках. Ей надо бежать, чтобы вернуться.

Элиза покосилась на дверь.

Карета катилась быстро, но Элизе было все равно. Корабль уходит из дока сегодня, и девочка на нем. Ее ребенок совсем один. Сердце болело, голова раскалывалась. Элиза протянула руку. Мэнселл пошевелился. Его мутные глаза открылись, быстро фокусируясь на ручке дверцы в ее пальцах.

Жестокая улыбка зазмеилась на его губах.

Элиза схватила ручку: Мэнселл метнулся остановить ее, но она оказалась проворнее. В конце концов, Элизе было нужнее.

Она падала, дверца клетки отворилась, и она падала, падала, падала на холодную темную землю. Время свернулось в тугой клубок: все мгновения слились в одно, прошлое стало настоящим и будущим. Элиза не закрыла глаз, она смотрела, как приближается земля, вдыхала запах грязи, травы, надежды...

...она летела, распахнув крылья параллельно земле, все выше, с ветром, ее лицо было прохладным, рассудок — ясным. Элиза знала, куда направляется. Она летела к своей дочери, к Айвори. К той, которую ждала всю жизнь, к своей второй половинке. Став цельной, она наконец мчалась домой.

Глава 49

Клифф-коттедж, Корнуолл, 2005 год

Наконец она снова оказалась в саду. Плохая погода, приезд Руби, визит в дом Клары... прошло время с тех пор, как Кассандра была здесь и имела возможность скользнуть под стену. Последние дни она испытывала странное беспокойство, которое растаяло только в саду. Расправляя перчатку на правой руке, Кассандра думала, что никогда не считала себя любительницей садоводства, но все изменилось. Ей казалось, что она обязана вернуться, погрузить руки в землю и возродить сад к жизни. Кассандра остановилась, надевая другую перчатку, и вновь заметила полоску белой кожи на безымянном пальце.

Она провела большим пальцем по этой полоске. Такая гладкая, более упругая, чем с другой стороны, будто пропиталась теплой водой. Эта белая полоска была самой молодой частью ее руки, на двенадцать лет моложе остального. Скрытая с того мига, как Ник надел кольцо на ее палец, она единственная не менялась, не старела, не двигалась вперед. До сих пор.

— Не замерзла?

Кристиан, который только что вылез из-под стены, засунул руки глубоко в карманы джинсов.

Кассандра натянула перчатку и улыбнулась ему.

— Я не думала, что в Корнуолле бывает холодно. Во всех проспектах, которые я читала, говорилось об умеренном климате.

— Умеренном по сравнению с Йоркширом. — Он криво улыбнулся в ответ. — Мороз — предвестник будущей зимы. По крайней мере, ее тебе не придется терпеть.

Между ними повисла тишина. Кристиан повернулся, чтобы осмотреть яму, которую вырыл на прошлой неделе, а Кассандра притворилась, будто поглощена прополкой. Они старались не обсуждать ее возвращение в Австралию. В последние несколько дней, когда беседа принимала

угрожающий оборот, один из них быстро подыскивал новую тему.

— Я снова думал, — сказал Кристиан, — о том письме от Хэрриет Суинделл.

— Кассандра отогнала тревожные мысли о прошлом и будущем.

— Да?

— Что бы ни лежало в глиняном горшочке, который Элиза вытащила из трубы, оно имело ценность. Нелл уже была на корабле, так что Элиза здорово рисковала, возвращаясь к Суинделлам.

Они обсуждали это вчера, сидя в пабе в теплой кабинке, в углу которой потрескивал огонь. Под игру местной группы они вновь и вновь перебирали известные им подробности в поисках решения, которое, как они оба чувствовали, было совсем близко.

— Наверное, Элиза не ожидала, что за ней явится этот мужчина, кем бы он ни был. — Кассандра воткнула садовые вилы в клумбу. — Жаль, Хэрриет не назвала его имени.

— Наверное, его послала семья Розы.

— Думаешь?

— А кто еще мог так отчаянно стремиться вернуть Элизу и девочку?

— Вернуть Элизу.

— Что?

Кассандра глянула на Кристиана через плечо.

— Они не вернули Нелл. Только Элизу.

Кристиан перестал копать.

— Да, странно. Наверное, она не сказала им, где Нелл.

Этого Кассандра не понимала. Она полночи пролежала без сна, мысленно перебирая нити истории, но все время приходила к одному и тому же выводу. Элиза могла забрать Нелл из Чёренгорба, потом, опоздав на корабль, несомненно, решила бы его перехватить. Она была матерью Нелл, любила ее так сильно, что интересы девочки были для нее превыше всего. Разве Элиза не сделала бы все возможное, чтобы предупредить, что Нелл на корабле? Она не смогла бы промолчать и оставить свою драгоценную четырехлетнюю девочку одну на судне, плывущем в Австралию. Вилы Кассандры наткнулись на особенно упругий корень.

— Думаю, она не имела возможности им сказать.

— В смысле?

— Если бы могла, то сказала бы.

Кристиан медленно кивнул и поднял брови, когда понял, что именно следует из этого предположения. Он бросил лопату в яму.

Корень был толстым. Кассандра разгребла остальные сорняки и

проследила, куда он ведет. Хотя растение было ветхим, почти лишенным листьев, Кассандра узнала его и улыбнулась: она встречала его собратьев в заднем саду Нелл в Брисбене. То был жилистый старый розовый куст, который провел здесь десятилетия, если не больше. Стебель был толщиной с человеческую руку, его завитки усеивали колючие шипы. Куст был жив и требовал совсем немного заботы, чтобы зацвести вновь.

— О господи.

Кристиан припал к земле и наклонился над ямой. Кассандра оторвала взгляд от розы.

— Что? Что такое? — спросила она.

— Я кое-что нашел.

Его тон был странным и непонятным. Под кожей Кассандры пробежала жаркая электрическая искра.

— Кое-что ужасное или кое-что интересное?

— По-моему, интересное.

Кассандра подошла к Кристиану, встала на колени и заглянула в яму, проследив, куда он указывает.

В глубине влажной земли что-то торчало из глины. Что-то маленькое, коричневое и гладкое.

Кристиан достал керамический горшочек, в подобной посуде когда-то хранили горчицу и другие заготовки. Он обтер с его боков грязь и передал Кассандре.

— По-моему, твой сад только что выдал свою тайну. Ее пальцы коснулись прохладного, неожиданно тяжелого горшочка.

Сердце Кассандры забилося сильнее.

— Наверное, Элиза зарыла его здесь, — сказал Кристиан. — Должно быть, после похищения мужчина привез ее обратно в Чёренгорб.

Но почему Элиза зарыла горшочек, ради возвращения которого пошла на такой риск? Почему не побоялась вновь утратить его? Если у нее было время, чтобы зарыть горшочек, почему она не связалась с кораблем и не вернула маленькую Айвори?

Понимание пришло внезапно. Оно все время крылось рядом — и вот явилось.

Кассандра громко вздохнула.

— Что?

— Вряд ли она зарыла горшочек, — прошептала Кассандра.

— В смысле? А кто тогда?

— Никто. Наверное, горшочек зарыли вместе с ней. И девяносто лет она лежала здесь, ждала, пока ее кто-то найдет. Пока Кассандра найдет ее и

откроет ее тайну.

Кристиан смотрел в яму широко распахнутыми глазами, затем медленно кивнул.

— Это объясняет, почему она не вернулась за Айвори.

— Она не могла, она все время была здесь.

— Но кто похоронил ее? Похититель? Ее тетя или дядя?

Кассандра покачала головой.

— Не знаю. Но ясно одно: он не хотел, чтобы об этом узнали. Нет ни могильной плиты, ни какого-либо другого знака. Он хотел, чтобы Элиза исчезла, чтобы правда о ее смерти навеки осталась скрыта. Забыта, как и ее сад.

Глава 50

Чёренгорб-мэнор, Корнуолл, 1913 год

Аделина отвернулась от огня, резко выдохнула, так что платье стало тесно в талии.

— В каком смысле все пошло не так?

Опустилась ночь, и леса поместья придвинулись к дому. Тени висели в углах комнаты, пламя свечей колебало их холодные очертания.

Мистер Мэнселл поправил пенсне.

— Она упала. Выбросилась из кареты. Лошади потеряли контроль.

— Врач, — произнес Лайнус. — Надо позвонить врачу.

— Врач не поможет, — ровным голосом ответил Мэнселл. — Она уже мертва.

Аделина задохнулась.

— Что?

— Мертва, — повторил он. — Ваша племянница мертва.

Аделина закрыла глаза, ее колени подогнулись. Мир кружился вокруг нее, а сама она была невесомой, свободной, не чувствующей боли. Как могло подобное бремя так быстро свалиться с ее плеч? Как могла она в одно мгновение избавиться от заклятого врага, наследия Джорджианы?

Уже не важно. Молитвы Аделины были услышаны, справедливость восторжествовала. Девчонка мертва. Ее больше нет. Это главное. Впервые после смерти Розы Аделина могла дышать. Теплые вихри радости бежали по ее венам.

— Где? — услышала она свой голос. — Где она?

— В карете...

— Вы привезли ее сюда?

— Девочка... — Голос Лайнуса донесся с кресла, в которое он вжался. Хозяин Чёренгорба дышал быстро и неглубоко. — Где маленькая девочка с рыжими волосами?

— Женщина пробормотала несколько слов, прежде чем умерла. Она не вполне пришла в себя и говорила тихо, но я разобрал, что речь шла о корабле, о судне. Она была встревожена, хотела успеть вернуться до отплытия.

— Уходите, — резко сказала Аделина. — Ждите у кареты. Я сделаю распоряжения и позову вас.

Мэнселл быстро кивнул и вышел, унося из комнаты жалкие остатки тепла.

— Что с ребенком? — промямлил Лайнус.

Аделина, не обращая на него внимания, лихорадочно искала решение. Разумеется, никто из слуг не должен знать. Пусть считают, что Элиза уехала из Чёренгорба, когда узнала, что Роза и Натаниэль собираются в Нью-Йорк. Слава богу, девчонка часто говорила о своем желании путешествовать.

— Что с ребенком? — повторил Лайнус. Его пальцы дрожали на воротничке. — Мэнселл должен найти ее, найти корабль. Мы должны ее вернуть, девочку надо найти.

Аделина окинула взглядом его сжавшееся тело и сглотнула густой комок неприязни.

— Зачем? — спросила она, леденя. — Зачем ее искать? Кто она нам? — Аделина говорила тихо, наклонясь ближе к мужу. — Разве не понимаешь? Мы освободились.

— Она — наша внучка.

— Она не нашей крови.

— Моей.

Аделина пропустила мимо ушей бесцветное возражение Лайнуса. Не время для подобной сентиментальности. Не теперь, когда они наконец почувствовали себя в безопасности. Леди Мунтраше повернулась на каблуках и принялась расхаживать по ковру.

— Скажем людям, что ребенок нашелся, но тут же подхватил скарлатину. Вопросов не возникнет, все и так считают, что девочка болеет и лежит в постели. Слугам сообщим, что я одна буду ухаживать за ней, что так хотела бы Роза. Через некоторое время, когда все признают, что мы должным образом боролись с болезнью, устроим похороны.

Хотя Айвори похоронят как любимую внучку, Аделина должна проследить, чтобы от Элизы избавились быстро и незаметно. Ей нечего делать на семейном кладбище, об этом не может быть и речи. Святая земля, в которой покоится Роза, не должна быть осквернена.

Девчонку надо похоронить там, где ее никто не найдет. Куда никому

даже в голову не придет заглянуть.

На следующее утро Аделина приказала Дэвису провести ее через лабиринт. Гадкое сырое место. Запах заплесневелого подлеска, который никогда не видел солнца, давил на Аделину со всех сторон. Ее черные траурные юбки шелестели по рыхлой земле, упавшие листья цеплялись за подол, как шипы. Подобно огромной черной птице, Аделина топорщила перья, чтобы отогнать ледяную зиму, пришедшую со смертью Розы.

Когда они наконец дошли до тайного сада, Аделина оставила Дэвиса и поспешила по узкой дорожке. Стайки крохотных птиц взмывали в воздух, когда она проносилась мимо, и рассерженно щебетали, покидая укрытия. Аделина шла так быстро, как только позволяло достоинство, стремясь поскорее избавиться от зачарованного места с его жарким плодородным запахом, от которого у нее кружилась голова.

В дальнем конце сада Аделина остановилась.

Именно на это она и надеялась. Ее губы растянулись в злой усмешке.

Аделина холодно вздрогнула и резко повернулась на каблуках.

— Я видела достаточно, — сказала она. — Моя внучка серьезно больна, необходимо вернуться в дом.

Дэвис задержал взгляд на долю секунды дольше, чем положено, и тревога пробежала по ее спине. Аделина подавила ее. Да что садовник может знать об обмане, который она замышляет?

— Отведи меня обратно.

Аделина следовала за большим и неуклюжим телом Дэвиса, чуть приотстав. Руку она держала в кармане платья и через равные промежутки бросала на землю осколки кремня из коллекции Айвори, которая хранилась в небольшой банке в детской.

День медленно завершился, потянулись бесконечные вечерние часы, и наконец настала полночь. Аделина встала с кровати, надела платье и зашнуровала ботинки. Она на цыпочках прокралась по коридору и спустилась вниз по лестнице, в ночь.

Луна была полной. Аделина быстро шла по открытой лужайке, держась в тени деревьев и кустов. Ворота лабиринта были закрыты, но Аделина отперла их. Она скользнула внутрь и улыбнулась, когда увидела первый камешек, сверкающий, как серебро.

Он шла от кремня к кремню, пока наконец не достигла вторых ворот — входа в тайный сад.

Сад гудел внутри высоких каменных стен. Лунный свет превратил

листья в серебро, и ветры, перешептываясь, легонько звенели ими, точно кусочками тонкого металла. Казалось, словно дрожит струна арфы.

Аделину охватило странное чувство, будто за ней кто-то безмолвно наблюдает. Она оглядела выбеленный луной пейзаж и затаила дыхание, заметив пару огромных глаз в развилке соседнего дерева. Мгновение — и ее сознание ответило ей: перья совы, ее округлые тело и голова, острый клюв.

И все же Аделине не стало намного легче. Во взгляде птицы было нечто странное, словно ее глаза следили и судили.

Аделина отвернулась, отказываясь наделить простую птицу властью и возможностью тревожить ее.

От коттеджа донесся шум. Аделина припала к земле у садовой скамейки, наблюдая появление двух окутанных темнотой фигур. Она ждала Мэнселла, но кого он притащил с собой?

Фигуры шли медленно, между ними висело нечто крупное. Они положили сверток по другую сторону стены, затем один из мужчин перешагнул через яму в тайный сад.

Раздалось шипение — Мэнселл чиркнул спичкой, — затем вспыхнул теплый свет: оранжевая сердцевина и голубой ореол. Он протянул спичку к фитилю фонаря, повернул ручку, и взметнулось пламя.

Аделина выпрямилась и подошла.

— Добрый вечер, леди Мунтраше, — произнес Мэнселл.

Она указала на второго мужчину и ледяным голосом спросила:

— Кто это?

— Слокомб, — ответил Мэнселл. — Мой кучер.

— Зачем он здесь?

— Утес крутой, а сверток тяжелый. — Мэнселл моргнул, пламя фонаря отразилось в стекле его пенсне. — Ему можно верить, он не проболтается.

Детектив махнул фонарем в сторону и осветил низ лица Слокомба, открыв совершенно обезображенную нижнюю челюсть, наросты и рябую кожу на месте рта.

Когда они начали копать, углубляя яму, которую уже вырыли рабочие, внимание Аделины переключилось на темный сверток на земле под яблоней. Наконец-то девчонка будет предана земле. Исчезнет, всеми забытая, словно никогда и не существовала. Со временем людям станет казаться, что ее и не было.

Аделина закрыла глаза, отстраняясь от шума гадких птиц, которые принялись оживленно щебетать, и от листьев, которые назойливо

шелестели. Вместо них она прислушалась к благословенному шороху рыхлой земли, падавшей на твердую поверхность вниз. Скоро все кончится. Девчонки больше нет, и Аделина может дышать спокойно...

Воздух шевельнулся и обдал лицо холодом. Аделина открыла глаза.

Темная тень неслась к ней, приближаясь к ее голове.

Птица? Летучая мышь?

Черные крылья молотили по ночному небу. Аделина отпрянула и оступилась.

Она почувствовала внезапный укол, и ее кровь заледенела, потом закипела, потом вновь заледенела. Когда сова скрылась за стеной, у Аделины пульсировала ладонь.

Должно быть, она вскрикнула, поскольку Мэнселл перестал копать и поднес к ней фонарь. В пляшущем желтом свете Аделина увидела, что длинная колючая ветка розы вырвалась из клумбы и вцепилась в нее. Толстый шип воткнулся в ладонь.

Свободной рукой она выдернула шип из кожи. На поверхности появилась бусинка крови, идеальная блестящая капля.

Аделина вынула платок из рукава и прижала его к ранке, глядя, как расплывается алое пятно.

Всего лишь укол розы. Неважно, что ее кровь застыла в жилах, ранка затянется, и все будет хорошо.

Но этот розовый куст вырвут первым, когда Аделина прикажет уничтожить сад.

Ему нечего делать в Чёренгорбе.

Глава 51

Тредженна, Корнуолл, 2005 год

Кассандра глядела в глубокую яму, могилу Элизы, и испытывала странное спокойствие. словно с этим открытием сад испустил вздох облегчения: птицы притихли, листья перестали шелестеть, исчезло непонятное беспокойство. Давно забытый секрет, который сад был вынужден хранить, явился на свет.

словно издалека, раздался тихий голос Кристиана:

— Не хочешь открыть?

В руках Кассандры был тяжелый горшочек. Она провела пальцами по старому воску, который запечатывал горлышко, взглянула на Кристиана, и тот ободряюще кивнул. Кассандра нажала и повернула, ломая печать, чтобы приподнять крышку.

Внутри были три предмета: кожаный мешочек, прядь золотисторыжих волос и брошь.

В кожаном мешочке было пять старых монет, грязных медяков. На них угадывался знакомый профиль женщины, укутанной в мантию, с двойным подбородком, — королевы Виктории. Монеты были отчеканены с тысяча восемьсот девяносто седьмого по тысяча девятисотый.

Прядь волос была перевязана бечевкой и свернута, точно кожа змеи, так, чтобы поместиться в горшочек. Годы заключения сделали их гладкими, мягкими и очень тонкими. Кассандра задумалась, кому они принадлежали, а затем вспомнила запись в одном из первых альбомов Розы, оставленную, когда Элиза только переехала в Чёренгорб, длинную нудную жалобу на маленькую девочку «немногим лучше дикарки». Девочку, у которой волосы были острижены коротко и неровно, как у мальчика.

Брошь Кассандра оставила напоследок. Она была круглой и уютно покоилась в ладони. Ободок был узорчатым, украшенным драгоценными камнями, а в середине красовалось плетение, немного похожее на гобелен.

Но это был не гобелен. Кассандра достаточно долго проработала с антиквариатом, чтобы знать, что это. Она перевернула брошь и провела кончиком пальца по гравировке. Крошечные буквы складывались в слова: «Джорджиане Мунтраше на шестнадцатилетие. Прошое. Будущее. Семья».

Вот оно. Сокровище, за которым Элиза вернулась в дом Суинделлов, ценой которого стало столкновение с незнакомцем. Столкновение, помешавшее ей бежать в Австралию. Глиняный горшочек, из-за которого разлучились Элиза и Айвори, из-за которого все произошло и Айвори стала Нелл.

— Что это?

Кассандра взглянула на Кристиана.

— Брошь утрат.

Он нахмурился.

— В Викторианскую эпоху их плели из волос членов семьи. Эта принадлежала Джорджиане Мунтраше, матери Элизы.

Кристиан медленно кивнул.

— Теперь понятно, почему брошь была так важна для нее. Почему Элиза отправилась за ней.

— И почему не вернулась на корабль. — Кассандра смотрела на сокровища Элизы, лежавшие у нее на коленях. — Жаль, Нелл их не нашла. Она всегда чувствовала себя брошенной. Даже не догадывалась, что Элиза была ее матерью, горячо любила ее. Бабушка хотела узнать только одно: кем она была на самом деле.

— Но она знала, кем была, — возразил Кристиан. — Она была Нелл, бабушкой Кассандры, которая любила ее так сильно, что пересекла океан, пытаясь разгадать ее тайну.

— Она не видит меня в этом саду.

— Откуда ты знаешь, что она видит, а что — нет? Возможно, она наблюдает за тобой прямо сейчас. — Кристиан поднял брови. — В любом случае, она знала, что ты сюда поедешь. Зачем бы еще она оставила тебе коттедж? А та пометка в завещании! Что в ней говорилось?

Какой странной тогда казалась эта пометка, как мало у Кассандры было сведений, когда Бен впервые показал ее. «Кассандре, которая поймет почему».

— И ты поняла?

Конечно поняла. Нелл, которая так отчаянно стремилась встретиться со своим прошлым, чтобы двигаться дальше, увидела в Кассандре родственную душу. Таковую же жертву обстоятельств.

— Бабушка была уверена, что я поеду сюда.

Кристиан кивал.

— Она была уверена, что ты любишь ее и закончишь то, что она начала. Как в «Глазах старухи», где олень говорит принцессе, что старухе не нужны были глаза, она и без них знала, кто она, благодаря любви принцессы.

Глаза Кассандры защипало.

— Олень был очень мудр.

— А также красив и смел.

Она невольно улыбнулась.

— Итак, мы разгадали, кто был матерью Нелл, почему она оказалась одна на корабле и что случилось с Элизой.

Кассандра разгадала и то, почему сад был так важен для нее, почему ей казалось, словно собственные корни проникают в его землю, все глубже и глубже с каждым мгновением, проведенным в его стенах. В саду она была дома, потому что неким необъяснимым образом Нелл тоже была здесь. Как и Элиза. И она, Кассандра, была хранительницей тайн обеих.

Кристиан словно прочел ее мысли.

— Ну как, — спросил он, — все еще собираешься его продавать?

Кассандра смотрела, как дождем осыпаются желтые листья.

— Вообще-то я думала, может, еще здесь пожить?

— В гостинице?

— Нет, в коттедже.

— Тебе не будет одиноко?

Это совсем не походило на нее, но в тот миг Кассандра открыла рот и произнесла именно то, что чувствовала, не оставляя времени для размышлений и беспокойства.

— Не думаю, что я буду одинока. Не всегда. — Она ощутила неизбежное приближение румянца и поспешно продолжила: — Я хочу закончить то, что мы начали.

Он поднял брови.

Румянец наконец окрасил ее щеки.

— Здесь. В смысле, в саду.

— Я понял.

Его взгляд задержался на ее глазах, затем быстро упал на губы. Сердце Кассандры бешено забилося. Кристиан отбросил лопату и потянулся к ее щеке. Он наклонился, и она закрыла глаза. Из груди Кассандры вырвался вздох, полный тяжести томительных лет. Когда Кристиан поцеловал ее, Кассандру поразила его близость, его надежность, его запах. Он пах садом,

землей и солнцем.

Кассандра открыла глаза и поняла, что плачет. Но она не испытывала грусти, она плакала оттого, что нашлась, вернулась домой после долгого отсутствия. Она крепче сжала брошь. Прошлое. Будущее. Семья. Ее собственное прошлое было полно воспоминаний, было целым миром чудесных, драгоценных, печальных воспоминаний. Десять лет она бродила среди них, спала с ними, жила с ними. Но что-то изменилось, она изменилась. Она приехала в Корнуолл, чтобы открыть тайну прошлого Нелл, найти ее семью, но неожиданно нашла свое будущее. Здесь, в прекрасном саду, который создала Элиза и вернула Нелл, Кассандра нашла себя.

Кристиан погладил ее по волосам и взглянул в лицо с такой уверенностью, что она затрепетала.

— Я ждал тебя, — наконец сказал он.

Кассандра взяла его за руку. Она тоже ждала его.

Эпилог

Больница «Гринслоупс», Брисбен, 2005 год

Прохлада на веках покалывает, будто крошечные ножки, муравьиные лапки ходят туда-сюда.

Послышался голос, слава богу, знакомый.

— Я позову медсестру...

— Нет! — Нелл по-прежнему ничего не видела, хватаясь за все вокруг. — Не бросай меня!

Ее лицо было мокрым и холодным из-за кондиционированного воздуха.

— Все хорошо, бабушка. Я схожу за помощью. Я скоро вернусь, обещаю.

Бабушка. Вот она кто, теперь она вспомнила. У нее в жизни было много имен, так много, что несколько она забыла, но лишь когда приобрела последнее, бабушка, узнала, кто она на самом деле.

Второй шанс, благословение, спасительница. Ее внучка. И сейчас Кассандра пошла за помощью.

Глаза Нелл закрылись. Она снова была на корабле, чувствовала воду внизу. Палуба раскачивалась под ногами. Бочки, солнечный свет, пыль. Далекий смех.

Все блекло. Огни гасли. Тускнели, как в театре «Плаза» перед показом. Зрители ерзали на сиденьях, перешептывались, ждали...

Мрак.

Безмолвие.

Она перенеслась в какое-то иное место, холодное и темное.

Одна. Острые предметы, ветки. словно с обеих сторон сжимаются высокие темные стены. Свет вернулся, не много, но достаточно, чтобы вытянуть шею и увидеть далекое небо.

Ее ноги двигались. Она шла, касаясь раскинутыми руками листьев и

кончиков веток.

Она повернула за угол. Снова стены из листьев. Запах земли, густой и влажный.

Внезапно она осознала. Явилось слово, старое и знакомое. Лабиринт. Она в лабиринте.

Вспыхнуло немедленное и безоговорочное понимание: в конце лабиринта — самое чудесное место на свете. Ей надо туда. Там она отдохнет и побудет в безопасности.

Она дошла до развилки. Снова повернула.

Она знала дорогу, помнила, так как уже была здесь. Она двигалась быстрее. Необходимость и уверенность толкали ее в спину. Она должна дойти до конца.

Свет впереди. Она почти у цели. Еще чуть-чуть.

Внезапно из тени на свет вышла женщина. Сочинительница протянула руку. Послышался серебристый голос:

— Я ждала тебя.

Сочинительница шагнула в сторону, и Нелл увидела, что стоит у ворот. Конец лабиринта.

— Где я?

— Ты дома.

Глубоко вздохнув, Нелл переступила порог и последовала за Сочинительницей в самый прекрасный сад на свете.

* * *

Дверца клетки распахнулась. Чары злой королевы пали, и молодая женщина, которую жестокие обстоятельства заключили в тело птицы, вырвалась из клетки. Кукушка падала, падала, падала, пока наконец ее неразвитые крылья не раскрылись и она не обнаружила, что умеет летать. Прохладный морской бриз родины помогал ей, глядя изнанку крыльев. Она взмыла с края утеса и полетела через океан. К новой земле надежды и свободы, к новой жизни. К своей второй половине. Домой.

Из «Полета кукушки» Элизы Мейкпис

notes

Примечания

1

Доброго пути (фр.).

«Каунтдаун» — популярное австралийское музыкальное телешоу 1970-80-х гг.

«Зачарованный лес» — первая из серии книг английской писательницы Энид Блайтон (1897–1968) о волшебном Тридевятиом дереве. «Тайна „Вершины контрабандиста“» (1945) — книга того же автора из серии детских детективов о Великолепной пятерке.

Фронтиспис — страница с изображением, образующая разворот с лицевой страницей титульного листа, и само это изображение.

Чешуйницы — бескрылые насекомые, живущие во влажных темных местах, питаются, в частности, бумагой и книжными переплетами.

Кресло скваттера (*австрал.*) — обтянутое полотном кресло с широкими подлокотниками и площадкой для ног.

«Ласточкин хвост» и прямой призматический вруб — виды соединений деталей.

Просцениум — часть сцены, выступающая в сторону зрительного зала и расположенная перед занавесом.

Эдуард VII (1841–1910) — король Великобритании и Ирландии, вступил на престол в 1901 г.

Бёрдсли Обри (1872–1898) — английский график, наиболее известен как иллюстратор книг Оскара Уайльда.

Шалашник — австралийская птица из отряда воробьиных. Токующие самцы строят из веток беседку для спаривания, украшают площадку перед ней раковинами, цветами и другими яркими предметами.

См.: *Коллинз Томас Р.* Эскизы прошлого («Гамильтон Хадсон», 1959);
Койт Реджинальд. Знаменитые иллюстраторы («Уиклиф пресс», 1964).
(Прим. автора.)

«Линкольновский инн» — одна из четырех английских школ подготовки барристеров, адвокатов, имеющих право выступать в высших судах.

«Карлуччос» — английская сеть итальянских кафе, ресторанов и магазинов.

«Конюшни» — старые конюшни, особенно в Лондоне, в настоящее время перестроенные под жилье и гаражи.

Поттер Беатрис (1866–1943) — английская детская писательница и художник, автор книг «Кролик Питер и другие истории», «Ухти-Тухти» и др.

Кокни — пренебрежительно-насмешливое прозвище уроженца Лондона из средних и низших слоев населения.

Петарды — сигнальные разрывные снаряды, которые устанавливаются на рельсах перед опасным местом для немедленной остановки поезда.

Солиситор — в Великобритании категория адвокатов, специализирующихся на самостоятельном ведении дел в магистратских судах графств и городов-графств и на подготовке материалов для адвокатов более высокого ранга.

Тамар — река на границе графств Девоншир и Корнуолл.

Ветроуказатель — усеченный конус из ткани на шесте, свободно вращающийся вокруг вертикальной оси, используется для определения локального направления ветра.

Морские желуди — усоногие рачки, тело которых покрыто известковым панцирем и лепится к камням.

Меггендорфер Лотар (1847–1925) — немецкий иллюстратор и писатель, родоначальник игровой книги-трансформера.

В месте расположения (*лат.*).

У. Шекспир. Макбет. Перевод М. Лозинского:

Макбет

А вдруг нам не удастся?

Леди Макбет

Нам? Натяни решимость на колки,
И все удастся.

Сарджент Джон Сингер (1856–1925) — американский художник, мастер светского портрета. Портрет «Сестры Уиндхем» был написан в 1899 году.

Полуторогодовалый сын Чарльза Линдберга был похищен 1 марта 1932 года. Ко времени передачи назначенного выкупа ребенок был уже мертв. Дело Линдберга стало одним из самых сенсационных преступлений в истории США.

Теннисон А. Волшебница Шалот. Перевод К. Бальмонта. В поэме рассказывается история девушки, которой проклятие запрещает покидать башню на острове Шалот недалеко от Камелота и даже смотреть из окна. Единственная ее отрада — зеркало, в котором отражается окружающий мир.

Корги — порода декоративных собак.

Милли Тиль — героиня романа Генри Джеймса «Крылья голубки» (1902), смертельно больная американская наследница.

Теннисон А. Улисс. Перевод И. Манделя:

Как скучно было бы остановиться,
Ржавая в ножнах, не блеснуть при деле!

Битон Изабелла Мэри (1836–1865) — автор «Книги по домоводству госпожи Битон».

Бейллиол-колледж (осн. в 1263 г.) — один из наиболее известных колледжей Оксфордского университета.

«Кунард» — британская судоходная компания, осуществляющая трансатлантические рейсы с 1840 года.

«Голубая лента Атлантики» — переходящий приз, присуждаемый пассажирским пароходам за рекорд скорости при пересечении Атлантики.

Сравн.: «Британцы никогда не станут рабами» («Правь, Британия!»).

Шираз — австралийское название красного винограда сорта Сира и изготавливаемых из него вин.

Роман Томаса Харди.

Полперро — рыбацкая деревушка на южно-восточном побережье Корнуолла.

«Маленький лорд Фаунтлерой» (1886) — детский роман англо-американской писательницы Фрэнсис Элизы Бернетт, в девичестве Ходжсон (1849–1924). Другим известным произведением Фрэнсис Бернетт является «Таинственный сад» (1909).

«Брауни» — культовая серия простых и недорогих фотокамер. Первая «Брауни» была выпущена в 1900 году.

Мария фон Трапп — героиня мюзикла «Звуки музыки». После аншлюса бежит вместе с семьей через горы в нейтральную Швейцарию.

«Волшебник страны Оз» — сказка американского писателя Лайма Рэнка Баума, вышедшая в 1900 г.

Капитан Ахав — герой романа Германа Мелвилла «Моби Дик» (1851), одержимый идеей убить гигантского белого кита.

«Кармания» — трансатлантический пассажирский лайнер компании «Кунард лайн».